

Валерий ВЫЖУТОВИЧ

Юрий Пивоваров
Леонтий Бызов
Валерий Гарбузов
Геннадий Бордюгов
Валерий Федоров
Алексей Козырев
Андрей Сорокин
Михаил Таратута
Валерий Керов
Александр Аузан
Юрий Рубинский
Максим Буев
Симон Кордонский
Александр Кушнер
Николай Досталь
Александр Казаков
Марина Каменева
Александр Вислый
Максим Мошков
Владимир Мартынов
Юлий Ким
Сергей Мирошниченко
Сергей Савельев
Татьяна Черниговская
Дмитрий Бак
Владимир Рецепттер
Илья Доронченков
Эдуард Бояков

Дмитрий Бертман
Андрей Ястребов
Лев Аннинский
Елена Новоселова
Елена Станковская
Лилия Овчарова
Руслан Гринберг
Андрей Овчинников
Ирина Тартаковская
Марина Ермолаева
Алексей Маслов
Юрий Бузиашвили
Людмила Булавка–
Бузгалина
Александр Шаравин
Ольга Мельникова
Екатерина Богомолова
Ирина Прохорова
Иван Замощанский
Александр Васильев
Марк Урнов
Игорь Артюхов
Александр Сигов
Игорь Барциц
Анатолий Вишневский
Евгений Александров
Гасан Гусейнов
Евгений Водолазкин

Валерий ВЫЖУТОВИЧ

ДРУГОЙ разговор

диалоги с умными людьми

Москва
АИРО-XXI
2018

УДК [32+070](035)
ББК 66я2+76.01я2
В92

Художественное оформление
Е. Шурлаповой, А. Мусина

*Автор благодарит
А. Пржевальскую и Е. Яковец
за организационную поддержку*

Выжутович В.В.

Другой разговор: диалоги с умными людьми /

Предисловие А. Архангельского. М.: АИРО-XXI, 2018. 476 с.

ISBN 978-5-91022-382-4

- В92** Новая книга публициста Валерия Выжутовича – о том, как давит на людей груз расхожих истин. Собеседники автора – известные экономисты, историки, философы, деятели культуры. Их профессиональный и человеческий опыт в чем-то опровергает, наполняет нюансами или как минимум делает более диалектичными массовые представления о том, что происходит сегодня с нашим обществом. Отсюда название книги – «Другой разговор». Он «другой» по отношению к пропагандистским установкам, укоренившимся стереотипам, распространенным заблуждениям. Там, где уверенное в своей нерассуждающей правоте большинство ставит безапелляционную точку, герои книги водружают вопросительный знак, подвергая сомнению расхожие истины.

УДК [32+070](035)
ББК 66я2+76.01я2

ISBN 978-5-91022-382-4

© В.В. Выжутович, 2018
© Е.Ю. Шурлапова, А.Я. Мусин, 2018
© Издательство АИРО-XXI, 2018

Собеседник: дорогами Пьера Менара

Интервьюер — профессия штучная. Он не просто «вытягивает» из собеседника мысли, заставляет его раскрыться перед публикой или резко ставит в тупик. Он *через* собеседника, его устами говорит с людьми. Я не имею в виду, что интервьюер навязывает собеседнику свои идеи, использует его в качестве рупора. Так профессионал не поступает. Но в конечном счете интервью — это *его* высказывание. Оно проявляется в интонации, формулировке вопросов, в построении текста. Так режиссер «актерского» театра работает с артистом. Не выпячивая себя, живя при тексте драматурга и при игре исполнителя. Но через них, на основе созданного ими — ведя свой диалог со зрителем.

Тут вспоминается герой новеллы Борхеса «Пьер Менар, автор «Дон Кихота», который ставит перед собой непосильную задачу. Он хочет написать сервантовского «Дон Кихота» теми же *самыми* словами и получить в итоге *другое* произведение. Другое — потому что меняется время, меняются люди, а в итоге меняется изначальный смысл старых слов. В них не только проявляется спрятанное автором, зашифрованное содержание, но и рождается новое. Время продолжает говорить устами автора.

Нет ничего более сложного, чем замысел Пьера Менара. Нет ничего более сложного, чем работа интервьюера. Нужно избежать множества соблазнов: не подмять под себя собеседника и не раствориться в нем без остатка, сыграть подчиненную роль и быть на самом деле сценаристом и продюсером беседы. А если журналист еще и держит в голове обширный замысел, намереваясь через годы собрать эти интервью в книгу, задача его становится почти неисполнимой. Необходимо выбирать такие темы, чтобы они цепляли читателя газеты и/или журнала и при этом не «сгорали» через день, неделю, год. Необходимо

искать таких собеседников, которые сейчас на пике, но не потеряют значимости завтра, останутся интересны публике. Необходимо выводить беседу на существенное обобщение, однако не допуская занудства.

Поэтому книги *избранных интервью* так редки. Их можно пересчитать по пальцам. В каждую эпоху, в любом поколении. А Валерий Выжutowич выпускает далеко не первое собрание своих диалогов. Он не просто признанный мастер жанра и не просто мыслит драматургически, выстраивая интервью как некое интеллектуальное действие. Он, говоря профессиональным языком, тянет линию, выкладывает из множества осколков цельную мозаику. Он говорит с читателем, а не просто «поставляет» ему собеседников.

Поэтому новая его книга — это тоже высказывание. О границах свободы и драме «особого пути». О судьбе библиотек и о судьбе империй. Об одиночестве и социальной группе. В конечном счете, о том, как жить. Не случайно заголовки бесед всегда завершаются знаком вопроса. Это позиция автора, в каком-то смысле противопоставленная позиции героя. Публичные люди (с другими разговаривать бессмысленно) всегда норовят объяснить, как надо; интервьюер неизбежно подводит читателя к необходимости сомнения. Даже если герой разговора Выжutowичу близок, он все равно слушает его с сочувственным скепсисом: так ли? то ли? затем ли? Только так можно разговаривать на равных с противником политкорректности — и носителем ее идеалов, сторонником технологического переоборудования главной библиотеки страны и поэтом, чьи образы подсказаны пушкинским XIX веком, или с писателем, чья проза растет из древнерусской корневой системы.

В результате получается именно книга. Сложная, противоречивая, цельная. Автор ее — Выжutowич, а не Юрий Пивоваров, Симон Кордонский, Гасан Гусейнов или Лев Аннинский. Пьер Менар написал «Дон Кихота». Это их слова. Это его текст.

Александр Архангельский

От автора

Есть вещи, которые на первый взгляд кажутся очевидными. Старость не радость. Не в деньгах счастье. Гений и злодейство несовместны. Все как будто бы так. Но начнешь разбираться...

Я не задумывал эту книгу как собрание особых мнений, нарочито отличных от тех, что сегодня находятся в массовом обращении. Говорю «массовом», имея в виду ходовые сентенции как житейского («слезами горю не поможешь», «в здоровом теле здоровый дух»), так и общественно-политического («у России особый путь», «нам не нужны европейские ценности») свойства. Собеседников, думающих иначе, чем ныне думает (или приучено думать) российское большинство, я тоже специально не выбирал. Все получалось естественным образом. Я приходил брать интервью у людей, чья точка зрения на события и явления нашей жизни представлялась мне интересной и заслуживающей общественного внимания. Среди интервьюируемых были известные экономисты, историки, философы, деятели культуры. И как-то так выходило, что, размышляя об отечественных реалиях, мои собеседники вступали в нечаянную полемику с главным в наших широтах носителем абсолютной истины, имя которому телевизор. И у нас получался ДРУГОЙ разговор. Другой — по отношению к пропагандистским установкам, укоренившимся стереотипам, распространенным заблуждениям. Отсюда и название книги.

Не знаю, как, не впадая в упрощение, неизбежное при использовании плоских ярлыков типа «либералы» и «консерваторы», «промаркировать» Льва Аннинского и Николая Достая, Ирину Прохорову и Руслана Гринберга, Евгения Водолазкина и Юрия Пивоварова, и других героев книги. Пожалуй, подойдет — «критически мыслящая интеллигенция». Обладатели независимого взгляда. Трезвые комментаторы происходящего. В наступившие времена

ползучей фундаментализации всех сфер общественной и культурной жизни, времена директивного патриотизма, неумолчных рассуждений о национальных интересах и моды на «позитивность» присутствие таких людей в публичном пространстве, хотя и ограниченном отдельными радиостанциями и газетами, восполняет в атмосфере страны, все более пропитываемой абсурдом, дефицит здравого смысла.

Своими суждениями о важных вещах герои книги никому и ничему не бросают вызов, просто спокойно высказываются. И, уж само собой, никакие они не оппозиционеры. Все ровно наоборот: это к ним оппозиция. Агрессивная оппозиция в лице всяческих неугомонных «активистов», вторгающихся со своими уставами в чужие монастыри и стремящихся всюду навести свои порядки. Обычное дело. Глупость всегда в оппозиции к уму, пропагандистские мантры — к свободной мысли, мракобесие — к просветительству.

Я говорю спасибо умным моим собеседникам. Их профессиональный и человеческий опыт в чем-то опровергает, наполняет нюансами или как минимум делает более диалектичными массовые представления о сущем. Там, где уверенное в своей нерассуждающей правоте большинство ставит безапелляционную точку, они водружают вопросительный знак, подвергая сомнению расхожие истины.

Чем больше свободы,
тем меньше порядка

России нужна
государственная
идеология

Доносительство —
гражданский долг

Русские и американцы
никогда не поймут
друг друга

У нас несословное
общество

Политика и мораль
несовместимы

Пропаганда — атрибут
любого государства

У России особый путь?

Диалог с академиком РАН Юрием Пивоваровым

Слушая наших политиков, рассуждающих о том, куда должна идти Россия, невольно проникаешь ощущением исторического перепутья. Между тем страна как-то живет, за почти тридцать лет после распада СССР в ней произошли и продолжают происходить серьезные перемены. Так, может, пора завершить вековечную эту дискуссию о выборе пути? Или как минимум прекратить разговоры о каком-то особом пути для России?

Пушкин не вписывался в уваровскую триаду

— Владимир Путин обнаружил в современном российском обществе «дефицит духовных скреп». В советские времена такие скрепы были, на ваш взгляд?

— С формальной точки зрения были. И назывались они — марксистско-ленинская идеология. Но ни офицер госбезопасности Путин, ни научный сотрудник Пивоваров, ни журналист Выжutowич — все трое люди одного поколения — всерьез в это не верили. Поэтому говорить, будто раньше было нечто, скреплявшее нацию, я бы не стал.

— А общий враг?

— К восьмидесятым годам никто из образованных, думающих людей не верил, что страна — в кольце врагов. Другое дело, что большинство играло в эти игры. Но вообще-то мне кажется, что забота о духовном здоровье нации не относится к компетенции государства. Для этого есть общественные организации, Церковь в конце концов. Ну какие духовные скрепы? Мы — страна по большей части христианского, по меньшей — мусульманского мира, остальные конфессии представлены несколько слабее. Но в принципе-то почему государство должно этим заниматься? Конечно-

но, президент может выражать беспокойство по поводу морально-го состояния общества. Но что из этого следует? Министерство культуры получит задание какую-то духовную скрепу создать? Или Церкви это будет поручено? Понимаете, мне не совсем ясно, к чему этот разговор.

— *Хотите вы того или нет, но некая общая идеология, претендующая называться государственной, в сегодняшней России появилась. Это патриотизм.*

— Не может быть государственной идеологии. Конституцией запрещено. Когда Николай I заказал графу Уварову государственную идеологию и тот изобрел знаменитую триаду «православие, самодержавие, народность», ничего хорошего русской культуре это не принесло. Пушкин не вписывался в уваровскую триаду. Глинка, Брюллов, Лермонтов тоже в нее не вмещались. Словом, здесь надо быть осторожным. Это очень деликатная сфера.

Как можно национальное духовное богатство свести к одной идее?

— *Как бы то ни было, сегодня в нации нет единения. Наоборот, все глубже линии раскола — между обществом и властью, бедными и богатыми, верующими и неверующими. Солженицын считал, что это все имеет исторические корни. Что без церковного раскола в XVII веке не было бы трагедии в 1917 году. И что раскол русского народа, случившийся более трехсот лет назад, дал третины, дошедшие до наших дней. Вы того же мнения?*

— На мой взгляд, настоящий, серьезный раскол возник в России после реформ Петра Великого. Тогда Россия раскололась на европеизированную и традиционалистскую. Бердяев еще задолго до революции предупреждал, что размежевание на эти две России — бомба с часовым механизмом, которая в какой-то момент сработает. Хотя это и до Бердяева многим было ясно. В советский период европеизированная часть общества была уничтожена либо вышвырнута за границу. Но некий раскол и сегодня заметен. Есть современные западники и современные славянофилы.

— *В таком случае что понимать под словами «русская нация»?*

— Когда простые люди у нас говорят про нацию, они имеют в виду пятую графу в паспорте. Да, нация связана с этносом, но

не равна ему. Русская нация — это гражданство. Это все те, кто говорит и думает по-русски. И если уж речь идет о скрепах, то они имеются. Это русская культура. Русская история. Русские природно-климатические условия. Русский тип хозяйствования. Отчасти и русское политическое устройство. Общая память. Общие трагедии. То есть масса вещей. А до революции такой стяжкой была религия. Тогда вообще не имело значения, какого ты этноса. Никто не спрашивал, русский ты или татарин. На смену конфессиональному делению пришла марксистско-ленинская идеология, которая на излете советского строя уже никого и ни с кем не скрепляла, и в итоге все рассыпалось. И вот впервые в своей многовековой истории Россия пытается создать общество без какой бы то ни было официальной стяжки. Без нее ведь спокойно обходятся большинство европейских народов. Какая у французов идеология? Какая идеология у немцев или у итальянцев? Конституция. Вот и у нас должно быть так же. Мечтать сегодня о единой духовно скрепляющей — вещь очень опасная.

— *А упорные, неутомимые поиски национальной идеи?*

— Ну, понимаете, это, как говорил Мандельштам: «Давай еще раз поговорим ни о чем». Как можно российское национальное духовное богатство свести к одной идее? И к какой? «Коммунизм — это есть советская власть плюс электрификация всей страны»? У русского мира миллион идей, и все они важны. Эти идеи воплощены в русской культуре, русской литературе, русской мысли, русском искусстве, русской политической, правовой, хозяйственной традиции. Но свести все идейное многообразие к какой-то одной главенствующей идее значило бы обкорнать, обеднить русский мир. Мы это уже проходили.

— *Что такое загадочная русская душа? Она загадочна только для чужестранцев? Или русский человек и сам себя понять не в силах?*

— Честно говоря, меня смешит это словосочетание. А польская душа не загадочна? А немецкая? А французская или армянская? Господи, сколько их, этих загадочных душ! Примерно то же касается и хрестоматийного «умом Россию не понять, аршином общим не измерить». Очень красиво сказано. Но если вдуматься... Я всю жизнь работаю в институте, задача которого — анализировать западную общественную науку. И вот многие ученые, в том числе и

я, пришли к выводу, что есть немало категорий и понятий, не применимых к обществу незападного типа. Вот физика — она везде физика. Химия — везде химия. Физиология — везде физиология. А, скажем, экономика, межличностные отношения, стратификация общества — они всюду разнятся. Между тем в мире господствуют западная социология, западное правоведение, западная философия. Потому что именно Запад создал современную социальную науку, и она стала универсальной для всего мира. Что такое социальная наука? Это способ самопознания мира. Но, когда этот способ самопознания переносится на китайское, индийское, арабское или русское общество, он не всегда работает. И в этом смысле «загадочная русская душа», «умом Россию не понять» и прочие поэтические метафоры действительно отражают непостижимость европейцами некоторых наших реалий. Я в своей докторской диссертации исследовал одну из американских концепций с точки зрения того, подходит ли она к анализу русского общества. И пришел к выводу, что не подходит. Причем автор этой концепции, американец, подтвердил: да, не подходит. И признал, что ошибся в универсальности своей модели.

Ленин — большой и ужасный продукт русской культуры

— *Владимир Мединский написал серию книг, развенчивающих мифы о всяческих пороках: лени, пьянстве, воровстве, якобы присущих русскому человеку. Вы тоже считаете, что это мифы?*

— Русским действительно «инкриминируют» несусветное пьянство, особую склонность к воровству и т.п. Но в этих своих проявлениях русские ничем не отличаются от других народов. Мы такие же, как все.

— *Тогда что такое русский национальный характер?*

— Современная наука утверждает, что нигде нет единого национального характера, а в каждом народе есть несколько модальных типов личности. И для общества очень важно, какие модальные типы личности в нем господствуют. Например, часто говорят, что милитаризм и нацизм победили в Германии потому, что там в какой-то момент стал господствовать военно-авторитарный тип личности. А нашей стране немало бед принес ленинский тип личности.

— *Что вы подразумеваете под ленинским типом?*

— Плеханов называл Ленина «гением упрощения». Есть плохие буржуи и хорошие рабочие. Плохие буржуи должны быть уничтожены. Вот и всё. Это упрощение, после которого следует насилие, или, как любил говорить сам вождь мирового пролетариата, «массовидный террор». Но Ленин — это не только упрощение сложного. Это еще и умение нажать на слабое, и эксплуатация болезненного ради достижения каких-то целей. Это отказ от мировой культуры, религии, семьи, частной собственности, государства. Это абсолютно аморальные действия по отношению даже к очень близким людям. В целом это модальный тип личности. Я и в своем поколении, и среди тех, кто моложе, встречал таких «ленинов».

— *Вы считаете, этот тип личности преобладает в России?*

— Этот тип личности нигде не преобладает, но есть он везде. Ленин был человек дьявольской энергии, дьявольской воли. Это большой и ужасный продукт русской культуры. У многих христианских, католических богословов прошлого века фотография Ленина висела в кабинетах, и, когда я спрашивал, зачем, они мне отвечали: «Врага надо знать в лицо». Если Россия хочет окончательно выздороветь, стать нормальной страной, она должна изжить из себя Ленина. Изжить — не значит вычеркнуть из истории. Это фигура грандиозная, страшная, и ее нельзя свести к анекдоту. Я не демонизирую Ленина, но отношусь к нему как к очень серьезной и все еще живой угрозе.

Нам пора уходить от советскости

— *Правильнее всего, наверное, будет сказать, что в современной России доминирует советский тип личности, пресловутый homo soveticus.*

— Да, все мы до сих пор советские люди. Поразительно, но даже родившиеся в конце восьмидесятых — начале девяностых годов, они тоже советские люди. Советский человек — это продукт грандиозной социальной трансформации, которая произошла у нас. Это продукт тех городов, в которых мы живем. Тех домов, которые мы сейчас видим. Это ведь не дореволюционная Россия и не сегодняшняя. Это Россия послевоенная или предвоенная. Советский город — это не город в традиционном смысле. Он по-другому

возник. А советский человек — это человек, которого воспитывали на внерелигиозном отношении к жизни. Это когда не я греховен, не я виноват, а виноваты вредители, империалисты, масоны, инородцы, кто угодно. Советский человек — это человек, глубоко убежденный в своем превосходстве и одновременно глубоко ощущающий свою неполноценность. Я это не понаслышке знаю — я с себя портрет пишу. Я в любом аэропорту мира могу с первого взгляда узнать советского человека, какой бы национальности он ни был. Точно так же и во мне моментально опознают советского, хотя я довольно много жил на Западе. Советский человек — это человек, потерявший даже свою этничность: он уже как бы не русский, не украинец, не узбек... Я не ругаю советского человека. Мы действительно продукт нашего социального развития. Жившие в эмиграции русские, украинцы, татары, евреи — они другие.

— *Есть ли какая-то перспектива у советского человека?*

— Уверен, что нет. Нам пора уходить от советскости. Как представители западного сообщества уходили от своей буржуазности, как передовая российская аристократия — от спеси дворянской, сословных различий, так и нам от нашей советскости надо уходить. Нужен другой тип личности. Личности с религиозным сознанием. Личности более толерантной. Личности более современной. Для советского человека мир делится на «они» и «мы». Советский человек — это стремление что-то решить насильем, а не договоренностью (Ленин ненавидел слово «компромисс»). Советский человек — это: «Кто не с нами, тот против нас». А вот лидер венгерской Компартии Янош Кадар когда-то прекрасно сказал: «Кто не против нас, тот с нами». Что говорить, удалось большевикам вырастить новый тип личности. Наша задача — попытаться его конвертировать в личность европейскую, русскую, всемирную, какую угодно. Мы ничего не добьемся возвращением на старые пути. Самое страшное — это не какой-нибудь там коммунистический реванш, он невозможен. Самое страшное — это признать, что советский тип личности дан нашему народу на вечные времена и что за этим типом будущее.

— *Но он действительно не желает исчезать. Советскость воспроизводится в новых поколениях. Многие из тех, кому сегодня двадцать — двадцать пять, ментально мало отличимы от своих отцов, дедушек-бабушек.*

— Советскость не может не воспроизводиться. Она ведь существовала много десятилетий. Причем людей досоветских быстро не стало: кого поубивали, кто умер сам, кто сбежал за границу... А тех, кто остался, перековали. И чтобы за два десятка лет, прошедших после распада СССР, родился новый тип личности, — об этом даже смешно говорить. Более того, какие-то элементы советского сохраняются на ближайшие десятилетия. Но от худшего, что было в советском, надо уходить.

Говорить о нашей абсолютной особости считаю опасным

— *Должна ли Россия, восприняв западные ценности, интегрироваться в европейскую цивилизацию или у нее и впрямь «особенная статья»?*

— Немцы тоже говорили: «Мы хотим идти своим путем» — и уперлись в национал-социализм. Что же касается России... Да, конечно, у нее особый путь. Как и у Франции, Италии, Польши, Чехии, Великобритании... У каждой страны особый путь.

— *У России он не вообще особый. Он, как нам внушают, особый по отношению к Европе.*

— Мы являемся цивилизацией, которая близка к европейской, имеет с ней общие корни. Но есть и вещи несовпадающие. У нас разные природно-климатические, географические условия, разные социальные институты, разные системы власти... Россию многое отделяет от Европы. Но говорить о нашей абсолютной особости, культивировать эту особость, лелеять ее, я считаю, не следует. Иначе мы рискуем повторить известный немецкий путь. Давайте лучше проникнемся пониманием, что мы включены в глобальный мир, в том числе и западный. Тезис же об особом пути, на мой взгляд, опасен. Он льет воду на мельницу тех, кто не хочет продолжать свое существование в единой семье христианских народов.

— *Недоверие ко всему чуждому — оно в нас тоже от ощущения своей особости, на которую кто-то якобы покушается?*

— Лучше всех сказал об этом Жан Поль Сартр: «Ад — это другие». Вот вам основа ксенофобии, вот природа того социального раздражения, что выражает себя словами: «Понаехали тут». Так ведь говорят не только русские о населяющих ныне Москву выходцах с Кавказа. Так говорят парижане об арабах, берлинцы о

турках... Ксенофобия в той или иной степени свойственна всем народам. В России же она сегодня прогрессирует. Впервые жители мегаполисов, особенно Москвы, столкнулись с таким количеством иммигрантов — людей другого языка, другой культуры. Я сдаю в Московском университете пальто в гардероб, а там таджикские девочки. Я говорю: «Можно повесить зонт?» Смотрят непонимающе, улыбаются. Они не знают слова «зонт». И можно понять коренных москвичей, которым все это кажется диким. В России впервые в таких масштабах происходит столкновение разных этносов, разных духовных культур, разного бытового поведения. И в этом смысле мы должны быть очень деликатны.

Русская революция вырвалась из чернильницы русской литературы

— *Вы где-то однажды сказали, что русская литература виновата во всем дурном, что с нами произошло в XX веке. В чем ее вина?*

— Русская литература — это, на мой взгляд, главное из того, что русская история дала себе и миру. Русская литература сопоставима с живописью Возрождения, со Средневековой теологией, с античной философией. Вся Россия держится на русской литературе, мы — литературоцентричная цивилизация. Но русская интеллектуальная культура XIX — начала XX веков в определенном смысле несет ответственность за то, что в дальнейшем произошло со страной. Например, мой любимый писатель Лев Николаевич Толстой всей силой своего гения подверг жесточайшей атаке институт государства, институт Церкви, институт семьи. Вся русская культура, вовсе к тому не стремясь, создавала некие основы для последующего тотального нигилизма нового поколения по отношению к предыдущей культуре. Большевики пришли и сказали: нет Бога, нет частной собственности, нет государства, нет семьи! Но разве Лев Николаевич не готовил все это в своем величайшем творчестве? Или еще большевики пришли и сказали: у нас будет новый политический порядок, без буржуазного парламентаризма, без народного представительства! А разве это не готовилось заранее в русской политической мысли? Я к тому, что литература, интеллектуальная культура должны быть крайне осторожны в своих

выводах, крайне осмотрительны в своей критике, крайне сдержанны в своем пафосе. Потому что на определенном этапе общество, взращенное на этих идеях, на этом пафосе, на этом воздухе, может свернуть в тупиковую, гибельную сторону, что и произошло в России.

— *Вы считаете, художник обязан просчитывать социальные, политические последствия своих произведений?*

— Не знаю. Но, вне всякого сомнения, большевизм явился «ребенком» русского духовного развития, пусть и «ребенком» незаконным. Томас Манн говорил, что основы будущего национал-социализма зарождались в недрах немецкой культуры, а люди этого не замечали. То же было и в России. Русская революция вырвалась из чернильницы русской литературы. Это не значит, что Достоевский с его «Бесами» и «Дневником писателя» или Толстой с его «Воскресением», «Анной Карениной», «Живым трупом» хотели революции. Но революция случилась. Поэтому в разговорах, научных и литературных сочинениях о русском национальном характере, загадочной русской душе, особом русском пути надо быть очень осторожным.

Чем больше свободы, тем меньше порядка?

Диалог с социологом Леонтием Бызовым

Более 70 процентов россиян готовы отказаться от демократии и от личных свобод ради сохранения порядка в стране. Таков результат опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ). При этом социологи отмечают, что люди хотят не застоя, а «стабильного улучшения жизни». Где кончается порядок и начинается свобода, и наоборот? Возможно ли их взаимное сосуществование в обществе и в душе человека?

В представлении большинства справедливость является частью порядка

— Вас не удивил результат опроса?

— Нисколько. Здесь нет ничего нового. Мы проводили подобные исследования со второй половины 90-х годов, это один из самых устойчивых трендов в современной России.

— Запрос на порядок с отказом от свободы возник не сегодня?

— Он возник в 1998 году, после дефолта. Этот запрос был обращен к власти, и большой популярностью в тот период пользовалось правительство Примакова. Потом так же, с энтузиазмом стали воспринимать первые шаги Путина, особенно связанные с устранением олигархов с политической сцены. Тогда же прекратились задержки зарплат и пенсий, и это тоже воспринималось как восстановление порядка. Запрос на порядок держится уже пятнадцать лет и пока сохраняется.

— Почему сохраняется, если порядок как будто бы наведен?

— Это и удивительно. Политическая жизнь обычно идет по за-

кону маятника, и никакой запрос очень долго не держится, потому что вырастают поколения, которые хотят перемен. Но с запросом на порядок этого не произошло. Скажем, события декабря 2011 года многие социологи, и я в том числе, сначала интерпретировали именно как смену магистрального запроса, как желание перемен. Но нет. Контрзапрос остался уделом маргиналов, а магистральный запрос на порядок никуда не исчез. Причем порядок необходим россиянам обязательно в сочетании со справедливостью. Порядок и справедливость — две главные ценности для наших людей. В представлении большинства справедливость является частью порядка, а порядок, в свою очередь, воспринимается как справедливое эффективное общество, существующее по неизменным, устойчивым правилам.

И свободу, и порядок разные слои общества понимают по-разному

— *Что массовое сознание понимает под порядком?*

— Официальная пропаганда трактует порядок как традиционное для России самовластие. Но нельзя понимание порядка сводить к самовластию. Есть более умеренная трактовка, когда порядок — это просто устойчивые, стабильные правила игры, которые принимаются всем обществом. К консервативному большинству, которое требует порядка, могут быть отнесены не только отсталые слои населения, но и народившийся средний класс. Этот класс совершенно не хочет возвращаться к традиционной морали, диктаторской власти или самодержавию в любой его форме. Он хочет гражданского общества, независимого суда, свободной прессы, реальной политической конкуренции... Запросы среднего класса и отсталых социальных слоев в каком-то сегменте совмещаются, но полностью не совпадают. Этого несовпадения на Западе не видят и говорят: у вас народ такой отсталый, архаичный, он требует порядка, закручивания гаек. Да, часть народа этого требует, но не весь народ.

— *А что такое свобода в массовом понимании?*

— Значительная часть общества видит в свободе негатив, связанный с вольницей и анархией. И это тоже наша историческая традиция — трактовать свободу именно так. При этом власть трак-

туется как регулятор свободы и единственный арбитр в любых конфликтах. У нас люди думают так: я могу делать что хочу, и только сила может меня ограничить. Люди не хотят себя ограничивать, но очень хотят ограничить своего соседа. Почему сильная власть воспринимается позитивно? Потому что она гарантирует защиту от более сильного соседа. Люди инстинктивно тянутся к сильной власти, поскольку никакого другого способа обуздать самоуправство соседа не существует. Но, как и в случае с порядком, в России есть и более современное, европейское понимание свободы, свойственное все тому же среднему классу. Это когда свобода понимается как набор индивидуальных прав, связанных с индивидуальной же ответственностью. Так что слишком преувеличивать наш общественный традиционализм, наверное, не стоит. И свободу, и порядок разные слои общества понимают по-разному.

Это очень опасно, когда традиции умирают, а институты не создаются

— *Почему у нас обязательно «свобода ИЛИ порядок?» Кто так ставит вопрос?*

— После известных событий 2011 года к такой постановке вопроса стала склоняться власть. До этого, особенно до 2008-го, все наши наблюдения показывали, что протестные настроения постепенно сходят на нет, раскол в обществе преодолевается, ультраконсервативные и ультралиберальные фланги остаются без большой общественной поддержки. К тому моменту сформировался некий эклектический, но все же работающий политический центр, в котором свобода и порядок не являлись антагонистичными. И вот в 2011 году что-то сломалось: власть стала использовать этот искусственно создаваемый антагонизм как политтехнологию. Думаю, власть забеспокоилась — потому что на Болотную площадь пришли люди, которые раньше не интересовались политикой и не были замечены ни в какой оппозиционной деятельности. И у власти возникло желание возвести баррикаду между либералами и консерваторами. Сделано это было довольно успешно, чему очень помогла, в частности, история с Pussy Riot, которая поссорила либералов и националистов.

— *В каких обществах свобода и порядок противопоставляются друг другу?*

— Это характерно для переходных обществ, в которых после распада традиционализма не возникают новые современные институты. Наша проблема с ценностями вроде бы решена — по ценностям мы мало чем отличаемся от Европы. А вот институтов, поддерживающих современную систему ценностей, создать пока не удалось. В Европе транзит к современному обществу с эффективно работающими институтами тоже не был спокойным, но в конечном счете он произошел. У нас же традиционализм оказался слишком быстро разрушен. А новые институты рождаются не на пустом месте, они должны вырасти из недр традиционного общества.

— *В европейской традиции свобода когда-нибудь выступала антагонистом порядка?*

— Выступала. Например, Великая французская революция вся зиждется на острейших социальных, идеологических противоречиях. Гитлеризм тоже во многом базировался на том, что Германия очень запоздала в сравнении с ее соседями в формировании современного общества. Германия пережила сильную ломку на той же стадии, на которой и у нас произошла революция. Это очень опасная стадия — когда традиции умирают, а институты не создаются. Именно такую стадию сейчас катастрофически переживает Украина. Наблюдая за украинскими событиями, общественное мнение склоняется к мысли, что Янукович оказался слабым правителем — ему, мол, надо было разогнать всю эту демократию, все эти майданы к чертовой бабушке, а он не решился, и вот что теперь происходит... Люди делают вывод: лучше авторитарный порядок, чем хаос, безвременье и война всех против всех.

— *Откуда взялось стойкое убеждение, что чем больше свободы, тем меньше порядка; что порядок достигается только ограничением свободы?*

— Это один из стереотипов массового сознания, иногда имеющий под собой реальные основания.

— *Вы хотите сказать, что в российской истории случались периоды, когда свободы не было, а порядок при этом был?*

— Да, такие периоды случались, но не были продолжительными. Потому что любой порядок без свободы имеет тенденцию

вырождаться. Возьмем советский период, который многие сейчас любят красить одной краской — либо черной, либо белой. Этот период не был одноцветным. Внутри него происходила смена эпох, совершенно не похожих друг на друга. При этом созданная в 30-е годы машина управления работала, обеспечивала определенный успех даже после смерти своих создателей. Но с начала 70-х советский режим стал выдыхаться. Его историческая исчерпанность привела страну к 90-м годам. Эффективный авторитарный режим может существовать в пределах десяти-пятнадцати лет, а потом он перестает быть эффективным.

— *Что, на ваш взгляд, представлял собой сталинский порядок?*

— Сталинский порядок базировался прежде всего на колоссальной архаичности тогдашнего общества. Оно у нас было на 80 процентов крестьянским, и, уйдя из своих общин, когда этот крестьянский мир стал разрушаться, люди начали массово переселяться в города, при этом сохраняя свою крестьянскую ментальность и крестьянские привычки. Возникло полугородское-полукрестьянское общество, представители которого в бытовом отношении были крайне нетребовательны, были готовы голодать, одеваться как попало, жить по пять семей в одной «коммуналке». Но они были полны огромной социальной энергии. Эту энергию Сталин использовал. И не кто иной, а именно эти люди превратили Сталина в живого бога. Сталинский режим, как к нему ни относиться, был достаточно органичным режимом, потому что пользовался реальной поддержкой общества. Все это продолжалось ровно до той поры, пока не возникло второе, третье поколение горожан, переставших быть носителями крестьянской идеологии. Возникло новое общество, которому уже никакой Сталин и никакой коммунизм оказались не нужны. По крайней мере я не помню, чтобы кто-то в моем поколении интересовался идеями коммунизма больше, чем дефицитными товарами в «комиссионке». Идеи коммунизма перестали быть актуальными, и фигура Сталина как верховного проповедника этих идей тоже утратила актуальность. Сегодня у нас могут быть сколь угодно жесткие правители, но Сталина не будет. Потому что нет сталинского общества, и оно ниоткуда не возьмется. Люди сегодня на словах поддерживают твердый порядок, но, как показывают наши опросы, ради этого твердого порядка ничем

не готовы жертвовать. Ценности индивидуального мира, индивидуального потребления уверенно доминируют.

— *А почему гражданские, политические свободы не осознаются большинством как ценности? Почему они не входят в «потребительскую корзину» российского обывателя?*

— Изучая результаты наших опросов, мы видим, что индивидуальные ценности для большинства очень важны. Что такое индивидуальные ценности? Это возможность работать где хочу, или не работать, если не хочу; ездить куда хочу; семейную, сексуальную жизнь вести какую хочу. Политические же ценности занимают место в конце второго десятка, потому что в глазах большинства они превратились в чисто декоративный элемент нашей политической системы. Согласно опросам, граждане не воспринимают политические партии или законодательную власть как структуры, представляющие их реальные интересы. С какого-то момента люди утратили интерес к политике, стали воспринимать ее как игру. Поэтому и к выборам потерял интерес. Почему либеральная оппозиция, когда в декабре 2011 года стала требовать честного подсчета голосов, не получила массовой поддержки? Потому что, по мнению большинства, выборы не есть тот институт, с помощью которого в нашей реальной политической системе можно чего-то добиться. Проблема сегодняшней российской демократии не в том, что у нас нечестно подсчитываются голоса на выборах, а в совершенно других вещах. Прежде всего в отсутствии работающих демократических институтов, способных продвигать и защищать интересы граждан.

России нужны западники и почвенники, либералы и консерваторы

— *Считаете ли вы, что свобода не только не противоречит порядку, но и является его базовым условием?*

— Если говорить о современном обществе, то это, безусловно, так. Порядок в нем формируется как очень сложная равнодействующая комбинация различных интересов. И когда интересы каких-то серьезных групп не получают представительства, это нарушает стабильность политической системы и в конечном счете приводит к разрушению сложившегося порядка. Скажем, в результате событий 2011 года либеральная общественность оказалась у нас

фактически на положении изгоя. В политическом плане это, может, и справедливо, поскольку идеи этой оппозиции достаточно утопичны. Но власть не должна забывать, что это активная часть общества, чья активность, возможно, была бы полезна в неполитической сфере. Поэтому не стоит исключать эту часть из системы представительства. Такая мера систему не укрепит, а разрушит. Россия — непростая страна, она всегда существует на определенном балансе. Ей нужны западники и почвенники, либералы и консерваторы, реформаторы и традиционалисты. Их сложное взаимодействие и создает основу нашей цивилизации. Попытка какую-то группу заморозить, отодвинуть, не пустить приводит по закону политических качелей к прямо противоположному результату.

— *Согласно опросам, большинство населения одобряет ужесточение правил проведения митингов и шествий, говорит «да» блокированию «экстремистских» сайтов, требует введения цензуры в СМИ... Почему граждане приветствуют любое ограничение своих свобод?*

— Если говорить о цензуре, то люди выступают за моральную цензуру. И таких людей много — по опросам ВЦИОМ, почти 70 процентов. Почему они это делают? Потому что считают важным. Важным с точки зрения той парадной системы ценностей, которая у них установилась. Мы, социологи, постоянно видим разницу между парадной системой ценностей и реальной. Здесь огромные ножницы. Люди требуют запретить эротические сцены в кино, а сами с удовольствием их смотрят. Требуют запретить мат, а сами охотно ругаются матом. Требуют ограничить торговлю спиртным, а сами пьют водку. И рассуждают так: я это делаю, но я знаю, что это плохо. И когда к ним приходит социолог с анкетой, он получает известный результат. Если верить опросам, то у нас высоконравственное, просто-таки пуританское общество. А что касается политической цензуры, то люди до такой степени не видят никакого смысла в политике, что не видят и никакого смысла в отстаивании своего права выходить на митинги или иметь доступ к оппозиционным сайтам. Политика вообще находится на периферии их внимания. Никто не в курсе, что там делает Дума, какие она готовит законы. Даже совершенно важными для него вещами — пенсионной реформой, проблемами ЖКХ — народ не интересуется. Поли-

тическая цензура людей тоже не очень волнует. Судя по опросам, люди не хотят политической цензуры. Но если власть ее введет, они не станут протестовать. И не потому, что им не нужны политические свободы, а вследствие глубокого равнодушия к этой сфере.

Запросы 70 процентов общества обращены к власти

— *Можно ли сказать, что чем ниже уровень жизни, тем слабее потребность людей в политических и гражданских свободах?*

— В нашем обществе это действительно так. Интерес к политическим и гражданским свободам присутствует у людей относительно обеспеченных, то есть у среднего класса. Политикой интересуется 12-15 процентов населения. Эти 12-15 процентов — в основном верхняя часть российского общества. Наибольшая же его часть политикой не интересуется. Многие из этого большинства властью недовольны, считают, что она недостаточно навела порядок, оттого-то так много кругом воровства, коррупции, всякого беспредела, и, следовательно, надо не расширять свободу, а, наоборот, ограничивать ее. Такой настрой. Но поскольку люди не понимают, как можно свое недовольство властью во что-то конвертировать, и, кроме власти, не видят никого, кому можно пожаловаться на власть, то получается некий бунт на коленях. Вот так же 9 января 1905 года народ шел с петицией к царю-батюшке.

— *Отсутствие потребности в гражданских свободах — это еще и следствие патерналистских настроений?*

— Да, безусловно. Патерналистские настроения у нас очень сильны. Поэтому запросы 70 процентов общества обращены к власти. Мы недавно исследовали феномен современного русского национализма. Казалось бы, у нас национализмом все пропитано, 60 процентов людей в той или иной форме поддерживают националистические лозунги — а при этом ни одна националистическая партия не может и полпроцента голосов набрать на выборах. Почему? Потому что весь этот националистический запрос обращен к власти. Это запрос к мэру Москвы Собянину, к президенту Путину. А не к профессору Валерию Соловью, который пытается создать националистическую партию. Этот профессор никому не нужен, кроме очень небольшой части либеральной общественности, которая имеет свои каналы распространения информации, опирается

на поддержку Запада и воспринимает Запад как арбитра. Что такое националистический запрос? Это часть все того же запроса на порядок.

Рано или поздно появится запрос на перемены

— *В какие исторические периоды у людей возникает запрос на порядок, а в какие — на свободу?*

— Нынешний запрос на порядок — это, как многие считают, историческая доминанта, потому что Россия вообще, мол, консервативная страна. Но в этой консервативной стране были периоды, когда запрос на порядок, понимаемый как стабильность, сменялся ярко выраженным запросом на перемены, и мы эти периоды помним. Сегодняшний запрос на порядок — следствие огромной усталости людей от перемен, которые они не смогли проглотить, переварить, и за нынешний порядок держатся как за спасительный якорь. Они понимают, что в свободном океане им не выжить. И пока живо поколение, которое устало в 90-е годы и для которого стабильность является высшей ценностью, ради которой можно и чего-то недополучить, главное — не потерять то, что есть, — пока живо это поколение, будет существовать запрос на порядок. Но подрастает поколение, которому хочется сказать собственное слово, заявить о своих целях, амбициях, ценностях. Никакой порядок не вечен. Нынешний — тоже. Он рано или поздно сменится запросом на перемены. Я думаю, мы уже достаточно близко подошли к этому рубежу.

Пропаганда — атрибут любого государства?

Диалог с директором Института США и Канады РАН Валерием Гарбузовым

В не столь давние времена, памятные лозунгами «Слава КПСС!», «Народ и партия — едины», «Пятилетку — в четыре года!», пропаганда считалась делом важным, ответственным и, как минимум, безвредным — большинство населения эти лозунги не воспринимало всерьез. После крушения СССР слово «пропаганда», вызывающее стойкие ассоциации с советским агитпропом, приобрело негативную коннотацию. Между тем пропаганда — это, в переводе с латыни, «подлежащая распространению вера» (*propago* — «распространяю»). В современном значении — «распространение политических, философских, научных, художественных и других взглядов и идей с целью их внедрения в общественное сознание и активизации массовой практической деятельности». Как сегодня воспринимается пропаганда? На кого она рассчитана? В какой мере можно ей доверять?

— *Вы верите всему, что показывают по телевизору?*

— Нет, конечно.

— *А тому, что пишут в газетах?*

— Тоже нет. Все, что показывается, говорится, пишется для широкой аудитории, должно, я считаю, подвергаться если не критическому анализу, то хотя бы первичному осмыслению, независимо от того, чей это телеканал, радиостанция или газета. Но дело в том,

что массовое сознание, как правило, некритично. В любой стране большинство обывателей зачастую слепо верят всему, что им внушают газеты или телеэкран. Если говорить о государственной пропаганде, то здесь многое зависит от типа государства, от политического режима в нем. В демократическом государстве, каковым является и Россия, вести целенаправленную пропаганду труднее, потому что в нем есть и другие источники информации.

— У слова «пропаганда» негативная коннотация?

— Я думаю, да.

— А как же пропаганда научных знаний, достижений культуры, здорового образа жизни?

— Это другое. Это действительно нужное, необходимое распространение знаний, просвещение. Здесь слово «пропаганда» имеет положительное значение. Другое дело — государственная пропаганда, которая призвана продвигать те или иные государственные идеи (часто спорные и неоднозначные), проводить ту или иную политическую линию. В любом государстве такая пропаганда рассчитана на обывателя. Ее целевая аудитория — массы. В силу своей природы власть не может существовать без манипулирования общественным сознанием и потому вынуждена прибегать к пропаганде.

— Почему столь эффективной была сталинская пропаганда?

— Потому что никакой другой пропаганды в те времена не было и быть не могло. В Советском Союзе существовала только государственная пропаганда.

— Она существовала и при Сталине, и при Хрущеве, и при Брежневле. Тем не менее сталинской пропаганде советские люди безоговорочно верили, а, скажем, брежневской — уже не очень. Почему?

— Брежневские времена — они уже были другие. Для того, чтобы пропаганда, подобная сталинской, становилась успешной, необходимо было несколько условий. Первое — это «забор» вокруг государства, полная изоляция страны и ее граждан от внешнего мира. Тогда пропаганда такого типа действительно достигает своей цели. А как только образуется какая-то брешь, как только в информационное пространство страны проникает, допустим, «Голос

Америки» или «Радио Свобода», — государственная пропаганда начинает быстро размываться. Вот почему при Хрущеве, когда началась «оттепель», а затем при Брежневе советская пропаганда стала терять свой смысл, не достигая своих целей. Хотя шестеренки этой пропагандистской машины вроде бы крутились так же.

— *Может, сталинская пропаганда так магически действовала на массовое сознание, потому что держалась на безграничной вере в вождя?*

— Она много на чем держалась — и на вере в вождя, и на «железном занавесе», и на репрессиях, и на слепой убежденности масс в том, что если что-то с вождем случится, то страна и народ этого не переживут. Не будь подобных подпорок, советская пропаганда давно бы рухнула. Бездумная, слепая вера во все, что говорят, скывывает мысль и тормозит сознание.

— *Какие последствия для массового сознания имеет неожиданная, резкая смена пропагандистской парадигмы?*

— Последствия резкой смены в любой сфере всегда тяжелы. Когда был развенчан «культ личности» и открылась часть правды о Сталине, миллионы советских людей испытали даже не разочарование — крах веры. Столь же сильным потрясением для многих оказался распад СССР, который, как долгие годы не подлежало сомнению, был «могучим и нерушимым». В этом, на мой взгляд, и состоит характерная особенность и самый большой вред государственной пропаганды — она сеет иллюзии (заряжает ими массы), которые потом, спустя годы, сама же и развеивает, травмируя сознание миллионов «очернением» того, что еще вчера превозносила, и «обелением» того, что еще совсем недавно предавала анафеме.

— *Существует ли пресловутая «американская пропаганда» или это миф, созданный нашей пропагандой?*

— Разумеется, существует. Внутренняя и внешняя. При этом нельзя сказать, что внутренняя пропаганда в американском государстве похожа на советскую. Вести такую пропаганду в США весьма затруднительно, потому что благодаря выборам и другим демократическим процедурам там слишком часто обновляется власть — на местном и федеральном уровнях, каждые два-четыре

года. Поэтому американцы, как правило, не настроены слепо и безоглядно верить кому-то или во что-то. Критическое восприятие собственного государства и властей у них сформировано достаточно давно, как и сама атмосфера широкой общественной дискуссии. Хотя, конечно, в периоды выборов партии и кандидаты заняты не чем иным, как именно пропагандой своей политики, своих программ и себя лично. Без этого не привлечешь электорат. Иначе обстоят дела с пропагандой внешней. После Второй мировой войны Соединенные Штаты создали информационное агентство ЮСИА, которое стало заниматься внешней пропагандой — распространением информации об Америке, ее истории, культуре, государственном устройстве. Материалы агентства были нацелены на создание привлекательного образа США в других странах. И понятно, почему это требовалось: внешняя политика США стала развиваться в русле глобализма. А глобальный лидер нуждался в позитивном образе.

— В 1999 году агентство ЮСИА было расформировано. Свою задачу создать привлекательный образ США оно, на ваш взгляд, выполнило?

— Отчасти — да. Оно вело пропаганду исподволь, ненавязчиво. Именно такая «мягкая» пропаганда достигает гораздо больших результатов, чем прямолинейная, тупая и «железобетонная», как когда-то в СССР. Вообще в США издавна ведется спор: как Америка должна влиять на мир? Одна группа государственных деятелей и политиков считает, что не обязательно влиять на мир и завоевывать себе союзников какими-то жесткими мерами. Насильно мил не будешь. Это же можно делать по-другому — силой собственного примера. Да, это долгий путь, и не всегда он приводит к быстрому результату. Но он вернее и надежнее. Если твой потенциальный союзник — человек или государство — увидит, как ты живешь, какие действия совершаешь, какие ценности исповедуешь, и сформирует в себе внутреннюю потребность следовать за тобой, воспринимая тебя как модель для подражания — это и станет главным итогом такого рода пропаганды. Это не прямая и жесткая пропаганда. Это способность своей политикой, своим поведением привлекать на свою сторону даже противника и вести его за собой. Но мы видим в США и примеры другой пропаганды — грубой, навязчивой, агрес-

сивной. Одних Америка привлекает, а других отталкивает. Если бы не отталкивала, в мире не было бы и антиамериканизма.

— *Антиамериканизму отчасти подержены и сами американцы. Чем вы это объясняете?*

— Прежде всего, тем, что американское общество очень сегментировано, сложно и крайне неоднородно. Оно соткано из заинтересованных групп и соответствующих им групповых интересов. А где существуют групповые интересы, то есть нет монолитности в обществе, там очень сложно насаждать одну точку зрения — допустим, безответно утверждать, что политика США в отношении Сирии — единственно правильная. Если государство станет пропагандировать эту политику, то получит такой мощный ответ, что его пропаганда не будет иметь должного воздействия. Верный способ противостоять влиянию государственной пропаганды — соблюдать принцип рассредоточения власти, формировать общественные институты, которые будут выступать со своей пропагандой, распространять свои знания. И тем самым способствовать формированию групп сомневающихся, а значит думающих, свободных граждан. Если ты «человек разумный», ты обязан сомневаться. Это значит, что ты мыслишь.

— *Пропаганда — это всегда ложь?*

— Она бы просто перестала существовать, если бы состояла из одной только лжи. Нет, в ней всегда есть какая-то доля правды. Пропагандистский эффект достигается разными путями: где-то смещением акцентов, где-то неполной или односторонней информацией, где-то некорректной аналогией — способов и уловок много. Есть, например, пропагандистские клише. Они в арсенале пропагандистов потому, что упрощают реальность. Пропаганды без упрощения вообще не бывает. Опытные пропагандисты прекрасно знают, что массовое сознание не терпит полутонов. И еще они знают, что массовое сознание воспринимает лишь две-три идеи, которые необходимо повторять, вбивая в сознание масс. А если начинаешь входить в полутона да сыпать идеями, то цель не достигается.

— *А правду надо пропагандировать? Или она сама пробьет себе дорогу?*

— Правду пропагандировать не надо, это может привести к об-

ратному результату и вызвать подозрение: что-то слишком уж назойливо вы говорите про это, а действительно ли это так? Правду просто не надо утаивать. И еще ее надо распространять. Правда — это факты. А они, как известно, вещь упрямая.

— *Какой должна быть пропаганда в век Интернета?*

— Как минимум, очень искусной. Интернет — уникальный механизм, который, не скажу, что сводит на нет, но, во всяком случае, сильно снижает результативность любых пропагандистских усилий со стороны государства. В век Интернета заниматься безоглядной и примитивной пропагандой очень сложно. Ведь всегда найдется сайт, содержащий альтернативную информацию. Поэтому государственная пропагандистская машина должна модернизироваться, идти в ногу со временем. Конкуренция с Интернетом должна заставить такую пропаганду быть менее лакировочной, менее одномерной, более честной, правдивой.

— *Честность и правдивость — они, вы считаете, не противоречат самой природе пропаганды?*

— В идеале не должны противоречить. Почему у пропаганды негативный оттенок? Потому что она никогда не бывает стопроцентно правдивой. Критически мыслящий человек понимает, что жизнь соткана не только из удач, побед и успехов. Пропаганда же, как правило, говорит преимущественно о них, при этом сильно их преувеличивает. И почти не говорит об ошибках и неудачах, промахах властей. А если и говорит, то сильно их приуменьшает. Для пропаганды, как правило, характерны отрыв от реальности и отсутствие чувства меры. Именно это прежде всего и отбивает доверие к ней.

— *Россия проигрывает информационные войны Западу?*

— Мне кажется, проигрывает. Потому что, несмотря на существование канала «Russia Today», холдинга «Россия сегодня», других СМИ, распространяемых на Западе, она все-таки не вписалась в западное информационное пространство. Вот эта «берлинская стена» в информации — она осталась.

— *Почему, как вы думаете?*

— Это принято объяснять пережитками холодной войны. В значительной степени это так. Эпоха холодной войны и биполяр-

ного противостояния прошла, но подозрительность, взаимное недоверие остались. А подозрительность рождает стереотипы. Эти стереотипы живут десятилетиями, передаются из поколения в поколение. Разрушить их очень трудно. Но дело не только в этом. Мне не нравится само сочетание слов «информационная война». Тем самым как бы подразумевается, что кто-то эту «войну» может выиграть, а кто-то проиграть. Но коли уж принято рассуждать в этих категориях, то, на мой взгляд, Россия проигрывает информационные войны. Мне кажется, что свою позицию, например, по событиям на Украине Россия могла бы более активно доносить на зарубежных информационных площадках. Делать это надо, оперируя фактами, а не только риторикой, и предъявляя неоспоримые доказательства своей правоты. Тогда противоположная сторона этими фактами и доказательствами будет приперта к стенке. Основа любого суждения — знание, а основа знания — факты. Не знающие фактов люди легко попадают на крючок пропаганды.

— *Можно ли сказать, что в современном мире с его избытком информации и широким доступом к ней пропаганда становится анахронизмом?*

— Я так не думаю. Пропаганда была, есть и будет. В любом государстве. При любом политическом строе. Как ее воспринимать — это другой вопрос. Когда с молодости человек подпадает под влияние мощной пропаганды, то потом, спустя годы, он становится ее постоянным и восприимчивым адресатом. Даже если он и понимает, что должен критически смотреть на вещи, ему все равно трудно переломить себя. Монополизм губителен не только в экономике, но и в любой другой сфере. Именно поэтому обществу всегда нужна альтернативная информация. Необходимы общественные дискуссии, свободный обмен мнениями. Именно благодаря этому и формируется критическое сознание и критическое восприятие мира, а в конечном итоге — и более зрелое общество, которому «промывать мозги» будет не так-то легко. Каждый должен беречь собственное сознание, не превращая его в жертву пропаганды.

Наша история нас объединяет?

Диалог с историком Геннадием Бордюговым

За последнее время, по опросам «Левада-центра», значительно выросло число респондентов, ставящих историю на первое место в числе феноменов, которые «внушают чувство гордости за Россию». Но именно история является сегодня полем ожесточенных дискуссий. Накануне 100-летия русской революции эти дискуссии стали еще острее. Как оценивать 1917 год и весь дальнейший ход событий? Какие уроки из Октября и опыта советской власти следует извлечь, чтобы не повторять прошлых ошибок? Чем объясняется возрождение памятников Сталину? Что нас больше разоблачает — разные точки зрения на события и персонажей истории или стремление установить единственно «правильную» точку зрения на них?

Кто с кем должен примириться?

— *Приближение 100-летия Октября как-то не ощущается. Кроме заклинаний о вреде всех и всяческих революций и призывов к примирению всех со всеми, ничего не слышно. Как думаете, почему?*

— Действительно, власть пока развернуто не высказывается. Но это не значит, что общество молчит. Оно-то как раз весьма бурно реагирует на этот юбилей. Наша Ассоциация исследователей российского общества (я руковожу ее Международным советом) ведет мониторинг самых разных рефлексий по поводу столетия. Нас интересует не только научная, историографическая рефлексия, но и художественная, и общественная, и интернетовская. Так

вот, полемика развернулась очень интересная. Назову, к примеру, некоторые сюжеты. Какая цена была заплачена за великий социальный эксперимент, не был ли он преждевременным? Способна ли модель государственного устройства, созданная после распада СССР, конкурировать с советским проектом, который ряд политиков спешит объявить неполноценным, как ошибку отцов и дедов? Столетие дает нам также возможность не только перепроверить мифы о революции, но и понять, бродит ли призрак революции по современной России и какая она.

— *Представители власти избегают сравнений советского периода российской истории с нынешним. А о наступающей исторической дате говорят только одно — что она должна способствовать примирению в обществе. Но кого с кем примирять?*

— Кого с кем — и вправду не очень понятно. Потомков красных с потомками белых? Но никакой вражды между ними как будто бы не наблюдается. Ну, хорошо, вспомнили о жертвах Гражданской войны, о том трагическом времени. Но важнее, на мой взгляд, примирять тех, кто попал под каток расслоения общества. Ведь во имя социальной справедливости совершаются революции. А столетие Революции-1917 по-прежнему воспринимается в сугубо партийном духе, с полярными оценками. Политики из партии «Единая Россия» не скрывают своего негативного отношения к революции, ее представляют либо как заговор (либералов, масонов, революционеров, немцев, большевиков или вообще марксистов и т.п.), либо как случайное стечение обстоятельств. Для КПРФ революция однозначно благо, открытие новой эры. Двойственность позиции политической элиты является и побочным результатом неспособности сформулировать вдохновляющее видение будущего. Каков социальный идеал современной России? В каком направлении движется страна?

— *На ваш взгляд, русская революция — это Февраль или Октябрь?*

— Я считаю, что концепция «двух революций», придуманная в конце 20-х — начале 30-х годов Сталиным, уходит в прошлое. Определения «Февраль — плохой», «Октябрь — хороший», «Февраль — буржуазная революция», «Октябрь — социалистическая» сегодня не воспринимаются. Они сужают и упрощают сложный процесс «революции революций» — крестьянской, рабочей,

интеллигентской, национальной, политической. Многие историки, и я в их числе, склонны смотреть на Революцию 1917 года как на единый сложный процесс. Первая мировая война — «всесильный режиссер» этого процесса. После февральских потрясений, после свержения монархии, казалось бы, будут разрешены все накопившиеся противоречия. Но у февралистов ничего не получается. И тогда наступает следующая фаза — июль 1917 года, полуреволюция, попытка левых радикалов осуществить свою альтернативу. Она проваливается. Временному правительству удается взять ситуацию под контроль — лидеры большевиков оказываются либо в «Крестах», либо уходят в подполье. Затем происходит попытка правого переворота и установления военной диктатуры. Это август, корниловский мятеж, который тоже проваливается. А ситуация ухудшается, страна погружается в глубокий кризис. Главные вопросы — о мире, земле — не решены. И когда режим уже ничего не держит под контролем, ничем не может управлять, в условиях нарастающего хаоса власть берут крайне левые, то есть большевики во главе с Лениным. Далее следует разгон Учредительного собрания, а затем страшнейшая Гражданская война, которая длится до 1922 года. Ряд историков с декабрем 1922-го связывают завершение революционного процесса и образование новой страны под названием Союз Советских Социалистических Республик.

— *Кто, по вашим наблюдениям, сегодня определяет «генеральную линию» в отношении к 1917 году?*

— Я не вижу никакой «генеральной линии». Есть свой сценарий у объединения левых сил, у КПРФ, у либералов. С любопытным проектом выступает власть церковная. В августе патриарх Кирилл в Арзамасе на торжествах, приуроченных к 150-летию со дня рождения патриарха Сергия, опосредованно легитимизировал советскую эпоху — не отказываясь при этом от ее критической оценки как «безбожной». Сознательное согласие Сергия на сотрудничество с советской властью привело к некоторому преобращению этой самой власти. Революционный 1917 год стал тем самым попущенным Богом испытанием, которое в конечном счете укрепило людей.

— *Вы хотите сказать, это хорошо, что нынешняя власть устранилась от общественных дискуссий вокруг 1917 года?*

— Да, хорошо, что сейчас нет узурпации пространства памяти о Революции-1917. Но поскольку Путин имеет высокий кредит доверия, то обществу, конечно, интересно, что скажет носитель верховной власти, какие акценты расставит. Все-таки 100-летие революции — большая историческая дата. К ней в этом году обращается весь мир. Поэтому важно, какую оценку даст столетию руководитель страны. В феврале — на 100-летие падения монархии — он промолчал. Посмотрим, что скажет и на что намекнет в начале ноября.

Для историка нет знака «плюс» или знака «минус»

— *Вы сами с каким знаком оцениваете 1917 год?*

— Расставлять знаки — «плюсы» и «минусы» — это неверно с точки зрения исторического мышления. Любой факт минувшего содержит в себе как положительные, так и отрицательные моменты, их переплетения и образуют живую ткань истории. Сделаю два утверждения. Во-первых, 1917 год и весь советский период были исторически неизбежными — если они произошли. Во-вторых, коммунистический эксперимент оказал как колоссальное негативное воздействие на наш народ, прежде всего из-за той цены, которую за него пришлось заплатить, так и мощное положительное влияние.

— *Хорошо, 1917-й — «социальная болезнь» или «праздник угнетенных», «большевистский переворот» или «великая революция»?*

— Французские интеллектуалы тоже долго искали ответ на этот вопрос по поводу своей революции, которой без малого 230 лет, — катастрофа или благотворное событие, необходимость или случайность? Она одновременно была и тем, и другим. Так же и в России — с оправданным акцентом на определение «великая», если за критерий оценки брать ее воздействие на весь мир, судьбу колониальной системы, социальную политику, культуру.

— *Видите ли вы какое-либо сходство сегодняшней российской ситуации с тогдашней, столетней давности?*

— Подобная аналогия сегодня популярна в соцсетях. Однако с ней трудно согласиться, и вот почему. Казалось бы, и там, и тут есть нарастание брожения, ожидание перемен. Но давайте не забывать, в 1917-м страна переживала кризис: изнуряющая война,

экономические неурядицы, обвал уровня жизни большинства населения. А что сейчас? Да, есть инфляция, цены растут, с экономикой по-прежнему не все в порядке. Но сравнивать с этой точки зрения обе эпохи, по-моему, некорректно.

— *Какие уроки нам следует извлечь из Октября?*

— Похоже, сложилось понимание, что одним махом, разом, используя насилие, невозможно решить все проблемы, разделаться с нежелательным старым и быстро, тут же создать новое, включая формирование нового человека. Логике радикализма и максимализма может противостоять только умная политика, своевременность реформ. В то же время сейчас большинство историков признают, что связь между революцией и реформой намного сложнее, чем считалось раньше. Реформы могут как предотвратить революцию, так и спровоцировать ее. Запаздывание с реформами, их половинчатость и неполнота — катализатор революции. Хотя точно таким же катализатором могут выступить и вполне своевременные преобразования — всё зависит от конкретной ситуации, от контекста.

— *Если кратко, революции случаются, когда власть не откликается на новый общественный запрос?*

— Да. И тем самым не упреждает революцию. Но должна откликаться не только власть и ее верховный носитель, но и гражданское общество, которое не конкурент, а партнер, тоже несущий ответственность за попадание страны в критические ситуации. Обновление невозможно обеспечить авторитарно. Участие граждан в принятии политических решений, работа системы «локации» между властью и обществом, местное самоуправление, кадровые ротации способны купировать назревающие революции. Но снова повторю: купировать в данном случае — вовсе не значит совсем снять такую угрозу. Всё зависит от качества, от масштаба назревших перемен. Случается, что как раз снятие остроты противоречий в обществе открывает дорогу революционным потрясениям.

Причины популярности Сталина надо искать не в прошлом, а в настоящем

— *В какой мере отношение общества к историческим событиям и персонажам вырабатывается самостоятельно, а в какой программируется государственной пропагандой?*

— Здесь обоюдный самообман. Обществу кажется, что оно формирует запрос к власти, а власть думает, что этот запрос формирует она и транслирует в общество.

— *По опросу «Левада-центра», треть россиян считают, что сейчас, при Владимире Путине, жизнь в России лучше, чем когда-либо за последние 100 лет. В этом историческом диапазоне «серебро» досталось эпохе Брежнева (29 процентов), «бронзу» поделили дореволюционная эпоха и эпоха Сталина (по 6 процентов), положительные оценки получили также эпоха перестройки (2 процента) и эпоха Ельцина (1 процент). Такие результаты вас не удивляют?*

— Не удивляют! Любая статистика привязана к текущему моменту и субъективна. Вы привели одни цифры, но хорошо известны результаты опросов, где первое место отдается эпохе Сталина. Я бы обратил ваше внимание на некоторые константные показатели. Любые опросы фиксируют низкий рейтинг переходных, транзитных периодов — перестройки, 1990-х годов. Чем это вызвано? Дело в том, что любые массовые настроения во многом мифологизированы. Так вот, транзит плохо поддается мифологизации. Люди дезориентированы, их жизнь становится крайне неустойчивой. С эпохами условно стабильными — все ровно наоборот. Тут есть свои устойчивые почитатели и хулители, и это нормально. Поэтому, возвращаясь к вашему вопросу о «лучших эпохах», с однозначностью можно сказать лишь то, что эпоха Путина воспринимается как устойчивая и стабильная.

— *А чем объясняются установка в Орле памятника Ивану Грозному, возрождение памятников Сталину, культивирование «неоднозначного отношения» к политическим репрессиям и вообще к государственной тирании? Эти акции ведут к общественному расколу или, наоборот, цементируют общество, по крайней мере преобладающую часть его?*

— Причины этого ищите не в прошлом, не в истории, не в самих государственных деятелях с их разными биографиями. Ищите причины в настоящем. Почему все более популярен Сталин? Потому что в стране, где процветает коррупция, возникает массовый запрос на сильную руку, которая одним махом наведет порядок. Этот запрос часто выражается сакраментальной фразой: «Стали-

на на вас нет!» Памятник Ивану Грозному возник из этого же запроса. Это, с одной стороны, запрос на сильную руку, способную одновременно решить все проблемы, а с другой — жалоба властям: ну сделайте же, наконец, что-нибудь с ворами, взяточниками, коррупционерами, избавьте страну от них! Что такое памятник исторической персоне? Это запрос на тот или иной тип политического лидерства. Чем был притягателен Ленин после императора? А чем объясняется популярность Сталина? Общество посылает сигнал, какого лидера оно желает. Определенная часть общества хочет, чтобы Путин, как Сталин, стукнул кулаком, устроил массовую чистку или даже провел репрессии и таким образом оздоровил власть на всех ее уровнях. Но мы уже проходили все это, и, я надеюсь, нынешние руководители страны понимают, что было бы безумием откликаться на такие запросы.

Сталинисты не нуждаются в фактах, их опора — миф

— *Родственники репрессированных все чаще просят убрать их имена из открытого доступа, не публиковать списки пострадавших. Почему, на ваш взгляд? Они боятся чего-то?*

— Дело не в боязни. Когда после смерти Сталина люди возвращались из лагерей — а тогда была более страшная ситуация, — те, кто не сидел, считали, что-наказание-то сидевшим было заслуженным, справедливым. И вот представьте, как с таким отношением приспособиться к мирной жизни, как вернуться в профессию? Теперь, спустя десятилетия, родственники репрессированных следят за все более откровенными речами об «оправданности» принудительного труда и насилия, об «эффективности» сталинских методов. Они слышат также призывы к «новому 37-му году» как к эре справедливого и беспощадного суда над элитами, а власть молчит по поводу 80-летия Большого террора. И в этом контексте вроде бы неприлично говорить о трагической истории своей семьи. Возможно, моментом истины для российской власти и гражданского общества станет открытие в Москве 30 октября 2017 года памятника жертвам массовых политических репрессий — «Стены скорби» работы Георгия Франгуляна. Какие слова будут произнесены властью, какие оценки сделаны, какие действия предприняты для того, чтобы это больше не повторилось?

— *Возможно ли примирение между сталинистами и антисталинистами?*

— Невозможно. Потому что те и другие по-разному обосновывают свою позицию. У них нет общей площадки для дискуссии. Сталинисты опираются не на биографию Сталина, а на миф. Антисталинисты же оперируют историческими фактами, работают с документами. Возможно, со сменой поколений ситуация изменится.

— *Но есть и молодые сталинисты.*

— Да, к сожалению. Потому что миф о Сталине не только передается из уст в уста, но и транслируется федеральными телеканалами. Сериалы «Сталин live», «Тень Сталина», «Сын отца народов»... Это миф рукотворный. Миф, создаваемый уже нынешним поколением.

— *На эту телепroduкцию есть социальный заказ?*

— Думаю, что есть. За сериалами о Сталине стоят определенные силы. Одно дело, когда миф рождается в недрах массового сознания, другое — когда вы его создаете своими руками. Хотя я не стал бы приуменьшать и роль вполне рационального, а не конспирологического фактора. Посмотрите, в сегодняшней благополучной и сытой Европе именно молодое поколение начинает снова играть в нацизм, увлекаться символикой Третьего рейха, его эстетикой. Что это? Реакция на засилье мигрантов? В какой-то мере, возможно, да. Но, думаю, этот протест намного глубже. Это протест романтической молодости против рациональности и будничной сытости нынешней жизни. Ее предрешенности, понятности. Протест, который принимает вот такие уродливые формы. В этом смысле наша мода на сталинизм — вполне в мировом тренде.

— *По опросам «Левада-центра», в 2016 году история впервые обошла «природные богатства России» и заняла у наших граждан первое место в списке предметов гордости. У вас есть объяснение этому?*

— Усилиями государственной пропаганды в массовом сознании сегодня формируется не запрос на знание истории, а культ прошлого. До этого культивировался образ будущего. В результате в массовом сознании исчезают категории естественного времени, течения жизни. Повседневность становится никому не интерес-

ной. Если культ будущего порождает идею всемерного ускорения времени, то культ прошлого — а тем более «правильного» прошлого — неизменно поднимает волну национализма, перерастающую в шовинизм. Мне кажется, обществу надоела «бронзовая», а не подлинная память, надоел пантеон одних и тех же «героев», надоело знание без альтернатив.

— *После Второй мировой войны Германия провела денацификацию. Эта процедура объединила страну. Страна пережила стыд за то, что с ней случилось. Если бы Россия после крушения СССР провела декоммунизацию, это консолидировало бы общество или, наоборот, раскололо?*

— Раскололо. Принципиально не могу согласиться с тем, что стыд за прошлое своей страны способен консолидировать нацию. Точнее, консолидировать он, возможно, сумеет, только вот к чему приведет такая консолидация? Любая интеграция, выстраиваемая на негативе, деструктивна, она не содержит в себе созидательного начала. Все хотят играть, как в футболе, в успешной команде. Да и в Германии все гораздо сложнее, чем кому-то кажется. Есть много психологических нестыковок между западными и восточными немцами. Именно вследствие разного восприятия национального стыда. Стоит ли поэтому удивляться странной уязвимости Германии перед массовым наплывом мигрантов. И это несмотря на самые лучшие в Европе показатели экономического роста.

Надо отказаться от культа прошлого

— *Что нас больше разобщает — разные точки зрения на события и персонажей истории или стремление установить единственно «правильную» точку зрения на них?*

— Я думаю, что разобщает стремление к единообразию. Во-первых, оно тоже недостижимо, и это нужно четко понимать. Какое может быть единообразие в эпоху Интернета и коммуникационной революции? Во-вторых, попытка установить единообразие всегда вызывает сопротивление. А объединить может как раз открытая дискуссия. Не инспирируемая сверху, не конъюнктурная, а реальная и публичная, в которой есть определенные правила, стремление приблизиться к истине.

— Любой спор имеет смысл, если ведёт к достижению взаимопонимания или выявлению ошибочности одной из сторон. Но к чему ведут наши споры о российской истории и о том, что есть «историческая правда», а что «фальсификация»? Имеются ли здесь перспективы для общественного консенсуса?

— На сегодняшний момент — нет. Дело в том, что директивно или управляемо вы этого не достигнете. Это возникает исподволь, постепенно.

— Какие же выводы мы сделаем из нашей беседы?

— Я думаю, главный вывод таков: история способна консолидировать нацию, но эта консолидация не должна быть искусственной, навязанной сверху. Это должен быть естественный процесс, в который вовлечены действительно разные общественные силы. Здесь самое главное — отказаться от культа прошлого, равно как и от культа будущего. Вернуться к естественному ходу жизни. Вот когда вы повернетесь к реальности, у вас уже не будет искушения искать рецепты в прошлом. Что касается 100-летия революции, то уже сегодня можно с уверенностью сказать, что оно не станет каким-то поворотным моментом на пути нашего постижения прошлого, понимания его, проникновения в него. Но, надеюсь, что каким-то определенным шагом в этом направлении все эти юбилейные воспоминания и попытки их актуализации все же обернутся.

России нужна государственная идеология?

Диалог с генеральным директором ВЦИОМ Валерием Федоровым

Статья 13-я Конституции РФ дает безоговорочно отрицательный ответ на этот вопрос: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной». Поэтому любые рассуждения о том, нужна ли государственная идеология России или нет, можно смело считать неконституционными и не тратить на них интеллектуальную энергию. Но вот уже более четверти века, с тех пор как вышел из обращения марксизм-ленинизм, только и слышно, что общество утратило духовные и ценностные ориентиры, движется незнамо куда, и, мол, если есть у страны национальные интересы, то должна быть и национальная, по сути государственная идеология. Существует ли принципиальная разница между национальной идеей и государственной идеологией? Действительно ли запрет на государственный монополизм в сфере идей ведет ко всеобщей духовной анархии и деморализации?

Государственная идеология скорее разобьит людей, чем сблизит

— *Нужна ли России государственная идеология? ВЦИОМ задавал этот вопрос своим респондентам?*

— Да. И большинство полагает, что идеология нужна. Но относительно того, какая это должна быть идеология, единого мне-

ния нет. Если поверить большинству и ввести единую идеологию, то недовольных окажется больше, чем довольных. Значит, авторы нашей Конституции, введя запрет на государственную идеологию, были правы. Государственная идеология скорее разобчит людей, чем сблизит.

— *Но идеология, претендующая называться государственной, предполагает цементирующее воздействие на общество. Так ведь?*

— По идее, так. Но как только начинаешь эту общую, якобы цементирующую идею детализировать, так сразу возникают сложности. Поясню на примере. Почти все мы разделяем мнение, что чем многочисленнее будет население нашей страны, тем лучше. Когда население сокращается, это плохой знак, а когда увеличивается — хороший. Поэтому большинство считает, что надо всеми способами поддерживать рост населения и всеми способами тормозить депопуляцию. Как это сделать? Тут уже начинаются дискуссии. Скажем, кто-то предложит: давайте запретим аборт. Такая идея способна сплотить общество? Она способна только расколоть его. И таких вопросов миллион. Благих пожеланий насчет того, как бы нам всем объединиться, предостаточно. Но как только переходим к обсуждению конкретных вопросов, выясняется, что реализация этих благих пожеланий ведет нас к гражданскому конфликту.

Лучший способ уничтожить идеологию — это дать ей статус государственной

— *Уже почти четверть века в стране отсутствует государственная идеология. Это хорошо или плохо?*

— Это прекрасно. На самом деле она отсутствовала и раньше.

— *Как это — отсутствовала? А марксизм-ленинизм?*

— К 80-му году он де-факто перестал быть государственной идеологией. Это была уже не идеология, а ложь. Был такой канон, который всем приходилось соблюдать, но никто в него не верил. После смерти Сулова, я думаю, и члены Политбюро перестали верить.

— *Но формально марксизм-ленинизм все равно считался государственной идеологией.*

— Мы чего хотим? Мы хотим еще одну формальную идеологию? Например, идеологию патриотизма в качестве государственной? Но каковы гарантии, что с патриотизмом через некоторое время не произойдет то же самое, что произошло с марксизм-ленинизмом? Опыт СССР показывает, что лучший способ уничтожить идеологию — это дать ей статус государственной. Ведь никто же не верил в марксизм-ленинизм. Но для того, чтобы исполнять этот канон, людям приходилось лгать, подличать, от чего-то отказываться. Многие отказывались, например, от повышения на работе, потому что не хотели в партию вступать. Кто-то отказывался книжки публиковать, потому что не хотел начинать с цитаты Леонида Ильича Брежнева. И многие хорошие книжки не выходили. Или выходили не здесь, а там. Или выходили через 20-25 лет, иногда — после смерти автора. И все это во имя идеологического фетиша. Или возьмем вторжение в Афганистан. Чем оно обосновывалось? Два главных аргумента было. Первый: не дадим США разместить свои базы у нас в южном подбрюшье. Второй: в Афганистане народно-демократическая революция, наш интернациональный долг — помочь бедным крестьянам бороться со злыми феодалами. В результате 13 тысяч трупов только наших. И эта война не прекращается уже 35 лет. Даже после того, как мы оттуда ушли, она еще там идет. Все это плата за идеологию в том числе. Я не говорю, что идеология не должна существовать вообще, что она должна быть запрещена. Я говорю только о государственной идеологии, которую все граждане обязаны разделять. Если ты ее не разделяешь, значит, ты в каком-то смысле ущербный, ты не гражданин. Я напомним, у нас диссидентов лишали гражданства. Это был акт наказания за измену государственной идеологии. Мы этого хотим?

— *Хотим или нет, но это происходит.*

— Не происходит.

— *А «национал-предатели»? А «пятая колонна»?*

— Это риторика. Она важная, но она не имеет статуса государственной идеологии. Сегодня риторика одна, завтра будет другая.

— *Как бы то ни было, патриотизм утвердился в качестве государственной идеологии. Это официально не декларируется. Это*

не закреплено в Конституции. Но неофициально он утвердился в этом качестве...

— Согласен.

— ... со всеми вытекающими последствиями для тех, кто не исповедует эту идеологию.

— Вы говорите сейчас не о государственной идеологии, вы говорите о доминирующей идеологии, которая не имеет государственного статуса.

— *Официально не имеет. Но в реальности это и есть государственная идеология.*

— Давайте эти вещи четко разделять. На мой взгляд, если доминирующая идеология приобретает статус государственной, то это первый шаг к ее краху. Такая участь постигла, например, христианское учение, которое превратилось в официальную доктрину Римской церкви. Как только идеология фиксируется в качестве государственной, она становится, во-первых, общеобязательной, во-вторых, появляются жрецы этого идеологического культа, в-третьих, вводятся наказания за отступление от идеологии и, в-четвертых, сама идеология кодифицируется, застывает, теряет адекватность, превращается в мертвую букву и очень быстро перестает соответствовать изначальным посылам. Практически любая идеология в самом начале — это идеология «за все хорошее, против всего плохого». Но как только идеология становится государственной, она очень быстро превращается в «за все плохое, против всего хорошего». Действительно, патриотизм стал доминирующей идеологией, тут я с вами абсолютно согласен, глупо отрицать очевидные вещи. Но если мы хотим убить патриотизм как доминирующую идеологию, давайте сделаем его государственным. И через некоторое время люди начнут плевать при слове «патриотизм». Если доминирующая идеология приобретает статус государственной, то это первый шаг к ее краху.

Открытая система живет, закрытая — умирает

— *Что такое идеология вообще? Это некие ценности. Применительно к государственной идеологии это ценности, которые поддерживаются и даже насаждаются государством. Так?*

— Это система взглядов, упорядоченная, непротиворечивая, где все статусы расставлены: вот это важно, а это неважно.

— *Иерархия ценностей?*

— Безусловно. А сами ценности — ключевой элемент идеологии. Но набором ценностей идеология не исчерпывается. Это все-таки более целостное, более комплексное образование. Поэтому, кстати, идеологий не так много. Например, существует либеральная идеология. Само понятие либерализма до сих пор входит в пантеон самых важных элементов политического языка Запада, независимо от страны. Но если вы возьмете либерализм XVIII века, XIX, XX и XXI веков, то увидите, что это не четыре, а как минимум сорок разных либерализмов. Были периоды, когда либерализм был сугубо буржуазно-капиталистической идеологией: свободный рынок, никакого государства — Адам Смит в чистом виде. Были периоды, когда либерализм стал социальным, интегрировал себя в учение о том, что все люди равны, и государство должно обеспечивать им гарантии равенства — в том числе за счет социального страхования, пособия по безработице, элементов бесплатного обучения, бесплатного здравоохранения и т.п. Потом в какой-то момент либерализм заключил союз с консерватизмом. Появился странный продукт — «либерал-консерватизм». Сегодня мы чаще всего понимаем под либерализмом именно этот, последний по времени результат синтеза двух предельно далеких друг от друга идеологий — либеральной и консервативной. И, я думаю, это не последний этап.

— *Как вы думаете, почему эта идеология сумела на Западе не просто сохраниться, а занимает господствующее положение?*

— Потому что ни в одной западной стране эта идеология не стала государственной. Хотя были моменты в истории XX века, когда казалось: все, либерализму не выжить. А сейчас он опять на коне. В России мы можем его топтать ногами, пинать, ругать, но не стоит забывать, что и в Западной Европе, и в Северной Америке это идеология номер один. Она, по сути, разделяется всеми, с некоторыми нюансами. То, что либерализм нигде не стал государственной идеологией, очень помогло ему сохранить свою доминирующую роль, обеспечило жизнеспособность. Невозможно сохраняться в неизменном виде со времен Адама Смита. Хотя,

конечно, что-то от Адама Смита осталось. Когда мы превращаем идеологию в государственную, мы подводим под ней черту. Далее происходит выхолащивание, поскольку развития нет. А какое-то реальное развитие воспринимается как ересь. С этой ересью начинают бороться. Вспомните, как наши марксисты-ленинцы боролись с творческими версиями, развивающими марксизм на Западе. С еврокоммунизмом, например. С Альтюссером, Маркузе, Грамши... Объявляли их еретиками, ревизионистами. Сжечь их на костре уже было невозможно, поэтому старались не замечать. То же самое ждет и патриотов, которые любят Родину не так, как предписывает канон. А с либералами ничего подобного не происходит. Потому что нет официального канона, молиться не на что. Есть общая система ценностей. Некоторые ценности отживают свое, на их место приходят другие. Но в целом система сохраняется. Вспомним знаменитую античную апорию: корабль выходит из порта, совершает долгий путь. За это время теряет мачты, меняет изорванные штормом паруса. И вот когда он приходит в порт назначения, выясняется, что ни одного куска материала, из которого он был сделан, уже не осталось, все заменено. Вопрос: это тот же самый корабль или другой? В чем-то — тот же самый. Он так же называется, он так же обустроен. В каждый момент времени что-то сохранялось в нем от того, изначального корабля. А с другой стороны, он совершенно неузнаваем. Точно так же и с идеологией. Она может меняться почти до неузнаваемости. Если, вообразим себе, сегодня бы встретились представители либерализма XVIII и XXI веков, то едва ли они признали бы друг друга за единомышленников. Это плата за открытую систему. Открытая система живет. Закрытая — умирает. Превращение доминирующей идеологии в государственную — это отказ от открытости. Дальше — омертвление, разложение, гибель.

Люди не готовы стыдиться за свою страну

— *С тех пор, как распался СССР, в России не прекращаются поиски национальной идеи. Почему нет результата? И нужен ли результат?*

— Мне кажется, результат есть. Причем совершенно успешный.

— *Патриотизм?*

— Безусловно.

— Судя по опросам, которые проводит ВЦИОМ, что такое патриотизм в массовом его понимании?

— Это любовь к Родине, гордость за нее.

— А стыд за нее?

— Уже нет. Стыд вычеркните. Люди не готовы стыдиться за свою страну. Это ушло. Те, кто стыдится, делают, как правило, очень быстрый следующий шаг и перемещаются в другое культурное, экономическое, географическое пространство. Благо это сделать элементарно. А в понимании большинства патриотизм — это вера в то, что Россия сильное, независимое и самостоятельное государство. Плюс убежденность в том, что мы сами способны определить, как нам здесь жить, и никто не вправе нам навязывать свой пример и образец.

— Суверенная демократия?

— В идеологии суверенной демократии все-таки присутствует понятие «демократия», и оно имеет определенный смысл. А в национальной идее, на мой взгляд, понятие «демократия» пока не утвердилось. То, что мы имеем сейчас, это не демократический патриотизм. Это патриотизм, избавленный от других важных элементов. В идеологии суверенной демократии, а это действительно была идеология, пусть и не совсем развитая, предполагалось, что Россия сделала окончательный выбор в пользу демократической модели правления. Но идеология суверенной демократии постулировала, что только россияне имеют право определять, какая именно модель демократии должна существовать здесь, советчики из-за рубежа нам не нужны. В национальной идее же демократический метод отсутствует вообще. Существует только любовь к Родине, причем это любовь к Родине, противостоящей другим странам. Мы сильны, нам никто не страшен! Может быть, через какое-то время, если наша патриотическая идеология не приобретет статус государственной, эпитет «сильная» применительно к слову «Россия» сместится на второй план, а на первый выйдет другой эпитет. А может быть, изменится само понимание силы. Возможно, под силой мы будем понимать не танки, не самолеты, не ядерные ракеты и не готовность навязать всем свою волю. Если патриотическая

идеология останется открытой, то в ней смогут происходить какие угодно изменения. И эти изменения будут отражать реальные изменения в жизни страны и мировоззрении ее граждан. Ведь понятно, что сегодняшний патриотизм и патриотизм, скажем, образца 80-го года — это совсем разные патриотизмы. Но и тогда были люди, которые любили Родину, и сейчас есть люди, которые любят Родину. Эта открытость идеологии патриотизма дает ей возможность оставаться жизнеспособной.

Вера — дело совести, а не государства

— *На ваш взгляд, претендует ли Русская православная церковь на роль источника национальной идеологии?*

— На роль одного из источников — несомненно. Собственно, она претендует на это уже примерно тысячу лет. И небезуспешно временами.

— *Давайте говорить прямо. Не видим ли мы сегодня стремление Церкви внедрить православие в качестве официальной идеологии?*

— Безусловно, видим. Да, это именно так.

— *Как вы к этому относитесь?*

— Есть некая красная черта, которую не стоит переступать. У нас многонациональная и многоконфессиональная страна. И чтобы люди, живущие в России, чувствовали себя россиянами, они должны быть уверены, что вера — дело совести, а не государства. Если они увидят, что живут в стране, где государственная идеология носит православный характер, то в «Исламское государство» побегут уже не тысячи, а миллионы. Вот красная черта, где надо остановиться. Никто не отрицает роль православия в нашей истории, нашей культуре. Никто не покушается на первенствующее место РПЦ среди всех традиционных конфессий. Но гражданство — это все-таки светская характеристика, а не религиозная. Нельзя призывать к тому, чтобы все граждане России стали православными. Нельзя говорить, что если ты не православный, то ты не россиянин. Если будет предпринята попытка интегрировать элементы православия в государственную практику, то мы встанем на очень опасный путь, ведущий к распаду России.

Задача не в том, чтобы изобрести красивую триаду

— Знаменитая уваровская триада «православие, самодержавие, народность» служила, как считалось, национальной скрепой Российской империи. Как вы думаете, сегодня можно сконструировать аналогичную триаду?

— Да можно, конечно. Но просуществует ли эта триада, как уваровская, лет семьдесят? Сомневаюсь. Мир сейчас очень быстро меняется. Поэтому такого рода чеканные формулы, увы, обречены на быстрое устаревание. Та же «суверенная демократия» уже вышла из политического обихода. Столь же быстро забылась и «энергетическая сверхдержава». Слоган в рекламных целях — да, его можно придумать. Но задача-то не в том, чтобы красивую триаду изобрести. Задача в том, чтобы эти ценности в красивых обортках реально мотивировали нас что-то делать, а чего-то не делать. Чтобы они, скорее, объединяли, чем разъединяли. Любая триада вроде бы помогает синхронизироваться, объединиться. А с другой стороны, она здорово ограничивает. Допустим, придумали: «Родина, справедливость, закон». Красиво? Красиво. Правильно? Правильно. Но кто-то скажет: а почему сюда не включили «свободу»? Хорошо, давайте включим. А вместо чего? Вместо «справедливости». Нет, «справедливость» не смейте трогать, она важнее вашей «свободы». И пошло-поехало... Поэтому я бы не слишком надеялся на то, что мы сейчас изобретем желанную формулу, напишем ее на наших знаменах — и заживем счастливо.

Массовое сознание — это не коллективный идиот, который польстится на что угодно

— В чем принципиальное отличие государственной идеологии от национальной идеи?

— Два отличия. Первое. Идея — это нечто очень абстрактное. Например, нужно любить свою страну. Идея? Идея. На ней патриотизм строится. А что такое идеология? Она указывает, КАК нужно любить свою страну и КАК ее любить нельзя. То есть начинается детализация. И второе отличие. Государственное — это аппарат государства. Национальное — это страна. Страна всегда больше, чем государство. Государство может возникнуть и умереть. В принципе страна — тоже, но гораздо реже. Если мы хотим

разменять национальную идею на государственную идеологию, то это, я считаю, одна из крупнейших ошибок, которую мы можем совершить.

— *Идеология должна обслуживать сиюминутные потребности общества или давать стратегические установки?*

— Чем более к глубинным ценностям, потребностям она апеллирует, тем выше шанс, что она не окажется выброшенной на помойку через несколько лет. Идеология должна быть предельно абстрактной, общей.

— *И универсальной, наверное?*

— Если она будет предельно абстрактной и общей, то ее претензии на универсализм будут обоснованы. Хуже конъюнктурной, сиюминутной идеологии нет ничего. Это такая фальшь, которая уже в момент своего появления становится очевидной абсолютно всем.

— *Конъюнктурная идеология губительна для массового сознания?*

— Массовое сознание — это не коллективный идиот, который польстится на что угодно. У него есть свои пределы в восприятии лжи. Иначе им можно было бы манипулировать бесконечно.

— *Считаете ли вы, что мир сейчас переживает мировоззренческий кризис?*

— Конечно, кризис есть. Причина этого кризиса в том, что мир очень быстро меняется. И те идеологии, которые господствовали на протяжении долгого времени, они либо радикально преобразуются и тогда сохраняют доминирующее положение, как в случае с либерализмом, либо консервируются и уходят на периферию, как произошло с коммунизмом. Более того, новые идеологии, изобретенные после перехода мира из индустриального состояния в постиндустриальное, даже они сегодня в кризисе. Постиндустриальная идеология в кризисе. Идеология информационного общества в кризисе. Все идеологии в кризисе. Именно поэтому губительно и опасно любую идеологию сегодня объявлять государственной.

Политика и мораль несовместимы?

Диалог с философом Алексеем Козыревым

После того как Северная Корея провела испытание водородной бомбы, с международных трибун зазвучали слова об угрозе новой мировой войны, а действия северокорейского вождя подверглись не только политической, но и моральной оценке. Жизнь дала новый повод задуматься о роли морали в политике. Эта роль сегодня возрастает. Потому что многократно увеличивается цена политических решений. Что считать нормой морали в политике? Действительно ли «цель оправдывает средства»? Возможна ли политика там, где провозглашаются абсолютные моральные ценности?

Любой отсыл к государственному интересу уже вне морали

— *Применение или неприменение ядерного оружия — не наивно ли обсуждать этот вопрос с позиций морали?*

— В каком-то смысле наивно, наверное. Хотя известно, что летчик, сбросивший бомбы на Хиросиму и Нагасаки, сошел с ума. По-видимому, то, что он совершил, стало для него предметом невыносимых моральных мучений.

— *Этот летчик выполнял приказ. А отдаются такие приказы политиками, для которых мораль — последнее, что принимается во внимание, когда на кону государственный интерес.*

— Любой отсыл к государственному интересу уже вне морали. В философии Канта есть понятие «мораль долга». И есть поступки, которые находятся вне морали. Например, ложь из человеколюбия. Она аморальна, как любая ложь. Но мы лжем по разным поводам, потому это диктуется какими-то внеморальными интере-

сами. И в политике, как правило, главенствует не мораль, а интерес. Поэтому правильной было бы вести речь о том, как поступки, совершаемые политиками, выглядят со стороны, как они оцениваются обществом. Имеется в виду «суд народный, суд нелицемерный», по словам оперного Бориса Годунова. Пушкин, когда писал эту пьесу, понимал, что оценка народом деятельности политика обязательно воспоследует. Я не знаю, почему политики об этом иногда забывают, почему они не задают себе вопрос, как после их ухода люди будут о них судить, какой след они оставят в истории, в памяти своего народа. Так или иначе в принятии решений политик руководствуется моралью в последнюю очередь.

Мы и к себе должны предъявлять моральный счет

— *А имеет ли право толпа судить политика по законам своей морали? «Суд народный, суд нелицемерный» — это ведь нередко пугачевщина в самых разных ее изводах. Это бунты, мятежи, восстания.*

— Я думаю, что, давая поступкам политиков моральную оценку, мы и к себе должны предъявлять моральный счет. Я как гражданин участвую в политике уже хотя бы тем, что хожу или не хожу на выборы. Есть ли здесь элемент морального выбора? Есть. Это косвенная или прямая поддержка того политика, который, как мне известно, лжет, дает невыполнимые обещания. А я иду и опять за него голосую. Потому что думаю: ладно, все политики лгут, это для них естественно. Голосуя за лжеца, я, таким образом, поощряю ложь и не должен потом возмущаться, что меня и всех нас опять обманули. Когда мы, обыватели, осуждаем политика за ложь, обман, цинизм, мы должны отдавать себе отчет в том, что все это мы сами ему позволяем. Мы постоянно сталкиваемся с тем, что, как писал Пастернак, «предвестьем льгот приходит гений и гнетом мстит за свой уход». Приходит человек во власть с массой привлекательных идей, с обещанием развязать все исторические узлы, а потом завязывает и запутывает их еще сильнее. Но наше-то отношение к этому каково? Мы в очередной раз проглотим, стерпим или как-то иначе себя поведем, скажем какое-то слово? И опять-таки, не будем ли мы потом горько сожалеть, что дали волю своим страстям? Мне кажется, большинство людей, которые выходили на украинский майдан, совершенно искренне были возмущены коррупцией

и беззаконием, которые имели место при Януковиче. Но представляли ли они, что будет потом? Что будут десятки тысяч жертв в донбасском конфликте, что олигархи пополам с националистами поделят власть и снова станут использовать ее в своих интересах? Мой коллега, умный и честный политолог Борис Капустин говорит, что есть две морали — малая и большая. «Малая мораль» — это мораль, которая реализует себя в устойчивой, стандартной ситуации, когда нетрудно быть законопослушным и лояльным к сильному миру сего, доверять власти, служить государству. Но есть и «большая мораль», диктующая нам поведение в ситуациях, когда стране требуются серьезные перемены, когда история должна двинуться вперед. Какую позицию здесь занять? Остаться верным старым идеям или довериться ходу времени? В августе 1991 года, после провала путча, ряд участников ГКЧП пустили себе пулю в лоб, и тогда мало кто отваживался публично скорбеть по этому поводу. А другие гэкачеписты ушли в тень, нашли себе место в новой реальности, некоторые из них живы до сих пор и сегодня стали чуть ли не героями. Отношение к ним с течением времени — причем в короткий исторический промежуток — заметно изменилось. Их деяние стало восприниматься значительной частью общества не как позорное, а как едва ли не благородное, весьма достойное. Мол, попытались люди остановить ход истории, но им это не удалось. А если бы удалось, то, может, не случилось бы массового обнищания, дефолтов, кровавых конфликтов и прочих потрясений, в которых сегодня многие винят Ельцина.

— *Последнее вполне естественно. Судьба реформатора — быть непризнанным и обруганным современниками. Принимая решение, начинать или не начинать реформы, политик совершает еще и моральный выбор. Он понимает, что в обоих случаях ему ничего не простят. В первом случае — современники, во втором — потомки. И те, и другие будут предъявлять ему моральный счет. Но можно ли оценивать исторические деяния с точки зрения морали?*

— На мой взгляд, можно и нужно. В политической этике есть два ключевых слова — «ответственность» и «справедливость». И они очень неоднозначные. Бывает примитивная уравнилельная справедливость: все поделить поровну. А бывает справедливость

как осуществление высшей правды на Земле: каждому должно воздаться по заслугам, герой должен быть назван героем, подлец — подлецом. Точно так же и ответственность бывает разных сортов. Есть ответственность юридическая, когда политик, много, допустим, укравший, получает три года условно, потому что имеет высокий социальный статус, влиятельных покровителей, прикормленных адвокатов. А есть ответственность внеюридическая, когда человек отвечает перед своими ближними, перед обществом, а может, и перед Богом. И ни от первого, ни от второго вида ответственности никакой политик не может быть освобожден.

Политическая этика менялась на протяжении веков

— *Менялись ли на протяжении веков общественные представления о моральных нормах в политике? И каковы эти представления сегодня?*

— Менялись. Потому что менялись сами представления о морали. О ценности человеческой жизни. О человеческом достоинстве. Если в средние века личность ничего не значила (считалось даже благом для еретика — отправить его на костер, чтобы очистил и спас свою душу путем страдания), то последние три-четыре века мы живем в парадигме европейской концепции прав человека, которая основывается на примате человеческой личности, ценности человеческой жизни. Вот поэтому и политическая этика изменилась. Но менялась она с большим трудом. И какое-то время сохраняла в себе, а во многом и до сих пор сохраняет изрядную долю лицемерия, когда декларируются одни ценности, а на практике осуществляются совершенно другие. В центре политической этики стоит отношение к рабству. Но во времена Аристотеля это не имело значения. Потому что естественным считалось наличие свободных граждан, которые живут в государстве и на которых распространяются законы этого государства, — и рабов, которые по природе своей рабы и которым положено быть рабами. Новое время и вообще христианское сознание исходит из того, что человек не может быть рабом другого человека. Он может быть рабом Божьим, но рабство перед Богом освобождает его от рабства перед другим человеком. Но как быть с рабством, которое мы по-прежнему встречаем в очевидных или завуалированных формах? Что можно сделать, чтобы освободиться от этого рабства? Есть ли

право на бунт, революцию? Эти вопросы теснейшим образом связаны с политической этикой. И в зависимости от ответов на них формируется модель отношений между политикой и этикой. Предположим, совершается переворот. Но не приводит ли он к тому, что господа становятся рабами? Вспомним знаменитую гегелевскую диалектику раба и господина: раб — рабствует, господин — господствует. В результате переворота раб становится на место господина, но господин-то становится рабом. Это не приводит к равенству, о котором мечтали философы Эпохи просвещения. Это приводит к унижению и попранию господина. И опыт Октября 1917 года нам показывает, что происходило не только поражение в правах людей дворянского сословия, но и лишение их права на жизнь, на веру, на отечество.

— *Чем был большевизм с точки зрения морали?*

— О морали здесь говорить нечего. К власти пришли люди абсолютно аморальные. Это были, по сути, уголовные элементы до-революционного государства. Люмпены. Люди без определенного рода занятий. Они представляли собой банду городских разбойников, которые могли, например, ограбить банк для того, чтобы пополнить партийную кассу. Или продать в Англию шедевры мировой живописи, которые находились в собраниях русских музеев, чтобы получить деньги на непонятные цели, а вовсе не на решение каких-то общественных задач. Но идея о неподкупности и кристальной честности революционеров вбивалась нам в мозги на протяжении долгих советских лет. На этом строилась вся советская пропаганда. Самый ходовой сюжет на эту тему — как наркомпрод Цюрупа падал в голодный обморок. Далеко не все падали в голодный обморок. Мы теперь знаем, как питался Жданов в блокадном Ленинграде. Знаем и то, как высказался Сталин на спектакле «Борис Годунов» в Большом театре: «Ну, подумаешь, хлюпика какого-то зарезал». Вождь дал понять, что если ты осуществляешь грандиозный проект (коллективизацию, индустриализацию), то тебе позволено зарезать не одного хлюпика. Именно на этом строится и коллизия пушкинского царя Бориса, и вообще все творчество наших великих русских классиков. Как говорил Иван Карамзov брату Алеше, не нужна мировая гармония, если она достигнута ценой слезинки ребенка. А в случае со Сталиным речь идет не о

слезинке ребенка, а о реальных человеческих жертвах, о миллионах загубленных жизней. Кстати, удивительно, что люди, казалось бы, обостренного морального сознания (тот же Белинский, например), рыцари без страха и упрека, писали Боткину, что если для всеобщего счастья потребуется уничтожить десятки тысяч людей, то стоит пойти на эту жертву. После этого мы, наконец, войдем в царство разумной необходимости, которое завещал Гегель, и придем к идеальному совершенству. Поражает искренняя заостренность этих людей на высоких идеалах и в то же время готовность приносить в жертву кого угодно, только не себя.

Политическая этика — это сфера неоднозначных решений

— *Что такое политическая этика? Само сочетание этих слов — не оксюморон?*

— Политическая этика — это дисциплина политической науки, которая рассматривает как раз те вопросы, о которых мы сейчас говорим. Это вопросы уместности и возможности применения силы в тех ситуациях, когда необходимы радикальные перемены, борьба с чем-то нетерпимым. Например, с несвободой. При этом политическая этика ситуативна, как и всякая этика. Философ Дмитрий Чижевский говорил, что любое моральное действие предполагает три компонента — что, где и как. Чтобы оценить моральность или аморальность какого-то действия, мы должны учесть, что сделано, где сделано и каким образом. Кто-то может сказать: это же полный релятивизм! Нет, это не релятивизм. Это творческий характер морали, где не может быть рецептов на все случаи жизни. Ведь даже Евангелие носит притчевый характер. Христос редко говорит: поступай так. Он дает нам общие и зачастую противоречивые принципы поведения. И политическая этика — это тоже сфера неоднозначных решений, где «нет» важнее, чем «да», «нельзя» важнее, чем «можно». Например, когда идет бой, командир должен посылать своих солдат в атаку. Но при этом ему следует исходить не из того, что весь его батальон может погибнуть, а из того, что он, командир, обязан по возможности сохранить жизнь людям. В политике тоже нужна некая система запретов. Должен быть четко очерчен круг недопустимого. И только после этого можно говорить о каких-то нравственных долженствованиях, предписанных политике.

Пример морального поведения дал Николай Второй

— *Вы можете назвать примеры, когда политик по моральным соображениям отказывался от каких-то поступков?*

— Пример морального поведения дал Николай Второй. Имея блестящую родню в королевских семьях Германии, Швеции и предложения организовать побег со стороны верных ему людей, он не бежал из страны. Он, видимо, сознательно решил разделить свою судьбу с судьбой России. Если же говорить не о политиках, а, допустим, о полководцах, то меня всегда восхищал барон Врангель, который сумел спасти армию, вывести ее из Крыма в Турцию и сохранить жизнь очень многим своим офицерам и солдатам. То же самое можно сказать о решении Кутузова оставить Москву. Принять такое решение означало признать свое поражение как полководца, свое бессилие и свою вину перед государством. В нравственном смысле это было тяжелейшее решение, но оно в конечном счете привело к успеху кампании. Наверное, можно привести немало и других примеров, когда политик из нравственных побуждений отказывается от принятия какого-то решения, а подчас и от власти.

Успех избирательной кампании обеспечивают деньги и технологии

— *Карамзин писал: «Правила нравственности и добродетели святее всех иных и служат основанием истинной политики». Если бы! Политика и мораль редко когда совмещаются. Совместимы ли они вообще?*

— Весь путь истории философии — это путь от Аристотеля, считавшего, что политика определяется этикой, до Макиавелли, убежденного в том, что политика и нравственность несовместимы. Что такое макиавеллизм? Это наличие у правителя определенной профессиональной морали, которая заключается в одном: ты не должен делать того, что приносит ущерб твоему государству. Ты можешь объявлять захватнические войны, можешь плодить рабов, можешь обманывать, можешь уничтожать целые народы, если это ведет к благу и процветанию твоего государства. Поэтому получается, что Макиавелли — любимый философ Сталина.

— *У честного политика меньше шансов победить на выборах, чем у того, кто лжет, раздаёт пустые обещания?*

— Сюда еще технологии очень сильно примешиваются. И, разумеется, деньги. Два этих ресурса и обеспечивают успех избирательной кампании.

— *На ваш взгляд, может ли сегодня в России свежий человек пробиться в политику?*

— Наверное, может. Вот недавно в Москве прошли муниципальные выборы. И меня поразило количество молодых людей, стремившихся стать муниципальными депутатами. Не знаю, чем диктовалось это стремление — творческими амбициями ли, юношеским романтизмом, желанием сделать что-то хорошее для людей, оставить след в своем микрорайоне. Но в любом случае это хорошо. Чем больше приток в политику свежих сил, новых ярких имен, тем больше шансов на оздоровление власти на всех ее уровнях.

Доносительство — гражданский долг?

Диалог с директором Российского государственного архива социально-политической истории Андреем Сорокиным

Слова «доносительство», «донос» и «доносчик» имеют отрицательное значение только в русском языке. В Америке, например, говорят «information» и «informer», то есть «информация» и «информатор». Там принято, чтобы служащие информировали начальство о том, как работают их коллеги, да и вообще обо всем. И это считается гражданской добродетелью. А вот в русской жизни слово «информатор» не очень прижилось. Взамен употребляется «сексот», «стукач», «осведомитель», «нашник», «ябеда», «фискал»... Богат русский язык. Стоит ли нам изменить отношение к доносительству?

Взаимодействие государства и гражданина в определенных сферах абсолютно необходимо

— После вашей статьи в журнале «Дилетант», посвященной доносам сталинской эпохи, радио «Эхо Москвы» открыло дискуссию: «Доносительство — гражданский долг или подлость?» До сих пор слово «донос» имело в России только негативную коннотацию. Мы, что, уже настолько европеизировались?

— Я бы так категорически вопрос не ставил. Даже в той самой статье, напечатанной «Дилетантом», я говорю, что не все так однозначно. Отрицательная коннотация слова «донос» появляется в конкретную эпоху, обстоятельства которой в этом смысле крайне интересны и показательны. Это закат правления Николая I, когда

на авансцену выходят новые общественные силы — разночинцы, формируется и развивается новый этап так называемого освободительного движения. Именно в этот период — период обострения противостояния между государством и обществом — и рождается отрицательный смысл понятия «донос», к которому мы привыкли. Но еще в конце XIX века в словаре Даля мы найдем несколько значений этого слова, в том числе и вполне нейтральных по содержанию. С другой стороны, вы правы, связывая положительное значение слова «донос» с европейским опытом. Потому что в Европе, в той же Франции, например, со времен Великой французской революции понятие гражданского доноса — это понятие права и нормальная практика взаимоотношений гражданина и государства. В ту пору там происходило формирование гражданского общества, начали возникать независимые субъекты экономики и политики. Пробуждение социальных низов к активной экономической и политической жизни требовало оформления правового взаимодействия этих новых субъектов общественной жизни, низов, с государством. Одной из форм такого взаимодействия был донос. Так что, рассуждая на эту тему, мы всякий раз должны учитывать исторический контекст.

— *Контекст, в котором мы могли бы рассуждать о доносах в сегодняшней России: каков он, по-вашему?*

— По моим представлениям, Россия сегодня переживает процесс трансформации. Мы, с одной стороны, являемся свидетелями либеральной экономической политики, которую проводит государство, с другой — наблюдаем усложнение общественной и политической жизни вследствие этой самой экономической политики. И в повестку дня встают многочисленные вопросы, связанные с урегулированием взаимоотношений между гражданским обществом и государством. Вопрос о доносительстве находится именно в этом контексте, независимо от отрицательной или положительной коннотации слова «донос».

— *Граждане должны информировать «кого надо» о том, что кажется им подозрительным, неправильным, опасным?*

— Да, я считаю, что взаимодействие государства и гражданина в определенных сферах абсолютно необходимо. Граждане, несомненно, должны уведомлять государственные органы о тех явле-

ниях окружающей действительности, которые ставят под угрозу существование государства, безопасность общественных институтов, личности, имущества. Но необходимо, во-первых, обставить все это понятными, прозрачными законами и процедурами их исполнения, а во-вторых, обеспечить права индивидуумов или общественных институтов, которые в такой форме начинают взаимодействовать с государством. И, конечно, нужны некие законодательные ограничения, чтобы доноительство не стало самопожирающей системой, инструментом достижения чьих-то личных или корпоративных целей: те же рейдерские захваты, к примеру. Они ведь нередко совершаются с использованием «информации», направляемой «доброжелателями» в государственные органы.

Пять процентов правды

— *Вы говорите, что граждане должны определенным образом сотрудничать с властью ради государственной и общественной безопасности. Но то же самое внушалось населению в первые десятилетия советской власти и привело к тотальному доноительству.*

— В те годы государство с помощью «сигналов» от граждан пыталось настроить новый социальный механизм, найти способы исправления каких-то недостатков. Но очень скоро все это превратилось в шпиономанию, в политическое доноительство, в сведение счетов, в орудие борьбы за власть, в инструмент многочисленных чисток, через которые не раз прошла элита страны.

— *В какой мере, на ваш взгляд, систему доносов создавала власть, а в какой — сами граждане? Чьи «заслуги» значительнее в этом деле?*

— Сложный вопрос. Я думаю, здесь многое зависело и от тех, и от других. Нельзя отрицать, что в 20-30-е годы существенная часть общества находилась в состоянии энтузиазма и даже эйфории по поводу строительства нового мира. И на этой волне многие были готовы сотрудничать с государством в целях построения светлого будущего, к сожалению, забывая библейскую максиму, что благиими намерениями вымощена дорога известно куда. Так, собственно, и получилось. Сначала государство не пыталось использовать народный энтузиазм для борьбы с инакомыслием. В 20-е годы и

внутрипартийный режим, и состояние общества еще обеспечивали определенный плюрализм. Мирное сосуществование разных платформ, течений, позиций — все это было допустимо. В этот период информирование власти о недостатках имело инструментальную задачу: строительство нового общества. Но постепенно дело двинулось к установлению единоличной диктатуры, и в конце 20-х годов произошел перелом. На этом переломе обозначились и новые социальные функции всевозможных органов, созданных еще на излете Гражданской войны. Эти органы собирают информацию, которая начинает активно использоваться для борьбы с оппозицией. Создатель и идеолог этой системы — Сталин. Вспомним его знаменитое изречение о том, что мы будем расследовать все доносы, в которых содержится хотя бы пять процентов правды. Это было сказано в 1928 году. А в конце 1930-х появился новый учебник истории для начальных классов средней школы. Там было записано, что главная задача советского гражданина — помогать органам НКВД разоблачать врагов советской власти. Об этом историческом контексте надо помнить, обсуждая взаимодействие общества с государством в определенных сферах.

Сталин осмысленно проводил чистки

— *В 30-е годы доносы часто имели корыстную подоплеку: настучать на соседа и занять его жилплощадь, «разоблачить» коллегу и получить его должность. Но были ведь и доносы «от чистого сердца». Как говорится, ничего личного. Просто засвидетельствовать лояльность режиму, показать беззаветную преданность делу Ленина — Сталина.*

— Такого рода донос трудно назвать бескорыстным. Если вы стремитесь своему патрону — не важно, кто он — ваш начальник на работе или государство, как ваш работодатель прямой или опосредованный, — продемонстрировать свою лояльность, то за этим чаще всего стоит желание продвинуться, обеспечить себе карьерный рост, укрепить свою безопасность. Я бы не называл такие взаимоотношения вполне бескорыстными. Бескорыстными были многочисленные доносы в ранний советский период, когда люди, искренне принимая идею строительства нового общества и веря в нее, писали в различные органы о всяческих неполадках, мешающих этому строительству.

— *А когда доносы стали инструментом борьбы внутри сталинской номенклатуры?*

— Не сразу. Во второй половине 30-х годов использовать донос в этом качестве особой надобности не было. Сталин сам выстраивал систему взаимоотношений со своими подданными, в том числе из ближнего круга. Он осмысленно проводил чистки, убирая старых большевиков, считавших его равней себе и по революционному стажу, и в интеллектуальном отношении. Делал он это не только в силу своей натуры, но еще и от стремления максимально инструментализировать процесс строительства нового мира, избавить его от ненужных дискуссий, добиться безоговорочного и скорого исполнения руководящих указаний. Самонастройки в сталинском аппарате управления не существовало. Этот аппарат все время нужно было настраивать сверху. И количество решений, которые принимались политическим ареопагом, просто зашкаливало. Достаточно посмотреть на структуру и содержание вопросов, которые рассматривались на Политбюро, чтобы понять, что справиться с этим путем демократических процедур решительно невозможно. Хотя, конечно, личные качества вождя тоже сыграли немаловажную роль в аппаратных чистках.

— *Чем, на ваш взгляд, объяснялись родственные доносы, когда муж доносил на жену, брат на брата, сын на отца?*

— Большинство случаев внутрисемейного доносительства были связаны с элементарным страхом за свою судьбу, судьбу своих близких и желанием отмежеваться от родственника, оказавшегося «врагом народа». Но в не меньшей степени это было связано с пафосом строительства нового общества, с культом партии и культом вождя, которые все понимают в строительстве этого нового общества и которым нужно доверять. До конца в исследовании этой темы мы с вами никогда не дойдем. До глубин человеческой души дойти вообще довольно сложно, и те эпистолярные источники личного происхождения, которые имеются в нашем распоряжении, они носят очень индивидуальный характер. Человек мог публично утверждать, что он согласен с курсом партии и поэтому рад разоблачить жену, отца, брата, сына, мать, а в душе признаваться самому себе в том, что им движет элементарный страх. Бывали и доносы по принуждению, когда людей заставляли оговаривать

родственников, коллег и даже малознакомых людей. На этом построены все знаменитые судебные процессы 30-х годов. Кроме того, на высшем политическом уровне было принято решение о допустимости физического воздействия на подсудимых, и это зафиксировано в соответствующих документах. Понятно, во что превращалось следствие в таких условиях и к чему оно приводило.

Сначала «сигналы» имели целью борьбу с бюрократизмом

— *Как вы думаете, система власти в советский период могла существовать вне системы доносов?*

— Мне кажется, могла, во всяком случае, если говорить о позднесоветском периоде, когда доносительство, в том числе политическое, было отнюдь не столь массовым, как в 30-е годы. А вот для сталинского периода оно было одним из структурообразующих элементов нового общества. Оно было и способом борьбы с бюрократией. Никаких иллюзий по поводу тогдашней бюрократии по сравнению с поздней советской или нынешней быть не должно. Мы найдем в документах ВКП(б) многочисленные постановления, призванные бороться с излишествами в функционировании бюрократии, в поведении советских и партийных начальников, которые уже тогда, не стесняя себя никакими приличиями, использовали свое общественное, государственное положение в целях личного обогащения. Сам факт принятия такого рода постановлений подтверждает массовость этого явления. Так что стимулирование доносительства в народных массах было отчасти направлено на обуздание бюрократии. В первое советское десятилетие «сигналы» (такова была лексика того времени) имели целью борьбу с бюрократизмом, исправление хозяйственных, управленческих недостатков. В 30-е годы эти «сигналы» в большинстве своем перестают работать, хотя к тому времени уже существуют комиссии партийного и советского контроля. Наличие таких структур для многих партийных и советских аппаратов уже само по себе служило сдерживающим началом, вне зависимости от «сигналов» трудящихся.

— *Можно ли было создать атмосферу тотального доносительства без активного участия самих граждан?*

— Да, советские граждане сами здесь проявляли большую активность, и, чем ниже был образовательный и культурный уро-

вень, тем меньше было в этом смысле моральных преград. Для слоя советской интеллигенции, имевшего опыт противостояния с государством в досоветский период, и для их потомков отрицательная коннотация слова «донос» была слишком жива в памяти, чтобы так просто и легко вовлечься в массовое доносительство. Для слома этих моральных преград использовался целый арсенал средств, иначе невозможно было бы принудить миллионы людей писать миллионы доносов.

Заведомо ложный

— *В российском Уголовном кодексе есть статья 306 — заведомо ложный донос. Для такого деяния предусмотрен целый спектр наказаний — от штрафа в сто двадцать тысяч рублей до лишения свободы на шесть лет. Эта статья применяется? Кто-нибудь за последние несколько лет был осужден за ложный донос?*

— У меня нет оснований компетентно судить об этом. Могу только сказать, что я не слышал, чтобы в современной правоприменительной практике широко использовалась 306-я статья. Сотрудничество индивидуума и государства в той специфической форме, что была характерна для 20-30-х годов, за последнее двадцатилетие имело не столь широкое хождение, чтобы сейчас пытаться рассуждать на эту тему с фактами в руках. Хотя статистика была бы небезынтересной. В советском Уголовном кодексе эта статья существовала с 1927 года, но, судя по всему, не слишком широко применялась. В случае широкого своего применения она бы стала одной из мощнейших преград для доносительства.

Сегодня граждане не склонны писать в газеты и контрольные органы

— *Сейчас доносов меньше, чем в советские времена?*

— Мне кажется, да. Сегодня граждане не склонны писать в газеты и контрольные органы по поводу всяких непорядков вокруг, потому что исчезла насаждавшаяся сверху идеология общего дела, в которое мы все вовлечены и должны строить что-то большое и светлое. Возобладал индивидуализм. А когда индивидуализируется все поведение человека, рассчитывать на массовые акции трудящихся по исправлению недостатков вряд ли приходится. Либеральная экономическая политика и индивидуализация поведения

наших граждан — серьезное препятствие для такого рода выступлений.

— *А политические доносы сегодня могут стать массовыми?*

— Мне кажется, современные наши граждане гораздо менее идеологизированы, чем их советские предшественники. Хотя в какие-то моменты, как, скажем, было недавно в момент присоединения Крыма к России, власть может (а зачастую и должна) прибегать к политической мобилизации населения и стимулировать нужные ей настроения. Но все равно сегодня ситуация другая, и любая идеология даже у самых подверженных ее влиянию идеологизированных людей — лишь один из мотивов поведения, причем отнюдь не главный.

— *Политические доносы — они не обязательно подметные. Они могут быть и публичными. Скажем, открытое письмо «передовой общественности» в газету или выступление депутата с парламентской трибуны. Вы согласны, что это никуда не делось, наоборот, вновь входит в общественный обиход?*

— Я полагаю, это широко распространенная — вне всяких государственных границ, идеологических симпатий и антипатий — практика поведения. Она существует во всем мире, и в этом смысле Россия не исключение. Везде идет политическая борьба, везде эта борьба предполагает и сведение счетов, и попытку подставить под удар политического конкурента. Но у нас такая практика имеет очень конкретный исторический контекст. Именно он порождает иногда чрезмерную подозрительность к проявлению стандартных форм политического и общественного поведения. Эта подозрительность небезосновательна и еще долгое время будет оставаться такой.

Русские и американцы никогда не поймут друг друга?

Диалог с журналистом Михаилом Таратутой

По данным Института Гэллапа, 18 процентов американцев называют Россию главным врагом США, а 49 процентов убеждены, что РФ представляет серьезную военную угрозу для их страны. Русские в долгу не остаются. Согласно опросу ВЦИОМ, 59 процентов россиян считают Америку враждебным государством, 15 процентов — страной морального упадка. США воспринимаются россиянами как агрессор, враг номер один, провокатор, страна, стремящаяся к мировому господству и ведущая антироссийскую политику. В восприятии американцами и русскими друг друга — свои стереотипы. Американцы считают русских ленивыми, много пьющими, мрачными, непредусмотрительными, склонными к нелогичным поступкам и ни в чем не знающими меры. Русские, в свою очередь, полагают, что американцы тупые, неискренние, бездуховные, толстые, любят фаст-фуд, думают только о деньгах, не знают элементарного (например, исторических дат), путают страны (Иран с Ираком) и не помнят таблицу умножения.

— Часто приходится слышать, что русские и американцы во многом очень похожи. Это так?

— Это традиционная мифология. Безусловно, мы имеем нечто общее со всеми странами европейской культуры. Есть базовые ценности — любовь, дети, отношения в семье. Хотя и тут видны различия. Могу, например, сказать точно, что для русского мужчины, во всяком случае моего поколения, большей каторги, чем американская жена, придумать невозможно.

— *В каком смысле?*

— В том смысле, что в отличие от нас семейные роли у американцев размыты. Там нет такого жесткого закрепления на мужскую и женскую работу. Отношения в американской семье строятся как бы на постоянных договоренностях. «А, ты хочешь, чтобы я сегодня помыла посуду? Хорошо, я помою посуду, но ты, знаешь, сходи тогда за ребенком и сделай с ним уроки». Для них это естественно, а для нас вот такие бытовые взаиморасчеты выглядят, конечно, диковато. Или вот еще. У американцев не принято, чтобы дети после восемнадцати лет жили вместе с родителями. По окончании школы юные создания стремятся поступить в университеты подальше от дома. А с другой стороны, не принято, чтобы престарелые родители жили вместе с детьми. Но этого не желают прежде всего сами родители, даже если им не помешала бы помощь. Они скорее продадут свой дом или квартиру и купят жилье в поселке пенсионеров. Это что-то вроде наших дачных поселков, но с соответствующим возрастным контингентом. И надо сказать, в таких поселках всю кипит жизнь. Там есть свои политические партии, которые борются за президентское кресло внутри этого поселка, там распадаются и создаются семьи, там есть спортзалы, поля для гольфа, и, конечно, медицинская помощь. Стремление к самостоятельности, независимости от кого бы то ни было очень сильно в американцах.

Американцы намного более закрытый народ, чем русские

— *Давайте теперь сравним черты национальных характеров. Например, считается, что русский — коллективист, американец — индивидуалист.*

— Любой социолог вам скажет, что это — еще один миф. Может, это и было справедливо в прошедшие века, но сегодня русские стали такими индивидуалистами, что мало не покажется. Каждый за себя, никакой солидарности. Вот сравните, в дни после париж-

ского теракта в Интернете появилось много объявлений, где парижане предлагали ночлег тем, кто не смог попасть домой из-за усиленных мер безопасности, а таксисты отключили счетчики и перевозили людей бесплатно. А что было у нас после теракта в метро? Бомбилы, напротив, накручивали тройные суммы за проезд! «Крымнаш» — это, может быть, единственное на моей памяти, что объединило страну после Великой Отечественной войны. Так что русский коллективизм, во всяком случае сегодня, — это миф. А вот американцы проявляют удивительную солидарность в случае каких-то бедствий. Я был свидетелем большого землетрясения в Сан-Франциско. Как же там люди самоорганизовывались, помогая друг другу! Просто поразительно! То же самое, кстати, было в Нью-Йорке, когда случилось несчастье в 2001 году.

— *А разница в мировосприятии? Скажем, американцы делают акцент на позитивные моменты, русские — на негативные.*

— С этим я соглашусь. И более того, люди, которые постоянно жалуются, видят все в черном свете, в американской культуре воспринимается как «лузеры», неудачники. В своем отношении к жизни американцы, действительно, позитивны. Если что-то не получилось, они будут говорить себе и окружающим, что это просто неудачное стечение обстоятельств, что это был полезный урок и в следующий раз все обязательно получится. Американцы верят в то, что негативное отношение к жизни притягивает негативную энергию. Наверное, так и есть. Поэтому на вопрос «как дела?» вы всегда услышите «все хорошо». «Все хорошо» еще и потому, что там не принято вываливать свои проблемы на других людей, особенно малознакомых. Что говорит еще об одной их черте: американцы более закрыты, чем мы. У них есть внешняя открытость, но очень большая закрытость внутренняя. У нас в поезде попутчики расскажут друг другу и как женились, и как дети росли, и какая свекровь змея, и вообще все-все про свою жизнь. Американцы — нет. Они будут говорить об общих вещах. Они могут говорить о политике, о работе, но личным, своими чувствами и переживаниями делиться не станут.

— *А отношения между людьми? Можно ли сказать, что у американцев дружеские связи многочисленны, но неглубоки в отличие от русских, которые стремятся к более основательным и постоянным дружеским связям?*

— Я думаю, что американцы тоже умеют дружить глубоко и преданно, просто их дружба имеет несколько иную форму. Мы, например, не знаем, что такое в дружеских отношениях «персональное пространство». У нас ведь как: когда на душе тошно, звонишь другу, а другу можно позвонить и ночью, и прийти к другу можно в любое время, чтобы вываливать ему свои заботы и беды. И ничего, что дети уже спят, что жена пишет диссертацию, а квартирка крошечная и всем это мешает. Так бывает у нас, а вот американцы, скорее всего, назовут это бесцеремонностью. Ведь если ничего не горит, никого не убивают, зачем мешать другим? Можно же зайти к другу не ночью, а на следующий день. А еще лучше не зайти к нему, а пойти посидеть в баре. У американцев больше, чем у нас, принято считаться с другими людьми, даже друзей там стараются не сильно «грузить» своими проблемами и сколь возможно справляться с трудностями самостоятельно. Там принято оберегать свое и уважать чужое «персональное пространство». Но это совсем не значит, что американец откажет другу в помощи. Другое дело, что он не будет захлебываться в эмоциях, размахивать руками, клясть вместе с другом его неприятелей и обстоятельства, брать на себя обязательства, которые он никогда не сможет выполнить, и громоздить планы один фантастичней другого. Нет, этого американец делать не будет. Он просто реально взвесит свои возможности (нам они могут показаться даже заниженными, как раз оттого, что они реальны) и тут же начнет действовать. Иногда именно такая помощь бывает очень эффективна.

— *Трудолюбие?*

— О да, американцы трудоголики. Абсолютные трудоголики. Среди Западного мира они на одном из самых первых мест по продолжительности своей рабочей недели. Зачастую они работают по 10-11 часов в день. Нередко человек работает на кого-нибудь в конторе, а придя домой, весь вечер в собственном бизнесе.

Жизнь по законам рынка со временем изменит и русский характер

— *Это верно, что американцы более меркантильны, чем русские, все подвергают расчету, считают каждый цент?*

— наших туристов или недавних эмигрантов, толком еще не разобравшихся в американской жизни, раздражает чрезмерная, на

наш взгляд, расчетливость, несвойственный нам прагматизм, особенно в быту. Нам трудно, например, понять, как это может быть, чтобы в кафе или ресторане парень и девушка, переживающие романтические чувства, платили каждый за себя. Если же всерьез, то я не считаю, что американцы уж особенно скупы. И они не прочь тратить деньги на удовольствия, но сначала они заплатят за квартиру, отложат что-то в пенсионный фонд, на образование детям... Я допускаю, что капитализм, жизнь по законам рынка со временем изменит, если уже не начала менять, и наш характер.

На стукачестве многое завязано в американской жизни

— Еще одна тема, которая возникает в разговоре наших людей об Америке, — стукачество. По вашим наблюдениям, оно свойственно национальному характеру американца?

— Чего уж нам с советским-то опытом мелочных анонимок и убийственных доносов особенно сильно возмущаться американским стукачеством. Но что есть у американцев, то есть. Мелкие доносы начинаются еще со школы. Мало того, что дети обычно не дают друг другу списывать, так еще и пожалуются учителю, если кого-то за этим занятием заметят. То же самое и в университетах. Моя дочь, воспитанная на отечественных принципах списывания, долго обижалась на свою лучшую университетскую подругу, которая, периодически что-то заимствуя у Кати, под разными предлогами уходила от того, чтобы выручить в нужную минуту и ее. Обижалась, пока не поняла, что причина такого отношения кроется в системе оценок, которая принята в Америке. Выставляя оценки, преподаватель, как правило, исходит не из абсолютного уровня владения материалом, а от самого высокого уровня, показанного тем или иным студентом в группе. Лучшая работа в группе получает высший балл. Все остальные работы оцениваются по отношению к лучшей. Таким образом, давая кому-то списывать, ученик, написавший толковую работу, рискует уменьшить свою оценку. Или другая ситуация: на дороге отчаянный водитель опасно лихачит, «подрезает» другие машины — будьте уверены, кто-нибудь — спасибо мобильным телефонам — тут же обязательно сообщит о нем полиции. И уже минут через пять-десять его непременно остановят. Стукачество — черта, конечно, малосимпатичная, но уж так много на этом завязано в американской жизни, в американском быту, что,

может быть, этому явлению надо придумать какое-то другое, не столь уничижительное название.

Отношение к Богу у нас тоже разное

— *Какие главные факторы определили различие между русскими людьми и американцами?*

— Я бы сказал, что это различия религиозных культур. Мы выросли на культуре, которую во многом сформировало православие. В православном учении человек живет на этой земле ради Спасения, а это значит, что его жизнь — только маленький отрезок на пути в вечность. Поэтому все помыслы человека должны быть направлены вовнутрь себя, а не на окружающий мир. Иными словами, в русской системе ценностей труд, любое преобразование условий жизни имели второстепенное, подчиненное значение, стремление к богатству и вовсе порицалось. Америка же формировалась на католической, но еще больше протестантской культуре. В протестантском видении путь к Спасению, напротив, лежит через труд, создающий материальное благополучие. Работать и создавать богатство — это форма служения Богу. То есть богатство морально предписано. А вот успокоенность и довольство достигнутым достойны осуждения.

Главная причина взаимного непонимания — различия в русской и американской ментальности

— *Мы все говорим с вами о различиях в образе жизни, бытовом укладе, национальных характерах. Но есть ведь и фундаментальные, совершенно принципиальные расхождения между российским и американским мироустройством. Именно они определяют несходство и во всем остальном.*

— Наши сегодняшние разногласия с США — по Украине, санкциям, военной операции в Сирии, политическому будущему Асада и ряду других, как я это понимаю, есть частные случаи большого принципиального геополитического спора между нашими странами. США готовы всеми силами отстаивать свое видение мира, а Россия бросает американцам вызов, пытаясь разрушить монополию США и создать мир многополярный. Это очень серьезный спор, который может растянуться на годы, периодически доводить

наши отношения до кипения и встать непреодолимым барьером на пути дружеских связей. Спор, хотя и долговременный, но все же не вечный. Вполне возможно, что со временем при здравом подходе с обеих сторон страсти утихнут и конфликт рассосется. Для этого, правда, надо, чтобы, с одной стороны, Россия экономически окрепла, вошла в мир производства передовых технологий и приобрела новых союзников. С другой стороны, необходимо, чтобы Америка, наконец, излечилась от болезненного нарыва своей исключительности. Для каждой из сторон это задачи чрезвычайной трудности. Если говорить об американцах, трудности связаны с тем, что потребуются пересмотреть то, что американцы всасывают с молоком матери — свою национальную идею. Американская национальная идея сводится к тому, что на Соединенные Штаты самим Провидением возложена миссия — нести миру свет демократии, стремиться к моральному достоинству и спасению человечества. На этой мифологеме богоизбранности, получившей название «Божественное предназначение», собственно, и выросла доктрина американской исключительности, которая во многом объясняет логику развития истории Соединенных Штатов. Полтора века назад «Божественное предназначение» служило идеологическим обоснованием завоеваниям новых территорий в войнах с индейцами и Мексикой. В наши дни — не раз становилась моральным основанием для вмешательства США в дела других регионов. Американцы видят себя исполнителями возложенной на них просветительской миссии и ответственности за мировой порядок.

— *В чем, на ваш взгляд, причина глобального недоверия США и России друг к другу? Что это — неизжитое наследие «холодной войны», маражи борьбы двух идеологий?*

— В какой-то мере и это. Но главная причина, думаю, кроется гораздо глубже — в различии западной и российской ментальности. И в первую очередь различий в отношении к понятийной паре «личность — государство». На протяжении веков Россия развивалась как системоцентричное государство, то есть интересы и потребности государства, как их видела власть, всегда доминировали над интересами и потребностями личности. В результате в России не появилось никаких эффективных институтов общественного или другого контроля над действием властей. Поразительно, но

против этого народ особо и не возражал, согласившись с приоритетом интересов государства, то есть с тем, что в нашей стране не государство существует для человека, а человек для государства. Что, кстати, отражают все наши сегодняшние соцопросы: права и свободы значимы для ничтожного числа людей. Большинство превыше всего ценит безопасность, порядок, материальные блага или что-то еще. Запад развивался в сторону персонцентризма, то есть приоритета потребностей и интересов личности над государственными. А это значит, что там получили развитие самые разные институты контроля над властью. Появлением этих институтов двигало общественное согласие в понимании того, что не люди существуют для государства, а государство — для людей. Что также подтверждает социология: наверху ценностной шкалы находится возможность самореализации, подкрепленная гражданскими правами и свободами. Эти ценности Запад считает базовыми и реально готов сражаться за них в случае любой угрозы.

— *Означает ли это, что Россия и Запад обречены на явную или скрытую конфронтацию?*

— Осмелюсь привести гипотезу, которая мне представляется близкой к истине. Все этнические образования, которым суждено было сложиться в нацию, в своей социальной эволюции проходят примерно один и тот же путь, хотя и движутся с разной скоростью и необязательно по прямой линии — к демократическому правлению. Да, демократия, может, и не совсем идеальная организация общества, но лучшего человечество пока еще не придумало. При всем своеобразии культур и истории (сравните, к примеру, Швецию и Японию, Германию и Мексику) все страны в конце концов неизменно приходят примерно в одну и ту же точку — к демократическому устройству. Их путь может лежать через революцию или эволюцию, а конечная остановка у всех одна. Но есть на этом пути и неперемное условие, своего рода пропуск во владения демократии. Это — эволюция в сознании народа или, по крайней мере, в сознании его мыслящей части. В национальной ментальности должно появиться осознание прав и свобод личности как первостепеннейшей ценности.

Цель оправдывает средства?

Диалог с историком Валерием Керовым

Макиавелли якобы сказал: «Цель оправдывает средства». Хотя принадлежность ему этих слов нигде и никем не доказана. «Цель не оправдывает средства», — будто бы написал несогласный с Макиавелли Маркс, но его авторство здесь тоже под сомнением. Да и само соотношение целей и средств уже много веков является полем для дискуссий. Где проходит черта, которую преступать нельзя для достижения цели? Стоит ли отказаться от цели, если она достижима только «негодными» средствами? Есть ли такие цели, для достижения которых все средства хороши?

Публичные обещания не всегда выполняются

— *Вы всегда достигаете своих целей?*

— Нет, конечно. Я вполне нормальный человек.

— *Но, когда вам что-то не удастся, вы, наверное, задаете себе вопрос «почему?». И бывает ли так, что цель не достигнута, потому что вы отказались добиваться ее во что бы то ни стало. Для вас важно, во что это станет?*

— Важно. Например, предательство как средство достижения цели для меня абсолютно неприемлемо. Вообще же, если мне что-то не удастся, я виню в этом только себя: мало работал, много спал, ленился... И это справедливо. Хотя есть еще такая вещь, как удача, но тут уж ничего не поделаешь. Удаче свечку не поставишь.

— *Вы можете отказаться от цели, если чувствуете, что для ее достижения придется пожертвовать моральными принципами?*

— Я так делал не раз. То есть отказывался от цели ради того, чтобы меня не перестали считать приличным человеком. Я не хотел бы приводить примеры такого моего поведения, потому что это не только моя тайна.

— *Существуют ли вообще такие цели, для достижения которых все средства хороши?*

— В рамках определенной исторической эпохи — да, наверное, существуют. Скажем, война между двумя странами, одна из которых — моя Родина, когда непотворением злу насилем зло умножится. Или такая вещь, как политика. Здесь несоответствие целей и средств подчас неизбежно и может считаться нормальным.

— *Что вы имеете в виду?*

— Ну, например, предвыборные обещания. Они, как правило, не выполняются. Но если их не раздавать, то цель — быть избранным на руководящий пост, провести свою кандидатуру в парламент — не будет достигнута.

— *Обман как средство достижения цели — это нормально, вы считаете?*

— Я говорю лишь о том, что публичные обещания не соответствуют будущим результатам. Была такая байка в советское время: «Приехал Хрущев на какой-то завод и спрашивает рабочих: «Как живете, товарищи?» «Хорошо», — пошутили рабочие. «Будете жить еще лучше», — шуткой на шутку ответил Никита Сергеевич». Если говорить о современной политике, искажение реальности в выступлениях и обещаниях — это реальность. Другое дело, когда бывает не сознательный обман, а добросовестное заблуждение. Скажем, Александр II заявил, что дает крестьянам свободу, дарует землю. Но в итоге этой земли у них оказывается на 20 процентов меньше, чем было даже в пору, когда они являлись крепостными. Есть и другие отрицательные последствия, они описаны в исторической литературе. В листовке революционеров в начале 1860-х была интересная карикатура — крестьянин попадает «из огня да в омут», из крепостного состояния во временно обязанное. Что, Александр II нарочно хотел обмануть крестьян? Нет, конечно. Но, судя по воспоминаниям царских сановников, многие понимали, что его обещания завышены. Это можно считать обманом? Не

уверен. Когда многие крестьяне поняли, что в результате реформы у них часть земли отобрали, некоторые из них, вооружившись вилами, выступили с протестом, и против них было применено насилие. Не надо было насилия? Надо было, чтобы они вот так дошли до Москвы или до Петербурга? Так что вопрос о целях и средствах — он очень непростой, и здесь не всегда возможны однозначные ответы. Но в любом случае расхождение между словами и результатами действий политиков — это факт.

Современники осуждают, потомки прославляют

— *Если говорить о событиях исторического масштаба, у современников свой взгляд на них, у потомков свой. Кто тут прав в оценке средств, выбранных для достижения цели?*

— Вы задали очень важный вопрос. Был такой замечательный французский историк Марк Блок. Он говорил, что историк «должен отказаться от замашек карающего ангела».

— *То есть современная нравственность не должна применяться при оценке событий прошлого?*

— Ни в коем случае. В дискуссии на канале «Культура» с известным историком, блистательной Наталией Басовской я процитировал слоган одной техасской газеты XIX века: «Если вы хотите знать, как должно быть, читайте Библию. Если вы хотите знать, что происходит на самом деле, читайте нашу газету». Так вот, современники всегда безошибочно знают, как оно должно быть, а историки пишут, как было на самом деле. Мы, историки, должны анализировать события не с точки зрения соответствия их современным нормам морали, а сообразуясь с теми или иными историческими тенденциями. Например, какие-то реформы. Они помогли развиваться стране или задержали ее развитие? Скажем, ордынское иго привело к некоему евразийскому симбиозу или уничтожило цивилизацию, которая на голову была выше европейской? У нас ремесленники умели писать, а западные короли подписывались крестиком. Или взять Александра I. Он, знавший об убийстве отца и одобрявший это убийство, наверное, поступил нехорошо с точки зрения житейской морали, но историки подходят к этому российскому правителю с другой меркой. В политике несоответствие целей и средств подчас неизбежно и может считаться нормальным

— У нас роль историка, оценивающего какое-либо событие на достаточном отдалении от него, выполняла еще и русская литература. «Скажи-ка, дядя, ведь недаром?..» — это вопрос о цели и средствах, заданный спустя четверть века после Бородина. Стоило ли «спалить пожаром» Москву и отдать ее «французу» ради будущей победы над врагом? Для современников ответ на этот вопрос был не столь однозначен, как для потомков в лице того же Лермонтова, например. А низвергнутый на дно жизни Евгений в «Медном всаднике» как плата маленького человека за «прорубленное окно в Европу»? А всеобщая гармония ценой слезинки ребенка? Это все вопросы о цели и средствах, вы не находите?

— Совершенно согласен. Можно здесь взять для примера и «Войну и мир», и пушкинскую «Полтаву», и даже «Морские рассказы» Станюковича. В этих произведениях вопрос о цели и средствах тоже стоит. Но он не является дискуссионным. Здесь всегда содержится один ответ: «Да, недаром». Вопрос о слезинке ребенка — это, как правило, спекуляция. Мы что, в 1945-м должны были поднять руки перед мальчишками из гитлерюгенда с их фаустпатронами, чтобы плакали русские матери? Нет уж. А что касается русской литературы, никто из великих, в том числе Лев Толстой, пацифизм не проповедовал, когда речь шла о защите Отечества. Если мы взглянем на нашу историю, то увидим, что насилие как способ достижения цели в каких-то случаях было просто необходимо. Взять старообрядцев. Это моя родная тема, у меня докторская диссертация была связана со старообрядческим предпринимательством. Старообрядцы были ли исключительно мирные — в XIX веке никаких вспышек агрессии, никакого взаимоничтожения, никаких восстаний против власти. Но когда началась Великая война 1914 года, они стали чуть ли не первыми добровольцами. В старообрядческой среде были начетчики — так называли грамотеев, образованных людей, знатоков богословия, церковной истории и канонического права. Они были нужны при нехватке священников для того, чтобы духовно учить других, а в религиозных диспутах защищать старообрядчество. Так вот, начетчики первыми поменяли книги на винтовки, чтобы защитить Россию от супостата, и показали пример массам староверов. Наконец-то власти допустили в армию и старообрядческих батюшек в ранге

полковых священников (в Русско-японской войне погибшие старообрядцы не получали церковного упокоения). Священники не имели права брать в руки оружие. Но во время боя они вытаскивали вместе с санитарями раненых, кого-то отпевали, кому-то словом помогали. Некоторые из них были награждены, кто Георгием, кто Анной с мечами. Словом, даже глубоко религиозные люди, когда надо защитить Родину от врага, или взяли в руки оружие или, по крайней мере, участвовали в боях иным образом. И это классический случай, когда цель оправдывает средства, в данном случае — вооруженное насилие.

Средства предоставляются эпохой

— *Согласитесь ли вы со мной, если я скажу, что самые недостойные средства используются для достижения утопических целей?*

— Вы коммунизм имеете в виду?

— *И его в том числе.*

— Если вы насчет насилия, то здесь вопрос, наверное, не в целях. Разве коммунизм — плохая цель?

— *Это цель утопическая.*

— А демократия ваша либеральная — это какая цель? Не утопическая, что ли? Что может быть более утопическим, чем равенство людей? Есть всякие варианты равенства, даже вариант того равенства, которое достигнуто при помощи изобретения полковника Кольта. Все цели, которые ставит перед собой человечество, утопичны. Но иначе и быть не может. Если мы перестанем ставить перед собой утопические цели, то...

— *...не будет прогресса?*

— Да не прогресса даже. Поймите, прогресс — это, как замечательно сказал французский историк Мишель Вовель, вопрос веры. Это как же надо верить в прогресс, чтобы считать Пелевина (он мне нравится, но все же) высшей формой по отношению к Шекспиру, а жертв какой-нибудь Тридцатилетней войны выстраивать в историческую линейку к Холокосту. Так что дело не в прогрессе. Поймите, при отсутствии утопических целей человечество не будет самим собой. В муравейнике или стае волков нет утопических

целей. Хотя я здесь не уверен. Отвечаю все-таки на ваш вопрос насчет утопизма и средств, связанных с утопическими задачами. Дело вообще не в целях. Они все одинаковые, в том смысле, что имеют утопический характер. Мы не говорим сейчас о чьих-то личных низких целях, мы говорим о целях общественных. Общественные цели — они все положительные: чтобы людям жилось хорошо, чтобы все люди были равны, чтобы все люди спаслись. Иван Грозный для чего делал то, что он делал? Чтобы Русь «загнать» в Царство Божье. А средства? Они предоставляются эпохой. Вот из этих предоставленных эпохой средств и приходится выбирать. Причем выбираются не всегда эффективные средства. Я как историк могу сказать: выбор средств не связан с их эффективностью. Выбирают не самые эффективные средства, а те, которые чему-то соответствуют. Есть такое направление в исторической науке — персональная история. Предметом ее исследования является история одной жизни во всей ее уникальности и полноте. Того же Ивана Грозного возьмите. Почему он стал Грозным? Может, потому, что с ним в детстве жестоко обращались? Если бы его любили, холили, лелеяли, то история Руси второй половины XVI века, возможно, была бы немножко другой — например, без опричнины, жестоких казней на площадях... Но все равно есть исторические формы, за которые никакой правитель не может выйти. И доброму, ласковому правителю в XVI эсхатологическом веке пришлось бы по-другому обеспечивать святость Руси. Один из вариантов предложил духовник Ивана Васильевича, настоятель Благовещенского собора Сильвестр в своей редакции «Домостроя». Это было «праведное стяжание», душеспасительное хозяйствование с применением всех христианских норм. Кстати, практически одновременно с протестантскими вождями.

— *Средства могут скомпрометировать цель?*

— Конечно, могут. С коммунизмом именно так и произошло. Репрессии, подавление инакомыслия, контроль государства над различными сферами жизни, куда не надо бы государству совать нос, скомпрометировали идею коммунизма. Точнее, не идею коммунизма, а его советскую версию. Сама эта идея в ее «чистом» виде существует уже две тысячи лет и еще столько же будет существовать.

— *А бывает ли так, что некая цель является средством для достижения другой цели?*

— Да. И это совершенно нормально. Например, когда мы, ученые, пишем какую-нибудь работу, у этой работы есть цель и есть задачи, которые надо решить, чтобы достичь этой цели. У нас это называется так: цель и задачи. Вы можете называть это подцелями или целями, которые выступают средствами для достижения других целей. Подводя итог нашему разговору, я бы сказал, что, размышляя о соотношении цели и средств, надо отказаться от замашек «карающего ангела».

Наша элита задумывается о будущем?

Диалог с экономистом Александром Аузаном

По данным ВЦИОМ, каждый десятый россиянин считает, что в России не существует никакой элиты. Большинство же уверены, что она есть. При этом 75 процентов опрошенных пропуском в элиту называют деньги, 56 процентов — связи, 20 процентов — деловые качества, 13 процентов — протекцию со стороны различных влиятельных групп. По мнению опрошенных, для элиты характерны власть (26 процентов) и богатство (25 процентов). Примерно 17 процентов респондентов считают, что признаком принадлежности к элите может служить высокий профессионализм. Наименее востребованными являются такие качества, как нравственность и духовность (13 процентов). Можно ли унаследовать место в элите? Что ждет завтра российских магнатов и крупных чиновников? Задумываются ли они о своем будущем?

— Для начала давайте договоримся о терминах. Я не люблю слово «элита».

— Мне оно тоже не нравится.

— «Аристократия» — можно сказать?

— Нет. Аристократия — это разновидность элитных групп. Аристократии свойственны жесткие правила наследования, преемственности. У аристократического ребенка нормальной жизни нет от рождения, потому что это не ребенок, а функция. Он должен исполнять определенные социальные роли, не важно где — на охоте, на свадьбе, в палате лордов... Во всяком случае, это не только сладкая жизнь. А еще аристократия выступает важным ограничи-

телем для монарха. Но это не наш случай. У нас нет ни монарха, ни аристократии.

— Тогда вместо «элиты» какое слово возьмем?

— Я предпочитаю — «доминирующие группы».

— Это несколько тяжеловесно. Может, «бюрократия»?

— «Бюрократия» — уже гораздо лучше. Но это лишь одна из доминирующих групп. Мне иногда приходится публично выступать в защиту бюрократии. Расхожее мнение, что у нас слишком много чиновников, я совершенно не разделяю. На возгласы «посмотрите, как у нас выросло количество чиновников» я отвечаю: а вы знаете, у нас еще сильно выросло количество занятых в пищевой промышленности. Мне говорят: ну, это хорошо, они же производят. Я говорю: так значит дело не в том, сколько у нас чиновников, а в том, что они производят. Если вам нужно много общественных благ в виде безопасности, правосудия, государственной охраны здоровья, то это означает, что вам требуется и много производителей этих благ. Вообще бюрократия полезная группа, производящая важный продукт. Проблема лишь в том, как устроить хороший отбор в бюрократии. Гражданин должен понимать, какое общественное благо производит бюрократия. Если он это понимает, то конкурсы на замещение вакантных должностей будут работать на улучшение качества бюрократии. А если он этого не понимает, то они будут работать так, как сейчас: начальник выбирает того, кто ему удобней, и это необязательно лучший выбор. Я уже много лет настаиваю на вроде бы странной и непопулярной мере — заменить косвенные налоги прямыми, которые человек видит. То есть давать гражданину возможность голосовать налоговым рублем за важные для него направления, давая тем самым ориентиры бюджету. Если человек понимает, что он платит за общественные блага, которые производит бюрократия, то он начинает интересоваться качеством общественного блага. Ему становится важно, кто и как это благо произвел. В итоге появится лучший отбор чиновников. Впрочем, должен заметить, что и сейчас у нас в бюрократии немало квалифицированных людей. За последние лет десять бюрократия стала намного влиятельней, чем, например, крупный частный капитал. Не случайно у людей бизнеса, способных эффективно управлять, возникла тяга к переходу на госслужбу.

— Наверное, в беседе нам все равно, хочешь не хочешь, придется оперировать словом «элита», понимая под элитой совокупность людей, занимающих высокие посты в экономике и управлении государством.

— Хорошо, пусть будет «элита».

В отсутствие институтов важны персональные связи

— Российский истеблишмент на протяжении как минимум последних лет десяти не испытывает перемен в своем составе. Лидеры бизнеса, высокопоставленные чиновники — все это в основном одни и те же лица. Но когда-то кто-то ведь должен прийти им на смену. Можно ли унаследовать место в элите?

— Если иметь в виду прямое наследование, то с этой проблемой столкнулась частная буржуазия. Это преимущественно люди моего поколения, шестидесятилетние, которые сейчас управляют и страной, и большими компаниями, и политическими партиями. Это поколение уже в силу возраста начинает задумываться о том, что наработанное надо как-то передавать по наследству. И выясняется, что это колоссальная проблема. Дело в том, что в России все институты слабые, кроме институтов извлечения ренты. И когда я слышу, что наши институты надо совершенствовать, я говорю: аккуратней, не все институты нуждаются в совершенствовании. Те наши институты, которые добывают естественную, административную, монопольную ренту, делают это гораздо более эффективно, чем аналогичные институты в других странах. Усовершенствование этих институтов может привести к тому, что вы еще больше ренты будете выжимать и еще меньше заниматься производительной деятельностью. Тем не менее в целом институциональная среда — наше слабое место. Потому и важны персональные связи. Но как передать персональные связи по наследству?

— Почему обязательно связи? Можно передавать бизнес.

— Передавать семье управление промышленными или финансовыми империями — это, как правило, приводит к плохому результату. Во-первых, дети финансовых и промышленных магнатов совершенно необязательно мечтают быть финансистами и промышленниками. Во-вторых, есть, я бы сказал, дурной закон, который нередко проявляется в экономических династиях, когда

дед — создатель и накопитель капиталов, отец — управленец, а внук — прожигатель. Потому что внук не прочувствовал, откуда взялся капитал, внук не очень в это погружен ментально, интеллектуально. Но деньги жгут ему руки, надо что-то с этими деньгами делать. И то, как внук распоряжается этими деньгами, обычно приводит к разрушению созданного. Между тем надо признать, что у нас имеются крупные компании, способные выдерживать международную конкуренцию, выходить на мировой рынок с экспортными продуктами, создавать транснациональные цепочки. Утратить такую компанию — это трагедия не только для семьи, но и для страны. Поэтому возникают большие сложности с наследованием. Идеальный случай выглядел бы так: семья становится бенефициаром, получает какие-то деньги себе на существование, а управление передается другим людям либо деньги переводятся в некоммерческие фонды, как это делают в мире многие миллиардеры. Таким путем пошел у нас Владимир Потанин, и, на мой взгляд, правильно сделал.

— Отказаться от миллиардов не так-то просто. И не потому, что миллиарды нужны для жизни. Как раз для жизни они не нужны, для жизни достаточно и миллионы. Просто деньги — это не только средства к существованию. Это еще и престиж, и самоуважение. Как от этого отказаться?

— Я бы сюда добавил еще одну важную функцию денег. Они в бизнесе мерило успеха. Когда бизнес успешно развивается, начинают возникать миллионы, сотни миллионов, миллиарды. Сыграв роль индикатора успеха, эти деньги могут составить основу некоего нового дела, причем некоммерческого. Деньги, переданные миллиардерами, скажем, в фонд борьбы со СПИДом, туберкулезом или онкологическими заболеваниями, могут дать прямые научные и медицинские результаты в течение десяти — двадцати лет, что госбюджету пока не под силу. Если ж говорить о прямом наследовании... Я часто цитирую Уоррена Баффетта, который сказал: «Если вы хотите с гарантией проиграть Олимпиаду, соберите команду из детей победителей предыдущих Олимпиад». В спорте это очевидная вещь, а в экономике почему-то не очевидная, хотя логика та же.

— Это в бизнесе. А как во власти? Здесь существуют какие-то механизмы наследования?

— Проблема с наследованием есть и у такой влиятельной группы, как бюрократия. Вообще наследственная бюрократия — вещь довольно редкая. Она обычно встречается в азиатских странах, где имеются кланы и где место передается если не сыну, то племяннику, и составляет основу кормления. В наших условиях это совершенно невозможно. У нас нет клановых систем.

— *Тем не менее дети чиновников нередко занимают значительные посты в госкорпорациях, органах власти.*

— Это есть, я не спорю. Но это встречается не только на государственной службе. Существуют, к примеру, цирковые династии. Это, правда, потому, что акробатике нужно учить с пяти лет. А на госслужбу с пятилетнего возраста никого нестроишь, хотя многим хотелось бы. При таком состоянии институтов, как у нас, права собственности не гарантированы, не защищены, и поэтому начинают действовать другие механизмы защиты прав собственности. Это либо личная уния, либо пакты элит. Личная уния, например, долгое время действовала в Южной Корее, когда страна поднималась и крупные корпорации делегировали своих людей во власть, а представители власти, в свою очередь, направляли, кого им надо, в советы директоров.

— *Это работало как гарантия собственности?*

— Да, это работало именно так. И у нас, кажется, появляется похожая система. Правда, она имеет серьезные недостатки. Представьте себе, что человек, который находится у власти и одновременно контролирует определенный бизнес или, скажем мягче, покровительствует ему, — представьте, что этот человек теряет свое властное положение. Это означает, что он потерял все. В том числе бизнесы, которые создавал. Я больше скажу — он может потерять свободу, он может стать мишенью антикоррупционного преследования. Пока он был у власти, такое только в виде исключения могло случиться. А вот когда он уже не у власти и выясняется, что он переплетал госслужбу с бизнесом, тут самое время конкурентам, недоброжелателям начать загонную охоту на этого человека. И у него возникает фантомная идея: я не могу вечно удерживать должность, но, может, я ее сыну передам или дочери, чтобы все не рухнуло, чтобы свободу не потерять.

— *Вы полагаете, скоро и до этого дойдет?*

— Вероятность такого бюрократического наследования я оцениваю как исчезающе малую в наших условиях. В КНР подобная попытка была сделана. Но не согласились китайские элиты на такое наследование. Потому что оно нередко связано с ухудшающим отбором: в тени большого дуба не всегда растет что-то полезное. У российский бюрократии и частной буржуазии аналогичные проблемы тоже возникают, поэтому они боятся думать о будущем. Есть, конечно, и другие обстоятельства, ограничивающие взгляд в будущее. Например, отсутствие понимания того, как осуществляется преемственность во власти на разных уровнях.

Нужно перестать бояться будущего

— *По вашим наблюдениям, российская элита представляет себе свое будущее, как-то планирует его?*

— Мне не приходилось спрашивать глав госкорпораций и высокопоставленных чиновников о том, как они себе свое будущее представляют. Гораздо чаще я разговаривал с ними о том, как они представляют себе будущее страны. Оно ведь в значительной мере находится в их руках. Так вот, в их ответах на важные вопросы я наблюдаю то, что в социокультурных исследованиях называется высоким уровнем избегания неопределенности. Страх перед будущим, проще говоря.

— *Они боятся думать о будущем?*

— Они боятся будущего. Они боятся его, потому что их собственные судьбы не определены. И еще потому, что многие серьезные проблемы сегодня не имеют решения, и никому не хочется думать, что будет дальше. В итоге от правящих групп в общество транслируется определенная манера мышления. Эта манера не предполагает заглядывания дальше, чем на два-три года вперед. Тех, кто пытается разрабатывать стратегию, скажем, до 2030 года, в прессе подвергают осмеянию: мол, опять занялись перспективами, о сегодняшнем дне думать надо. Создана мода на короткое мышление. Это очень плохо. Когда люди живут короткими горизонтами и побаиваются будущего, они начинают по-другому делать выбор между вариантами. Они выбирают лучшее из худшего. Меньшее из зол. Но страна, живущая в постоянном стремлении

уменьшить ущерб, а не достичь высоких результатов, редко бывает великой страной, способной успешно развиваться. Ведь есть очень важные для развития страны процессы, которые уж точно выходят за пределы двух-трехлетнего горизонта. Например, инвестиции в две самые важные цели российского развития — человеческий капитал и инфраструктуру. Вложение в человеческий капитал — это длинная инвестиция. Раньше, чем лет через десять, здесь результата не бывает. Я считаю, что у нас катастрофически неправильные системы образования и здравоохранения. Теперь представим себе, что решение об инвестициях в эти сферы принимают люди, у которых двух-трехлетний горизонт. Такие люди вообще не видят смысла вкладываться во что-нибудь, не приносящее моментальной отдачи. Короткий горизонт, боязнь будущего — вот что нас губит. Россия нуждается не в пяти — семилетних реформах, а в достаточно длительном процессе трансформации. И чтобы сделать что-то реальное в этом направлении, нужно перестать бояться будущего.

Нам не нужны европейские ценности?

Диалог с историком, дипломатом
Юрием Рубинским

«Европейские ценности существуют, и они нам не могут быть чужды, Россия — европейская страна», — говорят одни. «Европейские ценности» — плод западной пропаганды. Европа не вправе навязывать суверенной России свой образ жизни», — утверждают другие. Компромиссную точку зрения в этом споре, который длится уже несколько столетий, изложил в свое время один из духовных отцов российского западничества Петр Чаадаев: «Уже триста лет Россия стремится слиться с Западной Европой, заимствует оттуда все наиболее серьезные свои идеи, наиболее плодотворные свои познания и свои живейшие наслаждения. Но вот уже век и более как она не ограничивается этим».

Истина по одну сторону Пиренеев становится заблуждением по другую

— *Давайте сначала ответим себе на вопрос: эти самые европейские ценности — они вообще-то существуют?*

— Безусловно, существуют. Я всю жизнь профессионально привязан к Европе, в частности, занимаюсь историей Франции, и мне интересно, какое место европейские ценности занимают в системе общечеловеческих ценностей.

— *Европейские и общечеловеческие ценности как-то соотносятся между собой? Это, по сути, не одно и то же?*

— Нет, это не одно и то же. Потому что есть цивилизации, создающие для себя систему ценностей. Иногда эти ценности они навязывают другим, что, как правило, плохо кончается и для них, и для других. Я очень люблю одну фразу Декарта. Когда французская монархия неустанно старалась посадить Бурбона на испанский престол и в конце концов добилась этого, он заметил: «Истина по одну сторону Пиренеев становится заблуждением по другую». Это для меня убедительный ответ на вопрос, существуют ли общечеловеческие ценности и есть ли такие цивилизационные установки, которые для одних хороши, а для других — нет. Культура вообще национальна, она является условием самоидентичности народа, а ценности — это уже часть цивилизации, к которой могут принадлежать несколько народов. Вообще взаимоотношения разных цивилизаций не надо представлять в виде коперниковской схемы концентрических кругов с общим ядром и разными орбитами. Здесь скорее подойдет эмблема Олимпийских игр, где все пять колец пересекаются, имея общее и собственное. Так вот у России и Европы общий сегмент гораздо больше, чем остающийся зазор.

— *Если в нескольких словах, европейские ценности — это что?*

— Под ценностями обычно понимаются основные принципы устройства семьи, общества и государства, разделяемые большинством граждан. Вводя нравственные критерии в оценки отношений не только между людьми и их сообществами, но и государствами, система ценностей служит сеткой координат, вне которой утрачивается идентичность (если не сам смысл существования) любой цивилизации. Ценности — это еще и этическая, моральная оценка поведения человека в разных сферах его существования и деятельности. И прежде всего оценка его отношений с другими людьми, группами людей, представителями других конфессий, народов... Ведь ценности не только объединяют, но, к сожалению, и разъединяют людей.

— *Европейские ценности, наверное, претерпели какую-то эволюцию. Они менялись в течение времени?*

— Они, конечно, менялись в каких-то частностях, но их основа всегда была стабильна. Эти ценности закреплены в нравах и обычаях, догматах и ритуалах религиозных конфессий, нормах законодательства. Их олицетворяют образы подлинных или мифологи-

зированных героев прошлого — пророков и святых, гениев науки и культуры, великих государственных деятелей и полководцев. Чаадаев писал: «Все народы Европы имеют общую физиологию, некоторое семейное сходство. Вопреки огульному разделению их на латинскую и тевтонскую расы, на южан и северян — все же есть общая связь, соединяющая их всех в одно целое и хорошо видимая всякому, кто поглубже вник в их общую историю. Вы знаете, что ещё сравнительно недавно вся Европа называлась христианским миром, и это выражение употреблялось в публичном праве. Кроме общего характера, у каждого из этих народов есть ещё свой частный характер, но и тот, и другой всецело сотканы из истории и традиции. Они составляют преемственное идейное наследие этих народов. Это — идеи долга, справедливости, права, порядка. Они родились из самых событий, образовавших там общество, они входят необходимым элементом в социальный уклад этих стран. Это и составляет атмосферу Запада; это — больше, чем история, больше, чем психология: это физиология европейского человека».

— *«Физиология европейского человека», ставшая социальной генетикой, диктует современному гражданину Германии или Франции некие нормы поведения?*

— Да. И прежде всего — толерантность, терпимость к инакомыслящим, инакочувствующим, инаковерующим.

— *А тип государственного устройства, практикуемый в большинстве стран Европы, он тоже диктуется «физиологией европейского человека»?*

— Дело в том, что Европа пережила разные исторические периоды. Она была колыбелью таких типов государственного и общественного устройства, как, например, демократическая республика, но она же была родиной тоталитарной диктатуры. Именно тоталитарной. Потому что азиатская деспотия — это не тоталитарная диктатура. Даже само понятие «тоталитаризм» родилось в Европе. Я хочу сказать, что весь набор демократических ценностей не всегда является обязательным ассортиментом ценностей европейских.

— *Что для вас главная европейская ценность?*

— Уважение к праву, закону. Осознание того факта, что со-

блюдение закона выгодно во всех отношениях — и материально, и морально. Хотя бывает так, что в одних европейских странах уважение к праву и закону — неизбежное условие существования, а других, особенно на юге, — нет. Тем не менее европейская цивилизация в целом — это, в первую очередь, признание правовой основы взаимоотношения людей. Ну и конечно уважение к меньшинствам, понимание, что демократия — это не только воля большинства.

— *Что заставляет Европу быть толерантной, терпимой к меньшинствам?*

— В данном случае это вопрос ее будущего. Потому что Европа вся состоит из меньшинств, и не только приезжих. Если их не уважать, не принимать такими, какие они есть, — не будет Европы. Принимаешь ли ты человека, группу людей, народ, государство, для которых добро и зло не обязательно совпадает с твоим пониманием добра и зла, принимаешь ли ты этих людей, этот народ, это государство как партнеров, с которым надо поддерживать нормальные отношения? Хотя тут есть и другая опасность — когда меньшинство, требуя толерантного отношения к себе, начинает навязывать большинству свои стандарты жизни и правила поведения.

— *А свобода? Она разве не стоит в ряду самых главных европейских ценностей?*

— Стоит, конечно. Я бы даже сказал, что она открывает этот ряд. Но осознание свободы как первой ценности было присуще Европе не всегда. Не зря же есть такое понятие, как «феодалная Европа». Свобода как ценность сложилась в Европе постепенно. Так что не надо считать ее европейским изобретением. Это результат эволюции, а не генетическое свойство европейцев.

Для русского человека правда важнее, чем истина

— *У России и Европы общие ценности?*

— Российские ценности и европейские — это и сообщающиеся сосуды, и скрещивающиеся круги. У них есть несовпадение, но есть и общее. Общего гораздо больше. Я считаю, было бы принципиальной ошибкой противопоставлять фундаментальные ценности Европы российским. Да, исторически так сложилось, что

Россия веками была страной бесправия и произвола. При том что законы в ней существовали. Но в России истина и правда — не одно и то же. Истина — это «дважды два — четыре». А правда — она выше. Правда для русского национального сознания — это еще и справедливость. Справедливость, которая часто оправдывала и покрывала произвол. Вот приедет барин, барин нас рассудит. А в суд подавать — зачем? Это всего лишь поиск истины. Правда — важнее. Решить по правде — это не обязательно решить по закону. Нельзя сказать, что вся Европа живет иначе. Нет. Сравните Север и Юг Европы. Для итальянцев, испанцев, греков, в отличие от скандинавов, человеческие отношения важнее закона. В этом мы, русские, с южными европейцами очень похожи. Или возьмем отношение к государству. Скажем, англосаксами государство воспринимается как инструмент, помогающий гражданам решить их проблемы или ограничивающий их в чем-то. А для француза государство — злейший враг, когда оно покушается на его доход. И кормилец, когда государство надо доить.

— *А для российского человека государство — это что?*

— Это хозяин, который отвечает за безопасность, за величие страны и одновременно за твое личное благополучие. Между прочим, осознание величия державы — оно необходимо и европейцам, не только нам. Великобритания, Франция, Германия на разных исторических этапах были пронизаны имперским духом. Де Голль говорил: «Без величия нет Франции». И это как раз те вещи, которые вполне приложимы к российской системе ценностей.

— *Тем не менее сейчас принято говорить, что Россию с Европой абсолютно ничто не роднит и роднить не может.*

— Эти разговоры возникли отнюдь не сейчас. Они начались еще на рубеже XVII-XVIII веков. Защитники особого, отличного от Европы пути для России, резко осуждали деятельность Петра I, обвиняли его в разрыве с духовными ценностями русского народа, в насильственном навязывании ему чуждых порядков. При чем лагерь традиционалистов был идейно не менее разношерстен, чем лагерь западников. Он включал в себя не только твердолобых реакционеров-охранителей типа графа Уварова с его знаменитой триадой «самодержавие, православие, народность» или черносотенных погромщиков-националистов. В нем пребывали и либе-

ральнее славянофилы (Киреевский, Хомяков, братья Аксаковы), революционные и либеральные народники, искавшие путь к социализму через крестьянскую общину, их преемники-эсеры. Русские путешественники от Карамзина до Салтыкова-Щедрина, а порой даже непримиримые по отношению к царизму политэмигранты, в своих заметках о европейских порядках зачастую бывали не менее суровы в их оценке, нежели европейцы в отношении России. Восхищаясь европейским уровнем жизни, комфортом, культурой, они резко осуждали мещанское самодовольство многих европейцев, их меркантильную расчетливость, черствый эгоизм, вседозволенность (разумеется, по российским меркам) нравов, лицемерие. А европейцы с гордостью продолжали утверждать, что обладают системой, представляющей собой совокупность общечеловеческих ценностей, а, следовательно, вершину мировой цивилизации.

Европейский выбор не есть выбор геополитический

— *Что собой представляли советские ценности? Почему они оказались такими живучими в российском массовом сознании?*

— Ценностный багаж Советского Союза — это сочетание консервативно-охранительных, национал-изоляционистских идеологических установок внутри страны и международного движения с его революционным прогрессизмом — вовне. Для коммунистов и их попутчиков из числа представителей левой интеллигенции СССР был если не идеальным воплощением светлого будущего человечества, то, во всяком случае, единственным оплотом в борьбе против несправедливостей буржуазного общества, угрозы фашизма и войны. Напротив, в глазах консерваторов и правых либералов он выглядел смертельной опасностью для европейской цивилизации и всех ее традиционных ценностей. В конечном счете именно внутренняя противоречивость советских ценностей, разрывавшихся вместе с политикой послесталинского СССР между интернационалистским мессианством и имперским высокомерием, сыграла немалую роль в крахе режима.

— *Но даже после его краха европейские ценности не очень-то приживаются у нас. Почему?*

— Попробую объяснить. В первой половине девяностых в коридоры власти на короткое время пришла группа молодых пред-

ставителей либеральной интеллигенции. Их целью был решительный разрыв с советским прошлым, создание в кратчайшие сроки основ рыночной экономики и плюралистической демократии, а также сближение с евроатлантическими структурами по самому широкому кругу международных проблем. Определенные результаты на этом пути были, безусловно, достигнуты. Однако их экономическая эффективность оказалась ограниченной, а социальная цена чрезмерно высокой. Поэтому уже в конце девяностых и особенно в начале двухтысячных в российском обществе, тяжело переживавшем национальное унижение, произошел коренной перелом настроений. В официальных речах представителей власти зазвучали национал-патриотические мотивы. Они находили идеологическую подпитку в подъеме антизападных, клерикальных и почвеннических течений, отстаивающих для России особый «евразийский» путь и свою систему ценностей по формуле «державность, духовность, соборность». На фоне все более частых конфликтов между ЕС и Россией по широкому кругу экономических и политических вопросов — от условий энергодиалога до войны в Чечне, прав человека, демократии и свободы СМИ — могло показаться, что европейская ориентация России, в том числе на ценностном уровне, надолго снята с повестки дня.

— *Сейчас так тоже кажется. Причем сейчас европейская ориентация России еще серьезней поставлена под вопрос.*

— Некоторые российские политики предлагают своеобразную гипотезу, согласно которой ценности России и Европы по существу идентичны, а западная критика России за отступления от демократии или нарушение прав человека отражает всего лишь банальные споры «хозяйствующих субъектов», в частности, продавцов и покупателей энергоресурсов. Такое мнение выглядит явно противоречиво — если ценности одни и те же, то нет и необходимости приспособлять их к тем или иным противоречивым интересам. Но звучат и другие оценки. Например, можно услышать, что объективные реалии глобализованного многополярного мира начала XXI века властно диктуют России и Евросоюзу поиск общего знаменателя, в том числе и на уровне ценностных установок. Хотя попытки обусловить компромиссы по политическим и экономическим вопросам предварительными уступками

России по ценностным подходам, на мой взгляд, заведомо контр-продуктивны.

— *Все— таки нужны нам европейские ценности или нет?*

— Безусловно, нужны. Но они не являются принудительным ассортиментом. Нельзя рассуждать так: ЭТА свобода нам подходит, а ЭТА — нет. Или: однополые браки нам не нужны, а вот гражданское самосознание и уважение к закону — всегда пожалуйста. Есть вещи, без которых вообще цивилизация невозможна и без которых наступает варварство. Что именно входит в ценностный минимум, а что в него не входит — это показывает сама жизнь. Но, в принципе, европейский выбор не есть выбор геополитический. Это лишь выбор неких правил в отношениях между людьми. Между гражданами и государством. Между разными странами, которые защищают свои интересы и ценности, но учитывают интересы и ценности других.

Статистике верить нельзя?

Диалог с экономистом Максимом Бувевым

В советское время статистика была подневольной и выполняла повеления власти. Сегодня власть, скорее всего, не дает прямых указаний манипулировать цифрами. Но и не мешает этому?

Статистическое суждение может быть неправильным

— Существует известный афоризм, приписываемый Марку Твену: «Есть три вида лжи — ложь, наглая ложь и статистика». Это так?

— Безусловно, так. Потому что статистика в любом случае — искаженное представление о реальности.

— Заведомо искаженное?

— Не обязательно. Дело в том, что способов искажения много. Поэтому нужно смотреть не только на цифры, но и на то, как они получены, что за ними стоит и как они трактуются. Есть очень простой пример, связанный с динамикой доходов. Представьте, трудятся девять человек. Первый зарабатывает 100 тысяч рублей, второй — 200 тысяч, третий — 300 тысяч... И так до 900 тысяч рублей. Это работающее население. Есть также пенсионеры и молодежь. Но мы их здесь не принимаем во внимание, а смотрим на медианный доход. Медианный доход — это доход человека, который находится ровно в середине группы трудящихся, ранжированных по заработкам. Медианный доход этих девяти человек составит 500 тысяч рублей. Стало быть, можно посмотреть, как меняется динамика этого медианного дохода. Представим, что человек, получавший 900 тысяч рублей, уходит на пенсию и на смену ему является выпускник вуза. Этому выпускнику назначают минимальную зарплату — 100 тысяч рублей, а все остальные получают повышение в зарплатах на 100 тысяч. То есть тот, кто получал 100 тысяч, начинает получать 200, а тот, кто получал 300 тысяч, начинает получать 400 и так далее. У нас по-прежнему девять человек,

медианный доход по-прежнему 500 тысяч, а если опросить каждого из этих людей, что произошло с его зарплатой, они скажут, что у них зарплата выросла на 100 тысяч. Далее вот что. Если мы сделаем некое статистическое суждение на базе медианного дохода, то оно будет таково: медианный доход стагнирует, ничего с ним не произошло, как было 500 тысяч, так и есть. А если мы путем опроса начнем выяснять, сколько процентов людей довольны своей зарплатой, выросла ли она у них в последнее время, то все из этой каторги скажут, что зарплата выросла. То есть имеет значение, какой метод мы здесь используем или какой показатель. В зависимости от этого и можно делать выводы. Статистическое суждение — это всегда лишь суждение. Оно может быть и неправильным.

Статистический анализ ситуации на основе средних цифр следует воспринимать с щепотью соли

— *В какой мере вы доверяете статистике? В какой мере вообще ей можно доверять?*

— Есть два уровня, на которых возможен ответ на этот вопрос. Первый — чисто научный. Допустим, вы работаете с данными и видите сырые цифры, на основе которых будете проводить статистический анализ. Тогда вы задаетесь целой серией вопросов: как эти данные были собраны, где могли быть допущены ошибки, достаточен ли объем информации для разумного заключения, точна ли выборка. Допустим, идет разговор об анализе отношения россиян к действующему правительству. Абсолютно всех вы опросить не сможете, вам придется ограничиться тремя тысячами человек по всей стране; важно, чтобы среди этих людей были представители всех регионов, возрастов, социального статуса и т.д. Если этого не будет, то исследователь рискует попасть в ситуацию, когда, например, Санкт-Петербург не опрашивали, а именно там уровень поддержки правительства минимальный, тогда как в остальных регионах достаточно высокий. В таких случаях говорят, что данные не репрезентативны. Картина, которую вы получите на основе таких данных из других регионов, будет излишне радужная, чтобы выдавать ее за ситуацию по всей стране. Любой статистический анализ ситуации в целом на их основе следует воспринимать с щепотью соли. Вы слышите, что кто-то что-то говорит про какие-то цифры, или читаете некоторый отчет. Помимо доверия собственно

к цифрам и их анализу, всегда должны возникать вопросы к тому, кто их публикует, кто их получил, с какой целью их публикуют, нет ли скрытых интересов, насколько правильно журналист или репортер понял эти цифры и насколько в полном объеме цифры/анализ публикуется и т.д. Здесь на собственном опыте я знаю, насколько сильным может быть искажение того, что собственно цифры пытались показать, и то, как их презентуют.

— *От того, как их презентуют, эти цифры имеют либо позитивную, либо негативную окраску?*

— Безусловно.

Официально считалось, что в СССР инфляции нет

— *На ваш взгляд, в советские времена статистические показатели искажались в пропагандистских целях? Или имело место «добросовестное заблуждение» вследствие неправильной методики расчетов?*

— Думаю, было и то, и другое. Возьмем, например, инфляцию. Официально считалось, что в СССР ее нет. После денежной реформы 1961 года цены якобы держались на одном и том же уровне. Даже в экономической теории существовал термин «подавленная инфляция». Она как бы течет, но ее никто не видит. И если пересчитывать показатели по фиксированным ценам, то можно проникнуться уверенностью, что экономика растет. Именно такая методика подсчета и приводила к искажениям.

— *Кто является адресатом статистики? Органы власти? Бизнес? Общество в целом?*

— Смотря какая статистика. Если мы говорим о макроэкономической, то ее адресатом является правительство. В первую очередь Центральный банк, министерство экономического развития, министерство финансов. Поскольку статистика — это некая репрезентация реальности, на нее реагирует гражданское общество. И правительство принимает во внимание эту реакцию, в той или иной мере учитывает ее, вырабатывая экономическую политику. Если же мы говорим про статистику, допустим, в социальной сфере — число самоубийств или количество неусыновленных детей, — то в этом случае первым адресатом является, пожалуй, гражданское общество, ну и органы власти, конечно.

Ведомства презентуют цифры всегда с какой-то выгодой для себя

— *Что представляет собой ведомственная статистика — например, отчетность МВД о снижении уровня преступности, повышении раскрываемости преступлений?*

— Ведомственная статистика, конечно, необходима. Другое дело, что эти цифры ведомство всегда оборачивает в свою пользу. Если же говорить о статистике, отражающей работу полиции... Институт проблем правоприменения (это аффилированная с нашим университетом структура) давно сотрудничает с МВД и имеет доступ к статистике этого ведомства, а также системе уголовной юстиции. И оказалось, что даже в рамках простого экономического и статистического анализа, который в МВД никто не проводил, можно получить очень важную, но не обязательно приятную информацию.

— *Какая статистика в России традиционно засекречивается?*

— Прежде всего статистика, связанная с национальной безопасностью. Хотя какие-то цифры уже становятся открытыми. Например, министерство обороны в 2015 году выпустило статистический справочник «Армия в цифрах». Это был первый с 1914 года статистический справочник, касающийся нашей армии, и он получил высокую оценку специалистов. Тем не менее в нем некоторые цифры вызывали сомнения — даже данные по общей численности российских вооруженных сил. Специалисты считают, что данные по оснащенности нашей армии или по преступлениям, совершаемым в воинских частях, тоже не адекватно представляют реальность. Хотя и то, и другое, и третье потенциально проверяемо по альтернативным источникам. Эксперты говорят, что оборонное ведомство засекречивает то, что всем давно известно, и само страдает от этого. Но чувствительные вопросы, связанные с национальной безопасностью, — безусловно, не должны находить отражения в цифрах.

— *В СССР засекречивались и некоторые факты нашей истории — например, Катынь, Новочеркасск. Соответственно, не было и статистики, отражающей число расстрелянных в Катыни, Новочеркасске.*

— Да, это так. Долгое время была засекречена и статистика по людоедству в блокадном Ленинграде. Профессор нашего университета Никита Ломагин восполнил этот пробел — издал книгу

«Неизвестная блокада», в которой представлена статистика города в этот период.

— *А как можно подсчитать, сколько было случаев людоедства? Они же официально не фиксировались.*

— Нет, они фиксировались. Мы говорим здесь о тех случаях, которые заканчивались вызовом милиции и арестом людоедов. Людоедство концентрировалось, как правило, в нижних социальных слоях. И пик его пришелся на первую половину 1942 года. Довольно интересной должна быть и статистика, пусть даже косвенная, по коррупции в блокадном Ленинграде. Я думаю, что это можно как-то установить. Где-то есть исследование по старым советским публикациям, которое привлекает внимание к следующему факту. Если посчитать, сколько в город ввозилось муки в конце 1941 года, то, согласно технологии выпечки хлеба и численности населения Ленинграда с учетом производственного статуса (рабочие, служащие и т.п.), норма хлеба на человека в день должна была быть в два раза выше, чем была в реальности. Всяко больше минимальных 125-250 граммов. Вопрос: куда девалась разница? Невольно возникает мысль, что на самом деле не все голодали и часть муки, хлеба уходила налево. Этот вопрос не исследован. Потому что все упирается в дефицит доступной статистики. Насколько я понимаю, засекреченная статистика из прошлого так или иначе связана с деятельностью силовых ведомств. Она, наверное, может быть рассекречена, если есть обоснованные обращения заинтересованных исследовательских организаций. Но у исследователей не до всего доходят руки. Поэтому большого потока заявлений с просьбами рассекретить ту или иную статистику пока не наблюдается.

Теневые доходы не поддаются подсчету

— *Существуют ли способы получения статистических данных в сфере теневой экономики?*

— Во-первых, что такое теневая экономика? Ее можно понимать как нелегальную экономику. Это когда мы, к примеру, уходим от налогов, не сообщаем наш доход или получаем зарплату в конверте. А можно говорить про работу на дачном участке, и это тоже теневая экономика, но вполне легальная. Как получать статистику по такой экономике? Есть два основных метода — прямой и косвенный. Прямой — это опросы людей, и тут все понятно.

С косвенным чуть посложнее. Например, существует известный метод оценки теневой экономики по потреблению электричества. Считается, что рост ВВП и рост потребления электричества очень сильно коррелированы. Достаточно взглянуть, как растет ВВП и как расходуется электричество. Если эти показатели расходятся, можно предположить, что рост потребления электричества связан с тем, что предприятия работают налево. Но здесь не все гладко: теневая экономика не обязательно связана с потреблением электричества. Есть масса ручного труда, не требующего энергозатрат. Еще один косвенный метод — оценка спроса на наличные деньги, валюту. Расчеты в теневой экономике часто идут налом. Ученые заметили, что рост налогов нередко приводит к росту спроса на наличные деньги. Видимо, потому, что часть деятельности уходит в тень, чтобы избежать налогообложения. Отсюда появились методы оценки масштабов этой деятельности по спросу на валюту.

— *Поскольку теневые доходы находятся вне поля зрения государства, можно, наверное, предположить, что в реальности наши граждане живут чуть лучше, чем явствует из официальной статистики?*

— Если оценивать богатство, благосостояние, а не доходы отдельной семьи, то — да, безусловно. Например, мало кто отдает себе отчет в том, что приватизированная после распада СССР квартира, если оценивать ее по нынешним рыночным ценам, — это серьезная часть семейного благосостояния, большая инвестиция для человека, при распаде СССР не присутствовавшего. Кроме того, мы как-то не учитываем долю доходов, которую имеют фактически все и которая так или иначе поступает через «тень». Входишь в Петербурге в какой-нибудь обшарпанный двор-колодец, а там стоит шикарный Porsche...

— *Должна ли статистика быть проверяемой?*

— Да, конечно.

— *Как вам видятся механизмы ее проверки?*

— Статистический показатель можно проверить, сравнив его с другим показателем, который получен иначе и описывает примерно то же явление. Я слежу, например, за тем, что происходит в экономике Великобритании в связи с Brexit. У них недавно появилась некоммерческая организация Full Fact. Она независимая

и пытается привлекать деньги не от государства, а от совершенно разных частных источников, чтобы не попасть ни под чье влияние. В эту организацию можно обратиться с таким, скажем, запросом: «Политик N называет такую-то цифру по уровню безработицы, но мне кажется, что эта цифра не соответствует реальности. Прошу ее проверить». И в нескольких случаях они заставляли политиков постфактум менять цифры в уже опубликованных документах, потому что те цифры были неправильными.

— *Объективная статистика — это независимая статистика. Вероятно, необходима и независимость Росстата от политических или административных органов, равно как и от частного сектора. Как вы оцениваете проект передачи функций государственной статистики министерству экономического развития, рассматриваемый сейчас правительством?*

— Даже если мотивирующим фактором подобной передачи выступает низкое качество данных, публикуемых Росстатом, влияние его в Минэкономразвития этого положения не исправит. Статистических неточностей и манипуляций цифрами меньше не станет, а вот проверять их станет труднее.

— *Статистика не может быть самоцельной, она инструмент. Инструмент чего?*

— Например, она очень полезный инструмент в политике. Анекдотическая история гласит, что одной из первых это поняла еще Флоренс Найтингейл — сестра милосердия, известная по Крымской войне середины XIX века. Благодаря анализу статистики смертей в английских военных госпиталях и презентации результатов в виде своеобразной «розы ветров» ей удалось убедить британский истеблишмент в необходимости ужесточить требования по гигиене в армейских бараках и госпиталях по всей стране. Связь большого числа смертей среди раненых с жуткими санитарными условиями до Найтингейл не была политикам очевидной. Статистика также может быть и опасным оружием. Известный шотландский писатель Эндрю Лэнг, современник Найтингейл, говорил, что политики используют статистику, как пьяный — фонарный столб: не для того, чтобы оказаться в освещенном месте, а для того, чтобы на что-то опереться. В наше время злоупотребление статистикой достигло новых высот. Поэтому известный афоризм Марка Твена, увы, не утратил своей актуальности.

У нас несословное общество?

Диалог с социологом Симоном Кордонским

С середины 30-х и до конца 80-х годов социальная структура СССР покоилась на «трех китах»: рабочий класс, колхозное крестьянство и трудовая интеллигенция. Над ними возвышалась «номенклатура», численность которой в брежневскую эпоху, по оценке известного исследователя советской политической системы Михаила Восленского, достигала 3 миллионов человек (вместе с членами семей, пользовавшимися привилегиями правящего класса), но она в официальном «реестре» скромно не значилась. Как выглядит социальная структура современной России? Можно ли согласиться с утверждением, что российское общество не является сословным?

Сословия — это группы, которые создаются государством

— *В сегодняшней России есть сословия?*

— Несомненно.

— *Если так, то себя вы к какому сословию относите?*

— Сейчас у меня по меньшей мере три сословных атрибута. Я бюджетник, поскольку преподаю в высшем учебном заведении. Я пенсионер по возрасту. И я лицо свободной профессии, так как иногда получаю гонорары.

— *Давайте тогда уж достроим этот ряд. Какие еще сословия, по вашей классификации, имеются в сегодняшней России?*

— Их много. Например, одно из основных — служивое сословие, или служивые, не знаю, как правильно сказать.

— *Можно сказать — госслужащие?*

— Нет. Служивое сословие — это гораздо шире. Это государственно-гражданские служащие. Это дипломаты. Это военнослужащие по меньшей мере девяти категорий. Это правоохранители восьми категорий, начиная от полицейских и кончая судебными приставами и таможней. Это депутаты — региональные, федеральные и муниципальные. Это казаки, находящиеся на госслужбе. Это сотрудники госкорпораций и компаний с государственным участием, на которых распространяются отдельные положения закона о госслужбе. То есть сословия — это, как я их понимаю, группы, которые создаются государством. С петровских времен российское государство создавало группы для решения своих задач. Семь титульных сословий было в России. Февральская революция уничтожила сословную структуру. А потом и люди, носившие стигматы сословной принадлежности, были ликвидированы в ходе чисток разного рода. Искусственно созданная социальная структура была характерна и для советской империи, где, по сталинскому определению, существовали рабочий класс, колхозное крестьянство и трудовая (она же народная) интеллигенция. В анкетах было необходимо определить свое сословное положение: из рабочих, крестьян, служащих.

— *Искусственно созданная — это созданная государством?*

— Да.

— *А естественным путем как она рождается?*

— Естественным путем она рождается на рынке, где идет расслоение по уровню потребления. Те, кто потребляет много, относятся к высшему классу, а те, кто мало, — к низшему.

— *Критерием является уровень потребления?*

— Именно уровень потребления, а не уровень дохода.

Переводом бюджетников на контракт разрушена сословная иерархия

— *С распадом СССР распалась и искусственно созданная советская социальная структура. А что народилось?*

— Когда новая власть начала оформляться, возникла идея прописать, кто есть кто. И эту идею взялся осуществить Сергей Стан-

кевич (в 1992 году первый заместитель председателя Моссовета. — В.В.). Он фактически скопировал — сам в этом признается — петровскую Табель о рангах. Но ни обязанностей, ни льгот, ни привилегий в этой «табели» не было прописано. Все изменилось в 2002 году, когда появился пакет законов о государственной службе и о государственной гражданской службе. В этом пакете законов были четко прописаны обязанности и привилегии новых госслужащих. Появилось служивое сословие. При этом никуда не делось неслуживое, но его обязанности, льготы и привилегии не получили законодательного закрепления. И вот эти неслуживые сословия, в частности бюджетники, начали проявлять активность, требуя тех льгот, которые у них были при советской власти. Помните массовые выступления по поводу монетизации льгот? Это был протест бюджетников против лишения их сословных привилегий. Государство тогда отступило. Но сейчас продолжает ту же линию путем перевода бюджетников (учителей, врачей, пожарных, коммунальщиков), работающих по найму, на контракт. У государства просто нет возможности выплачивать людям все наследованные от Советского Союза льготы. Чернобыльцы, «афганцы», северяне... Все они имели какие-то льготы. Бюджетники тоже были ранжированы. Врач первой категории, врач высшей категории, заслуженный врач... При переводе на контракт эта иерархия исчезает.

— *Врач высшей категории теряет эту категорию, заслуженный учитель перестает быть заслуженным?*

— Категория никуда не девается, почетное звание — тоже. Но они уже не влияют на зарплату.

— *Может, это и правильно? Категории, звания... Кому они нужны? Сегодня в театре иной артист, не имеющий звания, получает по контракту больше, чем народный.*

— Категория и звание гарантировали определенный уровень оплаты труда, а контракт упразднил эту гарантию. Сословная иерархия, она ведь имела и денежное выражение. Ведомость на зарплату в этом смысле была весьма информативным документом, она сообщала, кто есть кто. А теперь иерархии нет, и многие из тех, кто занимал в ней высокое место, чувствуют себя обделенными. Я хотел бы подчеркнуть один момент: сословие становится социальной реальностью, когда внешнее определение человека

совпадает с его самоопределением. Крестьянин — это тот, кто выглядит как крестьянин, ведет себя как крестьянин и ощущает себя крестьянином. Искусственность наших сословий — она в том, что отсутствует самоопределение. Наши сословия номинальны.

— *Они созданы сверху?*

— Да. Пройдитесь на улице. Много людей в форме вы сейчас увидите? А ведь все служивые люди имеют форму одежды. Кроме гражданских служащих, у всех есть форма. В имперской России одежда была четким признаком принадлежности к тому или иному сословию. В советские — тоже. Теперь эти признаки исчезли.

— *В советские времена не очень-то прокуроры ходили в форме. Разве что на торжественные заседания.*

— Но была шапка каракулевая, пальто драповое. Помните? Эта одежда не была директивной, но хозяйственные отделы обкомов именно ею снабжали служивых.

— *Что еще вы считаете атрибутом сословий?*

— Сословное собрание, сословный суд. И собор как форму согласования интересов. Сегодня сословное собрание и сословный суд у нас номинально есть только у военнослужащих. Я имею в виду офицерское собрание и офицерский суд чести. А при советской власти сословные собрания понижывали все и вся: профсоюзное собрание, комсомольское собрание, партийное собрание... И был сословный собор — съезд КПСС, на котором согласовывались интересы всех сословий и куда делегировались их представители. В Советском Союзе эта система была очень продуманной. Орготделы партийных комитетов планомерно выстраивали и поддерживали ту социальную структуру, которая считалась идеальной. Сейчас ничего такого нет.

— *Сейчас другая социальная структура?*

— Другая.

— *Но тоже созданная государством?*

— Тоже созданная государством, но без сословных судов и сословных соборов. Самое главное — нет института согласования интересов различных сословий.

— *А парламент?*

— Российский парламент возник как институт классового общества. В конце 80-х советская социальная структура стала разваливаться и началось расслоение по уровню потребления. Появились богатые и бедные. И парламент создавался как потенциальный орган согласования интересов богатых и бедных. Но парламентские функции он постепенно терял, а сословные не приобретал. Сословным собором его не назовешь. Тем более что сама сословная структура не отрефлексирована властью.

— *Как вам видится эта структура? Назовите сословия современного российского общества.*

— Их очень много. Военнослужащие, судьи, правоохранители, муниципальные служащие, депутаты, казаки. Это все служивое сословие. Далее — обслуживающее сословие: бюджетники, наемные работники, коммерсанты, пенсионеры, осужденные, лица свободной профессии. Каждое сословие имеет еще и внутреннюю градацию. Скажем, лица свободных профессий — это те, кто работает на гонорар: художники, проститутки, политтехнологи, журналисты... И в каждой из этих групп своя иерархия, свои лидеры и аутсайдеры, свои богачи и бедняки. Бюджетники тоже неоднородны. Врач в ЦКБ и врач в сельской больнице отличаются друг от друга. А политтехнолог, который обслуживает Кремль, — совсем не тот политтехнолог, который обслуживает краевую администрацию. В сущности, социальное положение человека в нашей системе определяется двумя признаками — к какому сословию он принадлежит и какое сословие обслуживает.

У нас бюрократия служит сама себе

— *А бюрократия имеет сословные признаки?*

— У нас нет бюрократии. Бюрократия возникает в государстве, когда оно отделяется от рынка. Бюрократия — это люди, находящиеся на службе у государства. И заняты они тем, что согласовывают действия государственных подразделений. Это классическая бюрократия.

— *Почему вы считаете, что у нас ее нет?*

— Потому что у нас аппарат — это и есть государство. У этого аппарата нет функции согласования интересов разных групп. Он

сам рождает цели, сам производит бумаги, сам себе все согласовывает. И в этом смысле он никакая не бюрократия. У бюрократии собственных целей быть не должно. Задача бюрократии — обслуживать рынок, общество, политическую систему. А у нас бюрократия служит сама себе.

Подняться из одного сословия в другое редко кому удается

— *Можно ли в России перейти из одного сословия в другое? У нас есть межсословные лифты?*

— Только на самых нижних уровнях иерархии. Из бюджетника в работающего по найму — да, это реально. Или из предпринимателей в зону.

— *Почему тогда только на нижних уровнях? Из губернаторов на зону теперь тоже всегда пожалуйста.*

— Вниз — это сколько угодно. А вот подняться из одного сословия в другое редко кому удается. Если ты военный служащий, то, попадая на работу в какой-либо государственный орган, все равно остаешься военным служащим, а не переходишь в категорию государственных гражданских служащих, и погоны с тебя никто не снимает.

— *Межсословные конфликты у нас случаются?*

— Постоянно. Это конфликты за передел ресурсов. Иногда с жертвами. Потому что у нас не рыночное государство, а ресурсное. У нас не «товар — деньги — товар». У нас «ресурс — статус — ресурс». «Административный рынок», как его 20 лет назад называли. А что такое «административный рынок»? Это всегда передел ресурсов. И переделить ресурсы можно только одним способом — создав новую угрозу. Рыночные структуры работают с рисками, а ресурсная структура работает с угрозами, нейтрализуя их. Скажем, есть внешняя угроза. Соответственно, есть сословие, которое ее нейтрализует. Это дипломаты, служащие Российской армии, разведчики. Они нейтрализуют внешнюю угрозу. Есть и внутренняя угроза — нестабильность, «оранжевая революция», «экстремисты»... Внутреннюю угрозу нейтрализуют полиция, Росгвардия, ФСБ. А поскольку объем ресурсов ограничен, то сословия конфликтуют, пытаясь эти ресурсы переделить. И это происходит на всех уровнях иерархии.

— *Существуют механизмы разрешения межсловных конфликтов?*

— Конечно. Это собор. Так по крайней мере должно быть.

— *А у нас?*

— А у нас это «стрелка». Разборки по понятиям.

— *Можем ли мы в России оперировать понятием «богатое словие»?*

— В России нет богатых людей. Что такое богатый? Богатый — это прежде всего ощущение стабильности и определенный уровень потребления. А у нас никому не гарантированы ни стабильность, ни уровень потребления. Те, кого мы привычно называем богатыми, на самом деле никакие не богатые. Они — обеспеченные. В словном обществе нет богатства, а есть обеспеченность. Обеспеченность ресурсами. Высокая или низкая. Нормативно. Некоторые обеспечены нормативно высоко, некоторые — нормативно низко. И государство старается быть социально справедливым, то и дело перераспределяя ресурсы в пользу плохо обеспеченных — от региона к региону, от муниципалитета к муниципалитету.

— *Что ждет завтра высших представителей российских сословий? Они как-нибудь представляют себе свое будущее?*

— Никак. Они живут настоящим. И мечтают только об одном — чтобы завтра было так же, как вчера. Чтобы ничего не менялось.

Мы перестали быть
читающей страной
Время композиторов
прошло
Нам правда не нужна
Гениальность —
счастливым дар
Искусству дозволено
не все
Возможности мозга
безграничны
Электронная книга заме—
нит бумажную

Времена не выбирают?

Диалог с поэтом Александром Кушнером

Две его строки — «Времена не выбирают, / В них живут и умирают» — ушли в народ, а сама эта интенция представляется как бы неоспоримой. Но так ли уж невозможно выбрать себе времена? И всегда ли опасен для художника разлад со своим временем? Может, именно этот разлад подчас и формирует счастливую творческую судьбу?

Ломоносов или Державин воспевали свое время ничуть не хуже, чем Маяковский — свое

— *Каждый художник, что бы он ни создавал, так или иначе ведет диалог со своим временем. Но даже в страшные, трагические времена художнику может быть свойственно позитивное мировосприятие. Свои самые жизнеутверждающие строки Мандельштам написал в 1937 году. Значит не существует прямой связи между трагической эпохой и трагическим самоощущением художника?*

— Самоощущение художника может быть таким или иным, но прямая связь созданных им произведений со временем, в которое эти произведения создавались, всегда очевидна. Декабристскую эпоху мы знаем не только по историческим или архивным материалам, не только по переписке современников, но и по стихам Пушкина. И не так уж много у него стихов, посвященных этому событию, но колорит, тон его поэзии первой половины двадцатых годов отличается от второй половины того же десятилетия большей жизнерадостностью, преобладанием мажорной тональности, ведь и «Вакхическая песня» написана до восстания. И слово «веселье» встречается чаще: «День веселья, верь, настанет», «Что смолкнул веселия глас?» или даже такая чудесная строка: «Тогда ленюсь я веселее». А, допустим, в стихах двадцать восьмого года жизнь окрашена в другие цвета: «Свод небес зелено-бледный, скука, холод и

гранит». Берусь почти безошибочно определить, в каком веке, а иногда и десятилетии написана та или иная стихотворная строка. «Уже врата отверзло лето, / Натура ставит общий пир...» — понятно, что это XVIII век и, скорее всего, его первая половина. Так и есть, это Ломоносов, 1742 год. А строки: «Друг милый, ангел мой, сокроемся туда, / Где волны кроткие Тавриду омывают» — это, конечно, XIX век, и не только потому, что Таврида уже принадлежит России, а потому, что здесь другой слог, более легкий, естественный, свободный, хотя глагол «сокроемся» указывает на близость к минувшему XVIII веку. И в самом деле, это Батюшков, 1815 год. Точно так же мы отличим стихи, написанные в шестидесятые годы XIX века: «Вексель фальшивый составит, / В легкую службу пойдет» (нарочно беру малоизвестные строки Некрасова) от строк, написанных в начале XX века. «Вы тот посыльный в Новый год, / Что орхидеи нам несет, / Дыша в башлык обледенелый» (И. Анненский). Эти примеры я привожу для того, чтобы показать, что поэт не ставит перед собой задачу отразить в стихах свое время, оно отражается, запечатлевается само собой, благодаря речевым переменам, преобразованиям, приобретениям поэтического языка. Что касается поэтических тем, то их можно пересчитать по пальцам: любовь, природа, город, Бог, жизнь, ее смысл, смерть, война и мир и еще несколько, их не так уж много. И заметьте, Ломоносов или Державин воспевали свое время — эпоху просвещения — ничуть не хуже, чем Маяковский — свое, революционное. А Лермонтов ничего не воспевал так же, как потом — Ахматова или Пастернак. И можно сказать, что те, названные мною вначале, совпадали со своим временем, а вторые только отчасти, и предпочитали смотреть в другую сторону.

— *А вы всегда совпадали со своим временем?*

— Думаю, что мне ближе в этом смысле даже не Лермонтов, а, скажем, Фет, и вовсе не воспевавший свое время и не противостоявший ему, а как бы не замечавший его. «Как бы» — это очень важно, потому что, конечно, замечал, еще как! Но почти демонстративно выбирал другую, свою, личную, частную жизнь, сознательно отказавшись от общественной. «Только в мире и есть этот чистый, / Влево бегущий пробор». Или «Ель рукавом мне тропинку завесила». И эта фетовская установка оказалась востребован-

ной не столько его эпохой, сколько последующей, и пригодилась тому же Пастернаку: «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?» Эта лирика, обращенная не к людскому множеству, а к каждому человеку в отдельности, мне чрезвычайно близка. «Ты вечности заложник, у времени в плену», — сказал Пастернак о поэте. И я себя чувствую тоже в плену у времени, от него никак не избавлен, но в каждом стихотворении так или иначе помню о вечности, то есть о жизни и смерти, любви и смысле жизни, природе и городе, счастье и несчастье и т.д. У Юрия Трифонова есть чудесный рассказ «Вечные темы» о том, как советский редактор отклонил рассказ автора, сказав с презрением и негодованием: у вас там какие-то вечные темы. А потом, спустя какое-то время, автор встречает этого редактора, уехавшего из страны, за границей — и тот несчастен, живет одиноко и печально, его настигли «вечные темы». Да и можно ли от них уйти, где бы ты ни жил? Уйти от любви, от судьбы, от одиночества, от старости, болезни, неразрешимых вопросов...

Приведу здесь одно из своих ранних стихотворений (1965 год):

*Но и в самом легком дне,
Самом тихом, незаметном,
Смерть, как зернышко на дне,
Светит блеском разноцветным.
В рощу, в поле, в свежий сад,
Злей хвоица и молочая,
Проникает острый яд,
Сердце тайно обжигая.
Словно кто-то за кустом,
За сараем, за буфетом
Держит перстень над вином
С монограммой и секретом.
Как черна его спина!
Как блестит на перстне солнце!
Но без этого зерна
Вкус не тот, вино не пьется.*

Словарь современный («злей хвоща и молочая» и т.п.), а тема вечная. Но решена по-своему, потому что смерть осознана как условие жизни, а без нее «вино не пьется». В самом деле, можно ли пожелать себе вечной жизни, ведь это такая скука! И в одном из недавно написанных стихотворений сказано: «Бессмертию должен быть тоже положен Предел — и, наверное, это неплохо!» И вообще в стихах, при всей их зависимости и связях с поэзией твоих предшественников, должно быть нечто новое, свое, — в этом и состоит поэтическая доблесть:

*...Нет ли Бога, есть ли он, узнаем,
Умерев, у Гоголя, у Канта,
У любого встречного — за краем.
Нас устроят оба варианта.*

Надеюсь, этим стихам не грозит забвение, и я не раз имел возможность почувствовать, что они читателю нужней стихов о великих свершениях советской эпохи.

Я не боролся с советской властью — просто смотрел в другую сторону

— *У вас есть строки: «Я не любил шестидесятых, семидесятых, никаких». Понять можно так, что никакая эпоха вам особенно не благоприятствовала. Тем не менее вы своей поэтической судьбой довольны?*

— Моя поэтическая судьба оказалась более или менее счастливой, может быть, потому, что я не заходил на затоптанную общую территорию, а цензура и литературное начальство не знали, что с этим делать: ничего антисоветского в стихах не было, придраться не к чему. Нет, не совсем так: идеологическому начальству было обидно: поэт его не замечает, живет своей жизнью. И первая моя книга была подвержена жестокой критике и в ленинградской газете «Смена», и даже в журнале «Крокодил» — в статье за подписью «Рецензент». Стихи объявлялись камерными, их обвиняли в мелкотемье, в «фиглярстве в искусстве» и предрекали им гибель на помойке. И все-таки это был 1962 год, я успел «проскочить», то

есть выпустить первую книжку так же, как мои сверстники, поэты и прозаики, в Москве и Ленинграде: Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский, Андрей Битов, Валерий Попов, Василий Аксенов, Нонна Слепакова и другие. Я не боролся с советской властью — просто смотрел в другую сторону.

— *Разлад со своим временем опасен для художника?*

— Разумеется, при Сталине мне бы не поздоровилось. Убили бы или перекрыли кислород, никакие мои стихи свет бы не увидели. Мне повезло, 1956 переломный год совпал с моей юностью. Да, я жил в разладе со своим временем в том смысле, что партийные установки, советская идеология меня никак не устраивали. И ни одного стихотворения на общепринятые темы (торжество и непреходящая ценность революции, освоение целины, великие стройки, прекрасное коммунистическое будущее и т.п.) у меня нет. А умный и внимательный читатель, живущий той же жизнью, что и я (он мог быть врачом или инженером, или физиком, биологом, а я десять лет проработал в школе рабочей молодежи учителем литературы), читатель, любящий стихи, покупал мои книги (тираж их был по нынешним меркам фантастическим: 10 тысяч экземпляров, нынче в лучшем случае 3-4 тысячи) и находил в них созвучные ему «наблюдения ума» и «заметы сердца».

— *Вам комфортно в нынешней культурной (и не только культурной) ситуации?*

— Нет, конечно. Но я и не стремлюсь к комфорту, он, наверное, невозможен, а может быть, и не нужен. Жизнь «ужасна, ужасна, ужасна, прекрасна, ужасна» — это строка из моего стихотворения 70-х, написанного почти сразу после «Времена не выбирают». И в конце этого стихотворения в комнату врывается ветер: «А ветер за шторами горькую пену взбивает / И эту прекрасную, пятую, может быть, часть, / Пусть пятидесятую, пестует и раздувает». Так вот, всю жизнь я тоже раздуваю и пестую эту прекрасную, пятую, может быть, часть. И все, кого я люблю в искусстве, будь то Вермеер, Ван Гог или Пушкин, Шопен, Пастернак были заняты тем же.

— *Нынешнее десятилетие вы ощущаете как свое?*

— Все прожитое время ощущаю как свое. Не делю его на «мои» и «не мои» десятилетия.

— *Вам не обидно, что из обширного собрания ваших поэтических текстов только две строчки непрерывно цитируются, а других будто и нет? Или, наоборот, воспринимаете это как знак высшего признания: две строчки ушли в народ, стали настолько крылатыми, что уже как бы утратили авторство?*

— «Времена не выбирают, в них живут и умирают» — эти строки мне порядочно надоели, по правде сказать. Им повезло, потому что песню на эти слова написали чудесные музыканты-любители Сергей и Татьяна Никитины — и стихи были услышаны. Но ничем не хуже многие другие, например, «Умереть — расколоть самый твердый орех, / Все причины узнать и мотивы. / Умереть — это стать современником всех, / Кроме тех, кто пока еще живы». Или такие: «Придешь домой, шурша плащом, / Стирая дождь со щек :/ Таинственна ли жизнь еще? / Таинственна еще». Или из недавних: «Рай — это место, где Пушкин читает Толстого. / Это куда интереснее вечной весны»...

— *«Времена не выбирают, в них живут и умирают» — вкладывали ли вы в эти строки ощущение обреченности и безысходности, свойственное только людям, лишенным свободы выбора?*

— Ощущение обреченности и безысходности в эти стихи вкладывать не надо, ведь в конце сказано: «Но дымится сад чудесный, / Блещет тучка, обниму / Век мой, рок мой на прощанье. / Время — это испытанье. / Не завидуй никому...» Многое зависит от тебя самого, от того, какими глазами ты глядишь на мир, способен ли ты полюбить человека, обрадоваться кусту жасмина, обратиться в «минуту жизни трудную» к молитве, или к стихам, или к музыке... А те, кто думает, что время можно выбрать по своему желанию и усмотрению, по-моему, ошибаются. Курбский бежал от Ивана Грозного, но всем-то не убежать. И есть ли свобода выбора? Мне кажется, это понятие скорее церковное, религиозное, нежели реальное, земное. Если свобода выбора действительно существует (я имею в виду не выбор между носовым платком или галстуком, трамваем или автобусом), то хочется спросить: почему этой свободой обладают Сталин или Гитлер, а миллионы людей лишены всякого выбора, обречены на Освенцим и Колыму?

— *Разве нельзя выбрать себе иные времена путем смены страны (возможность, которой — да, вы правы — советские люди в*

большинстве своем были лишены, но которая оказалась доступна некоторым жившим в СССР писателям, художникам, режиссерам)?

— Тайна нашего рождения не поддается никакой логике, никакому разумному объяснению. Это случай. Ты родился в 1936 году? Тебе повезло. Ты, конечно, мог погибнуть в детстве во время страшной войны (я ее хорошо помню), мог лишиться родителей (отец был на Ленинградском фронте) и т.д. Но тебе не пришлось вынести то, о чем написала Ахматова в «Реквиеме», Шаламов в «Колымских рассказах». Более того, еще во времена твоей молодости возникла некоторая возможность выбора, например, «путем смены страны». И твои ровесники решали самостоятельно, на свой страх и риск, как им поступить, сообразно своему характеру и обстоятельствам. Бродский, например, прошел через позорное для власти судилище и был сослан в село Норинское. И его стихи, за исключением нескольких, не были опубликованы. Книгу Довлатова, уже готовую к печати, отменили. Понятно, что у них были все основания уехать, покинуть страну. А Евгений Рейн или Владимир Уфлянд, которые тоже не могли издать книгу, остались. Остались и Андрей Битов, и Валерий Попов, и Яков Гордин и многие другие мои друзья. И вряд ли можно сказать, кто поступил правильно, а кто опрометчиво. Когда в 1987 году Бродский прилетел в Вашингтон (он только что вернулся из Швеции, где получил Нобелевскую премию), пришел ко мне в гостиницу и мы братски обнялись после пятнадцатилетней разлуки, я сказал ему: «Вот видишь, я остался, ты уехал, и ты в выигрыше», а он ответил: «Не думаю». В его тоне не было рисовки, была искренность и печаль. И жилось ему все эти годы нелегко, да еще в иноязычной среде (для поэта это почти невыносимо), и он же придумал чудную поговорку: «Россия — страна нагана, а Америка — чистогана». Любопытно (или странно, или забавно — не знаю, какое выбрать слово), что задолго до всего этого, как будто предвидя будущие отъезды, я написал стихотворение и оно вошло в мою вторую книгу (1966 г.):

*Уехав, ты выбрал пространство,
Но время не хуже его.
Действительны оба лекарства:*

*Не вспомнить теперь ничего.
Наверное, мог бы остаться -
И был бы один результат.
Какие-то степи дымятся,
Какие-то тени летят.
Потом ты опомнишься: где ты?
Неважно. Допустим, Джанкой.
Вот видишь: две разные Леты,
А пить всё равно, из какой.*

В семидесятые уехали многие, в том числе и те, которых личные обстоятельства к этому не принуждали. Просто опротивело государственное вранье, брежневские доклады, партсъезды, общее ощущение бесперспективности советской жизни. И конечно же, невозможность увидеть мир. Я, кстати сказать, был невыездным и писал в стихах, пролежавших в столе много лет, о том, как меня не пустили в писательскую поездку в Италию, о которой я мечтал: «Подмочены мои анкеты; где-то / Не то сказал; мои знакомства что-то / Не так чисты, чтоб не бросалось это / В глаза кому-то; трудна работа / У Комитета. Башня в древней Пизе / Без нас благополучно упадет». А в другом стихотворении, более позднем, вспоминал: «И отъезд соблазнял нас, как ход конем, но спасла нерешительность — наша сила!» Нет, никуда бы я не уехал, и не только потому, что существуют «две разные Леты, а пить все равно, из какой», а прежде всего потому, что мои любимые поэты: Мандельштам, Ахматова, Пастернак не уехали, остались в России в куда более страшное, гибельное время. И еще потому, что не мог бы оставить родителей и никогда их больше не увидеть. И когда меня спрашивают, почему Бродский не приехал в Петербург в перестроечные годы, ведь он наведывался даже в Финляндию, я, мне кажется, знаю ответ: он не мог бы переступить порог квартиры, в которой оставил своих родителей, страдавших и умерших в одиночестве.

— *В какой мере художник отражает свою эпоху, а в какой формирует ее своим творчеством?*

— Как отражает, я уже сказал. А как формирует — на это ответить трудно. Ну, конечно, деятели соцреализма, призванные пар-

тием воспитывать своим творчеством современников, очень старались и проявили в этом деле немало изобретательности. Только что же осталось от их книг? Почти все они провалились вместе с коммунистической идеологией. И даже Маяковский, «революцией мобилизованный и призванный», воспитывавший своего читателя не по долгу службы, а по велению сердца («А если не хотите быть подхалимом, сами себе не зажимайте рот, увидев безобразие, не проходите мимо...») и т.п.), сегодня уже не говорит с нами «во весь голос». А как мечтал явиться «в Це Ка идущих светлых лет» со всей сотней томов своих «партийных книжек»! Пастернак был прав, когда сравнил его поэтическое наследие с огромным железнодорожным пустым составом, в котором загружен подлинными замечательными стихами только один вагон. Так вот, он формировал свою эпоху — и что же из этого вышло? Думаю, что поэт ничего не формирует, никого не воспитывает так же, как не воспитывает дерево, или облако, или горный склон. Искусство, как природа, не ставит перед собой воспитательной задачи. Оно радуется, восхищается, утешает, наводит на новую мысль, помогает справиться с бедой, обращается не к аудитории, а к человеку, способному его воспринять, вступая с ним в личные отношения.

У всех нас есть претензии к своему веку

— *Наша беседа о временах, о поэзии и времени имеет отношение и к возрасту, поскольку возраст исчисляется прожитыми годами. Как вы ощущаете свой возраст?*

— Конечно, мой возраст внушает мне «страх и трепет». Но в то же время я понимаю, что жаловаться грех, унывать нельзя. Как сказано у Пастернака в его обращении к зиме и Богу, стоящему за ней, «Ты больше, чем просят, даешь». У всех у нас есть претензии к своему времени, своему веку, иначе и не бывает, но надо признать: на наших глазах увеличился срок человеческой жизни. Сорокалетнего Баратынского его молодые друзья-любомудры называли «седовласым старцем». А сегодня сорок лет — это молодой возраст. Недавно по телевидению показывали 88-летнего человека, бывшего парашютиста, который решил тряхнуть стариной — и прыгнул с парашютом, и прекрасно приземлился. И я был рад за него и подумал, что ведь и я по-своему делаю то же самое, сидя за письменным столом. Начиная писать стихотворение, никогда не

знаешь, чем это кончится: провалом или успехом. Как же не быть благодарным судьбе за то, что стихи пишутся — и они не хуже прежних, а то и лучше! До восьмидесяти лет поэты не доживали. Можно вспомнить очень немногих, например, Гёте. А из русских — 86-летнего Вяземского. И что замечательно — в старости он написал свои лучшие стихи, благодаря которым навсегда останется в русской поэзии. Стихи эти скорбные, мрачные («Того, которого вы знали, / Того уж Вяземского нет...», «От смерти только смерти жду», «Все сверстники мои давно уж на покое...» и т.д.), но они мне нужны, они тоже помогают справляться с возрастом. И их горестный призыв оказывается целебным для меня. В нынешнем году в журнале «Новый мир» было напечатано мое стихотворение, эпиграфом для которого я выбрал строку «Мы все попутчики в Ростов» — из поздних стихов Вяземского. Вот оно:

*Мерцанье роиц и кустов,
Унылых дней и мрачных снов,
Всего труднее на рассвете.
Я встать с постели не готов,
Опять попасться в те же сети
Постылых дел и жалких слов.
Увы, мы в старости в ответе
За безотрадный свой улов.
Теперь одну из всех стихов
Строку держу я на примете:
«Мы все попутчики в Ростов».
В Ростове Вяземский нас встретит.*

Вряд ли такое стихотворение могло бы появиться в журнале в шестидесятые годы. И Твардовский, даже если бы захотел, не смог бы его напечатать. А сегодня, слава Богу, можно. И за это тоже времени надо сказать спасибо. (Между прочим, впервые в «Новом мире» я был напечатан полвека назад — в 1966 году!). Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что в этих стихах, несмотря на всю печаль, есть и проблеск радости, и утешение.

Мы извлекаем уроки из прошлого?

Диалог с кинорежиссером Николаем Досталем

У Досталю названия картин носят имена собственные: «Шура и Просвирняк», «Колья — Перекати поле», «Петя по дороге в Царствие Небесное». На крайний случай в ход идут одушевленные существительные: «Человек с аккордеоном», «Маленький гигант большого секса», «Гражданин начальник», «Полицейские и воры». Чувства, мысли, характеры обыкновенных людей — все это у Досталю крупным планом. Потому-то и время в его фильмах (не забудем тут упомянуть и «Штрафбат», и «Завещание Ленина») протупает столь зримо и осязаемо.

Время раскола все еще продолжается

— Ваш сериал «Раскол» — о реформе патриарха Никона, повлекшей одно из самых значительных церковных и общественных размежеваний в истории России. Со времени событий, показанных в фильме, прошло более трех веков, но и сегодня в нации нет единения. Наоборот, все глубже линии раскола — между обществом и властью, бедными и богатыми, верующими и неверующими. Как вы считаете, это фатально? России раскол на роду написан?

— Солженицын когда-то сказал, что без раскола в XVII веке не было бы трагедии в 1917 году. Зоркий вывод. Раскол русского народа, случившийся более трехсот лет назад, дал трещины, дошедшие до наших дней.

— Ну да, самый близкий вам пример — раскол в Союзе кинематографистов. Вы в Киносоюз, альтернативный официальному

Союзу кинематографистов, вступили?

— Вступил. Но я не выхожу из старого союза. Я и своих коллег призывал: вступая в новый союз, не надо покидать старый, вы можете быть членами многих союзов! Я, например, член трех киноакадемий — «НИКА», «Золотой орел», «Европейская академия киноискусства». И что, вношу тем самым раскол в наши ряды?

— *Зачем вообще нужны творческие союзы в их архаичном советском обличье?*

— В таком обличье не нужны. Творчество — это как раз то, что нас разъединяет. Что общего у Михалкова и Германа, у Данелии и Говорухина, у Абдрашитова и Суриковой? Ни-че-го! Творчество — интимная вещь, тут союз не помощник. К тому же вся структура СК до сих пор советская: секретариат, председатель, первый секретарь. Политбюро только не хватает. Саму структуру необходимо модернизировать. Ведь объединяет нас только одно — профессиональные интересы: авторские права, борьба с видеопиратством, трудовые договора. И социальные вопросы, конечно: страховки, помощь больным и безработным. Как раз на этом объединении надо строить наш союз. Будущее союза — это союз профессиональных гильдий.

— *Вернемся к российской истории. У вас был документальный сериал «Россия. XX век. Взгляд на власть». Фильм вышел в 1999 году. С тех пор ваш взгляд на власть хоть в чем-то изменился?*

— Нет, потому что и во власти ничего не изменилось. России повезло с пространством — оно огромно, с недрами — они богаты. Ей повезло с народом — были и есть выдающиеся ученые, писатели, музыканты, художники. Но какая-то полная непруха с властью. Мы сначала очаровываемся этой властью, нам нравится, что она молодая, здоровая, энергичная. А потом эта власть начинает думать только о себе, о своих интересах, личных и корпоративных. И так на протяжении веков. Мы не умеем извлекать уроки из нашей истории. В большинстве своем мы вообще не знаем нашего прошлого. Много ли людей имели хоть какое-то представление о штрафных батальонах, пока не посмотрели «Штрафбат»? А великий русский писатель Варлам Тихонович Шаламов? Многие о нем узнали только после нашего фильма «Завещание Ленина». Мы и «Раскол» снимали, ставя перед собой

задачу не только художественную, но и просветительскую. В начале XX века старообрядцами были знаменитые русские предприниматели Морозов, Рябушинский... Как мне сказали, после нашего фильма в Московской духовной академии ввели предмет «история старообрядчества».

— *На ваш взгляд, Русская православная церковь должна показаться за гонения на старообрядцев?*

— Солженицын к этому призывал, и здесь я к Александру Исаевичу присоединяюсь. У нас вообще с покаянием как-то не шибко. Я общался со старообрядцами — они не ждут покаяния, не просят его. Они стремятся, как и весь православный мир, к праведной жизни. Но желание осмыслить прошлое, трезво взглянуть на него должно быть. Пока, на мой взгляд, этого нет.

— *Ни во власти, ни в народе?*

— Ни там, ни тут.

— *Почему, как вы думаете?*

— Может быть, так удобнее управлять огромным государством — с позиции силы. Наш народ привык к сильной руке. Хотя скорее его к ней приучили. Когда меня спрашивают, чем отличается Сталин от Гитлера, я говорю: отличие большое — Гитлер истреблял чужие нации и народы, а Сталин свои. Мне кажется, что пока у части общества жива тоска по Сталину, ничего хорошего в России не будет, а будет все время раскол. Пока внятно, четко, без всяких оговорок, на основе неопровержимых фактов и документов власть не скажет, что Сталин был преступником, повинным в смерти тысяч людей, мы из этой трясины не выберемся.

— *У вас есть объяснение, почему современные правители не желают признавать преступления своих даже дальних предшественников? Сколько усилий приложила Польша, прежде чем Россия после многолетней лжи признала наконец вину СССР за массовый расстрел в Катыни.*

— У меня нет этому объяснения. Скажем, почему ФСБ не желает отмежеваться от ВЧК, ГПУ, НКВД и КГБ? Говорят — преемственность. Какая может быть преемственность от Берии, Ежова, Абакумова? Я этого не понимаю. Честь мундира? Или такое превратное понимание патриотизма? Но разве в этом патриотизм?

Мне кажется, он состоит в том, чтобы честно сказать: да, это было в нашей стране, но мы хотим, чтобы этого больше никогда не было, и сделаем для этого все от нас зависящее.

Делаю сериал как полнометражное кино

— *Выбирая между телесериалом и полнометражным кино, вы в ваших новых работах нередко склоняетесь к первому. Это потому, что телесериал дает вам дополнительные художественные возможности или на него просто легче найти деньги?*

— Конечно, на телевизионный фильм всегда легче найти деньги. На телевидении они быстро отбиваются за счет рекламы. В итоге и телепродюсеры довольны, и режиссер удовлетворен своей работой.

— *Снимая для телевидения, приходится идти на какие-то художественные компромиссы?*

— Я стараюсь этого не допускать. Делаю сериал как полнометражное кино. Поэтому и «Штрафбат», и «Завещание Ленина» я снимал на пленке. Тот же «Штрафбат», снятый для ТВ, по качеству мало чем отличается от «Пети...», сделанного для киноэкрана. Различия минимальны. Например, для телевидения приходится делать больше крупных и средних планов — общие планы там не очень смотрятся. Ну и сроки, конечно. Когда я снимаю телевизионное кино, я работаю более динамично.

Я сторонюсь медийных лиц

— *Вы жестко работаете с актерами?*

— Я жесткий в работе со съемочной группой. А на актеров никогда не давлю, я им доверяю. Но сторонюсь медийных, точнее, ассоциативных лиц — зрителю труднее поверить в подлинность их героев. Есть лишь одно исключение, подтверждающее это правило, — Роман Мадянов, снявшийся у меня в шести фильмах.

— *На моей памяти таких «исключений» гораздо больше — Ирина Розанова, Сергей Баталов, Геннадий Хазанов, Валерий Золотухин, Владимир Капустин...*

— Да, есть актеры, с которыми всегда хочется работать, но не всегда есть для них роли. Иногда читаешь сценарий и думаешь: эх, нет здесь роли для Ирины Розановой!

— *Говорят, вы Максима Галкина хотели снимать.*

— Я предлагал ему роль Савелия Цукермана в «Штрафбате». Он принял предложение. А потом за неделю-две до съемок позвонил и сказал, что, будучи лицом Первого канала, не имеет права сниматься в этой роли. По этому поводу появилась заметка в «Известиях»: «Лучше быть миллионером у Эрнста, чем евреем-штрафником у Достая». Потом Галкин в каком-то интервью говорил, что сняться в «Штрафбате» у него просто по срокам не получилось. Я ему сказал: «Максим, перед тобой, как перед всяким интеллигентом, стоял выбор — или жить хорошо, или быть хорошим. Ты выбрал первое. Бог тебе судья».

Володарский был динамичный, взрывной мужик

— *Как вам работалось с Володарским в «Штрафбате»?*

— Нельзя сказать, что легко, но интересно. Он был динамичный, взрывной мужик. Вообще-то я не хотел снимать фильм о войне. Может, из-за отсутствия военного опыта я считал, что о войне снимать — это поступок. Не искал сценариев о войне. Когда же взял в руки сценарий Володарского и прочитал первые три серии, я понял: это то кино, которое мне хотелось бы снимать. Это новый взгляд на войну, новые персонажи, характеры, образы. И началась у нас работа. Вспоминаю забавное. Я читаю и говорю: «Эдик, у тебя в четвертой серии штрафник бежит в атаку и погибает, а в десятой он у тебя опять бежит в атаку и кричит ура». Эдик говорит: «Выбрасывай, выбрасывай». Там было много второстепенных персонажей, которых он мог похоронить, а потом по забывчивости оживить.

— *«Штрафбат» кому-то категорически не понравился, удостоился ярлыков «очернительство», «искажение правды о войне». Как вы это восприняли?*

— Спокойно. Тем более что исторические неточности в фильме действительно были, и я о них знал еще до начала съемок. Я человек дотошный и, когда беру в руки сценарий, да еще на историческую тему, сразу начинаю наводить справки. Например, я узнал, что штрафники-рядовые и штрафники-офицеры воевали в разных частях и что штрафбатами обычно командовали кадровые, а не разжалованные офицеры. Я сказал об этом Эдику. Он ответил:

«Если все сделать по уставу, то фильма не будет. К тому же гладко было на бумаге, да забыли про овраги!» И я с ним согласился. Мы делали художественное кино, а не документально-историческое исследование. Один штрафник (к сожалению, его уже нет в живых), посмотрев нашу картину, сказал: «Вы в деталях кое-что исказили, но не соврали в главном — в том, что штрафники тоже вложили свой кирпич, и не один, в этот огромный фундамент под названием Победа».

— *А какова прокатная судьба фильма «Петя по дороге в Царствие Небесное», который получил главный приз ММКФ «Золотой Георгий»?*

— Незавидная, как и у большинства российских картин. Фильм показали на канале «Россия», и мы этим отчасти удовлетворены.

— *Вы ощущаете себя свободным от конъюнктуры кинорынка?*

— Пока да. Я снимаю только то, что мне интересно. Вот в девяностые годы, чтобы выжить, люди брались за любую работу. Но мне повезло, я и в девяностые снимал только то, что мне было интересно. У меня нет запасной родины, другого гражданства. Я где родился, там и пригодился. Каков уровень свободы в обществе, можно, конечно, обсуждать, но в своем творчестве я стараюсь быть свободным.

— *Вас не зовут на политические баррикады?*

— Зовут, но я туда не спешу. Считаю, что свою гражданскую позицию я вполне ясно и четко выражаю своими фильмами.

Будущее за провинцией?

Диалог с философом Александром Казаковым

Часто можно услышать: Москва и Питер — не Россия, а Россия — это некий совокупный Урюпинск, и эта Россия пропадает: там культурный застой, производство заглохло, работы нет, народ спивается. А кто-то, напротив, уверен, что только провинцией Россия и спасается: там ее сила и могучий потенциал, который пока далеко не полностью реализован, но тенденция к возрождению отечественной глубинки уже явственно ощутима. Будущее за провинцией?

Критерий провинциальности — ритм жизни

— *Вы живете в Москве?*

— Да.

— *А в провинции часто бываете?*

— У меня есть машина. На расстояния до шестисот километров от Москвы я стараюсь ездить на ней, потому что люблю смотреть по сторонам, останавливаться в маленьких городках, посещать местные храмы и монастыри. В этом смысле — да, я бываю в провинции часто.

— *А где именно?*

— В основном, в региональных центрах. В последний год я активно занимался проблемами Рыбинского водохранилища, поэтому часто бывал по делам и в Рыбинске, и в замечательном городе Тутаеве. Я через Волгу все местные паромные переправы опробовал. По дороге надолго останавливался в Переславле-Залесском. Бывал в Ростове Великом. Даже довелось переночевать однажды в ростовском Кремле. Там, оказывается, совершенно уникальная гостиница: номера сводчатые, внизу винные погреба. Кроме того, я хорошо знаю Псков, Печоры Псковские, Изборск. По дороге туда,

в Тверской области — один из моих любимых городов: Старица. Город, по которому можно измерять ритм жизни провинции. Если же о Пскове говорить, то он давно перестал быть провинциальным городом.

— *А что такое, собственно, провинциальный город? Каковы критерии провинциальности?*

— Это прежде всего ритм жизни. О нем красноречиво говорит разрешенная в этом городе скорость движения автомобиля. Во Пскове она не так давно составляла сорок километров час. Ныне — шестьдесят. Провинциальный российский город в моем понимании — это не тот, который географически отдален от Москвы. В географическом смысле Псков до недавнего времени был региональный центром, им формально и остается, но там теперь новый губернатор — Андрей Турчак. Он привлекает в регион инвестиции, строит дороги, активно развивает социальную инфраструктуру. Я бываю там часто и вижу: ритм города сильно изменился. Это уже столичный ритм. Еще один важный признак провинциального города — его величина. В провинциальном городе — один, максимум два центра жизни. А в Москве в каждом микрорайоне по три-четыре таких центра — административные, торговые, культурные. Это те пространства, через которые постоянно циркулирует народ. Города с одним-двумя центрами — это города провинциальные. Потому что ритм жизни человека в них — пешком до центра и обратно.

— *Это все количественные критерии. Но есть же и качественные. Что такое, к примеру, провинциальность в культуре или провинциальность в науке? Такая провинциальность не зависит от географии. Она может быть присуща и столичному театру, и столичному научному центру.*

— Провинциальность в науке — это вообще столичный феномен.

— *То есть?*

— Это попытка предлагать одну таблетку от всех болезней и универсальный фильтр для любой грязной воды. В Петербурге лет десять назад наблюдался ярчайший случай такого провинциализма. Некий «ученый» заявлял, что вопреки традиционным представ-

лением ортодоксальной науки он нашел способ получать энергию буквально из воздуха. То есть изобрел «вечный двигатель». Такого рода научные маргиналы живут в столицах, а не в провинции. Они живут вокруг академий наук, вблизи ведущих исследовательских институтов, которые, как правило, находятся в Москве и Петербурге.

Качество жизни к обилию супермаркетов не сводится

— *Я знаю, вам мила провинция, но качество жизни там гораздо ниже, чем в столице, не так ли?*

— Смотря что считать качеством жизни. Если измерять его суммой материальных благ и удовольствий, то Москва, действительно, во многом превосходит провинцию. Но качество жизни к обилию супермаркетов и ресторанов не сводится. Один простой пример: одноклассники в провинциальном городе, если они там остаются, видятся друг с другом в сто раз чаще, чем одноклассники, которые учились в Москве и по-прежнему в ней живут.

— *Да, это так. Но, мне кажется, это не хорошо и не плохо. Просто в провинции свой образ жизни, а в столице свой, вот и все.*

— А, по-моему, это хорошо.

— *Чем хорошо?*

— Тем, что люди не разобщены. Иной раз иностранцы спрашивают: как вы, русские, находите в себе силы противостоять тем бедам и напастям, которых так много выпадало на вашу долю? На это я ответил бы: народ берет силы в тех коллективных инстинктах, которые мы сейчас, с высоты нашего XXI века, считаем в чем-то архаичными и ненужным. А это инстинкты солидарности, взаимопомощи, взаимовыручки. Этим жили в XIX веке и русская деревня, и русский город. Написаны десятки книг о том, как люди погорельцам избы строили всем миром, как сирот брали на воспитание. В Москве были углы — рязанские, псковские, — где люди друг друга знали в лицо. Так что это хорошо, когда одноклассники общаются друг с другом через десять, двадцать, тридцать лет, вместе стареют, а их внуки вместе в школу идут. В провинциальных городах навыки выживания гораздо сильнее, чем в столице. Эти навыки на протяжении тысяч лет помогают нашему народу выдерживать натиск извне, а зачастую и преодолевать внутренний ступор.

Индустриальная культура — это культура столиц

— *Принято думать, что в провинции нравы мягче, люди добрее, воздух общественный чище. Надо ли так уж идеализировать провинцию?*

— Идеализировать ничего не надо, и провинцию в том числе, но давайте признаем, что там больше взаимного участия людей в жизни друг друга. Просто в силу того, что люди живут теснее, знают друг друга ближе. Вот скажите, что лучше — вообще не быть знакомым со своим соседом или двадцать лет находиться с ним в состоянии вражды? Я считаю, что лучше последнее. Потому что эти два семейства, эти два городских или сельских Монтекки и Капулетти, как минимум знают друг друга и у них всегда есть шанс заключить мир. А если ты вовсе не знаком с человеком и не знаешь, чего от него ждать — как ты можешь выстраивать отношения с ним?

— *Если вдали от столиц так много всего хорошего, то почему слова «провинция», «провинциальность» имеют негативную коннотацию?*

— Это многовековая инерция.

— *Если инерция, да еще и многовековая, значит чем-то она обусловлена.*

— Негативный оттенок слова «провинция» — результат пропаганды. В XIX веке не было телевидения, поэтому внесение в массовое сознание определенных клише занимало больше времени. Сегодня же при помощи ТВ делается то же самое, но быстро. Когда индустриальная культура только зарождалась, ей нужно было утвердить свое первенство, и она шельмовала все инаковое. Индустриальная культура — это культура столиц. Это культура больших городов. Впоследствии — культура мегаполисов. А ныне — культура агломераций. Сегодня любая столица в Европе — это прежде всего индустриальная, финансовая, административная столица. И она заинтересована не просто в людском пополнении. Она заинтересована в избытке приезжих, чтобы проводить качественный отбор. Поэтому внушается, что есть, мол, преуспевающая столица и есть прозябающая провинция. Чтобы молодые люди, которые чувствуют в себе потенциал, из провинции приезжали в Москву, на

эту ярмарку тщеславия. Из них отбирают лучших, остальных выбрасывают на обочину жизни. В XIX веке это означало буквально подворотню, в XXI веке — это морально-психологическая подворотня: люди впадают в депрессию.

— *Образ провинции как территории отсталой, прозябающей создается, по-вашему, целенаправленно — чтобы образ столицы на этом фоне сделался еще более привлекательным?*

— Да, именно для этого. В Старице театра нет — пожалуйте в столицу. В Переславле-Залесском нет Третьяковской галереи — поезжайте в столицу. Столица, а теперь и столицы, у нас их уже немало — Москва, Петербург, Новосибирск, Екатеринбург, отчасти и Владивосток — это еще и агломерации-оккупанты. Они пытаются оккупировать, например, региональную культуру, чтобы вывезти ее в Москву или Питер. В 60-70-е годы культурный мейнстрим был какой? Древнерусское искусство и иконы. Что происходило? Весь русский Север обирали, чтобы его художественные ценности привезти в Москву. А сегодня мы наблюдаем обратное — иконы возвращаются из музея в храм. Потому что столица — город музеев, а провинция — территория храмов. Причем, столица — это, строго говоря, даже и не город. Город в исконном его обличье — это то, что находится за городской стеной, поделено на кварталы, которые обслуживают друг друга. Поэтому изначально в городе были гончары, кузнецы, шорники... Но в наше время окраины тоже замыкаются на себя. Я хорошо помню появление первого универсама в Ясенево. К чему привело строительство этого универсама? К тому, что резко упала нагрузка на метро — люди перестали ездить в центр за продуктами. Сейчас законы рынка диктуют, чтобы товар был доставлен к потребителю. Возьмем жителей Юго-Запада. Зачем им Москва? У них все есть. У них рабочие места, транспортная и административная инфраструктура, торговая сеть, кинотеатры и даже свой театр. Плюс храмовый комплекс, который патронирует Наина Ельцина. Можно сказать, что Юго-Запад — самостоятельный город. Первым образцом такого города когда-то стало Тушино. Люди в Тушино, мои знакомые, собираясь в центр, говорили: едем в Москву. Я это к тому, что мегаполис уже разваливается, фрагментируется. Московский патриотизм раньше был константой, а теперь он — задача. И эту задачу решают московские власти. Путем

городских праздников, пропаганды, создания дополнительных каналов взаимодействия с населением они пробуждают московский патриотизм, пытаются объединить москвичей, живущих в разных округах и микрорайонах. Хотя все равно для кого-то Москва — это только Останкино. Или только Крылатское, где люди вообще отдаленно от остальной Москвы живут. У них даже есть свои горы.

— *Желание многих москвичей продать квартиру в столице и купить дом в пригороде — оно чем продиктовано, как вы думаете?*

— Думаю, это все тот же вектор, что и возвращение икон из музеев в храмы. Если семья с детьми живет в близком пригороде, за МКАД, то эта семья проводит больше времени друг с другом, несмотря на долгую дорогу с работы. Там даже семейные отношения другие, потому что каждый член семьи менее автономен, чем в Москве. Там внутри семьи включаются механизмы взаимопомощи, потому что надо, чтобы папа отвез на машине ребенка в школу. А в Москве школа — вот она, за углом. Так и живут. Утром проснулись, поздоровались и разошлись. Вечером пришли, поздоровались и спать легли.

Зачем лечить ребенка обязательно у доктора Рошала?

— *Расскажите обитателю «медвежьего угла», как ему повезло, что он живет вдалеке от современной цивилизации, и послушайте, что он вам ответит и какие слова при этом употребит. Больница в Нью-Йорке по оснащенности медицинской аппаратурой и квалификации персонала мало чем отличается от больницы в каком-нибудь городке штата Флорида. А у нас, случись с сельским жителем какая хворь — «ой, это вам надо в район»; сложный случай в областном центре — «ой, это вам надо в Москву».*

— Ну, во-первых, медицинская инфраструктура американских мегаполисов все же чуть получше, чем медицинская инфраструктура американской провинции. Во-вторых, в российских регионах — на Урале, в Сибири, Мурманске, Самаре, Новосибирске — появились и продолжают появляться суперсовременные медицинские центры, не уступающие столичным, а нередко и превосходящие их по всем параметрам. Не будем, кроме того, забывать, что медицина, образование — это не только сфера услуг. Это такие сферы, где присутствуют все человеческие эмоции — тщеславие, напри-

мер. Почему родители хотят впихнуть своих детей обязательно в МГУ или МГИМО? Это тщеславие. Или: «Хочу, чтоб моего ребенка лечил только доктор Рошаль». Зачем? Есть молодой специалист, учился у Рошаля, от Рошаля у него верительная грамота висит на стене, оборудование лучше, и лететь в Москву не надо. Нет, только у Рошаля! Что ж, региональным медцентрам, которые ближе к провинции, предстоит завоевывать себе право быть таким коллективным доктором Рошалем. И они его завоюют.

Для многих провинциалов Москва — это большой «Дом-2»

— *По данным опросов, только восемь процентов жителей регионов хотели бы переехать в Москву. Остальных что удерживает от такого желания?*

— Много чего. Например, вот что: имея телевизор, люди неплохо представляют себе тот образ, который столица навязывает всем о себе. И ехать в такой город большинству не хочется. Для многих провинциалов Москва — это большой «Дом-2», помноженный на сериалы про бандитов, приправленный официозом. Такое счастье нужно кому-то?

— *То есть столица своим внутренним обликом отвращает провинциалов от себя?*

— Безусловно.

— *Но тогда почему провинция так отчаянно завидует столице? Почему провинциалы завидуют москвичам и не любят их?*

— На Урале так относятся к Екатеринбургу. В Сибири — не знаю к кому, там за право считаться столицей огромного региона состязаются Новосибирск, Красноярск, Иркутск. Как мне представляется, позиция провинциалов такова: пусть у нас будет все то же самое, что есть у столичных жителей (речь идет о материальных ценностях), но мы останемся здесь и останемся такими, какие мы есть. Нежелание перебраться в столицу — оно идет от страха потерять себя. Это очень экзистенциальная вещь. И она о многом говорит. Ведь если человек боится потерять себя, значит он себя знает, значит он не считает себя винтиком-шпунтиком. Да, зависть присутствует. Но это зависть прежде всего к столичным материальным благам.

Москва во многом очень провинциальна

— *Москва бывает провинциальна в каких-то своих проявлениях?*

— Москва — махровый провинциал. Я здесь имею в виду ее ориентацию на идолов, а что это, как не провинциализм. Идол — это деперсонифицированное существо. У него нет истории, точнее, у него глянцева история — не его собственная, а придуманная специалистами по имиджу. В этом смысле столица для провинциала — знак, символ, эмблема. Что такое, например, провинциализм в науке? Это ориентация на признанных авторитетов, тогда как настоящая наука — это всегда бунт против авторитетов. Но не бесмысленный и беспощадный, а конструктивный бунт. Скажем, в советское время у нас в гуманитарных науках было две иерархии — официальная и неофициальная. Был марксистский ортодокс академик Митин, но был и свободный философ Сергей Сергеевич Аверинцев. Наличие второго отчасти смягчало провинциальность московскую. Поклонение авторитетам, освященным академическими званиями, госпремиями, членством в ЦК и Верховном Совете, было присуще и представителям технических наук. Поэтому очень разумным решением было вынести научные центры в Дубну, Обнинск. Таким способом настоящих ученых выводили из-под административного прессинга. Москва и сейчас во многом очень провинциальна. Виной тому — навязанный ей советской индустриализацией масскульт, который тогда доминировал и сейчас доминирует.

Революции совершаются в столицах, но по-настоящему жестокими они становятся в провинции

— *Почему революции совершаются в столицах, а не в провинции?*

— Ну как — почему? Банки, почта, телеграф, телефон.

— *А социальная база революций — разве она не в провинции?*

— Нет, она тоже в столице, где сконцентрирован деклассированный элемент. Столица отбирает себе лучших, а остальных выбрасывает на обочину, под забор. И вот вам люмпен, страстно желающий поменяться местами с теми, кто прорвался. Конечно, революции совершаются в столице, но по— настоящему жестоки-

ми они становятся в провинции. Включаются механизмы замены провинции на столицу. Потому что, когда революция приходит в провинцию, она говорит: кто был никем, тот станет всем. И это действительно происходит. Сначала люмпены становятся всем у себя на малой родине, а потом очень быстро добираются до столицы.

XXI век в России — это век провинции и ее реванша

— *Россия — провинциальная страна?*

— Да, и это замечательно. Я считаю, что XXI век в России — это век провинции и ее реванша.

— *А век двадцатый в этом смысле каким был?*

— Веком конвейера.

— *То есть провинция для вас — символ штучного производства?*

— Именно так. Я убежден, что эпоха конвейера в России закончилась.

— *Будущее России за провинцией?*

— Несомненно. Я сам еще посуежусь в Москве лет десять и уеду в Коломну. Хочу купить домик на улице Казакова, моего однофамильца, и преподавать в школе, которая находится на Соборной площади, с конца XIX века работает, двухэтажная, первый этаж каменный, второй — деревянный.

Мы перестали быть читающей страной?

Диалог с генеральным директором книжного магазина «Москва» Мариной Каменевой

По данным опроса, проведенного фондом «Общественное мнение», 44 процента россиян за год не открывали ни одной книги. Всего 9 процентов опрошенных брали книги в публичных библиотеках, 66 процентов за последние два года не приобретали книг, относящихся к художественной литературе, 22 процента покупали и читали современную отечественную литературу, 9 процентов — современную зарубежную литературу, 8 процентов — классику. Почти 60 процентов граждан ответили, что их родственники и знакомые не дарят друг другу книг. Заканчивают свой век и домашние библиотеки. Сейчас в домашней библиотеке россиянина в среднем не более 100 книг. Мы перестали быть читающей страной?

Новые формы нужны

— *Насколько финансовый кризис повлиял на состояние книжной отрасли? Спрос на книги уменьшился, продажи падают?*

— Снижение есть. Мы это замечаем по количеству людей, которые приходят к нам в магазин. Входные двери магазина оборудованы датчиками, которые фиксируют каждого, кто вошел. Так вот число посетителей сократилось с 2008 года примерно на 30 процентов.

— *Почему вы с 2008-го считаете?*

— 2008 год — год начала мирового финансового кризиса, что, безусловно, повлияло и на экономику России. Наиболее тяжелыми

были 2011-2014 годы. Сейчас падение книжного рынка приостановилось, наметился небольшой рост, но в основном за счет роста цен.

— *Вот и Московская международная книжная ярмарка становится менее многолюдной, чем прежде. Это тоже по финансовым причинам?*

— Да, не все издательства имеют возможность арендовать выставочную площадь — дорого. Дело еще и в том, что сама эта ярмарка несколько устарела по форме. Новая команда ярмарочного оргкомитета, которая пришла на смену прежней, предприняла попытку более современного оформления павильона, создав комфортное пространство для посетителей. Я думаю, надо смелее продолжать поиск. Книжные ярмарки, книжные магазины не должны много лет оставаться в застывшем формате, надо пробовать что-то новое. Как говорит герой Чехова, «новые формы нужны». Все усилия по созданию новых форматов магазинов и мероприятий окупаются, потому что в целом интерес к книге у людей сохраняется, просто его требуется его оживлять.

Надо прививать любовь к книге

— *Вот данные журнала «Книжная индустрия». За последний год в России закрылись более 100 книжных магазинов. В стране остался 2221 книжный магазин. На один книжный магазин сегодня приходится 64 тысячи 600 жителей (в европейских странах — 10 тысяч). Как вы прокомментируете эту статистику?*

— Она печальна. Причины закрытия книжных магазинов разные. Они не сводятся к высоким ценам за аренду. Вспомните, как в советские времена государство относилось к книгоизданию и книгораспространению. Госкомиздат был самостоятельным министерством, в ведении которого находились издательства, полиграфия, книжная торговля. Председатель Госкомиздата был членом правительства. Представляете уровень? А потом... Помню, в 1993 году проводился Конгресс в защиту книги. Я выступала на нем, говорила, что книга требует особого внимания, особой защиты. Вышел какой-то чиновник и сказал: «Вы книгу продаете?» — «Да» — «А какая разница, что продавать — унитаз или книгу?» Вот с такой «разрухи в головах», используя выражение Михаила Афанасьевича Булгакова, и началось разрушение отрасли. В начале двухты-

сячных я стала президентом Ассоциации книгораспространителей независимых государств. Мы тогда пытались поддерживать связи со странами СНГ, бились за то, чтобы книга не имела границ. Но книжные магазины отнесли к рынку потребительских услуг. Они стали закрываться, была нарушена существовавшая в советские времена централизованная поставка книг во все, даже самые отдаленные регионы. Сокращалось число читающих людей. А что это означало? Невежество, одичание общества.

— *Вы уверены, что жители микрорайона, где закрыли книжный магазин, очень огорчены этим?*

— Вполне допускаю, что не всех огорчает закрытие книжного магазина. Но интерес к чтению надо воспитывать. И начинать это в семье, детском саду. Нужно заниматься пропагандой чтения с детского возраста. Привычка к чтению должна стать такой же, как привычка по утрам чистить зубы. Надо прививать любовь к книге, рекламировать книгу и увлечение чтением, используя для этого все средства пропаганды масс-медиа. Мы ведь это прекрасно умеем делать, когда речь идет о других вопросах.

Мы абсолютно честно определяем лидера продаж

— *Какая книга сегодня может иметь коммерческий успех?*

— О, если бы знать ответ на этот вопрос! Порой успех книги очень трудно предсказать. Вот роман Грегори Дэвида Робертса «Шантарам» уже несколько лет в первых строчках рейтинга. И секрет этого коммерческого успеха никто не может объяснить.

— *Как же выглядят предпочтения? Жанровые, например?*

— У покупателей нашего магазина эти предпочтения иные, чем в среднем по рынку.

— *В чем отличие?*

— Отличие в том, что у нас образованный, высокоинтеллектуальный читатель. У нас, например, сентиментальная литература, любовные романы всегда продавались хуже, были далеко за первой десяткой рейтинга.

— *Какой же вид литературы лидировал?*

— Лидировал, как ни странно, раздел искусства. Потом шел раздел художественной литературы — зарубежной, а затем — отечественной.

— *А сейчас что пользуется наибольшим спросом?*

— Сейчас у нас на первом месте детская литература (и это тенденция не только нашего магазина). Далее тематики располагаются в том порядке, о котором я сказала ранее. Но, бывает, выйдет новая книга популярного автора, скажем, Акунина, в историческом жанре — и благодаря ее продажам соответственно рейтинг этого вида литературы сразу растёт. Или с выходом какой-то книги вдруг вырвется вперед зарубежная проза. Постоянно пользуются спросом подарочные книги, и это понятно. Во-первых, им нет замены в электронном виде. Во-вторых, это подчас уникальные рукотворные произведения искусства, созданные в единичных экземплярах, в переплетах удивительной красоты, с изысканными иллюстрациями. Эти книги и сейчас остаются по старой формуле «лучшим подарком».

— *Наклейка «лидер продаж» подстегивает спрос?*

— Думаю, что да. Она существует для навигации, для подсказки. Сегодня при огромном количестве наименований в магазинах трудно ориентироваться в книжном море. Неким «маяком» в этом случае может служить такая наклейка — свидетельство востребованности, продажи какой-то книги.

— *Как определяется рейтинг?*

— По количеству проданных за месяц экземпляров в данном жанре. Если, например, в октябре лучше всего продавалась такая-то книга, то в ноябре она будет объявлена лидером продаж.

— *А бывает, что издательства или авторы просят вас сделать своим книгам такую наклейку?*

— Бывает, что просят, мол, какая вам разница, кого объявить лидером продаж? Но мы на их уговоры не поддаемся и абсолютно честно определяем лидера по рейтингу. Я говорю своим сотрудникам, что никогда нельзя обманывать покупателя. Если у нас не покупают книги какого-то автора, а в других книжных магазинах они идут хорошо, это значит, что его творчество не очень нравится покупателям именно магазина «Москва», и ничего с этим не поделаешь.

— *Чем отличается «лидер продаж» от «книги месяца»?*

— «Лидер продаж» — это та книга, которую своим рублем вы-

бирает покупатель. А «книга месяца» — это книга, которую рекомендуем мы, магазин «Москва». Это наш собственный выбор.

Надо беречь репутацию магазина

— *Репутация книжного магазина — это важная вещь?*

— Конечно.

— *Что входит в это понятие?*

— Наверное, прежде всего честность в отношениях с покупателем. Магазин «Москва» существует с 1958 года. Я здесь работаю с 1991-го. Когда я стала директором, моя задача была не растерять то, что было наработано предыдущими директорами. Сохранить это и приумножить. Вот приходят к нам люди и говорят: у вас в магазине такая атмосфера... Сама я затрудняюсь сформулировать, какая у нас атмосфера. Наверное, это определенный комфорт. Приходит человек, и ему здесь удобно. Например, важнейшая вещь — поиск книг. У нас применены современные технологии, которые позволяют быстро найти в магазине (как, впрочем, и на сайте) нужную книгу. Вообще сейчас книжные магазины — это очень технологичные предприятия. Многие, наверное, даже не представляют себе, какие IT-технологии сегодня используются в книжной торговле. Сейчас все автоматизировано. У нас, конечно же, существует программа лояльности. Она персонифицированная. Это значит, что покупатель для нас не некто из общей массы, а конкретная личность. Мы опросили наших покупателей, какую информацию и о каких поступающих в продажу книгах они хотели бы получать, и как часто — раз в неделю или раз в месяц. И теперь мы рассылаем эту информацию адресно, согласно персональным запросам. Если вы уведомили магазин, что интересуетесь, скажем, театральным искусством, то ни одна книжная новинка в этой области теперь не пройдет мимо вас.

— *Ваши личные вкусы и предпочтения могут влиять на формирование книжного прилавка?*

— Да.

— *И влияют?*

— Отчасти влияют, но прежде всего ассортиментная матрица строится на предпочтениях наших покупателей. Существует некая внутренняя черта, которую я не могу переступить даже ради

коммерции. Я, например, отказалась взять в продажу книгу воспоминаний Коржакова о Ельцине. Отставной охранник рассказывает о действующем президенте — да-да, Ельцин еще находился у власти — непотребные вещи. Просто сводит счеты с прогнавшим его хозяином. Я не только отказалась провести в магазине встречу читателей с автором «мемуаров», но и решила, что мы эту книгу продавать не будем вообще.

— *Вам ее издательство предложило или сам автор?*

— Нам ее предложило издательство. Очень упрасивали, чтобы презентация была именно у нас. Я собрала коллектив, сказала, что я думаю об этой книге и о том, надо ли ее продавать в нашем магазине.

— *Вы понимали, что эта книга может принести магазину очень хороший доход?*

— Понимала. Но не все для меня определяется коммерцией. Надо беречь репутацию магазина. Пусть даже иногда в ущерб продажам.

Мне хотелось купить Хемингуэя, и я пошла работать в книжный продавцом

— *Круг вашего чтения менялся в течение жизни?*

— Да. В юности я была романтиком. Я пришла в книжную торговлю в 1973 году. А знаете, почему? Мне хотелось купить собрание сочинений Джека Лондона, Хемингуэя и Александра Грина. Я из семьи военных, мы постоянно переезжали с места на место, поэтому у нас не было библиотеки. И мне нужно было вот этих трех писателей обязательно купить. А как я могла их купить при тогдашнем дефиците хороших книг? Только придя работать в книжный магазин. У меня школьная приятельница работала в Московском Доме книги. И я пошла туда младшим продавцом, думая, что быстренько поработаю, куплю, что хочется, а потом займусь каким-нибудь более серьезным делом. Пришла — и осталась в книжной торговле.

— *Что вы сейчас читаете?*

— Сейчас я читаю номинантов «Большой книги». Потому что я член жюри.

— *Это по служебной надобности. А для души?*

— Для души — книгу Михаила Левитина о Петре Фоменко. Она вышла в издательстве «Искусство — XXI век». Замечательная книга и издана оригинально.

— *Россия перестала быть читающей страной?*

— Сейчас мы занимаем четвертое место в мире по тиражам. Это после Китая, США и Англии. В 1989 году совокупный тираж в СССР был 2,3 миллиарда. В 1991-м — уже 1,6 миллиарда, в 2008 году — 760 миллионов, в 2014-м — 485 миллионов. Я раньше думала, что в советское время такие большие тиражи были за счет выпуска общественно-политической литературы. Но нет, я ошибалась. Вы не поверите, художественная и детская литература составляли тогда около 60 процентов, учебная — 18, научная — примерно 8, общественно-политическая — 3-4, справочная и другая — 9-10. А сейчас: художественная плюс детская — 33 процента, учебная — 47, справочная и другая — 16-17, научная — почти ничего. Так что, если ориентироваться на тиражность, мы свои позиции потеряли.

— *Наверное, надо считать количество книг на душу населения, а не тиражи.*

— Согласна. Сейчас наиболее читающей страной являются, кажется, Соединенные Штаты. Они нас опережают по тиражам, но у них тоже получается 3-4 книги на душу населения. Зато у них 68 процентов населения ходят в библиотеки. Мы не можем похвастаться таким показателем, у нас в библиотеки народ стал ходить гораздо меньше. Но последние годы ситуация меняется. Библиотеки тоже меняют формат, компьютеризируются, у лучших из них, как у Центральной детской библиотеки в Москве, прекрасные сайт и интересные программы мероприятий. Так что, возможно, в ближайшее время и посещаемость изменится.

— *А вообще не было ли это советским мифом — что мы самая читающая страна?*

— Насчет САМОЙ читающей, наверное, преувеличение. Но то, что мы были ОДНОЙ ИЗ самых читающих, это точно.

— *Стать самой читающей нам уже не грозит?*

— Здесь все зависит от того, сумеем ли мы привить любовь к

чтению новым поколениям. Пусть меня растерзают за слово «идеология», но я считаю, что нам необходима идеология, пропагандирующая книгу как носитель нравственных ценностей. «Идеология» и «пропаганда» — мы от этих слов бежали как от чумы, и вместе с политической идеологией смели все! А ведь само слово идеология означает систему представлений и идей, в нем нет никакой политической окраски. В данном случае под словом «идеология» я подразумеваю совокупность взглядов на роль книги в жизни общества.

Электронная книга заменит бумажную?

Диалог с генеральным директором Российской государственной библиотеки Александром Вислым

В советские времена, когда хорошая книга, как и многие вещи, была дефицитом, обладатели мало-мальски приличных собраний оберегали свои сокровища от покушений шутливой табличкой: «Не шарь по полкам жадным взглядом, здесь книги не даются на дом». Шарить по полкам больше не обязательно. Книги на дом теперь выдает Интернет. Вот и Российская государственная библиотека (РГБ) переводит бумажные страницы своих собраний в электронный формат. Что ожидает ее дальше, когда Интернет делает уже необязательным посещение читальных залов? Как вообще будет складываться судьба публичных библиотек в эпоху цифровых технологий?

Мы пока не готовы отказаться от карточного каталога

— Вчера на сайте РГБ я прочитал объявление, что в такой-то день в этих стенах состоится лекция-консультация «Электронный каталог РГБ. Основы поиска информации. Электронный заказ». Как часто проводятся такие лекции?

— Несколько раз в месяц. По разным темам.

— Насколько я понимаю, модернизация библиотеки продолжается. Карточный каталог уже полностью вытеснен электронным?

— Нет, карточный еще доступен читателям. Он до последнего времени пополнялся. Теперь его частично закрыли, но некоторые

разделы еще пополняются. Мы пока не готовы отказаться от карточного каталога. Чтобы его убрать в подвал и законсервировать, надо, чтобы вся информация из него была представлена в электронном виде. А там есть рукописные карточки. Они остались от тех времен, когда не было пишущих машинок. Чтобы эти карточки перевести в электронную форму, их надо заново набрать. Кроме того, их надо перепроверить.

— *Какая доля карточного каталога уже переведена в электронный вид?*

— Примерно две трети. Это тяжелая, кропотливая работа. Когда она будет завершена, получится, по нашим оценкам, примерно 15 миллионов записей.

— *Но документов в библиотеке 40 миллионов.*

— Да, их значительно больше, чем записей. Дело в том, что многие документы хранятся в двух экземплярах, а некоторые и в трех. Если речь идет о периодике, то, скажем, «Российская газета» — это одна запись, но за ней выстраивается целая куча годовых подшивок. Количество записей в электронном каталоге и количество документов — это несколько разные вещи.

Договориться с наследниками практически невозможно

— *Я зашел в электронный каталог, из любопытства набрал названия нескольких своих книг, убедился, что эти книги имеются в РГБ, но про каждую в конце было сказано: «Данный документ не оцифрован». Я понимаю, что это касается не только моих книг. Что происходит с оцифровкой?*

— Основное препятствие здесь — не технологическое. Это вопрос авторских прав. По закону, чтобы оцифровать книжку, защищенную авторским правом, мне нужен письменный договор со всеми правообладателями. Если это, скажем, научная монография и у нее пять авторов, то надо их всех опросить и от каждого добиться согласия. Положим, вы согласовали с таким-то, а потом объявился еще кто-то и сказал «нет». Еще сложнее, когда автор уже умер. Правообладание действует в течение семидесяти лет после смерти. Получается, что надо найти всех возможных наследников и с ними заключить письменные договоры. Это тупик. Есть указ президента о том, что 10 процентов актуальной литературы долж-

но включаться в Национальную электронную библиотеку. Мы сейчас заключаем договоры с издательствами, платим им деньги, причем немалые, и едва-едва набираем эти 10 процентов. Приходим в одно издательство, говорим: уважаемые коллеги, мы хотели бы получить такие-то и такие-то ваши книги. Они отвечают: ничего не дадим, сами будем торговать. Идем в другое издательство, где имеются аналогичные книги. Там такой же разговор.

— *А если напрямую к автору?*

— Это еще сложнее. Чаще всего автор сам не знает, какой договор он подписал с издательством. Он может не помнить, на сколько лет передал права, передавал ли исключительные права, передавал ли права на электронную копию... Это все долго и трудно.

— *Ряд деятелей культуры, и вы в том числе, обратились с открытым письмом к депутатам Госдумы, в котором просили внести поправки в четвертую часть Гражданского кодекса. Согласно этим поправкам, научную и образовательную литературу библиотеки могут оцифровывать без разрешения авторов. Какова реакция на это письмо?*

— Проект поправок был принят в первом чтении, но потом дело заглохло.

— *Кто возражает против упрощенной процедуры оцифровки?*

— Возражает, во-первых, издательское сообщество. Оно говорит: если библиотеки начнут цифровать, не спрашивая правообладателя, мы потеряем в продажах. Второе препятствие — зарубежное законодательство. Допустим, существует переводная книжка английского ученого. Если ее оцифровать, наш переводчик ничего с этого не получит, но начнутся иски с той стороны.

— *А наследники авторов?*

— С наследниками договориться труднее всего, практически невозможно. Я по образованию математик. Для меня учебник Демидовича по математическому анализу — это, по сути, Библия. Демидович у нас на мехмате МГУ преподавал. Но с его наследниками договориться невозможно. Вообще все наследники крайне неуступчивы. Им все время кажется, что их обманывают. А когда начинается разговор об электронной версии, они проникаются убежденностью, что их обманывают десятикратно.

— *Так или иначе авторские права все равно покупаются?*

— Покупаются. Но наследники, да и сами авторы, больше всего боятся, что, один раз попав в Интернет, они потом потеряют все свои гонорары.

— *Разве это надуманная проблема?*

— Проблема реальная. И одна из самых сложных. Как попадают книжки в Интернет, в свободный доступ? Стандартный путь туда совсем не такой, каким он видится со стороны. Из-за того, что тиражи учебной и научной литературы невелики, а преподаватель говорит своим студентам, что нужно учить предмет только по этой книжке, получается примерно следующее. Кто-то из группы находит учебник. Положить его на сканер и получить электронную копию — дело нехитрое. В этот момент студент еще не нарушил закон. Он сделал электронную копию лично для себя и вправе ею пользоваться. Но кто же из наших студентов знает, где граница между «можно» и «нельзя». Как только у него появляется электронная копия, первое, что он делает, выкладывает ее в своем Твиттере или в Фейсбуке и говорит: ребята, у меня есть, качай! В этот момент он уже нарушил закон об авторском праве. У него скачают десять раз, а через неделю-другую книжка появится на файлообменниках, в свободном доступе. Как правило, ужасного качества. Но кого это волнует? Если есть в Интернете бесплатно, значит, будут качать.

— *Вы добиваетесь упрощенного перевода в цифру только научной и образовательной литературы?*

— В первую очередь ставим вопрос о ней. Потому что у нее очень уж маленькие тиражи — 300-500 экземпляров. Хватает только на два мегаполиса — Москву и Санкт-Петербург.

— *А как быть с художественной литературой?*

— С ней ситуация чуть проще. Вся художественная литература есть в электронном виде на сайте litres.ru, на сайтах издательств. За небольшие деньги электронную копию можно скачать из Интернета и почитать. Но применительно к РГБ это не актуально. К нам идут читать научную и образовательную литературу, а не художественную. Соотношение спроса здесь девяносто процентов на десять.

— *А в районных библиотеках?*

— Там наоборот. Мы проводили эксперимент. Выбрали известного автора детективов, более 300 изданий и переизданий которого находится в РГБ. Поинтересовались, как часто эти произведения запрашиваются. Оказалось, из этих 300 книжек за последние десять лет никто ни разу не взял ни одной.

Ограничительные меры не помогут справиться с пиратством

— *Если так трудно договориться с авторами и их наследниками, то, наверное, процветает пиратское размещение книг в Интернете. Каких масштабов оно достигает сегодня?*

— У нас есть топ-100 самых спрашиваемых книг. Из них 51 имеется в Интернете, и все они размещены пиратским образом.

— *Бороться с этим невозможно?*

— В условиях нынешнего законодательства — нет. Путем запретов и ужесточений — тоже нет. Я не верю, что административными ограничительными мерами можно улучшить ситуацию. Ее можно улучшить лишь созидательным образом. Когда появится легальная копия в Интернете, которая будет стоить недорого, и она будет доступна, и человек, покупающий эту копию, будет знать, что он платит небольшие деньги за качественный продукт, тогда и отпадает пиратство. Когда легальное такси становится удобнее, проще и дешевле, исчезают «бомбилы».

Появились виртуальные читальные залы

— *В РГБ тридцать шесть читальных залов. Что с ним стало за последние годы?*

— Мы их ремонтируем. Стараемся сохранить интерьеры, а это подчас значительно дороже, чем купить новую мебель. Стол в читальном зале выглядит так же, как в 1953 году, когда его сюда привезли, но он в очень хорошем состоянии. Делая ремонт залов, мы к каждому столу подводим электрические розетки, компьютерные сети. Сейчас у нас в ремонте Третий читальный зал — самый большой, знаменитый, где снимался эпизод фильма «Москва слезам не верит». Этот зал капитально не ремонтировался шестьдесят лет, то есть со дня открытия.

— *В читальные залы можно приходить со своим ноутбуком?*

— Да. Там есть Wi-Fi, есть и обычные компьютерные сети. Правда, с произведения, на которое распространяется авторское право, нельзя делать электронную копию. Поэтому, приходя со своим ноутбуком, вы получаете доступ не ко всем ресурсам. А когда садитесь за библиотечный защищенный компьютер, имеете доступ ко всем. Честно сказать, бороться с читателем невозможно. Он открывает текст в библиотечном компьютере и перенабирает его в свой ноутбук.

— *У Российской государственной библиотеки появились и виртуальные читальные залы. Что они собой представляют?*

— Таких залов уже около пятисот. Это место, где можно, не нарушая закон об авторском праве, получить книгу в электронном виде. В виртуальном читальном зале установлено программное обеспечение, которое обеспечивает защиту.

— *А в удаленном доступе, например, сидя дома, электронную книгу, защищенную авторским правом, прочитать нельзя?*

— Наше законодательство это запрещает. Но мы-то считаем, что нужно ввести порядок, когда читатель пришел, записался, получил логин, пароль и пользуется всем электронным ресурсом. Конечно, сделать это непросто — требуются изменения в законодательстве, необходимы также организационные и программно-технические новации. Надеюсь, что в конце концов мы этого добьемся.

К нам ходят и бомжи

— *Сколько сейчас абонентов у РГБ?*

— Примерно 600 тысяч. Некоторые приходят по многу раз. В год получается более миллиона посещений. А количество тех, кто пользуется электронным каталогом, уже давно перевалило за 6 миллионов.

— *За последние двадцать лет читательская аудитория вашей библиотеки как-нибудь изменилась?*

— Нет. Как ходили сюда студенты, аспиранты, ученые, так и продолжают ходить.

— *Каков социальный портрет вашего читателя?*

— Доминирует студент. После него идут ученый, преподаватель, профессор, академик... И только потом — всякий, кто слу-

чайно забрел, начиная от домохозяек и заканчивая асоциальными элементами, которые тоже посещают библиотеку.

— *Асоциальные элементы — это бомжи?*

— Да.

— *Зачем приходят?*

— Отдохнуть, погреться, руки помыть, в туалет сходить. Заодно готовы и пообедать, у нас столовая дешевая.

— *Они что же, записываются для этого?*

— Если человек предъявляет паспорт и хочет записаться, мы не вправе ему отказать. Идя записываться, бомжи приводят себя в более или менее приличный вид, иначе их могут отсеять еще на входе. Своими посещениями эти люди, конечно, создают некоторое неудобство для наших читателей: сидеть рядом с бомжом неприятно. Поэтому иногда их просят покинуть помещение или привести себя в порядок. Но вообще люди они мирные, никогда не скандалят.

— *Книги не портят?*

— Книги портят не бомжи. Чаще всего книги портят студенты, выдирая нужные им страницы. Если мы отлавливаем кого-то за этим варварским занятием, то лишаем читательского билета. Еще неприятнее, когда карточки из карточного каталога пропадают. Это невосполнимая утрата для поиска: книга стоит на полке, но информацию о ней читатель не найдет в каталоге. Защита от вандалов есть: каталог, который доступен читателям, дублируется генеральным алфавитным, находящимся в служебной зоне. Когда полностью перейдем на электронный каталог, проблема исчезнет сама собой. Из него карточку уже не выдерешь.

За судьбу традиционных библиотек можно не волноваться

— *Когда-нибудь все бумажные книги приобретут электронный вид. Какая судьба в таком случае ждет традиционные библиотеки? У них есть будущее?*

— Меня часто об этом спрашивают. В ответ я обычно привожу два примера. Первый: на наших глазах произошло исчезновение пленочной фотографии. В доцифровую эпоху производство фотопленки неуклонно росло, потом стало сокращаться и в какой-то

момент резко обвалилось. Пленочные фотоаппараты остались, но не на чем стало фотографировать. Если же посмотреть на производство бумаги, то его сворачиванием и не пахнет. Производство бумаги растет примерно такими же темпами, как двадцать лет назад. Это означает, что бумага востребована, и в основном — для печатания книг. Закат книгопечатания обозначится, когда мы увидим, что бумага начала залеживаться на полке, потом производство ее стало сокращаться и в конце концов в качестве книгопечатного материала она вышла из обихода. Но ничего подобного мы сегодня не наблюдаем. Второй пример. Когда в 60-е годы появились первые атомные электростанции, многие тотчас прониклись уверенностью, что вскоре вся энергетика станет атомной, настолько бурным был рост этих электростанций. Ну и что? Доля АЭС в энергетике поднялась до 15 процентов и на этом рубеже застыла. Как было двадцать лет назад 15 процентов, так и остается. И ничто не предвещает, что эта доля вырастет. То же самое будет и с электронными книгами. Дорастет их количество до какого-то процента и остановится. Надо ждать. Мы находимся на этапе бурного роста, когда трудно что-либо прогнозировать. Думаю, за судьбу традиционных библиотек можно не волноваться. Печатные книжки останутся. С электронными же ситуация прояснится лет через десять.

Публичная библиотека должна стать бизнесом?

Диалог с основателем и владельцем первой в России электронной библиотеки
Максимом Мошковым

Сегодня в России более 130 тысяч библиотек. Их судьба печальна. От общего количества издаваемых в стране книг в публичную библиотеку поступает только каждая десятая. Приток новых поступлений в областные детские библиотеки едва достигает 3 процентов, в сельской местности он еще скуднее — 0,1 процента. Большую часть библиотечных фондов составляет справочная и научная литература, выпущенная более 20 лет назад, то есть значительно устаревшая. Работники библиотек относятся к категории самых низкооплачиваемых. Средняя зарплата библиотекаря — 13 тысяч рублей. Поставленные в рыночные условия, муниципальные библиотеки начали оказывать платные услуги — изготавливать справки, копировать материалы, предоставлять для просмотра видеокассеты, выдавать литературу из подсобных фондов. Если так пойдет дальше, то не перестанет ли библиотека быть публичной (общедоступной)? Приемлемо ли вообще превращение ее в коммерческое предприятие?

Книжки больше не покупаю

— У вас есть абонемент в какую-нибудь публичную библиотеку?

— Предполагаю, что нет.

— *Предполагаете?*

— Ну да. Много лет назад я был записан в пять или шесть библиотек. Я оттуда не выписывался, но я там не был уже лет двадцать. Так что, скорее всего, мои абонементы аннулированы. Зачем мне библиотеки? Есть Интернет. Я сам себе библиотека теперь.

— *А книжные полки у вас в доме имеются?*

— Вдоль коридоров в два ряда идут. Наверное, больше пятидесяти погонных метров. Это из прошлой жизни. Зачем они мне, не знаю. Бумажные книжки я давно уже не читаю.

— *И не покупаете?*

— Нет.

— *Но ведь не всякая книга сейчас существует в электронном виде. Выходят новые печатные издания, которые не так уж скоро будут оцифрованы, а то и вообще останутся только на бумаге. Вам не требуется свежая литература?*

— Знаете, есть книжки, которые нужны для работы. Есть книжки просто развлекательные. Чтобы убить время, можно читать абсолютно любую книжку. В этом смысле у меня нет стремления схватить именно ту, «горячую», про которую все сейчас говорят. Я могу за нее взяться через пятнадцать лет после того, как она вышла. Меня сейчас интересуют книжки, которые давным-давно напечатаны, а в электронной форме отсутствуют. Вот о таких книжках я действительно иногда печалюсь. Но в библиотеку я за ними не пойду, потому что... ну, сколько в год вы читаете книжек?

— *Ох, наверное, не так много, как хотелось бы.*

— А я, когда был студентом, читал в среднем пять книжек в неделю. Иногда до десяти, если книжки были интересные. Мне на год нужно было триста книг. Считайте, со второго класса школы до аспирантуры включительно, по триста в год... Выходит, примерно пять тысяч книжек я прочел. Мне они были нужны каждый день, поэтому я ходил в библиотеку. А сейчас я могу прочесть книжку по дороге на работу и обратно. Это два часа в день. И это ридер, а не бумага. Толстую книжку я прочитываю обычно дней за пять. Получается не больше пятидесяти книжек в год. А такое количество можно себе найти и без всякой библиотеки.

Это склад спрессованной бумаги

— *Как по-вашему, библиотека относится к сфере культуры или к сфере услуг?*

— Библиотека — это склад книжной продукции. Она предоставляет печатную литературу и, стало быть, оказывает услугу. Эту услугу она предоставляет бесплатно и значит вместо понятия «услуга» здесь можно употребить какое-то другое понятие — скажем, «открытый доступ к культуре». В данном случае открытый — это бесплатный.

— *Роль библиотеки изменилась за последние лет двадцать, как вы думаете?*

— В принципе, нет, не изменилась. Это по определению...

— *...клад спрессованной бумаги с буквами?*

— Именно так, не больше и не меньше. Вам нужна книжка, вы не можете ее где-то купить, достать, выпросить, у вас ее нет дома — вы идете и берете ее в библиотеке, потому что она там есть.

— *Вам не хочется признать, что библиотека — это еще и пространство культуры?*

— Это склад книг. Любых. В правильной библиотеке должны быть любые книги. Культурным или каким-то еще пространством я это называть не хочу. Пространство формируется человеком, который туда пришел. Если туда приходит националист, то он находит там книжки, близкие его мировоззрению. Если приходит ученый, он находит научную литературу. Кто-то приходит развлечься и тогда к его услугам детективы, приключенческий жанр. Кто-то приходит за дамским романом и тоже получает свое. Это разные пространства культуры, совершенно не пересекающиеся в одной библиотеке. Дело библиотекаря простое — оказать читателю услугу, то есть предоставить ему то, чего он хочет, ищет. А воздействовать на читательский выбор, воспитывать вкус к хорошей литературе — это уже совсем другое дело. Лично я полагаю, что человек сам разберется, что ему читать.

— *Разве библиотека не может быть при этом еще и центром досуга, коммуникационной площадкой, информационным перекрестком, местом для дискуссий?*

— Конечно, может. По совместительству. Но много ли времени я проводил в библиотеке? Пришел, побегал по залам, постоял в очереди, нашел полку, схватил книгу, расписался, забрал и ушел. Если же речь о досуге, то почему его обязательно надо устраивать в библиотеке?

— *Не обязательно. Я говорю лишь о том, что публичная библиотека может выполнять еще и эти функции.*

— Пожалуйста. Тогда у вас будет одновременно дискуссионный клуб и библиотека. Хотите устроить встречу писателя с читателями, как делалось когда-то? Пожалуйста. Но зачем? Сегодня автора можно вызвать из Интернета щелчком пальцев. Вот он, голубчик.

— *Но вживую пообщаться с ним можно, скорее, в библиотеке, чем где бы то ни было.*

— Я и так могу с писателями вживую пообщаться — у себя дома, когда они придут ко мне в гости, или когда я сам к ним в гости приду. Писателей стало слишком много. И общение с писателем перестало быть чем-то сакральным, как было раньше. Писатель пришел в Сеть, показал, как он на самом деле выглядит, каков его внутренний облик, и народ увидел, что этот писатель ничем не отличается от большинства — такой же дурак. Можно это ему и высказать сразу, в режиме онлайн. Какая уж тут сакральность?

— *Вы продолжаете настаивать на том, что библиотека — склад, а вовсе не информационное, культурное, общественное пространство?*

— Если она хорошо справляется с базовой функцией, то все остальные функции выполняются сами собой. Их даже не надо выдумывать.

— *Базовая функция — выдавать книги?*

— Да. Главное — было бы что выдавать.

Облегчать доступ к книге, а не усложнять его

— *«Публичная» означает «бесплатная»? Эти слова — синонимы?*

— Да, вероятно.

— *Если публичная библиотека начнет сама зарабатывать*

себе на жизнь, то есть станет оказывать платные услуги, она лишится значительной части своих посетителей. В нее ходят студенты, учителя, преподаватели — представители не самых обеспеченных слоев населения.

— Я бы сказал иначе: в библиотеку ходят те, у кого много свободного времени. Или те, кому туда очень надо — например, для работы над диссертацией. Хотя вы тоже правы: в библиотеку ходят люди не очень богатые.

— *Но если число посетителей резко сократится, то средства, которые библиотека сама заработает, могут и не спасти ее от прозябания.*

— А я разве сказал, что библиотека должна стать платной? Наоборот, я считаю, что она не должна быть коммерческим предприятием. Если ввести плату за посещение библиотеки, то нынешних читателей можно потерять, а новых не приобрести. Туда и за бесплатно почти никто не ходит. За деньги, думаете, будет больше народу ходить? С чего бы? Люди, у которых есть деньги, они эти деньги безостановочно зарабатывают, им не до книжек. Сделать из библиотеки бизнес? Ну, сделайте. Много ли читателей в такой библиотеке останется? Кто-то, у кого каждая копейка на счету, подумает: а надо ли брать книжку, если за ее «прокат» придется заплатить 50 рублей? Человек, который ничего не читает в течение месяца, он потом и целый год не будет читать и в конце концов вообще перестанет. А так, пока существуют бесплатные библиотеки, есть надежда, что мы не вконец одичаем. Надо облегчать доступ к книге, а не усложнять его.

Миллионами абонентов меня не удивишь

— *«Публичная» — значит «общедоступная»? Это тоже синонимы?*

— Не уверен. Вот «Ленинка» в советские времена считалась публичной библиотекой, но разве была она общедоступной? Нет, записаться туда было не так-то просто. Доступ в «Ленинку» получали избранные — кандидаты наук, аспиранты, деятели культуры...

— *А еще — журналисты. Я записывался туда по редакционному удостоверению. Но сегодня бывшая «Ленинка», ныне — Рос-*

сийская государственная библиотека, открыта для всех. У нее более 600 тысяч абонентов. Некоторые приходят по многу раз. В год — более миллиона посещений. А вы говорите — почти никто не ходит...

— Миллионами абонентов меня не удивишь. В мою электронную библиотеку приходят 300 тысяч человек в сутки. И каждый, кто приходит, кликает в среднем примерно 10 книжек. Правда, книжка может содержать все что угодно. Один роман — это один файл. Но одно четверостишие — это тоже один файл. Читают ли всё, что кликают? Не знаю. Но 3 миллиона файлов на 300 тысяч читателей моя библиотека ежедневно выдает.

— *Бесплатно?*

— Читатели платят за Интернет своему провайдеру. Библиотеке они не платят ни копейки.

— *На чем же зарабатывает ваша библиотека?*

— Я содержу ее на свои деньги. Примерно так же, как государство содержит «бумажные» библиотеки.

— *«Библиотека Максима Мошкова» не приносит самому Максиму Мошкову никакого дохода?*

— К сожалению, нет.

— *А реклама? Имея столько посещений в день, вы могли бы установить рекламные расценки и размещать баннеры.*

— Рекламой надо заниматься — находить рекламодателей, держать штат рекламных менеджеров. В крупных проектах этим занимаются специально обученные люди, а в моей библиотеке я сам себе и начальник, и сотрудник. Мне заниматься вопросами денег не то чтобы лень или умения не хватает, просто я пустил это дело на самотек. Я работаю преподавателем, получаю жалованье, а библиотека живет сама по себе и не так уж много денег потребляет.

— *Получается, что, содержа библиотеку за свой счет, пусть даже это недорого, вы занимаетесь благотворительностью?*

— Ну, если хотите, можно сказать так.

— *Какую часть вашего преподавательского заработка вы тратите на вашу библиотеку?*

— Если бы я курил, я на курение тратил бы больше.

— Ну а все же?

— Главный расход библиотеки — это зарплата программиста. Я плачу ему ежемесячно.

— Он где-то еще работает?

— Естественно. Он работает системным администратором, начальником айтишного отдела, директором детского клуба, аквалангистом-подводником и еще программирует. А я работаю преподавателем-айтишником и еще немножко библиотеку содержу. Мы два не очень нормальных человека. Если бы я бросил работу и занялся обустройством рекламных проектов вокруг моей библиотеки, я бы, безусловно, заработал денег. Но толи идейные соображения, толи моя лень не позволяют мне этим заняться.

— На сайте своей библиотеки вы создали журнал «Самиздат». Он формируется из авторского самотека?

— Да. Часть этого самотека — уже изданные книжки профессиональных авторов. Но есть литературные дилетанты, которые тоже хотели бы разместить свои книжки в библиотеке. Их безмерное количество. Поэтому я сделал движок, запрограммировал сайт и предоставил возможность любому желающему размещать свои книжки самостоятельно.

— Вам не говорили, что вы таким образом поощряете графоманию?

— Ничего не поделаешь. Доступ в «Самиздат» открыт всем авторам, в том числе и пишущим кошмарную лабуду. Но придите в любое издательство, откройте портфель самотека. И что вы там увидите? Ровно то же самое по качеству. С той лишь разницей, что издательский самотек читают редакторы, а у меня — все желающие.

— Самопубликация в вашей библиотеке — она тоже бесплатная.

— Да.

Библиотека и бизнес несовместимы

— Число библиотек в России неостановимо сокращается, на селе их осталось совсем немного. Что потеряет общество, если публичная библиотека перестанет существовать?

— Она не перестанет существовать. Она просто станет электронной.

— *Но «бумажные» библиотеки еще держатся на плаву. На какие средства им дальше жить?*

— На бюджетные, на какие же еще. Или мы хотим, чтобы библиотека, где работают люди не совсем от мира сего, сама себя содержала? Ну, допустим. А как она может заработать? На чем? Открыть у себя массажный салон? Оборудовать фитнес-зал? Мы это уже проходили в 90-е годы, когда в кинотеатрах, испутивших дух, открывались автосалоны, торговые центры. Если библиотека сосредоточится на бизнесе, она потеряет свою базовую функцию — выдавать книги. Ну, поставим у входа кассовый аппарат, начнем брать по 50 рублей за книжку, сократим число читателей примерно в пять раз — и все равно не заработаем тех денег, на которые можно было бы установить нормальную зарплату библиотекарю. Если эти святые люди готовы работать за 15 тысяч рублей, то давайте и дальше пользоваться их подвижничеством. Это циничный подход? Хорошо, тогда есть Интернет, где библиотеку можно содержать совсем без денег, как я и делаю. Но публичная библиотека и бизнес несовместимы. Либо вы существуете как библиотека и ничего не зарабатываете, либо на чем-то зарабатываете, но перестаете быть библиотекой. Потому что время, потраченное на поиск и выдачу книг — это прямой ваш убыток. И наоборот: чем меньше вы будете заниматься собственно книгами, тем больше заработаете. Либо библиотека, либо коммерческое предприятие. Никакой «кентавр» здесь невозможен.

— *То есть публичная библиотека не должна становиться бизнесом?*

— Пока наше государство в состоянии ее содержать, пока есть подвижники, готовые за мизерную зарплату заниматься хранением и выдачей книг, ей лучше воздержаться от бизнеса.

Время композиторов прошло?

Диалог с композитором Владимиром Мартыновым

Он считает, что конец композиторской эпохи настолько очевиден, что не нуждается ни в каких комментариях. Тем не менее уточняет: «Я имею в виду музыку, четко привязанную к нотному тексту. В великих культурах древности — Египте, Индии, Китае — композитора нет, а результаты весьма значительны. Богослужебное пение, рага индусская, пекинская опера — они композитора не знают. В таких современных формах, как джаз и рок, роль автора музыкального текста тоже сведена к минимуму». Значит время композиторов прошло?

Российские кинорежиссеры считают, что композитор — их соавтор

— *Вы в кино работали с крупными режиссерами — Абдрашитовым, Прошкиным, Досталем, Лунгиным... И даже с Сергеем Герасимовым. Их подходы к киномузыке разнятся?*

— Конечно. Но лучше я расскажу о принципиальном отличии российских и западных режиссеров в работе над музыкой к фильму. Российские режиссеры считают, что композитор — их соавтор. Они очень долго и пространно излагают тебе концепцию фильма, погружают в глубины своего замысла. Они считают, что я как автор музыки должен досконально разбираться в хитросплетениях сюжета и во всех психологических мотивировках героев картины. А западные мастера кино говорят: «Все это тебя вообще не касается. Вот кадр, который тебе надо озвучить. А вот другой кадр, и его тоже надо озвучить». Я не знаю, какой из этих подходов продуктивнее, тут, наверное, многое зависит от индивидуальности.

Я не работал с Тарковским, но знаю, что его вообще не интересовало, какую музыку сочинил композитор для его фильма, он даже не приходил на музыкальную запись. Зато на перезаписи запросто мог аннулировать музыку.

Академическая музыка — это полный отстой и ретроградство

— *Вы написали десятки симфонических, инструментальных, балетных, оперных произведений. Какова судьба академического композитора сегодня?*

— Она плачевна.

— *Только в России?*

— Везде, во всем мире. Есть более успешные, менее успешные композиторы, но в принципе дело плохо.

— *Академическая музыка не пользуется спросом?*

— Нельзя сказать, что она совсем не востребована. В каких-то областях даже очень востребована. Например, как ни странно, чрезвычайно востребовано оперное искусство. Но не у нас, а на Западе, в таких культурных центрах, как Париж, Лондон. Там надо за год покупать билеты. И там идут постановки Генделя, других замечательных композиторов. В наше время, в пятидесятые — семидесятые годы, так не было. Почему-то считалось, что Бах — великий, а Гендель — так себе. Сегодня же появилось целое поколение исполнителей, которые могут петь эти сложнейшие арии. Но в основном академическая музыка — это полный отстой и ретроградство. Потому что все великие исполнители ушли. Караян, возможно, был последним, да и то сильно навредил себе своей коммерческой политикой.

— *Вы на себе ощущаете, что положение академического композитора бедственное?*

— В России оно не просто бедственное, в России оно никакое. Этой фигуры, композитора, как бы нет.

— *Ваши произведения исполняются?*

— Мои — да. Не могу сказать, что я пробился к публике, тем не менее я не работаю «в стол». Моя опера *Vita Nova*, допустим, провалилась, но она не была написана «в стол». Кстати, еще посмотрим, как сложится ее дальнейшая судьба.

Нужна система фестивалей современной музыки

— *Что же делать авторам современных опер, симфоний, кантат?*

— Ничего не делать. Просто сегодня не надо быть академическим композитором. Если твои сочинения не доходят до публики, то чего же дурака валять.

— *Почему в России нет музыкального рынка?*

— Для того чтобы появился рынок, нужна какая-то институциональная база. Что является рынком для композитора? Прежде всего система фестивалей современной музыки. Причем фестивалей дотируемых. У меня есть свой ежегодный фестиваль, в нем, слава богу, предусмотрены гонорары для исполнителей, но я не имею возможности заказывать произведения. Нужны фестивали, обладающие достаточным финансовым ресурсом для заказа произведений. Кроме того, нужны фонды, из которых можно спонсировать создание современной музыки. Наконец, нужны музыкальные издательства. За счет чего живет Пярт или Канчели? За счет своих издательств. И они не просто издают современные музыкальные произведения — они продвигают их. У нас же, в России, ничего этого нет.

— *А публика изменилась за последние лет двадцать?*

— Она изменилась гораздо раньше. С тех пор как резко побавилось любителей музыки. Обратите внимание, в пятидесятые — шестидесятые годы из пяти отроков трое худо-бедно учились в музыкальной школе. Считалось, что это просто необходимо. Юные дарования, как могли, исполняли «Полонез» Огинского или «Баркаролу» Чайковского, но так или иначе многие играли. Именно такие любители музыки и составляют ядро публики. Я помню, в семидесятые годы некоторые знатоки, весьма искусные в музыкальном искусстве, приходили на концерт с партитурами. Это была настоящая публика. Те самые пресловутые интеллигентные старушки, над которыми принято было иронизировать. А недавно я попал на концерт Башмета в Большом зале консерватории и вообще не понял, кто это сидит там. Люди пришли «на Башмета», потому что это престижно... Впрочем, что это мы заладили — «академическая музыка, академическая музыка...»? Да плевать на эту

академическую музыку! Сходим лучше на концерт Лени Федорова и его группы «АукцЫон». Замечательные люди, умные, продвинутые. Понимаете, есть публика академического концерта, и мне для этой публики сегодня ничего не хочется делать. А вот для публики группы «АукцЫон» — с большим удовольствием.

У нас сырьевая культура

— *Говоря о современной музыке хоть академической, хоть авангардной, невозможно, наверное, не сказать о культурной ситуации, в которой мы оказались. Выразительная метафора этой ситуации — Большой театр и все, что в нем сегодня происходит.*

— Криминальные разборки и скандалы, сотрясающие Большой театр, не случайны. У нас сырьевая культура. Мы пользуемся великим классическим наследием, к которому не имеем никакого отношения. Большой театр долгое время был национальным символом. Он считался великим, потому что у него было великое прошлое. Сейчас он перестает быть даже брендом. Балет еще кое-как держится, а опера опустилась ниже плинтуса. Музыкальный театр, который не может поставить ни одной оперы Вагнера или Моцарта, это национальный позор. Конечно, на русской классике можно прожить, в том и заключается принцип существования сырьевой культуры. Между тем культура, как и экономика, должна быть инновационной. Скажем, новая опера — это прежде всего новая партитура. Если нет свежих композиторских идей, движения вперед не будет. А их нет. И руководство театра тут ни при чем. Руководство — это чиновники. Они пишат партитуры? Что-то ставят? Проблема куда более фундаментальна, чем смена власти. Могут прийти великие чиновники и даже великие режиссеры, но если никто не принесет новых партитур, то говорить не о чем. Этот гнойник когда-то должен был прорваться. Потому что невозможно сидеть на «сырьевой» игле «Спящей красавицы» и «Лебединого озера» и делать вид, будто это лицо современной российской культуры. Посмотрите, что делается с академической филармонической музыкой. Она, как и вся наша культура, держится на каких-то брендах. Есть Башмет. Есть Мацуев. Но это все тоже «сырье». Если его убрать, то вообще ничего не останется. По-другому не может быть, пока в культуре не возобладает инновационность. Я слышал, кто-то из деятелей Большого театра высказал мысль, что все их беды,

они, мол, от того, что ставятся «не те» спектакли: «Дети Розенталя», еще что-то... Я не в восторге от «Детей Розенталя», но это хоть какая-то попытка создать что-то новое, актуальное.

— *А как вы оцениваете оперные постановки Дмитрия Чернякова?*

— Я не поклонник Чернякова, но дело не в этом. Нельзя ждать обновления оперы от оперной режиссуры. Все-таки в опере главное музыка, а главный автор — композитор. И оперные реформы всегда исходили не от режиссеров, а от композиторов: Монтеверди, Глюк, Вагнер... Сегодня же у нас, а может, и вообще в мире нет фигуры, способной сделать оперную партитуру принципиально нового типа. Были блестящие попытки у Филиппа Гласса. Но лично для меня две великие оперы — это «Воздецк» и «Лулу» Берга. Почему они великие? Потому что это оперные партитуры действительно нового типа. Как бы там режиссеры ни изощрялись, новая опера не родится, если не будет новых партитур. Меня раздражает, когда, скажем, в «Аиде» почему-то витает чеченская война, а Царь Додон в «Золотом петушке» своими манерами напоминает генсека. Это абсолютное недоверие к музыкальному тексту.

И тогда я обратился к православию...

— *Был момент, когда вы на четыре года, с 1974-го по 1978-й, прекратили композиторскую деятельность, преподавали в духовной академии Троице-Сергиевой лавры, занимались расшифровкой и реставрацией памятников древнерусского богослужебного пения, изучением древних певческих рукописей в ряде монастырей. Чем была вызвана эта пауза в музыкальном сочинительстве?*

— Я тогда думал, что это не пауза.

— *Хотели вообще забыть, что такое нотный стан?*

— Да.

— *Был какой-то внутренний кризис?*

— Может, и кризис в какой-то степени, но не мой внутренний. Тогда мне казалось, что я самый умный и поэтому прекращаю писать музыку. А сейчас, глядя в ретроспективу, я понимаю, что этот кризис ощущался очень многими. Дьёрдь Лигети, венгерский композитор-авангардист, в ту пору писал, что к нам подкрадывается

кризис композиторства. И я тоже проникся ощущением этого кризиса.

— *По этой же причине произошло ваше воцерковление?*

— Не только по этой, но она тоже сыграла свою роль. Я обратился к православию. И мне повезло со старцами — с такими мощными, как отец Таврион, отец Амвросий. Я и сейчас полагаю, что если искренне и последовательно делать то, что делали они, то ни о какой музыке, ни о каком композиторстве речи быть не может. Тогда у меня было очень четкое разделение богослужебного пения и музыки. Между ними примерно такое же различие, как между иконописью и живописью. Живописец может быть сколь угодно гениальным, но он никакого отношения к иконописи не имеет. Короче, четыре года я вообще не писал музыку, занимался изучением древнерусской певческой системы. А потом под руководством владыки Питирима — он очень интересовался ранними формами богослужебного пения — мы осуществляли реконструкцию певческих служб XVI — XVII веков. Это было, может быть, лучшее время моей жизни. Но потом общественно-политическая ситуация стала меняться, и она заставила меня вернуться к композиторству. Я начал писать музыкальные произведения на сакральные тексты, самые крупные из них «Апокалипсис» и «Плач пророка Иеремии». Хоры на певческих фестивалях исполняли мои сочинения.

— *Вас называют минималистом. Что такое минимализм в музыке?*

— Как говорится, есть минимализм и минимализм. Первый — одно из направлений современного музыкального искусства, которое зародилось в Соединенных Штатах. Второй — естественное архаическое состояние музыки. Весь архаический фольклор, все буддийские мантры, знаменный распев — это минимализм. А композиторская музыка лишь маленький островок в океане архаического минимализма. Поэтому минимализм как современное искусство — это практически возвращение к истокам. Не случайно все отцы — основоположники американского минимализма так или иначе учились у традиционных, стихийных сочинителей. Любой минимализм, особенно минимализм шестидесятых годов, несет в себе ритуальное, традиционное.

Конец времени композиторов не означает конца музыки

— *Вы настаиваете на том, что время композиторов прошло?*

— Для меня это совершенно очевидно и не требует никаких доказательств. Время композиторов было связано с чем? С нотопечатанием. Печатный нотный текст был абсолютен. Если композитор не напишет этот нотный текст, музыканту нечего играть, слушателю нечего слушать, критику нечего критиковать. Всю эпоху композиторства можно рассматривать как узурпацию свободно льющегося музыкального потока, в котором композиторы начали делать какие-то ирригационные системы — запруды, резервуарчики... Это замечательные инженерные сооружения, но это все-таки утрата свободного потока. Тем не менее композитор стал ключевой фигурой и единственным игроком на поле. Но с появлением микрофона и звукозаписи к микрофону может подойти любой человек, даже не знающий нотной грамоты, — какой-нибудь темнокожий музыкант из Нью-Орлеана или крестьянин, поющий в хоре Пятницкого. Таким образом, на поле оказалось уже несколько игроков, и они уравнились в своем значении. Особенно очевидным это стало к концу XX века. Фигура композитора отошла на второй план. А на первый вышли дирижер и исполнители, то есть люди, которые стоят ближе к микрофону. Затем появилась звукозапись, и здесь композитор опять оказался на вторых — третьих ролях. Достаточно было этой одной технической причины — появления микрофона и звукозаписи, чтобы композитор утратил свое музыкальное первородство. Сегодня премия «Грэмми» абсолютно точно показывает место академической музыки в общем раскладе. Из 115 номинаций на эту премию академическая музыка располагается где-то в промежутке между 93-й и 105-й. Композитор сам по себе никогда не сможет получить «Грэмми» если его произведение не представит публике какой-нибудь крутой исполнитель.

— *Изменилась иерархия отношения между автором и исполнителем? Исполнитель теперь главенствует?*

— Да. Раньше было наоборот. Но для меня конец времени композиторства некое радостное событие, потому что ни великие культуры древности, ни традиционные культуры современности не знают фигуру сочинителя музыки. Африканские барабанщики

или буддийские шаманы, бьющие в бубен, играют не по чьим-то написанным нотам, но результаты получаются не менее, а, может, и гораздо более впечатляющие, чем вся композиторская музыка вместе взятая. Конец времени композитора совершенно не означает конца музыки. Наоборот, он может стать предвестьем ее нового расцвета.

Барды теряют поклонников?

Диалог с поэтом, композитором, драматургом
Юлием Кимом

Песни Юлия Кима знают даже те, кто не знает имя их автора. Чаще бывает наоборот: имя на слуху, а что написал его обладатель, так сразу и не вспомнишь. Ким же — фольклорен. «Губы ока- янные, думы потаенные...» — эта песня однажды прозвучала по радио как «русская народная». На следующее утро Ким снимал телефонную трубку исключительно со словами: «Русский народ слу- шает». Поэт? Композитор? Артист? Драматург? Станислав Рассадин нашел своему другу простое и емкое определение — «русский писатель с ги- тарой». И тот же Рассадин, разглядев на карнава- ле Кима скрытую печаль под хохочущей маской, открыл его настоящее амплуа — «Пьеро, притво- рившийся Арлекином».

Когда раздавался понимающий смех, меня это очень радовало

— *Вы где-то сказали, что ваш старший друг Давид Самойлов не любил ваших крамольных песен, он называл их «палитицкие». Говорил: «Пой мне лирицкие и художественные, а палитицких мне не надо». А вы сами в ту пору отделяли свой «палитицкий» успех у публики от «художественного»?*

— Да, безусловно.

— *То есть понимали, когда публика реагирует на крамолу, а когда — на беспримесную поэзию?*

— Я прекрасно отдавал себе в этом отчет. Более того, мне всегда было особенно дорого не гражданское понимание моих

гражданских сочинений, а филологическое понимание моих филологических сочинений — когда слушатели оценивали всякие стилистические нюансы. Я мог нарочито подражать Вертинскому, мог пародировать какой-нибудь старинный романс... Ну, скажем, я пел: «Как лорд Байрон рукой подбоченясь, / Как Печорин кручу я ус, / Неподвижная нижняя челюсть/ Говорит об отсутствии чувств». Неподвижная челюсть — говорит. Когда в этом месте раздавался негромкий понимающий смех, меня это очень радовало. Причем радовало не меньше, чем хохот над каким-нибудь моим эзоповским политическим текстом.

— *На концертах Высоцкого тоже раздавался понимающий смех. Но Высоцкий объединял всех — интеллигентов и люмпенов, бандитов и правозащитников. А кто составлял вашу аудиторию?*

— Моя аудитория — это, конечно, интеллигенция. Образованное сословие. И все мои фиги в кармане, имеющие культурное название «эзопов язык», находили отклик именно в образованном сословии. Я понимал, что в ПТУ или воинскую часть с этим приходиться не надо.

Вот так я стал Ю. Михайловым

— *Про таких, как вы, в советские времена говорили «поет с чужого голоса». Но вы-то как раз пели «со своего голоса», причем пели именно свое, не чужое. Вот так в конце концов и допелись до участия в диссидентском движении?*

— Мое участие в диссидентском движении не стоит преувеличивать. Я не ставлю себя вровень с известными правозащитниками, перед гражданским мужеством которых преклоняюсь. Я был всего лишь соредактором «Хроники текущих событий», двух ее номеров — 11-го и 18-го. Стилистически подправил поступивший материал, расположил его по рубрикам — и всё. Я занимался этим, уже отказавшись гласно выражать свое отношение к режиму. Не хотелось еще раз испытывать судьбу: в 68-м году за участие в диссидентском движении меня вытурили из школы, где я преподавал.

— *Это участие в чем выражалось?*

— Я подписал целый ряд писем своим полным именем. Особенно хорошо помню обращение к деятелям науки, культуры и искусства. Его сочинил Илья Габай, а подписали трое — он сам, Петр

Якир и я. К тому времени я уже три раза поработал с кино, у меня был шикарнейший заказ из Театра на Малой Бронной. Надо было выбирать между учительством и сочинительством. Я стал решительно склоняться к сочинительству. Хотел только довести своих девятиклассников до выпуска, но был удален из школы. Меня вызвал для беседы сам Филипп Бобков, начальник Пятого управления КГБ. Он был правой рукой Андропова, курировал искусство и диссидентов. Знакомясь со мной, отрекомендовался не своим именем, которое я до сих пор помню, — Соколов Сергей Иванович. Беседовал очень мирно, в формате «давайте поговорим, расскажите, что вам не нравится». Я стал говорить, что людей увольняют с работы за то, что они имеют свое мнение и открыто выражают его. Он сказал: «Составьте список, мы разберемся с теми, кого несправедливо уволили». Я назвал несколько имен. В том числе имя студентки Александровой из нашего института. Она подписала какое-то обращение, и ее тут же исключили из комсомола, выгнали из института и стали клеймить на собраниях. Она, бедненькая, уже и покаялась, но ее беспощадно изничтожали. Бобков пообещал: «С ней мы разберемся», но, как потом выяснилось, не разобрался. А мне сказал: «Преподавать в советской школе с такими антигосударственными взглядами вы, конечно, не можете. Воздержитесь и от выступлений с песнями». — «Позвольте, а на хлеб насущный как же зарабатывать?» — «Мне сказали, что у вас есть какие-то договоры с кино, театром. Пожалуйста. Мы препятствовать не собираемся».

— *Так появился Ю. Михайлов?*

— Ю. Михайлова я сам придумал.

— *Но те, кому положено знать, все равно ведь знали, кто скрывается за этим псевдонимом.*

— Конечно, знали. Это был чистый компромисс: вы не подписываетесь настоящим именем — мы вас не трогаем.

— *Вы можете представить себе, чтобы Солженицыну разрешили печататься при условии, что он вернется к своему псевдониму «А. Рязанский», которым была снабжена принесенная в «Новый мир» рукопись «Ивана Денисовича»?*

— Это совсем другое дело. Солженицын, Войнович, Максимов могли совмещать свое писательство с диссидентством, потому что

отвечали только за себя. Я же, работая в театре и кино, становился ответчиком за коллектив. Фильм, в титрах которого значится Юлий Ким, могли положить на полку, а спектакль с моим именем на афише — закрыть. Поэтому я стал Ю. Михайловым. Это продолжалось с 69-го по 85-й год, когда Булат Окуджава своим очерком «Запоздалый комплимент», посвященным мне в «Литературной газете», этот псевдоним отменил. То есть он начал писать обо мне как о Ю. Михайлове, но где-то в середине его прорвало: «Да какой там Ю. Михайлов, когда все мы знаем, что это Юлий Ким!» Это было уже горбачевское время, уже повеяло перестроечным духом. И я вернулся к своей, как говорится, «девичьей фамилии».

Фига в кармане не является признаком трусости

— *А сегодня вы пишете политические песни?*

— Время от времени. У меня весь хлеб Дима Быков отбивает своими стихотворными фельетонами.

— *Современная российская действительность, мне кажется, не скупа на сюжеты для фельетонов, всем стихотворцам хватит.*

— Советские времена в этом смысле были более щедрыми. В 69-м году я сочинил монолог пьяного Брежнева. Я так разозлился на Леонида Ильича за суды над диссидентами, что написал... нет, даже не памфлет, а просто злобную песню от его имени с припевом: «Мои брови жаждут крови». Это после суда над Гинзбургом и Галансковым. Такого рода песен о нынешних правителях я пока не сочинил, да и песенная крамола уже не является моим любимым занятием. Но иногда, далеко не так часто, как прежде, я, что называется, трясу стариной. Например, мне хотелось пройтись куплетом по понятию «вертикаль», и я сочинил на мотив Курта Вайля из брехтовской «Трехгрошовой оперы»: «Забудешь про печаль, восславишь бытие, когда построишь вертикаль и влезешь на нее. Розовые дали, стынет водочка в ручье, а горизонтالي словно нет вообще».

— *Публика принимает?*

— Да, веселится. Но у Димы Быкова все получается гораздо ярденее.

— *А вы, значит, по-прежнему работаете в стилистике иронического намека?*

— Дело в том, что иронический намек подчас действует гораздо мощнее, чем прямое высказывание. И эта так называемая фи́га в кармане не является признаком трусости. И она не диктуется самоцензурой. За такие фи́ги в оные времена сажали со страшной силой.

Бардовская песня жива и будет жить

— *В советские времена бардовская песня была альтернативой официальной культуре. За это ей прощали и невысокий поэтический уровень, и задушевные банальности. А что теперь она представляет собой?*

— Да то же, что и прежде. Я на Грушинский фестиваль один раз съездил. Вернулся под сильнейшим впечатлением. Огромная масса народу. Неумный энтузиазм. Я думаю, бардовская песня обречена на бессмертие. Тяга к песнетворчеству присуща многим народам, но в российском она имеет просто повальный характер. Стихотворная песенная графомания в самом лучшем смысле слова. В общем, я уверен, что бардовская песня жива и будет жить. Если вам кажется, что о ней мало слышно, это вовсе не значит, что она умерла.

— *Мне все-таки кажется, что это советский анахронизм.*

— Господь с вами! Это могучий всесловный, всеинтеллигентский творческий импульс.

— *Тем не менее Окуджава никогда не отождествлял себя с «казпэшниками», сторонился этой жизнерадостной братии, даром что они считали его своим знаменем.*

— Он действительно себя с ними не отождествлял, и правильно делал. Потому что он был профессиональный литератор. Точно так же и я не считаю себя полноправным представителем так называемой авторской песни.

— *А кто вы по собственному определению?*

— Я считаю себя литератором. И прежде всего занимаюсь драматургией. Это главное мое занятие. А сочинение песен — попутная стезя. Второе мое дело после написания пьес и либретто.

— *Вы пишете по заказу?*

— Как правило, да. Хотя иногда осуществляю и собственные замыслы.

— «В стол» не работаете?

— «В стол» не получается. Мне все время что-то заказывают.

— *За постсоветские годы вы внешне почти не изменились. А образ жизни ведете прежний?*

— Да. Ну разве что с накоплением лет я стал внимательнее относиться к диете, режиму дня. Например, заставляю себя совершать продолжительные пешие прогулки.

— *Советская интеллигенция пила изрядно, чему дал объяснение Высоцкий: «Безвременье вливало водку в нас». А сегодня вы сколько можете выпить?*

— С годами свою норму спиртного я сократил. Но не могу сказать, что раньше мы пили от гнета советского самодержавия. Пили, как все русские люди, и за компанию, и с радости, и с горя, и просто так. Сейчас для этого возможности расширились. В любом медвежьем углу вы найдете все, что душе вашей угодно. Я в своем камчатском поселке не был пятнадцать лет, а тут приехал, захожу в лавочку — и пожалуйста, полное изобилие. Есть чем разгуляться русскому человеку, а причин и поводов для этого не меньше, чем при советской власти.

Нам правда не нужна?

Диалог с режиссером–документалистом
Сергеем Мирошниченко

По данным фонда «Общественное мнение», более 70 процентов россиян считают, что допустимо умалчивать или искажать информацию в СМИ. Почти 40 процентов граждан говорят, что не нужно обнародовать малоизученные и неизвестные факты истории Великой Отечественной войны, потому что это «ударит по чувствам россиян и нанесет ущерб патриотическим чувствам». За последние несколько лет почти в два раза (до 54 процентов) выросло число тех, кто считает нормальным искажение информации в государственных интересах. Нам правда не нужна?

Когда сам себе начинаешь лгать — это уже беда

— *Вы всегда говорите правду, в том числе и самому себе?*

— Самому себе — да. Когда сам себе начинаешь лгать — это уже беда. Иногда трудно, а подчас и невозможно высказать правду другому человеку. Не хочется выглядеть правдолюбом-дураком. Меня мама учила быть человеком воспитанным. Говорила, что от каких-то правдивых слов в чей-то адрес лучше воздержаться. И потом, меня всегда учили, что существует правда, но что самое главное — не правда, а истина.

— *Как истина и правда соотносятся между собой?*

— Никак. Правда у каждого своя, а истина абсолютна, она не зависит от чьих-то взглядов и убеждений. Вот вы спросили, говорю ли я правду. А имею ли я право ее говорить? Может, это моя личная правда и кому-то она поперек души? Поэтому я в своих фильмах кое-что, бывает, недоговариваю и тем самым даю возможность зрителю найти свою правду. И чем шире круг людей, которые свою

правду видят в моей картине, тем, я считаю, эта картина успешнее.

— *Какова, по-вашему, степень допустимого вымысла в документальном кино?*

— У каждого режиссера она своя.

— *А границы ее чем определяются?*

— Личной нравственностью. Я могу что-то и домыслить, если уверен, что это не исказит правды жизни и не нанесет вреда моим героям.

— *Вымысел в документальном кино может иметь разные формы. Например, откровенная «постановка». Вы прибегаете к ней?*

— Иногда прибегаю. Но в таких случаях и не скрываю этого, не камуфлирую постановочный эпизод под «жизнь врасплох». Допустима та мера вымысла, которую ты сам считаешь приемлемой. Эйзенштейн, например, придумал «взятие Зимнего». Создал миф, который существовал несколько десятилетий, вошел в сознание миллионов людей.

— *Фильм Эйзенштейна «Октябрь» был художественным, а не документальным. Поэтому Зимний там штурмовали артисты массовки, а не солдаты и матросы революционного Петрограда. Что совершенно естественно.*

— Хорошо, возьмем «Три песни о Ленине» моего любимого документалиста Дзиги Вертова. Там тоже создан миф. Но он создан средствами документального кино, где была, конечно, известная доля вымысла.

— *Этот миф создавался в рамках определенной идеологической задачи, на которую и работал вымысел.*

— А вы верите в свободное мифотворчество? Даже в игровом кино? Сейчас считается свободным творчеством, если ты делаешь картину, например, в защиту прав каких-нибудь меньшинств. Но это тоже определенный идеологический посыл. Правильный или неправильный — не мне решать. Тем не менее это некий посыл художника, который транслирует на экран точку зрения некой группы людей.

— *Это недопустимо, на ваш взгляд?*

— Допустимо. Но при этом ты должен быть не над людьми, а

рядом с ними. Ты не должен манипулировать ими. Ты не должен их унижать. И ты должен всегда быть на их стороне.

Этика начинается за монтажным столом

— *Какие этические ограничения существуют для вас?*

— Во время съемок — никаких. Этика начинается за монтажным столом. А во время съемок себя ограничивать не нужно.

— *Вы прибегаете к методу провокации?*

— Я не называю это провокацией. Я просто создаю препятствия своим героям.

— *Но это и есть провокация. Вы ведь провоцируете их на какое-то самовыражение.*

— Провоцировать можно по-разному. Если ты конструируешь ситуацию, которая человека унижает, — это одно, а если просто заставляешь его для максимального самораскрытия преодолевать какие-то препятствия, искусственно тобой созданные, — это другое.

— *Когда вы снимали Георгия Жженова для фильма «Русский крест», он вам в чем-то подыгрывал как актер?*

— Если мы с ним об этом договаривались, в чем-то мог и подыграть. А мог и отказаться подыгрывать, такое тоже бывало. Но обычно мы просто создавали такие условия, чтобы он мог импровизировать на заданную тему. И он блестяще это делал.

— *А с Астафьевым как вы работали?*

— Астафьев сам был провокатор. Первое время не я им манипулировал, а он мной. Это был сильный характер. Фронтвик. Мощная личность. Умный человек. Мне приходилось видеть умных людей, но он был очень умный. И еще хитрый в меру.

— *Таких людей, как Жженов, Астафьев, Распутин, который тоже был вашим героем, снимать легко в силу их очевидной неординарности? Или, наоборот, трудно — по той же причине?*

— Астафьева и Жженова снимать было легко. Юза Алешковского — тоже легко. Они свободно импровизировали в кадре. А вот снимать Распутина и Солженицына было очень непросто. Они оба были людьми закрытыми, немногословными и не очень податли-

выми к разговору. К тому же Александр Исаевич уже болел. Преодолевать его замкнутость было очень трудно, но моменты импровизации создавала Наталья Дмитриевна Солженицына, и тогда он открывался. Абсолютно закрытый для прессы человек и Валерий Гергиев. Но нам повезло, мы его снимали в событийной атмосфере, и он приоткрыл себя по ходу событий.

Никогда не рискну заявить, что показал человека в полном объеме

— *Вернемся к разговору о правде. Насколько образ, созданный вами в документальной картине, адекватен реальному герою? Сколь велик зазор, например, между экранным Солженицыным и подлинным?*

— Вы знаете, я никогда не рискну заявить, что показал человека в полном объеме. Мы показываем лишь три процента от того, что человек из себя представляет. Пять процентов — это уже большая удача. Мы можем взять человека беспомощного, сильно пьющего или наркомана, пообещать ему деньги, и он станет тарабанить то, что нам нужно. Но это будет неправда. Он просто за деньги сыграет роль.

— *Кстати, до какой степени можно доверять тому, что герои документальной картины произносят на камеру? Ведь вольно или невольно каждый из них старается предстать в выгодном свете, лепит собственный образ, то есть, по сути, привирает.*

— Если говорить о документальном герое, то в какой-то мере это неизбежно. Моя задача следить, чтобы он не переигрывал. Но если герой философ или писатель, он старается донести истину, и поэтому он уже не играет, а проживает свои мысли. Впрочем, актерский наигрыш столь же противоположен и художественному фильму. У плохих режиссеров актеры нередко переигрывают. А большие мастера добиваются от артиста такой правды существования в кадре, такой достоверности, которая возможна только в кинодокументе.

Правда должна объединять людей, а не разъединять

— *Почему значительная часть российских граждан страдает правдофобией? Люди не хотят получать правдивую информацию*

о сегодняшнем дне, боясь погружаться в некоторые страницы советской истории. Любая правда, если предать ее огласке, может внести дополнительный раскол в наше и без того расколотое общество?

— Сложный вопрос. Предположим, какую-то правду мне сказали пятнадцать лет назад, и я с ней согласился, но сегодня я эту правду воспринимаю иначе. Потому что изменился мир, изменился я сам. Например, 90-е годы мы сегодня оцениваем не так, как оценивали тогда, когда эти годы были не историей, а жгучей современностью. Неважно в какую сторону у кого изменилась оценка, но она изменилась. И наверняка еще будет меняться. Любую эпоху следует оценивать с достаточной исторической дистанции, тогда больше шансов, что эта эпоха будет оценена объективно. Может ли правда о каком-то времени вносить раскол в общество? Думаю, что может, и мы это постоянно наблюдаем, посмотрите, какой разброс мнений, например, в отношении Сталина. Что касается меня, то я предпочитаю делать кино, которое объединяет людей, а не разъединяет. Мне один режиссер-китаец интересную вещь сказал. Я с ним встречался, когда у нас всюду шла перестройка. Говорю ему: видишь, как мы тут расправляемся с коммунистами! Он говорит: а мы так делать не станем. Почему — спрашиваю. А потому, говорит, что у нас 56 наций и народностей, и может вспыхнуть такая национальная рознь, что сотни миллионов людей окажутся в нее втянуты, мы просто перебьем друг друга. Так что нет, мы пойдем более экономичным с точки зрения людского сбережения путем. Я этот разговор запомнил навсегда. И часто его вспоминаю. Мне нравится созидательная правда. Нравится правда объединяющая. Мне хочется видеть на экране, например, правду о том, как два народа, украинский и русский, дружили меж собой. Как помогали друг другу. Как вместе что-то делали. Эта правда нам бы сейчас очень помогла.

— То есть вы считает возможным направлять документальную картину на выполнение некой задачи, в данном случае благой — сближать два народа?

— Это не задача. Это историческая правда, состоящая в том, что русские и украинцы прожили вместе много веков, колыбель наша в Киево-Печерской лавре находится. И в нынешней непро-

стой ситуации нужно найти такую правду, которая нас будет объединять.

Сладкая правда ведет к ожирению

— *Почему если правда, то горькая, а если ложь, то сладкая? Вы полагаете, не бывает сладкой (приятной) правды и горькой (огорчительной) лжи?*

— Отчего же, бывает и сладкая правда. Мы это в юности называли — «стиль тортиссимо». Этаким праздничный тортик. В «стиле тортиссимо» подчас создаются отчеты, рапорты, доклады... А также книги, спектакли, кино... Можно даже чей-то образ создать из шоколада, только ты должен понимать, что тебя буду есть: сначала ногу отломают, потом голову... Кроме того, злоупотребление «стилем тортиссимо» ведет к ожирению головного мозга. Так что сладкая правда опасна во всех отношениях.

Абсолютная правда — это любовь

— *У каждого времени своя правда?*

— Это раньше так было. А теперь у каждого человека своя правда.

— *Бывает правда на все времена?*

— *Бывает. Это когда она приближается к истине, когда мы чувствуем в ней добро, красоту, созидание.*

— *А что такое абсолютная правда?*

— Абсолютная правда — это любовь.

— *Какой вывод мы сделаем из нашей беседы?*

— Вывод очень простой. Нужно расширять свое сознание, стремиться знать как можно больше. И формировать в себе внутреннюю потребность в созидающей правде, которая тебя приведет к истине.

Возможности мозга безграничны?

Диалог с палеоневрологом
Сергеем Савельевым

Принято считать, хотя это никем не доказано, что человеческий мозг используется не более чем на 5 процентов. Но и этого КПД пока хватает для рождения гениальных идей, влекущих за собой великие открытия и достижения. А если использовать мозг на все 100 процентов? Возможно ли это? И какого прогресса тогда достигло бы человечество?

Горе от ума — это литературная выдумка

— *Вы согласились бы жить вечно при условии, что ваша жизнь продолжалась бы в неразумном состоянии?*

— Конечно, нет. Это неинтересно. Хотя некоторые люди рождаются и умирают, не приходя в сознание, как было написано в анамнезе у одного из генеральных секретарей коммунистической партии. Жил и умер, не приходя в сознание. Конечно, это шутка. Но есть растения, которые живут тысячи лет. Спросите у них, наверное, им это нравится. Что касается человеческой эволюции, то это не что иное, как эволюция мозга, и больше ничего. Потому что во всем остальном мы сделаны никудышно. Как говорил знаменитый офтальмолог Гельмгольц, если бы Господь Бог поручил мне сделать глаза, я бы сделал их в сто раз лучше. Это касается и всех остальных человеческих органов.

— *Что такое горе от ума в физиологическом проявлении этого, скажем так, недуга?*

— Горя от ума как его трактует обыватель или в том смысле, какой вкладывал в это понятие великий русский писатель, — та-

кого горя не бывает. Если человек достаточно умен, то он понимает принципы и механизмы мира, в котором живет, и не станет, как Чацкий, «метать бисер перед свиньями». Горе от ума — это литературная выдумка. Человек, понимающий, что происходит, во-первых, не предъявляет к окружающим излишне высоких требований, а, во-вторых, бессовестно пользуется своими знаниями.

— *Хорошо, спрошу так: чрезмерная нагрузка на мозг может иметь для человека негативные последствия?*

— Существует наивное мнение, что человеческий мозг беспределен в своих физиологических возможностях. На самом же деле он в них сильно ограничен. Есть четкие физиологические пределы. Скорость метаболизма нельзя повысить бесконечно. Когда человек умственно не активен, то есть когда, например, читает газету на диване перед сном, он потребляет примерно девять процентов всей энергии организма. А если чтение его чем-то возбуждает и подогревает, действует как перец в пище, то он начинает задумываться, и расходы энергии в этом случае достигают двадцати пяти процентов от всей энергии организма. Это очень большие расходы и очень тяжелые. Человеческий организм сопротивляется им. Поэтому мы ленивы и нелюбопытны. А между тем творчество требует как раз тех самых двадцати пяти процентов.

В мозгах все устроено так, что вход — рубль, выход — три

— *Значит ради здоровья умственную энергию нужно экономить?*

— Это происходит помимо нашей воли. Человеческий мозг не приспособлен к большим энергетическим затратам. В режиме двадцатипятипроцентной активности он может просуществовать пару недель. А потом начинает развиваться так называемая энергетическая задолженность и то, что в старой медицине называлось нервным истощением. В мозгах все устроено так, что вход — рубль, выход — три. Если вы две недели кряду интеллектуально перенапрягаетесь, то потом должны шесть недель расслабляться и отдыхать, чтобы компенсировались мозговые затраты.

— *Вы хотите сказать, что интеллектуальные нагрузки вредят мозгу?*

— Конечно, вредят, он же приспособлен не для интеллекта.

— Я думал, вы скажете, что интеллектуальные нагрузки укрепляют мозг, как физические нагрузки укрепляют мышцы.

— Да ведь и с мышцами ничего такого не происходит. Не укрепляются они от физической нагрузки, а разрушаются. Вы сколько хотите прожить-то? Если вы хотите прожить сильным красивым физкультурником лет до пятидесяти, то, конечно, укрепляйте свои мышцы. Но любая мышца может сократиться один миллиард раз, а потом она умрет. Любая перенагрузка — это смерть. Это касается и мышц, и мозга. Смертность у профессиональных спортсменов в десять раз выше, чем у обычных людей. Причем от тяжелых заболеваний. Спорт — это не полезно.

— А слабая нагрузка на мозг — это полезно?

— О, это мечта любого государя.

— Разве мозговая пассивность не ведет к умственной деградации?

— Мир наполнен мистическими историями про мозг, но суть проста: мозг не хочет работать, потому что его работа требует энергетических затрат. В этом причина нашей праздности, лени и желания украсть, а не заработать.

Никогда не объяснишь, почему один видит то, чего не видит другой

— Есть люди, обладающие феноменальными способностями. Например, умением за несколько секунд перемножить в уме два четырехзначных числа. Этому есть научное объяснение?

— Надо учиться в физико-математической школе, чтобы овладеть таким умением. Это несложно, есть хорошо известные приемы. Ну и кроме того, надо быть ограниченным во многих других областях, чтобы сосредоточенно демонстрировать такие фокусы. Ничего творческого или тем более гениального здесь нет. Истории известны люди, которые замечательно умножали цифры, особенно когда речь шла об их собственных деньгах. Но, к сожалению, эти люди ничего не произвели, кроме таких расчетов.

— В человеческом мозге есть отделы, отвечающие за ту или иную одаренность, например, за музыкальную или шахматную?

— Конечно, есть. Вся поверхность мозга занята областями, которые структурно очень хорошо выявляются. Можно посмотреть на гистологические срезы. На этих гистологических срезах толщиной в несколько микрон, если порезать человеческий мозг, существуют поля и видны их границы. Каждое поле функционально приспособлено к той или иной функции. Скажем, к зрению, слуху, движению. И мозг состоит из таких полей. И он индивидуально изменчив. То есть каждое поле у разных людей разное. У одного человека, к примеру, у хорошего фотографа, оно в «зрительной» области может быть в три раза больше, чем у любого другого. А это миллиарды нейронов, миллиарды связей. Никогда не объяснишь, почему один видит то, чего не видит другой. То же самое и у музыканта или ученого. Наши индивидуальные возможности определены комбинацией этих полей, имеющих разные размеры. У кого какое-то поле большое, у того та или иная одаренность явно выражена. А у кого некое поле маленькое, тому свои способности, допустим, к математике, уж извините, ничем не нарастить. Словом, наше поведение детерминировано размером полей коры мозга, а также подкорковых структур, которые отвечают за каждую функцию. Например, за музыкальную. Чтобы просто слышать, нужно иметь два десятка структур. Вероятность, что у одного человека все эти структуры будут достаточно большие, прямо скажем, невелика. Поэтому выдающихся музыкантов мало, а имитаторов полным-полно.

Разум — это абстрактное понятие

— *Как соотносятся между собой мозг и разум?*

— Разум — это абстрактное понятие. То, что червь осознанно ползет от раствора соли к раствору еды, — это разум? С точки зрения психологов — да. Но физиология абстрактными понятиями не оперирует. Гениальность — да, есть такое понятие в физиологии. Уникальная комбинация размера структур мозга позволяет какому-то человеку писать гениальную музыку. А другой никогда гениальную музыку не напишет, потому что у него нет соответствующей комбинации структур. Мозг — это структурно детерминированное устройство, которое определяет индивидуальность и неповторимость каждого человека. По этой причине все люди разные. И эти способности не наследуются. На фоне талантливого

родителя ребенок может выглядеть полным бездарем. Что чаще всего и бывает.

— *Можно ли сказать, что разум является посредником между мозгом и телом?*

— Нет. Разум вообще понятие не научное. В чем разум? Тыкать пальцем в клавиатуру компьютера? Нажимать на кнопки телефона? Считать до десяти?

— *Тем не менее есть понятие «разумные существа».*

— Я не занимаюсь философией.

— *В любом случае разум — это физиологическое понятие.*

— Для меня такого понятия не существует по той простой причине, что у него размыты границы. Разумом обладают все животные, у которых есть нервная система. И в этом смысле глупо утверждать, что человек — разумный, а остальные живые существа — неразумные. Человек является продуктом церебральной эволюции. Он может создавать то, чего не было в природе и обществе. Вот муравьи того, чего не было в обществе, создать не могут. И черви плоские, и даже обезьяны не могут создать того, чего не было в их сообществе. А человек может. Что является критерием человека? То, что он творчески создает нечто, до него в природе и обществе не созданное. И если мы договоримся, что разум — это способность создавать то, чего не было в природе и обществе, то такое понятие я принимаю. А если мы это не вводим, то получается размытое пустое определение, словоблудие для философов, основная задача которых объяснить, почему мы профукали свою жизнь так бездарно.

Европейцы прошли отрицательную эволюцию

— *Есть пределы развитию мозга?*

— Те, кто задает такие вопросы, предполагают, что человеческий мозг законсервировался двести тысяч лет назад, и с тех пор эволюционных изменений не происходит.

— *А они есть?*

— За двести тысяч лет, даже чуть меньше, примерно за сто тридцать пять тысяч, человеческий мозг уменьшился на двести пятьдесят граммов. Я имею в виду цивилизованную Европу. По-

тому что они отбирали конформистов и уничтожали творческих, самостоятельных людей.

— *Эволюция мозга была отрицательной?*

— Для Европы — да. Европейцы прошли отрицательную эволюцию и высокую церебральную специализацию — многовековой искусственный отбор, очень жесткий, который уменьшил размер и массу их мозга в пользу конформизма и социальной адаптированности.

— *Разве конформизм и способность к социальной адаптации свойственны только европейцам?*

— Да. Потому что они всегда очень тесно жили, и любой приказ какого-нибудь князя быстро доходил до всех. Смотришь, уже голову рубят крестьянину в соседней деревне... А в Африке это плохо действовало, и в России это плохо действовало, не получалось. Поэтому у нас полиморфизм сохранился больше, а у европейцев меньше. Чем больше полиморфизм, тем больше шансов для эволюционного прогресса.

Человеческий мозг работать не хочет, не любит и по возможности не будет никогда

— *Безграничные возможности мозга, если таковые имеются, несут в себе какие-то риски для человечества?*

— Безграничных возможностей нет. Во-первых, есть ограничения энергетические. Во-вторых, человеческий мозг приспособлен для решения конкретных биологических задач и жестко сопротивляется любому нецелевому использованию. Поэтому он работать не хочет, не любит и по возможности не будет никогда.

— *Значит, лень имеет физиологическое обоснование?*

— Конечно. Когда вы ленитесь и ничего не делаете, мозг потребляет девять процентов энергии. А когда начинаете думать — до двадцати пяти. И это катастрофа. Потому что, когда вы ленитесь, у вас эндорфины, эти внутренние наркотики, выбрасываются в мозг и в результате вы мало того, что бездельничаете, вы еще и кайф ловите. А когда вы, не дай бог, начинаете трудиться, мозг придумывает миллион способов, чтобы вас от этого отвадить. В итоге организм сопротивляется и, предвидя энергозатраты, просто кри-

ком кричит: «А что я буду делать завтра?! Где гарантия, что колбаса в холодильнике снова появится?!» То есть вы сопротивляетесь любому труду как нормальная обезьяна. И это вполне естественно.

— *Можно заставить работать ленивый мозг?*

— Можно.

— *Как?*

— Когда вас поставят в стрессовую ситуацию, требующую напряжения умственных сил. Но при первой возможности мозг будет вас обманывать. Даже мозг гения, который приспособлен для творчества, будет стараться увильнуть от работы. Гению проще имитировать свою гениальность, чем что-то создавать. Именно поэтому у гениев на двадцать работ лишь одна гениальная, остальное — подделки. Обезьянья порода неисправима, все время приходится прятать хвост.

Гениальность не надо искать у политиков

— *Мозг гения физически отличается от мозга обычного человека?*

— Да, мозг гения весит больше. В свое время в России был создан Институт мозга, там изучали в том числе мозг Ленина, сравнивали его с мозгом Маяковского, других выдающихся людей. Оказалось, что у Ленина мозг был маленького размера и весил 1330 граммов. У Сталина примерно столько же. Что было, как теперь можно смело сказать, вполне ожидаемо. Вообще гениальность не надо искать у политиков. У нас есть биологическая инстинктивная форма поведения, называемая доминантностью. Свойственная политикам гипердоминантность, означающая стремление властвовать, управлять людьми и ходом истории, она является биологически обусловленной. А гениальность — это другое. Это способность к необычному. Стать гипердоминантом может любой бабуин. Поэтому в мозге Ленина ничего особенного не нашли, там очень посредственные параметры. Просто эта биологическая инстинктивная форма поведения — доминантность — она у него была гипертрофирована.

Мозг работает, даже когда мы спим

— *Это правда, что человеческий мозг используется не более чем на пять процентов?*

— У того, кто так считает, он используется, видимо, на два. Это полная чушь насчет пяти процентов. Мозг работает весь. Это как оперативная память в компьютере: выключили — и все стерлось. Поэтому через шесть минут после отключения человека от кислорода и продуктов питания мозг начинает необратимо терять память и умирать. Он потребляет десять процентов всей энергии организма, даже когда мы спим. Именно из-за того, что он всегда и весь работает.

Интеллектуальная нагрузка — это профилактика старения

— *Что такое старение мозга? От чего начинается старческая деменция?*

— Старение мозга — это в первую очередь гибель нейронов. Сами нейроны уморить очень сложно. Но их количество исчерпаемо. Причем нейроны у человека начинают гибнуть еще в утробе матери. После пятидесяти лет они уже активно погибают, и за каждые последующие десять лет наш мозг теряет по тридцать граммов нейронов. Этот процесс продолжается до глубокой старости. И если головой не думать, не заставлять сосуды кровоснабжаться и кровоснабжать нейроны, то к восьмидесяти годам мозг может полегчать на 100 граммов, а то и больше. У людей, которые мозгами вообще не пользуются, такого рода ослабление идет еще быстрее. Интеллектуальные люди дольше сохраняют умственную потенцию.

— *Значит, интеллектуальная нагрузка необходима мозгу?*

— Абсолютно. Это профилактика старения. Но кроссвордами и просмотрами телепрограммы «Что? Где? Когда?» старение мозга не замедлишь. Чтобы его замедлить, надо всякий раз решать проблему, которая раньше перед тобой не стояла. Игрой в шахматы можно только ускорить маразм, а не остановить его. Потому что шахматы — не столь уж интеллектуальное занятие. Это просто комбинаторика. К сожалению, многие путают творчество и комбинаторику. Комбинаторика — это когда из трех бумажек делают четвертую, а мозг при этом сачкует.

— *Обещает ли нам эволюция умственный прогресс?*

— Нет, не обещает. Перспективы печальны: уменьшение размеров мозга из-за тотального конформизма и постоянной адап-

тации к среде, экспорт своей индивидуальности и способностей государству в обмен на экономию энергии. Когда мы договариваемся с государством или религией, мы им дарим свою творческую, интеллектуальную свободу. А они, в свою очередь, гарантируют нам пищу и размножение. Так что дальше все будет хуже и хуже. И если эта тенденция сохранится, то человеческий мозг может уменьшиться еще граммов на двести пятьдесят.

— *Выходит, эволюция идет в обратном направлении? Человечество не умнеет, а глупеет?*

— Увы, это так.

Гениальность — счастливым даром?

Диалог с психолингвистом
Татьяной Черниговской

Терпение и труд могут сделать из талантливого выпускника МФТИ выдающегося физика, но они не сделают из него Эйнштейна. Не оставляющий стараний маэстро при определенном везении способен выбиться в лауреаты престижного конкурса скрипачей, но едва ли он станет Никколо Паганини. Гением надо родиться. Однако гений — это, собственно, кто? Каковы критерии гениальности? Ну хотя бы на уровне физиологии мозг гения отличается от мозга обычного человека? Это один ряд вопросов. Есть и другой. Гениальность — это благо или бремя? За свою гениальность гении чем-то расплачиваются?

С таким мозгом Эйнштейн не мог не быть гением

— Называя кого-то гением, что мы имеем в виду? Ну, не в том приземленном, хотя по-своему тоже высоком смысле, когда, например, этим званием хозяин квартиры награждает сантехника, путем искусных манипуляций и применения чудодейственной лексики устранившего-таки коварную, упрямо не поддававшуюся исправительному воздействию протечку в канализации. Я говорю сейчас о гениях, признанных таковыми историей. Их гениальность — она чем объясняется? Это некие свойства мозга? Особенности психофизики?

— Прямо скажу, я не специалист по гениальности и не знаю, есть ли такие специалисты, кроме классиков, которые писали на эту тему теоретические работы. Я вам лучше конкретный пример приведу. Когда Эйнштейн отошел в лучший мир, его мозг был

украден. Судя по всему, он был украден патологоанатомом. Но, к счастью, не поврежден и сохранился до времени, когда его стало возможно исследовать томографически. Как сообщили потом те, кто проводил это исследование, с таким мозгом Эйнштейн не мог не быть гением.

— *Этот мозг был нестандартно большого размера? Или значительно тяжелее мозга обычного человека?*

— Размер и вес не имеют значения, он был даже меньше, чем у среднего человека.

— *А что же имеет значение?*

— Извилины. У Эйнштейна извилины не вполне такие, как у среднего человека. Часть, которая соединяет правое и левое полушария — *corpus collosum*, такой перешеек между правым и левым мозгом у Эйнштейна более мощная, гораздо плотнее и сама нейронная сеть. Это говорит о том, что у него, кроме левого полушария, решающего логические задачи, которые решал Эйнштейн, очень сильно задействован правый мозг.

— *Можно ли сказать в таком случае, что гениальность — это физиологическая патология?*

— В определенном смысле — да. Хотя это трудный вопрос. Всё-таки в строгом смысле это патологией называть не стоит. В средние века у людей были другие и вес, и рост, чем у наших современников. Значит, отклонение от некоей средней «договорной» величины является патологией по определению. Как в сторону беды, так и в сторону гениальности. Разумеется, гениальность — не норма. Но одновременно с гениальностью может наблюдаться и реальная патология.

— *Психическая, например?*

— Гениальность может сопровождаться любой патологией, в том числе и психической. Гений дорого платит за свою гениальность.

— *Чем именно?*

— Тем, что ему тяжело в этом мире. Он с самого начала не такой, как все. Он находится под разнообразным прессингом. Например, ему могут внушать, что он умственно неполноценный (так

как другой). Эйнштейн очень медленно развивался. Его чуть ли в школу не брали, считали, что он вообще никуда не годится. Гениев, которые с точки зрения обывателя были бы «нормальными», практически не существует. Среди них немало сильно пьющих людей. Среди них большой процент тех, кто либо заканчивают суицидом, либо делают такие попытки. С ними совершенно невыносимо жить близким...

Есть вещи, которые компьютер за человека не сделает

— *Кроме того, гении часто склонны к чудачествам. Академик Сахаров, например, жарил селедку.*

— Да, он любил теплое. Возможно, поэтому ему нравилось мыть посуду: доставляла удовольствие теплая вода, бегущая по рукам, он пел в это время... А вот, скажем, Эйнштейн играл на скрипке. Хорошо или плохо играл, я не знаю. По некоторым отзывам, играл плохо. А зачем он это делал? Можно предположить, что игра на скрипке была для него формой отдыха. Но не только. Я думаю, это была еще и настройка мозгов на другой лад, на другой тип мышления. Потому что есть вещи, которые компьютер за человека не сделает. Мы можем передоверить компьютеру черновую работу — например, счет. Но компьютер не может совершить открытие. На большие открытия способны только гении. Но для этого у них должен быть широкий обзор. Они должны разбираться и в музыке, и в живописи, и во многих других вещах. Неизвестно ведь, где и когда гений поймает эту свою «бациллу», которая вызывает открытие. Открытие нельзя совершить по плану. Иногда оно приходит к гению во сне. Есть даже такое физиологическое понятие — «дефолтное состояние мозга». Это и не сон, но вроде бы и не бодрствование. Это переходное, сумеречное состояние, «туман» такой. И это совсем другой тип работы мозга. Я допускаю, что, когда Эйнштейн начинал играть на скрипке, он подсознательно включался в другое состояние. Я много читала всего, что Эйнштейн про себя говорил. Он, например, считал, что искусство и наука — это не разные вещи. Говорил, что перемешивание разных стилей мышления — ход к тому, что мы сейчас пошло назвали бы креативностью. Чтобы тебе что-то открылось, ты должен как бы отпустить регулировки. Выйти в свободное плавание. Сейчас специалисты пишут: освободите мозг, дайте ему жить как он хочет. Хочет без-

дельничать — пусть бездельничает. Хочет думать о глупостях — пусть думает о глупостях. Потому что все это лишь переключение в другой регистр, на другой тип мыслительной деятельности, которая в какой-то момент приведет к озарению.

— *Озарение, вдохновение — что это такое в физиологическом смысле?*

— Думаю, это перенастройка мозга в сторону «дефолтного состояния». Если серьезного поэта, не рифмоплета, спросить, как пришли ему на ум те или иные строчки, он, скорее всего, ответит: «Сам не знаю. Посреди ночи проснулся, вскочил и записал. Утром смотрю — стихотворение».

— *А можно какими-то способами пробуждать в себе вдохновение, провоцировать его?*

— Когда Эйнштейн брался за скрипку, он, мне кажется, именно это и делал.

Глупость тоже может передаваться по наследству

— *В человеческом мозге есть отделы, отвечающие за определенную одаренность? Например, за музыкальную или шахматную?*

— Что меня в мозге, если так можно сказать, раздражает, так это то, что там есть одновременно локализованные вещи и нелокализованные. Например, если несчастье произошло в такой-то зоне мозга, то есть все основания ожидать, что у человека, допустим, отключится речь или он потеряет способность мыслить адекватно. А если, положим, у него будет повреждено правое полушарие, то с большой долей вероятности он перестанет понимать юмор. Или перестанет узнавать лица, не сможет узнать даже собственную жену. Или перестанет ориентироваться в пространстве, из-за чего в своей квартире, где живет тридцать лет, не сумеет найти ванную комнату. Он не будет знать, как ему добраться до дома из того места, где он работает, хотя двадцать лет ездит этим автобусом. То есть мы заранее знаем, что произойдет при повреждении той или иной зоны мозга. Но если мы об этом забудем и отправим здорового человека в томограф и будем ему давать разные задания, которые хитроумно придумаем, то увидим большую нейронную сеть, чрезвычайно сложно работающую. И окажется, что левое по-

лушарие, отвечающее за речь, работает очень разнонаправленно. Там участвуют все виды памяти, ассоциации, эмоции, внимание и еще много чего. И вы это не можете оттуда изъять, оно там есть, оно участвует в этом процессе.

— *Значит, в мозге есть зоны, связанные и со способностями к музыке, например?*

— Это вопрос на тему «курица и яйцо». У человека потому эта зона так серьезно работает, что всю жизнь он занят музыкой? Или он потому всю жизнь занят музыкой, что имел к ней природную предрасположенность? Есть известная история про лондонских таксистов, у которых огромная зона мозга связана с ориентацией в пространстве и памятью. Лондонские таксисты, как мы знаем, сдают кошмарный экзамен, прежде чем получают право обслуживать пассажиров. Они должны знать, как им проехать на любую улицу, в любой квартал, к любому дому. Эта зона мозга развита потому, что они много лет ездят по Лондону, или потому, что природа наградила их способностью ориентироваться в пространстве? Конечно, вряд ли кто-то рождается таксистом. Но это не снимает сложности вопроса. Если вы возьмете мозг новорожденного ребенка, вы никогда не сможете сказать, станет этот ребенок Эйнштейном или нет, потому что мозг развивается. Даже если ребенок родился гением, по его детскому мозгу этого не видно. Но то, что гениальность имеет семейную природу, — это несомненно.

— *Вы хотите сказать, гениальность может передаваться по наследству?*

— Не станем называть это гениальностью, но ум, одаренность, способность к определенному роду занятий зачастую передаются.

— *А глупость?*

— Я считаю, что и она может передаваться. Правда, мое мнение на сей счет недорого стоит, я все же не генетик. Гены, конечно, играют роль. Но играет свою роль и воспитание. Никто из физиологов не станет спорить с тем, что соотношение генетики и среды — это очень серьезное соотношение. Гением надо родиться, — это бесспорно. Невозможно сделаться гением в результате воспитания. Но уже родившись гением, ты можешь им не стать, если не повезет.

Перельман живет так, как может и как хочет

— *Что такое горе от ума?*

— Коварный вопрос. Я бы на него ответила так. Бывают гипертрофированные способности к чему-то. Допустим, к счету. И тогда у человека все силы организма уходят на это. Вспомним Перельмана, гениального математика, доказавшего гипотезу Пуанкаре. Он же просто не от мира сего. У него абсолютно неадекватное поведение. Он социально полностью безответственный. Взрослый человек (ему сейчас пятьдесят), который с мамой за руку ходит в магазин, чтобы ему в сумку положили батон и кефир. Это аутистическое поведение. Он гений, конечно. Но при этом абсолютно неадекватен. Это горе от ума. Поэтому умные шведы, которые его пригрели, поступили правильно. Ему ведь ничего не надо. Если бы было надо, он бы с удовольствием взял присужденную ему премию в миллион долларов. А он не взял. И они от него отстали. Они ему дали двухкомнатную квартиру, минимальное содержание, достаточное для того, чтобы жить в Швеции. А ему больше и не надо ничего. Ему нужно, чтобы его оставили в покое. Он живет так, как может и как хочет. И дорого платит за свою гениальность.

Это бремя и это судьба

— *Гениальность — это бремя?*

— Это, конечно, бремя. И это судьба. Я думаю, что у гениев свобода воли отсутствует. Биографии многих гениальных людей говорят о том, что эти люди выбирали себе жизнь гораздо более сложную и трудную, чем могли бы вести. Назовем здесь Эдгара Дега. Знаменитая семья с солидным достатком. Ему отец говорил: «Ты в эти игры не играй. Что ты там по борделям ходишь в Париже? Ты живи, как наша семья живет, и все у тебя будет». И он мог бы так жить, только мировая культура в этом случае не имела бы Дега. Понимаете, он заведомо пошел на жизнь, в которой были финансовые трудности. Он тяжело жил. Но шел на это. Это то, чему он просто не мог сопротивляться. Значит, гения что-то ведет. Или возьмем более благополучный случай — Чарльз Дарвин. Из приличной семьи, как сказали бы сейчас. Теологическое образование имел. По всем своим данным, должен был бы стать врачом или юристом. А он, поссорившись с семейством, садится на известный

корабль «Бигль» и отправляется в кругосветное путешествие. И мир получает Дарвина.

За редким исключением у женщин все-таки другой мозг

— В каком-то своем интервью вы сказали, что среди женщин гении встречаются редко. Вы даже категоричней сказали: среди женщин нет гениев. Почему вы так думаете?

— Гении среди женщин, конечно, есть, но их ничтожное количество. Первое, что здесь приходит в голову, — Софья Ковалевская и Мария Склодовская-Кюри. Есть и женщины — нобелевские лауреаты. Но все равно это очень небольшой процент.

— Вы это чем объясняете?

— Феминистки, которых я терпеть не могу, скажут: это из-за того, что женщин веками держали только на кухне и в спальне. Меня не устраивает такой ответ. На кухне и в спальне женщин уже давно не держат, а что-то не видно серьезного результата. Поэтому я думаю, что за редким исключением у женщин все-таки другой мозг. Я не хочу сказать, что он плохой. Я хочу сказать, что он другой. Например, точно известно, что мужской мозг имеет гораздо большее количество нейронных связей внутри полушарий. Но у женщин более просторная нейронная сеть. И тому есть эволюционное объяснение. Женское дело такое — гнездо сохранить, потомство вырастить. А значит нужно уметь договариваться, нельзя находиться в состоянии вражды со всеми. Именно по этой эволюционной причине женщины хорошие переговорщики. Хотя большинство дипломатов все-таки мужчины. А те женщины, которые становятся премьер-министрами, как Тереза Мэй, или министрами обороны, как не однажды бывало во Франции, — это очень жесткие женщины. В ментальном смысле они более жесткие, чем мужчины. Я беседовала с серьезными психологами. Они говорят: если женщину поставить решать вопросы войны и мира, она пол-Европы сметет и не дрогнет. И здесь опять встает вопрос о курице и яйце. Она стала министром обороны, потому что родилась такой? Или ее жизнь к этому привела? Я не хочу сейчас влезать в политику, но, если бы президентом США стала Хиллари Клинтон (при том что Трамп совсем не мой герой), уже была бы Третья мировая война. Конечно, женщины могут побеждать в интеллекту-

альном состязании с мужчинами, но не на самом высоком уровне. Я вот, например, доктор наук по двум совсем разным наукам. Но Эйнштейна из меня не выйдет, я это знаю наверняка, и у меня нет никаких сожалений по этому поводу. Я умею хорошо готовить, я понимаю в винах. Но вы видели когда-нибудь гениального шеф-повара женщину? Ну нет их в природе!

Нравственный человек, совершив опасное для человечества открытие, должен его уничтожить

— *Для вас гениальность имеет нравственную составляющую?*

— Да.

— *Гений и злодейство несовместны, на ваш взгляд?*

— Они совместны. Не в том смысле, что мне это нравится, нет, мне это совсем не нравится, но здесь есть проблема. Нравственный человек, совершив опасное для человечества открытие, должен его уничтожить. Гений никогда этого не сделает. Хотя Эйнштейн писал: если бы я знал, что случится в Хиросиме и Нагасаки, я бы выбросил то, что открыл. Я не знаю, как мы из этой ловушки выберемся и удастся ли нам выбраться, но по нравственным соображениям, пусть даже очень высоким, в науке ничего запретить нельзя. Всегда найдется богатый человек, который купит остров посреди Атлантики, бросит огромные деньги на аппаратуру, химические вещества, зарплаты... Все это даст ученым, которые тоже найдутся, потому что любой из них будет вправе сказать: я никогда не смогу проделать эту работу в других условиях, а здесь мне дали все, и я вам клонирую, кого хотите. Поэтому ООН может запрещать клонирование сколько угодно. Ничего не выйдет. Будут манипуляции с генами. Будут клонировать людей. Все это произойдет. Если мы, конечно, раньше не взорвемся.

Гений и злодейство несовместны?

Диалог с директором Государственного
литературного музея Дмитрием Баком

Альберт Эйнштейн отказался от участия в разработке атомной бомбы. Анна Ахматова не стала на сторону советского режима. Лев Толстой проповедовал непотворение злу насилеи. Значит гений — это творец, создатель, гуманист. А разрушитель, кровопийца, сеятель зла не может считаться гением? Чингисхан, Наполеон, Гитлер — никакие не гении?

Великие не вписываются в рамки обыденной морали

— *Что такое гений в вашем понимании?*

— Гений — это человек, причем не только деятель искусства, но и ученый, который совершает открытия или делает какие-то неожиданные вещи, прокладывая для его последователей совершенно новые пути. Например, Достоевский в 1844 году оканчивает Высшее инженерное училище в Петербурге. У него нет никаких средств к существованию. У него есть профессия военного инженера и больше ничего. И он совершает поступок, казалось бы, бытовой. Он садится за письменный стол в нанимаемой им вместе с Григоровичем квартире и пишет брату: «Я буду первый русский писатель». Вот этот юноша, без гроша за душой, не опубликовавший ни строки, происходящий из семейства московского лекаря Мариинской больницы для бедных, говорит: «Я буду первый русский писатель». Это пример гениального жеста, основанный на прозорливой уверенности человека в том, что есть какая-то сила, глашатаем которой он является.

— *Вы сказали — художник, ученый. А правитель может быть гением?*

— В каком-то смысле — да. Потому что еще одно важное условие идентификации гения — его совпадение с какой-то тенденцией, которую остальные пока не замечают.

— *Он ее выявляет, эту тенденцию?*

— Да, впервые для себя и одновременно для других он делает ее явной. Иногда это происходит даже вопреки его частным намерениям. Наполеон, возможно, просто стремился к карьере, не более того. Но его частный эгоистический импульс настолько совпадал с какой-то глобальной тенденцией, что положил начало переустройству Европы. Можно даже предположить почему. Наверное, потому, что Франция, а, может, и вся Европа нуждались в какой-то антитезе Великой французской революции. Революционеры перестраивали мир. Наполеон тоже перестраивает и переустраивает Европу, но на совсем других началах. На имперских, то есть антиреволюционных.

— *А, скажем, Иван Грозный? Он какую тенденцию проявил и выразил своим правлением?*

— Я думаю, что и здесь есть некое соотношение между личностью с очень сложным характером и государственными деяниями, беспримерными по своей жестокости. То, что делал этот русский царь, возможно, было созвучно каким-то тысячелетним, объективно существующим тенденциям к распространению православной империи в большие пределы. Хотел ли этого Иван Грозный как правитель или он просто решал свои эгоистические задачи — об этом нужно спрашивать историков и психиатров.

— *Иван Грозный, на ваш взгляд, был воплощением того типа гения, в котором гениальность и злодейство совмещаются?*

— По-видимому, так. Думать, что выдающиеся поступки всегда имеют под собой добротную нравственную основу, очень приятно, это созвучно бытовому воззрению, но так бывает далеко не всегда. В какой-то момент гениальный деятель поднимается над тем, что принято считать допустимым. В том числе и в сфере морали.

— *С точки зрения обыденной морали Иван Грозный — злодей?*

— Да, наверное. В каком-то смысле и Христос действовал абсолютно вне рамок общепринятой морали. Ведь фарисеи упрекают Христа и его спутников в том, что они в нарушение правил вкуша-

ют в субботу. Евангельские события не вписываются в моральные нормы, которые были актуальны для современников Христа.

Чтобы открыть мировой закон, надо быть внутренне очень свободным

— *Кто для вас бесспорный гений?*

— Не думал над этим. Но если порассуждать, то бесспорным гением может быть назван человек, который не вынужден «прорастать из сора в стихи». То есть тот, кто изначально несет добро. Это очень серьезный критерий. Возьмем, казалось бы, бесспорный случай: Пушкин. Легкий, жизнелюбивый, жизнеутверждающий человек. Но даже о Пушкине Владимир Соловьев писал статьи, в которых не то чтобы обвинял, но уличал Александра Сергеевича в поступках, которые не достойны его гения. Возьмем вообще русских писателей. В быту это были люди, мягко говоря, сложные. А многие — просто невыносимые. Есть, пожалуй, три-четыре фигуры, на мой взгляд, безупречные в смысле доброты, расположенности к людям. Это Жуковский, Алексей Константинович Толстой и Короленко. Ну, может быть, еще Волошин. Наверное, они могут быть названы гениями добра.

— *То есть гениальность предполагает и нравственную составляющую?*

— Обязательно. Но это не тот императив, про который говорил Кант. Императивно добрые люди имеют полное право вовсе не быть гениальными.

— *При наличии малейших признаков «злодейства» вы бы отказали человеку в гениальности?*

— Здесь уже все сказал Достоевский в разговоре Ивана Карамазова с братом Алешей — насчет того, что всеобщая гармония не стоит слезинки ребенка. Есть поступки, которые нельзя оправдать даже самыми высокими достижениями в науке или культуре. Принято думать, что открыть закон всемирного тяготения или теорию относительности мог любой человек — и добрый, и злой. Но, мне кажется, чтобы открыть мировой закон, надо быть внутренне очень свободным, не отягощенным сознанием своей несправедности, греховности. То есть быть человеком моральным. Иначе — Сальери.

Нет, ему не все дозволено

— Многие гении всех времен и народов были атеистами: Гераклит, Эйнштейн, Фрейд, Сартр, Камю... Может, в каких-то случаях именно безверие позволяет гению нарушать Божьи заповеди?

— Я так не думаю. Вера или безверие сами по себе не могут служить ни стимулятором гениальных деяний, ни, наоборот, гарантией творческого бесплодия. Я не возьмусь судить, как, например, атеизм Менделеева сказался на открытии им Периодической системы элементов. Думаю, что никак.

— Все же гений обязан соблюдать закон Божий? Или гению дозволено все — он не «тварь дрожащая», он «право имеет»?

— Нет, ему, как и любому человеку, не все дозволено. И, как любой человек, он обязан соблюдать закон Божий. Но напрямую сопоставлять гениальность с ежедневным кругом человеческих действий, наверное, не стоит. У Лескова есть замечательный рассказ «Однодум». Там очень хорошо показано, что как раз стремление буквально следовать библейским заповедям может вести к неприятным последствиям.

— Можно ли измерять поступки гения обывательской меркой? Или в этом нам тоже лучше довериться Пушкину? Я имею в виду знаменитые строчки из письма Вяземскому — о толпе, которая «радуется унижению высокого, слабостям могущего»: «При открытии всякой мерзости она в восхищении: он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врете, подлецы: он и мал, и мерзок — не так, как вы, — иначе».

— Мне кажется, вообще не стоит никого осуждать за грехи. Сказано же: «Не судите да не судимы будете». И там же сказано: «Кто без греха, пусть бросит в нее камень». Ну, например, как относиться к случаям многоженства среди поэтов? С позиций приземленной морали это дурно. Но чем человек самобытнее, тем его поступки более подчиняются каким-то мотивировкам и стимулам, которые со стороны не видны. Нельзя сводить дело к прямолинейным упрекам, типа: «Как он может спокойно спать?» Откуда вы знаете, что он спокойно спит? По словам Пушкина, которого мы с вами здесь то и дело цитируем, художника надо «судить по за-

конам, им самим над собой признанным». Я думаю, это универсальный подход к оценке человека, который является творцом, а гений — несомненно, творец. И законы, им над собой признанные, наверное, не будут законами Раскольникова. Творческий человек не признает над собой законы ненавистнические, которые могут побудить его совершить грех.

Всякий избыток ума и таланта — это бремя ответственности

— *Гениальность — благо или бремя?*

— Бремя. Снова Пушкин, «Моцарт и Сальери». Сальери говорит: «Ты, Моцарт, Бог, и сам того не знаешь. Я знаю, я». Сальери за него знает, почему он гений. Сам гений может этого не знать. Но чем яснее ты осознаешь свою неординарность, тем выше у тебя ответственность. Ты обладаешь властью над умами людей, их настроениями, поступками. Пользоваться этим нужно с большой осторожностью. Всякий избыток ума и таланта — это бремя ответственности.

— *За свою гениальность гении чем-то расплачиваются?*

— Универсальный сюжет здесь — фаустовский. Согласно ему, есть у гениальности какие-то границы, за которыми следует неизбежная расплата, упраздняющая все достижения гения. В гётевском сюжете Фауст просто хотел обрести молодость и любовь. У Томаса Манна в «Докторе Фаустусе» модель та же, но на карту поставлено другое, а именно — гениальная музыка. Ее создает Адриан Леверкюн, который потом наказан смертью своего любимого племянника и отсутствием любви. Но музыка-то остается. Получаются два варианта. Либо как у Гете: наказание Фауста уничтожает все его достижения, и тогда Фауст — не гений. Либо как у Манна: музыкальные достижения Леверкюна никуда не деваются, и значит сам он — гений.

Где начинается прагматика, так возникает зло

— *Бывают великие открытия и достижения, само предназначение которых — творить зло. Самый банальный тому пример — термоядерный синтез, повлекший создание атомной бомбы. Можно ли на этом основании отказать в гениальности академикам Сахарову, Тамму, Арцимовичу?*

— Да, гениальное научное открытие иногда отзывается страшным технологическим изобретением, которое значительную часть этого открытия дискредитирует. Хотя, с другой стороны, гениальное открытие предназначается для гениального, а не бездарного использования. Если сушить пуделя в микроволновой печи, то результат этой процедуры никаким образом не дискредитирует микроволновую печь. Очень часто расплата за гениальные открытия наступает не в силу каких-то грехов, ценой которых добывается это открытие, а из-за неправильного применения. Таких случаев очень много. Есть же известное изречение: что бы ученые ни изобретали, все равно получается оружие.

— *Но не каждый ученый обязан прикладывать руку к таким изобретениям. Это всегда личный выбор. Эйнштейн, например, отказался от участия в разработке атомной бомбы. Только истинный гений может позволить себе такой поступок?*

— Такой поступок может себе позволить действительно великий ученый, который велик еще и потому, что осознает свою ответственность. Но мало кто способен последовать примеру Эйнштейна. К сожалению, технологическая цивилизация так устроена, что наибольшую прибыль здесь приносят изобретения в сфере разрушения, а не созидания. И вся прогрессистская логика — она ущербна. Ущербна хотя уже потому, что вызывает противодействие в виде антиглобалистских акций и мирового терроризма. Гениальное открытие не должно быть прагматичным. Где начинается прагматика, так возникает зло.

С любым незаурядным человеком трудно ужиться

— *С гением трудно сосуществовать, он не удобен для окружающих?*

— По-разному бывает. Возьмите Пушкина и Лермонтова. Жили неподалеку друг от друга: Пушкин — на Арбате после счастливой женитьбы на Наталье Николаевне, а молодой Лермонтов — на Малой Молчановке. Но совершенно разные люди. И один гораздо легче другого. Достаточно взять в руки письма Пушкина к жене, в которых он очень непринужденно с ней общается: «Ты, женка, снова брюхата и пляши на балах». Этот гений оберегает окружающих от себя. Бывает, что с чела гения падают некие демонические

слезы, которые невыносимы для окружающих. Но это до тех пор, «пока не требует поэта к священной жертве Аполлон». Как только Аполлон потребовал его к священной жертве, поэт тут же в «широкошумные дубравы» удаляется. То есть деликатно освобождает близких людей от себя. Вообще с любым незаурядным человеком трудно ужиться.

От них исходит свет

— *Помните, у Давида Самойлова: «Вот и все. Смежили очи гении». А в конце: «Нету их. И все разрешено». Гений служит неким, если так можно сказать, духовным контролером для современников? Пока он жив — не все разрешено?*

— Я бы сузил это до гениев нравственности. До праведников, до святых, до блаженных. Потому что от этих людей исходит свет. Те, кто гениален в морально-нравственной, религиозной сфере, — они-то и являются духовными контролерами. А художники — нет. Невозможно представить, чтобы к художнику, пусть даже гениальному, люди ходили за советом, как поступить. А прийти к бабушке — это для верующего человека обычное дело. И в этой сфере тоже есть свои гении — например, Серафим Саровский и Сергей Радонежский. Без этих гениев нравственности нельзя вообразить русский космос.

Тот, кого к ночи лучше не поминать

— *А может, вековой спор о совместности или несовместности гения и злодейства не стоит выведенного яйца? Может, это надуманная, искусственная антитеза?*

— Нет, это антитеза реальная.

— *А как же тогда выражение — «злой гений»?*

— Гений зла описан в мировой мифологии и литературе. Это тот, кого к ночи лучше не поминать. Это Мефистофель, дьявол, демон, сатана... Это падший ангел, который бросает вызов Богу. Поэтому так важен пример Достоевского, который задумывает в середине 60-х годов два произведения. Одно, так и не созданное, — о положительном, прекрасном человеке. А другое — о великом грешнике. Но не о том, чье имя всуе не поминается, а о человеке, который сознательно, отрефлексированно стремится к злу.

Это, например, Ставрогин, который старается совершить такой поступок, который Господь бы не простил и которому не было бы никакого оправдания. Потому что оправдание через покаяние означает возвращение к Господу, возвращение в круг нравственности.

— *Все-таки гений и злодейство — совместимы?*

— Они совместимы. Потому что в противоположность гению зла есть гений добра. Потому что есть святые люди. Хотя, чем выше степень святости, тем неодолимее искушение, тем сильнее соблазн. Вплоть до «сойди с креста». Здесь каждому человеку важно угадать свое. Не сопоставлять себя напрямую с какими-то внешними образцами, будь то даже заповеди Нагорной проповеди, а просто понять, что тебе доступно и что тебе запрещено. Найти свою внутреннюю меру — это тоже гениальность. Но эту меру не так-то просто найти. Потому что гений — тайна. Гений — вещь непознаваемая.

Красота спасет мир?

Диалог с актером, режиссером, писателем
Владимиром Рецептером

Эту фразу — «Красота спасет мир», — потерявшую всякое содержание от бесконечного употребления к месту и не к месту, приписывают Достоевскому. На самом же деле в романе «Идиот» ее произносит 17-летний чахоточный юноша Ипполит Терентьев: «Правда, князь, что вы раз говорили, что мир спасет «красота»? Господа, — закричал он, громко всем, — князь утверждает, что мир спасет красота! А я утверждаю, что у него оттого такие игривые мысли, что он теперь влюблен». Есть в романе и еще один эпизод, отсылающий нас к этой фразе. Во время встречи Мышкина с Аглаей, она его предупреждает: «Слушайте, раз навсегда, ... если вы заговорите о чем-нибудь вроде смертной казни, или об экономическом состоянии России, или о том, что «мир спасет красота», то... я, конечно, порадуюсь и посмеюсь очень, но... предупреждаю вас заранее: не кажитесь мне потом на глаза!» То есть о красоте, которая якобы спасет мир, говорят персонажи романа, а не его автор. В какой мере сам Достоевский разделял убеждение князя Мышкина в том, что мир спасет красота? И самое главное — спасет ли?

Я репетировал роль Мышкина

— После некоторого размышления я решил, что другого собеседника для разговора на эту тему мне, пожалуй, искать не стоит. У вас ведь давние личные отношения с персонажами Достоевского.

— Моей дебютной ролью в Ташкентском театре имени Горького был Родион Раскольников из «Преступления и наказания». Позже, уже в Ленинграде, по назначению Георгия Александровича Товстоногова я репетировал роль Мышкина. Ее в 1958 году сыграл Иннокентий Михайлович Смоктуновский. Но он ушел из БДТ, а в начале шестидесятых, когда спектакль для зарубежных гастролей нужно было возобновить, Товстоногов позвал меня в свой кабинет и сказал: «Володя, нас приглашают в Англию с “Идиотом”. Нужно сделать много вводов. И мы поставим перед англичанами условие: чтобы Мышкина играли и Смоктуновский, и молодой актер. Я хочу, чтобы это были вы!» Так я стал спарринг-партнером для актеров, которые заново вводились в спектакль: Стрельчик, Олехина, Доронина, Юрский... Перед появлением Георгия Александровича и Иннокентия Михайловича с нами работала знаменитая Роза Абрамовна Сирота... Я был внутренне готов, и роль Мышкина живет во мне до сих пор. Но приехал со съемок Смоктуновский, в зал вошел Товстоногов, и все актеры оказались на сцене, а я так и остался по эту сторону занавеса. В 1970-м на Малой сцене БДТ я выпустил спектакль «Лица» по рассказам Достоевского «Бобок» и «Сон смешного человека», где, как и в «Идиоте», говорится о красоте... Время сдвигает всё, меняет старый стиль на новый, но вот «сближение»: мы с вами встречаемся 8 июня 2016 года. А в эту же дату, 8 июня 1880 года Федор Михайлович сделал свой прославленный доклад о Пушкине. И вчера мне было заново интересно листать томик Достоевского, где под одной обложкой собрались и «Сон смешного человека», и «Бобок», и речь о Пушкине.

Человек — это поле, на котором за его душу дьявол борется с Богом

— *Сам Достоевский, на ваш взгляд, разделял убеждение князя Мышкина в том, что мир спасет красота?*

— Безусловно. Исследователи говорят о прямой связи князя Мышкина с Иисусом Христом. Это не совсем так. Но Федор Михайлович понимает, что Мышкин — человек приболевший, русский и, конечно же, нежно, нервно, сильно и возвышенно связанный с Христом. Я бы сказал, что это — посланец, который исполняет какую-то миссию и остро чувствует ее. Человек, заброшенный в этот перевернутый мир. Юродивый. И тем самым святой.

— А помните, князь Мышкин рассматривает портрет Настасьи Филипповны, выражает восхищение ее красотой и говорит: «В этом лице страдания много». Красота, по Достоевскому, проявляется в страдании?

— Православная святость, а она невозможна без страдания — высшая степень духовного развития человека. Святой живет праведно, то есть правильно, не нарушая Божественных заповедей и, как следствие, нравственных норм. Сам же Святой почти всегда считает себя страшным грешником, которого может спасти только Бог. Что же до красоты, то это качество скоропортящееся. Достоевский говорит красивой женщине такое: потом пойдут морщинки, и ваша красота утратит свою гармонию.

— Рассуждения о красоте есть и в романе «Братья Карамазовы». «Красота — это страшная и ужасная вещь, — говорит Дмитрий Карамазов. — Страшная, потому что неопределимая, а определить нельзя, потому что Бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречья вместе живут». Дмитрий добавляет, что в поисках красоты человек «начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским». И приходит к такому заключению: «Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей». Но, может, правы оба — и князь Мышкин, и Дмитрий Карамазов? В том смысле, что красота имеет двойственный характер: она не только спасительна, но и способна ввергнуть в глубокий соблазн?

— Совершенно верно. И всегда приходится спрашивать себя: о какой красоте мы говорим. Помните, у Пастернака: «Я — поле твоего сраженья... Всю ночь читал я твой завет, и, как от обморока, ожил...» Чтение Завета оживляет, то есть возвращает жизнь. Вот в чем спасение! И у Федора Михайловича: человек — это «поле сражения», на котором за его душу дьявол борется с Богом. Дьявол соблазняет, подбрасывает такую красоту, которая влечет в омут, а Господь пытается спасти и кого-то спасает. Чем человек выше духовно, тем больше он осознает собственную греховность. Вот в чем дело. За нас борются темные и светлые силы. Как в сказке. В своей «пушкинской речи» Достоевский сказал об Александре Сергеевиче: «Он первый (именно первый, а до него никто) дал нам

художественные типы красоты русской... Свидетельствуют о том типы Татьяны... типы исторические, как, например, Инок и другие в «Борисе Годунове», типы бытовые, как в «Капитанской дочке» и во множестве других образов, мелькающих в его стихотворениях, в рассказах, в записках, даже в «Истории Пугачевского бунта»...». Публикуя свою речь о Пушкине в «Дневнике писателя», Достоевский в предисловии к ней выделял еще одну «особую, характернейшую, и не встречаемую, кроме него, нигде и ни у кого черту художественного гения» Пушкина: «способность к всемирной отзывчивости и полнейшего перевоплощения в гении чужих наций, перевоплощения почти совершенного... в Европе были величайшие художественные мировые гении — Шекспир, Сервантес, Шиллеры, но, что ни у кого из них не видим этой способности, а видим только у Пушкина». Достоевский, говоря о Пушкине, учит нас его «всемирной отзывчивости». Понимать и любить другого — ведь это христианский завет. И Мышкин не зря сомневается в Настасье Филипповне: он не уверен, добра ли ее красота.

— *Если иметь в виду только физическую красоту человека, то из романов Достоевского очевидно: погубить она может вполне, спасти — лишь когда сочетается с истиной и добром, а в отрыве от этого физическая красота даже враждебна миру. «Ах, кабы она была добра! Все было бы спасено...» — мечтает князь Мышкин в начале произведения, глядя на портрет Настасьи Филипповны, погубившей, как мы знаем, все вокруг себя. Для Мышкина красота неотделима от добра. Так и должно быть? Или красота и зло тоже вполне совмещаются? Говорят же — «дьявольски красив», «дьявольская красота».*

— В том-то и беда, что совмещаются. Сам дьявол принимает образ прекрасной женщины и начинает, как отца Сергия, смущать еще кого-нибудь. Приходит и смущает. Или посылает навстречу бедолаге такого рода женщину. Кто такая, например, Мария Магдалина? Вспомним ее прошлое. Чем она занималась? Она долго и системно губила мужчин своей красотой, то одного, то другого, то третьего... А потом, уверовав в Христа, став свидетельницей Его смерти, первая прибежала туда, где уже был отодвинут камень и откуда вышел воскресший Иисус Христос. И вот за свое исправление, за свою новую и великую веру и была, в результате, спасена и признана Святой. Вы понимаете, какова мощь всепроще-

ния и какова степень добра, которым нас пытается научить Федор Михайлович! И через своих героев, и говоря о Пушкине, и через само православие, и через самого Иисуса Христа! Посмотрите, из чего состоят русские молитвы. Из искреннего покаяния и просьбы себя простить. Они состоят из честного намерения человека преодолеть свою греховную сущность и, отойдя ко Господу, стоять от него справа, а не слева. Красота — это путь. Путь человека к Богу.

После того, что с ним самим случилось, Достоевский не мог не поверить в спасительную силу красоты

— *Красота объединяет людей?*

— Хотелось бы верить, что да. Призвана объединять. Но люди, со своей стороны, должны быть готовы к этому объединению. И вот «всемирная отзывчивость», которую открыл в Пушкине Достоевский, и заставляет меня полжизни заниматься Пушкиным, пытаясь каждый раз понять его для себя и для зрителей, для моих молодых актеров, для моих студентов. Когда мы вместе включаемся в такого рода процесс, мы выходим из него уже несколько другими. И в этом величайшая роль всей русской культуры; и Федора Михайловича, и Александра Сергеевича особенно.

— *Эта идея Достоевского — «красота спасет мир» — не была ли она эстетической и моральной утопией? Как вы думаете, он понимал бессилие красоты в преображении мира?*

— Я думаю, что он верил в спасительную силу красоты. После того, что с ним самим случилось, он не мог не поверить в это. Он считал последние секунды своей жизни — и был спасен за несколько мгновений до, казалось, неминуемой казни, гибели. Герой рассказа Достоевского «Сон смешного человека», как известно, решил застрелиться. И пистолет готовый, заряженный лежал перед ним. А он заснул, и ему приснился сон, что он в себя выстрелил, но не умер, а оказался на какой-то другой, достигшей совершенства планете, где жили исключительно добрые и красивые люди. Он потому и «Смешной человек», что в этот сон поверил. И в этом же прелесть: сидя в своем кресле, спящий понимает, что это — утопия, сон и что это — смешно. И так же, как «Смешной человек», Мышкин знает, что он смешон, но все равно идет проповедовать и верит, что красота мир спасет.

Красота — это не одноразовый шприц

— *От чего сегодня надо спасать мир?*

— От войны. От безответственной науки. От шарлатанства. От бездуховности. От наглого самолюбования. От хамства, злобы, агрессии, зависти, подлости, пошлости... Тут спасать и спасать...

— *Вы можете припомнить случаи, когда красота спасла ну если не мир, то хоть что-нибудь в этом мире?*

— Красоту нельзя уподобить одноразовому шприцу. Она спасает не уколом, а постоянством своего воздействия. Где бы ни появилась «Сикстинская Мадонна», куда бы ее ни забросила война и беда, она лечит, спасает и будет спасать мир. Она стала символом красоты. А Символ веры убеждает Создателя в том, что молящийся верит в воскресение мертвых и жизнь будущего века. У меня есть друг, известный актер Владимир Заманский. Ему девяносто, он воевал, победил, попадал в беду, работал в театре «Современник», много снимался, многое перенес, но не растратил веру в красоту, добро, гармонию мира. И можно сказать, что его жена Наталья Климова, тоже актриса, своей редкой и духовной красотой спасала и спасает моего друга...

— *Они оба, я знаю, глубоко верующие люди.*

— Да. Я скажу вам по большому секрету: у меня удивительной красоты жена. Она вышла из Днепра. Говорю так, потому что мы с ней встретились в Киеве и именно в Днепре. И оба не придали этому значения. Я ее пригласил пообедать в ресторан. Она сказала: я не так одета, чтобы идти в ресторан, я в майке. Я тоже в майке, сказал я ей. Она сказала: ну да, но вы — Рецептер, а я пока еще нет... И мы стали дико смеяться оба. А кончилось... нет, продолжилось тем, что с этого дня в 1975 году она меня спасает...

— *Разрушение Пальмиры боевиками ИГИЛ — не злая ли это насмешка над утопической верой в спасительную силу красоты? Мир пронизан антагонизмами и противоречиями, полон угроз, насилия, кровавых столкновений — и никакая красота никого, нигде и ни от чего не спасает. Так, может, хватит твердить, что красота спасет мир? Не пора ли честно признаться самим себе, что сам этот девиз — пустой и лицемерный?*

— Нет, я так не думаю. Не стоит, как Аглая, отгораживаться от утверждения князя Мышкина. Для него это не вопрос и не девиз, а знание и вера. Вы правильно ставите вопрос о Пальмире. Это мучительно больно. Мучительно больно, когда варвар пытается уничтожить полотно гениального художника. Он не спит, *враг человеческий*. Не зря именно так называют дьявола. Но не зря наши саперы остатки Пальмиры разминировали. Они спасали саму красоту. В начале нашего разговора мы с вами согласились в том, что это утверждение не должно быть вырвано из своего контекста, то есть из обстоятельств, в которых оно прозвучало, кем сказано, когда, кому... А ведь существует еще подтекст и надтекст. Существует все творчество Федора Михайловича Достоевского, его судьба, приведшая писателя именно к таким, кажущимся смешными, героям. Не забудем, что очень долгое время Достоевского просто не пускали на сцену... Будущее не случайно названо в молитве «жизнью будущего века». Здесь имеется в виду уже не буквальное столетие, а век как пространство времени — мощное, бесконечное пространство. Если оглянуться на все катастрофы, которые претерпело человечество, на несчастья и беды, через которые прошла Россия, то мы станем очевидцами непрерывно длящегося спасения. Поэтому красота спасала, спасает и будет спасать и мир, и человека.

Искусство принадлежит народу?

Диалог с искусствоведом Ильей Доронченковым

По данным ВЦИОМ, каждый пятый россиянин никогда не был в театре, каждый второй был там «когда-то», но практически никогда театр не посещает. Половина российских граждан не ходит в кино, а 13 процентов респондентов вообще никогда не были в кинотеатре. Более 40 процентов россиян ничего не слышали о «Ночи в музее», треть слышали, но не собираются посещать, 27 процентов опрошенных признались, что ни разу не были в музее.

В мире уже много лет наблюдается музейный бум

— *Недавно руководителя Кубанского казачьего хора Виктора Захарченко удостоили госпремии. Кубанский казачий хор — это именно то искусство, которое без всяких натяжек принадлежит народу?*

— Я думаю, кубанский песенный фольклор находит безусловный отклик в сердцах огромного количества людей, потому что отвечает их ожиданиям. Есть запрос на нечто сердечное, удалое, народное, коренное. Фольклор, который сегодня звучит со сцены, он, конечно, сильно адаптирован к современному слушателю и лишь базируется на народных песнях. Эти ребята из Кубанского казачьего хора, судя по всему, отличные профессионалы, которые музыкально воплощают и визуализируют один из образов русского народа. Как этот образ сконструирован — это уже другой вопрос.

— *А чем вызвана проснувшаяся массовая тяга к изобразительному искусству? Невероятный ажиотаж вокруг выставки Серова в Третьяковке, длиннющие очереди на живопись и графику Фриды Кало в петербургском Музее Фаберже...*

— Мне кажется, пока рано говорить о каком-то тренде. Нужен повторный всплеск интереса к каким-либо художникам, чтобы делать определенные выводы. Вот будет Айвазовский в Третьяковке, посмотрим, соберет ли он столько народу, сколько собрал Серов. Вообще в мире уже много лет наблюдается музейный бум. Обеспеченный средний класс воспитан в осознании, что музеи посещать необходимо.

— *В очереди «на Серова» стоял не только средний класс, там, как пишут светские репортеры, «были замечены» и студенты, и пенсионеры, и вообще очень пестрая публика.*

— Вот этот музейный бум, он, в частности, и породил феномен выставки— блокбастера. Мы покажем вам сады Клода Моне! Представляете, какие очереди были бы в Соединенных Штатах на сады Клода Моне. Я однажды проехался по разным музеям Америки, где выставлен Моне, видел пять горбатых мостиков почти одинаковых, я их возненавидел потом. Но Моне — идеальный художник для выставки, обреченной на массовый успех. Или вот вам великолепный пример — выставка итальянского ренессансного портрета в Берлине несколько лет назад. Люди приезжали туда со всей Европы. И это был не только средний класс. Это были и студенты, и представители самых разных социальных слоев. Огромное количество людей стояли в этих очередях. Таких выставок много. И европейцы по ним мигрируют. Сейчас выставка Босха в Музее Прадо и другая выставка Босха в Хертогенбосе в Голландии... Такие выставки очень хорошо интеллектуально обеспечены: их делают высококлассные специалисты, издаются каталоги, которые становятся научным событием. Ну и конечно это еще и коммерческое предприятие. Это дорого. Это требует современного концептуального мышления от кураторов. Это требует подготовки от аудитории.

— *Может, подготовленность нашей аудитории к встрече с Серовым и сыграла свою благородную роль? Народ, еще со школы знающий «Девочку с персиками», ринулся в Третьяковку за новыми впечатлениями?*

— Мне кажется, что ажиотаж в последние дни выставки Серова был отчасти ситуативен. Хорошая реклама, холодная зима в Москве... Если же говорить о содержании выставки... Я думаю,

Серов, который был представлен в Третьяковке, дает русскому человеку то, чего ему сейчас очень не хватает. Он дает ему картину России, которую мы потеряли и которой приятно гордиться. Эта Россия очень импозантна. Там полно портретов симпатичных Романовых и там не спрашивают, почему Серов прекратил отношения с семьей Романовых. Для художественного сообщества Серов был человеком стоически нравственным, и если он принимал некое решение, продиктованное ему его моралью, то от этого решения уже не отступал. Мало кто из зрителей способен оценить уникальную и, кажется, ни у кого больше, кроме Серова, не встречающуюся способность показать импозантный образ заказчика и одновременно насытить этот образ такой иронией, что она разрушит поверхностный эффект. Посмотрите на портрет Феликса Юсупова с бульдогом. Это чей портрет? Это портрет Дориана Грея, молодого хлыща, который потом убьет Распутина? Или это психологический портрет мопса, который похож на Уинстона Черчилля? Такое мало кто умеет. У Серова на той выставке есть немного русского народа и русской природы, есть динамичное купечество, есть бодрая интеллигенция — посмотрите на Ермолову, на Горького... Это та Россия, которая ушла и которая под кистью Серова предстает как очень импозантная страна, какой она, конечно, и была. Но только выставка не дает ответа на вопрос: что же случилось с Россией? Между тем творчество Серова такой ответ давало. На выставке нет вещей, связанных с 1905 годом. Там нет гуаши «Солдатушки, бравы ребятушки...», написанной по личным впечатлениям от разгона демонстрации 9 января, который он наблюдал из окон Академии художеств, после чего порвал отношения и с академией, и с ее президентом, великим князем Владимиром Александровичем, имевшим к Кровавому воскресенью прямое отношение. Кураторы выставки убрали кое-что принципиально важное из Серова. Но общий образ России, вызывающий ностальгию, выставка дала. Самое главное — мы увидели великолепную живопись. В этом смысле успех заслужен. А вот будет ли он повторен? Если повторится, это будет означать, что наше общество действительно соскучилось по сильным художественным впечатлениям, причем идущим не только от современного искусства.

Русский человек все еще запрограммирован XIX веком

— *А выставка Фриды Кало, пережившая трехмесячную зрительскую осаду? Это феномен той же природы, что и выставка Серова?*

— Фрида Кало — это немножко другое. Если Серов живописец от бога, то Фрида Кало не живописец. Для нее кисточки и краски — это способ самопроекции, предъявления своих состояний, комплексов, страданий. Поскольку она находится в контексте сюрреализма и примитивизма, ей можно не уметь писать и тем не менее быть очень эффектной художницей. Но здесь, мне кажется, большую роль сыграло то, что она, благодаря голливудскому кино, уже поп-звезда. И контингент на ее выставке был разный. Помимо петербургских пенсионеров, которые ходят на все важные выставки, там было большое число людей, представляющих так называемый креативный класс. Люди, которые хорошо упакованы, обеспечены, они могут приехать из Москвы посмотреть на эту маленькую выставку, заплатив 500 рублей за вход, и которые сами понимают, как делается имидж. Показ этой выставки — большой успех Музея Фаберже. Это был еще и грамотный маркетинговый проект. Если вы посмотрите вирусные ролики, которые Фейсбук распространял, вы увидите, кто именно эту выставку рекламировал, кто говорил, какая картина ему больше нравится. Это были именно те медиаперсоны, на которых ориентируется креативный класс. Успех выставки Серова и успех выставки Фриды имеет разную природу. Но для меня оба эти успеха отрадны, потому что они свидетельствуют об интересе к искусству.

— *Этот интерес возбуждается, вероятно, не только эстетической притягательностью полотен Серова или Кало. Это еще и социальный феномен. В чем он состоит?*

— Третьяковка — хорошо посещаемый музей. Но в случае с Серовым был геометрический рост посещения. Очевидно, произошло совпадение нескольких факторов, обеспечивших успех этой выставки. Во-первых, качество представленных вещей. Во-вторых, то, что Серов известен всем. Я уверен, такой же лом был бы на Репина. Будет, наверное, и на Айвазовского, и на Шишкина. У нас не так много художников, которые создали целостный об-

раз. Когда ты говоришь «серовская девушка», ты понимаешь, о чем идет речь. Это не каждому художнику дается. Тут совпадение эстетических факторов и социальных. Серова помнят со школы все поколения. Русский человек все еще запрограммирован XIX веком. Если вы попросите обычного человека назвать десять лучших русских картин, я подозреваю, что восемь из этих десяти будут передвижники плюс Брюллов и Александр Иванов. «Черный квадрат» туда попадет только потому, что он раскручен. В этом смысле мы все еще очень консервативная страна. Так что успех такого рода выставок обеспечен традицией. А с Фридой Кало — это уже какой-то новый успех, это медиауспех.

Массовая публика — это фантом

— *Массовая публика — это кто? Каковы ее социальные, эстетические, идеологические запросы?*

— Я не думаю, что массовая публика существует. Массовая публика появляется как толпа на выставке Серова. Но если говорить о публике художественных событий, то эта публика внутри себя очень неоднородна.

— *То есть вы считаете, что массовой публики как социального монолита не существует?*

— Да, мне так кажется. Публика — она разная. Массовой она становится именно тогда, когда предъявляет себя как публика. То есть когда мы ее видим. А когда эти люди сидят у телевизора, ездят в трамвае — это не публика еще. Есть замечательная книга американского искусствоведа Томаса Кроу «Художник и общественная жизнь Парижа XVIII века», одна из базовых в социальной истории искусства, где он, в частности, анализирует процесс сложения публики как феномена. И оказывается, что публика — это не все те, кто пришел на выставку или концерт. Публика — это люди, у которых свои запросы и ожидания. Эти запросы и ожидания посетители выставок инвестируют в того или иного художника, и не только потому, что он хорошо рисует, а потому, что в нем они видят воплощение своих нравственных, эстетических и даже политических воззрений. И внутри публики существуют довольно отчетливо вычленяемые группы. Массовая публика — это некий фантом, плод нашего стремления привести людей, в той или иной степени интересующихся искусством, к какому-то общему знаменателю.

— *А к кому тогда апеллирует масскульт? Разве он не апеллирует к некой культурной общности?*

— Давайте уточним, о чем мы говорим. Мы говорим об аудитории, которая воспринимает искусство как нечто локализованное и обладающее сверхценностью? Или об аудитории, которая слушает поп-звезд? Во втором случае мы имеем дело, скорее, с экономическим механизмом, который работает на ожиданиях людей, удовлетворяет эти ожидания, что совершенно необходимо. Когда произошла урбанизация и человек потерял то, что было фольклором, этому человеку понадобилось петь, танцевать, как-то транслировать свои переживания. Любовь, ненависть, разлука, мать, жена, дети... Шансон — об этом, о вечном. И массовая культура очень хорошо удовлетворяет эти потребности. Но если мы будем говорить о публике, которая ходит на выставки, здесь градация будет другая. Здесь мы будем делить людей по культурному бэкграунду. Серов объединяет всех, а Малевич уже нет. В этом смысле я скорее за поиск различий, чем общности.

Пролеткульт — радикальное воплощение европейской традиции приближения искусства к простому человеку

— *Пролеткультовский лозунг «искусство — в массы» — не был ли он заведомо утопическим и лицемерным? Какую задачу ставил Пролеткульт? Приобщить широкие массы к высокому искусству? Пробудить в самом пролетарии художника?*

— Как и всякий социальный проект, Пролеткульт был нацелен на массы и действительно имел на них воздействие. Кстати, Ленин, в уста которого Клара Цеткин вложила лозунг «Искусство принадлежит народу», был ярким врагом Пролеткульта. Но не потому, что Пролеткульт варварски упрощал все и вся, а потому, что вождь мирового пролетариата видел в Пролеткульте опасность появления альтернативной коммунистической — но небольшевистской — организации под контролем его лидера Александра Богданова. Сама же по себе идея «искусство — в массы» — радикальное воплощение европейской традиции приближения искусства к простому человеку. Эта традиция возникла в XVIII веке, ее реализовывало XIX столетие. Вспомним бельгийские народные дома, которые строил Ван де Вельде, изысканнейший мастер модерна. Представьте, что

Федор Шехтель строил бы не только особняк Рябушинского, но еще и рабочие клубы. Недавно Джайлс Уотерфилд, английский специалист по истории музеев, читал у нас в университете лекцию об английских музеях второй половины XIX века. Выяснилось, что в Ливерпуле, Манчестере, в этих жутких городах-фабриках, на основании опыта которых Энгельс писал о положении рабочего класса в Англии, сама элита начала скидываться, строить красивые здания и закупать для них картины. Эти здания предназначались едва ли не в первую очередь для рабочих. В них создавались городские музеи, которые находились на иждивении города, но чаще — спонсоров, и которые были ориентированы именно на массовую публику. Все это придумали английские предприниматели. Они покупали искусство воспитывающее. На приобретенных ими картинах изображались сентиментальные и нравоучительные сцены: как надо себя вести, как надо жить; национальный пейзаж, какие-то душеспасительные вещи... Это был большой социальный праздник. Или возьмем Германию эпохи Бисмарка, когда там издавался один из самых популярных журналов «Искусство для всех». Я не думаю, что аудитория этого журнала включала в себя значительное число рабочего класса, но мелкая буржуазия, ремесленники, учителя, интеллигенция, безусловно, были читателями этого журнала. Это был массовый журнал с очень серьезной программой. А большевики, идя на поводу у своей идеологии, упростили проблему приобщения народа к искусству, которая стояла давно, и не только в России. Большевики, вообще-то говоря, к искусству относились серьезно, поскольку его боялись. И Богданов, идеолог Пролеткульта, в 1918 году открытым текстом писал, что пролетарий, посещающий сокровищницу искусства прошлого, беззащитен перед его обаянием и буквально физически заражается им. Пролеткультовцы верили, что, посмотрев на капиталистическое искусство, ты можешь проникнуться капиталистической идеологией. Как это ни покажется странным, они принадлежали к гегелевской традиции понимания искусства как воплощения духа нации, которое в то же время способно прямо влиять на ее ментальность. Большевики, конечно, лицемерили, говоря, что искусство принадлежит народу. Они прежде всего стремились к манипуляции сознанием, а не к приобщению пролетария к искусству. Той же цели служил и соц-реализм.

— *Чем сегодняшняя массовая культура России, на ваш взгляд, отличается от массовой культуры позднего СССР?*

— В определенной степени ничем. Те же самые лица — Пугачева, Кобзон... Массовая культура — это ведь зверский мир. Мир сложных отношений. Но у нас он как-то уж очень законсервировался. Тогда как в идеале это ротация, это борьба, это колесо фортуны. Сегодня ты наверху, завтра тебя сбросят. Чтобы удержаться, нужно стараться быть первым. Образцовой индустрией в этом смысле является западная. А у нас, мне кажется, недостает свежих лиц и идей. Либо же они не получают доступа к действительно широкой публике. Но на тех уровнях массовой культуры, которые не имеют выхода на федеральное телевидение, я уверен, существует необходимое разнообразие и обновление.

Искусство надо чувствовать, а не понимать

— *Что такое элитарное искусство? Или настоящее искусство по природе своей элитарно? Что не элитарно, то не искусство, а масскульт?*

— Подобного рода подходы к искусству были во все времена. Но, честно говоря, я не вижу большой драмы в противостоянии элитарного и массового искусства. Большинство великих мастеров, например, XVII века при жизни испытали успех — их признавала элита. И если они не были популярны у «человека с улицы», то потому, что массы удовлетворялись другим искусством — либо фольклором, либо храмовой живописью.

— *Понимать и ценить высокое искусство не каждому дано? Это удел образованных, мыслящих людей?*

— Случались эпохи, когда адекватно понимать некоторые вещи было трудно. Тот же Ренессанс, например. Великую гравюру Дюрера «Меланхолия-I» девяносто девять процентов современников просто не понимали. Это сложное интеллектуальное высказывание, для адекватного понимания которого нужно обладать целым набором знаний, включая оккультную философию. Такие вещи всегда заточены под просвещенную аудиторию. Все трактаты XVII века утверждают, что для понимания искусства нужен интеллект. И только в начале XVIII века в работе аббата Дюбо появляется мысль, что искусство апеллирует к чувству и должно вос-

приниматься чувством. И сегодня мы живем с убеждением, что искусство надо чувствовать, а не понимать.

— *Нуждаются ли представители высокого искусства в расширении своей аудитории? Или они могут удовлетвориться вниманием к ним настоящих ценителей, знатоков?*

— Нет художника, который не жаждал бы всеобщего успеха.

— *Но не может симфонический оркестр собирать стадионы.*

— Может. Я только не уверен, что там будет хороший звук. Оперный фестиваль в Глайнборне, симфонические концерты на лужайке в Центральном парке Нью-Йорка... Это перформанс, это социальное событие. Люди приходят послушать Моцарта, Бетховена... Это здорово.

Почему бы человеку среднего достатка не приобрести у художника оттиск гравюры?

— *Искусство принадлежит народу лишь в той степени, в какой оно является товаром? И лишь тогда, когда народ этот товар покупает?*

— Нет, народ не настолько платежеспособен, чтобы покупать искусство. Искусство вообще удовольствие дорогое.

— *Я имею в виду покупку входного билета, а не полотен Дюрера или Гогена.*

— Существует большое количество художников, которые не продаются в галереях. Но я хочу сказать не о билетах на выставку, а том, что у нас пока не создалась культура непосредственного потребления искусства, когда можно найти художника, который тебе нравится, и приобрести у него какую-нибудь картину. Отсутствует среднее звено между теми, кто покупает билет и потребляет искусство символически, и теми, кто приобретает на аукционах Шагала или Пикассо. Хотя почему бы человеку среднего достатка не приобрести у художника гравюру или полотно? Ведь можно купить настоящую вещь. Гравюра в шестидесяти экземплярах — это авторское произведение. Ты будешь смотреть и радоваться, выстраивать повседневный, абсолютно личный диалог с вещью, которая принадлежит тебе и постоянно присутствует в твоём доме. Что касается финансовой доступности музеев... Я считаю, что ситуация

здесь не столь уж катастрофична. Хотя музеям приходится периодически устраивать «дни открытых дверей» для пенсионеров — и это совершенно необходимо в наших условиях.

Искусства без потребителя не существует

— *Так кому же на самом деле принадлежит искусство? Может быть, самому художнику и больше никому?*

— Представим себе беспечного художника, который создает картины, никому их не продает и никогда не выставляет. Это сюжет для фильма ужасов.

— *Искусство не может существовать без потребителя?*

— Конечно. Особенно потому, что у искусства масса функций. Это сейчас мы согласились с мыслью, что искусство удовлетворяет преимущественно эстетические потребности. А до этого столетиями жили в понимании, что искусство служит церкви, возмечивает государя, формулирует философские высказывания, иллюстрирует литературные произведения или отчеты путешественников. Вопрос «это искусство или ремесло?» существовал всегда. И по-разному решался в разные эпохи. Скажем, в эпоху Леонардо спорили, что лучше — скульптура или живопись, что выше — ремесло живописца или ювелира? Диспуты на этот счет шли очень серьезные. Бенвенуто Челлини с Леонардо да Винчи не договорились бы. И мы имеем дело уже с результатами этих споров, а у нашего времени — свои интеллектуальные баталии. Но в любом случае искусства без потребителя не существует.

— *И в этом смысле искусство принадлежит народу?*

— Искусство принадлежит тому, кто готов с ним разговаривать. Тому, в ком есть потребность в искусстве, чем бы она ни определялась. Если ты способен внутренне меняться, искусство тебе в этом сильно поможет.

Искусство создает зритель?

Диалог с театральным продюсером, режиссером
Эдуардом Бояковым

Известны как минимум два воззрения на роль публики в театре. Первое пришло из актерских буфетов и выражается сакральным вердиктом: «Публика дура». Второе принадлежит Пушкину: «Публика образует драматические таланты». Автор «Бориса Годунова» и «Маленьких трагедий» полагал, что «заказчиком» пьесы является зритель, а причину различий между драмами Шекспира и Расина объяснял социальным составом зрительного зала: тут — народ, там — придворное общество. Умение угадывать желания публики давно стало профессией, имя которой — продюсер. Но если искусство действительно создает зритель, то что же остается на долю творца?

Театр намеков закончился

— Вы создали более десятка театральных проектов, являетесь основателем нескольких театральных фестивалей. На все это, по-вашему, был зрительский запрос?

— Это серьезный вопрос. Боюсь, что не смогу односложно ответить. Успешный проект — это встреча разных энергий. Я убежден, что развитие культуры, рождение на свет новых, значительных произведений случается только тогда, когда есть «санкция» сверху. Искусство откликается на идущую откуда-то с небес, можно сказать, божественную энергию. И главные поэты, главные продюсеры, главные художники своего времени — они проводники этой энергии. Они ее транслируют на холст, сцену, киноэкран... Но, с другой стороны, это совсем не значит, что публика готова принять транслируемую информацию. Поэтому чудо в искусстве

происходит только тогда, когда и «низы», и «верхи» в равной мере созрели для него — то есть когда совпадают и зрительский запрос, и воля художника-пассионария.

— *Театр «Практика», который вы создали в 2005 году, — плод такого совпадения?*

— Наверное, да. Это был отклик на появление «новой драмы».

— *А «новая драма», которую театр «Практика» пригласил под своей крышей, — она, в свою очередь, как возникла? Появился новый зритель, предъявивший запрос на новую драматургию? Или родилась «новая драма», которая потребовала себе нового зрителя?*

— Это было встречное движение. «Новая драма» появилась, когда советский театр заканчивался, исчерпав свою великую миссию. Театр Товстоногова, Эфроса, Любимова, старый «Современник»... Это были великие театры. Они сформировали сознание наших родителей. Влияние этих театров на культуру трудно переоценить. Оно было невероятно сильным. Во-первых, потому, что во главе этих театров стояли большие художники. Во-вторых, потому, что театр в советское время был, как говорится, «общественной кафедрой». Стать такой кафедрой ему помогало то обстоятельство, что он меньше, чем другие виды искусства, был подвержен цензуре.

— *В каком смысле — меньше? Цензура была тотальной, и театр тоже страдал от нее.*

— Театр в этом смысле находился в более выгодном положении. Скажем, кино имеет дело с готовым продуктом. Цензурировать кино — это значит отсмотреть материал в его законченном виде. А потом заставить вырезать такой-то эпизод. И поставить печать: «Разрешено». На сдаче спектакля — другое дело. Там цензор видит, например, какой-то жест актера и не усматривает в нем ничего предосудительного. Уходит цензор, и на следующем спектакле пластика актера в этой же сцене несколько меняется. Актер поворачивает голову, допустим, в сторону портрета вождя, чего не делал на сдаче, и произносит текст про какую-нибудь, скажем, собаку. Появляется прозрачный подтекст, зал заряжается определенной энергией. Тысяча человек в том зале, в котором сидел цензор,

видели одно, а тысяча человек, сидящих на следующем спектакле, видят совершенно другое. Такую «крамолу» практически невозможно «вырезать».

— *Значит зрительская реакция — а театр искусство живое, сиюминутное — тоже формирует сценическое произведение?*

— Естественно. Но то, о чем я сейчас говорю, было актуально в советское время. Тот театр — театр полутонов, намеков — он закончился. А начался он на заре века Чеховым, который принес подтекст в мировую драматургию и в русский театр. Закончился же этот театр в конце XX века. Потому что какие могут быть намеки, если едешь в Шереметьево, а вдоль дороги стоят шеренги проституток. Какие могут быть намеки, когда бандиты заходят в кафе и на твоих глазах отбирают выручку или позволяют себе то, что ты видел до этого только в ковбойских фильмах? Это время — конец 90-х, конец века — было в России настолько революционное, что театр с ним совершенно не справился, оказался глубоким аутсайдером. И он вообще бы умер, если бы не одна функция, которая, к счастью, осталась за ним. Психологи называют ее компенсаторной. То есть театр действует на социум успокаивающе. Людям важно знать, что жизнь, сколь она ни тяжела, все-таки продолжается, и в ней есть место прекрасному и стабильному. Ладно, 90-е пережили, но нынешние времена тоже не самые веселые, согласитесь. Нет уже проституток на Ленинградском проспекте, зато есть такие события, которые три-четыре года назад в страшном сне нам привидеться не могли. Например, военные действия в Донбассе. И вот тут театр оказывается важным и нужным, поскольку обладает успокаивающим, чтобы не сказать седативным свойством. Ты приходишь во МХАТ им. Горького, смотришь «Синюю птицу» и говоришь: ну хоть что-то в мире есть постоянное. Ты приходишь перед Новым годом в Большой театр, смотришь «Щелкунчик» и на тебя снисходит умиротворение: как хорошо, не совсем все рассыпалось, слава Богу.

— *Но как раз «новая драма» седативным свойством не обладает. Она, наоборот, действует на зрителя возбуждающе.*

— Это как революция и эволюция, это две фазы развития. Нельзя рассматривать одно в отрыве от другого. Для того, чтобы авангардное явление произошло — а «новая драма», безусловно,

было таким явлением, — нужно иметь то, с чем споришь. Чем сильнее соперник, тем важнее победа. И в этом отношении советский театр был достойным соперником «новой драмы». Я считаю, «новая драма» не проиграла этот бой. Его никто не проиграл, все только выиграли. И Чехов выиграл от «новой драмы», и Достоевский, и Толстой. Вот недавно Кирилл Серебренников поставил в Гоголь-центре «Кому на Руси жить хорошо» — я думаю, Некрасов выиграл от этого. Русская классика выигрывает благодаря тем процессам, которые мы запустили в «новой драме», она получает возможность интерпретаций, не скатывается в исключительно музейные форматы. Происходит актуализация театрального языка, приходят новые темы, новые герои, возникают новые сценические технологии, новая антропология. У человека, который родился и вырос в пространстве вай-фая, — у него другой жест, он по-другому на часы смотрит, по-другому очки снимает... У него все по-другому. И это влияет не только на наше общение с экраном, это очень сильно влияет на нашу любовь, на нашу семью, на нашу молитву, на нашу повседневную глубокую практику, на наши отношения с родителями, друзьями. Нам кажется, что все стало доступнее, что появилась возможность чаще быть вместе, чаще коммуницировать, больше узнавать о близких. А на самом деле мы скатываемся в ситуацию постоянной имитации, беготни, суеты. И это страшная для всех нас проблема.

— *Театр все это должен учитывать и тоже меняться?*

— Да, конечно. Театр не может не исследовать это на уровне сюжетов, на уровне тем, на уровне языка. Да тот же мобильный телефон, которого не было пятнадцать-двадцать лет назад, — это серьезная тема. И наш язык, процессы, происходящие с речью, — это тоже должно становиться предметом театрального исследования. Многие воспринимают театр как некое приложение к литературе. Дескать, театр работает с прозой. Пусть даже с драматургической, но прозой. Нет, театр работает не с литературным слогом, а с речью. С оговорками, с междометиями, с интонациями, со звуком, с тем, как слово сопровождает жест. Театр работает с такими вещами, с которыми проза и даже поэзия не могут разобраться. Задача театра в данном случае — фиксировать состояние сегодняшней речи, что когда-то сделал Грибоедов, создав речевые портреты героев своей бессмертной пьесы. Театр — это зеркало времени. Мы сейчас

с Алисой Гребенщиковой, Павлом Артемьевым, Алиной Ненашевой и Юлией Волковой работаем в «Практике» над спектаклем «Наше». Он имеет подзаголовок: «Стихи, которые нас меняют». Читаем Гумилева, Ахмадулину, Бродского и Веру Павлову. Это такое психоаналитическое наблюдение над тем, что произошло с нашей речью, с нашими нравами. Мы обнаруживаем слова, которые кажутся нам сегодняшними, а выясняется, что они существовали еще в начале прошлого века. Очень интересные параллели — если конечно честно разбираться со смыслом, а не демонстрировать кривляние и ужимки, которые часто сопровождают поэтические чтения даже в академических театрах

Творческий человек должен считаться с культурной средой и быть готовым к противостоянию

— *Какое-то время назад из Москвы в Пермь на освоение «целинных и залежных земель» российской культуры устремились галерист Марат Гельман, артист Евгений Миронов со своим фестивалем «Территория», композитор Владимир Мартынов, авангардные драматурги, художники, музыканты... Вы тоже входили в эту команду, основали в Перми экспериментальный театр «Сцена — Молот». Он жив еще?*

— Я плохо знаю, что происходит сейчас в Перми.

— *Как я догадываюсь, этот театр перестал существовать?*

— Он сильно изменился и существует фактически как малая сцена Пермского академического драматического театра.

— *Значит все же искусство во многом создает зрительской средой. В случае с Пермью — средой провинциальной. Вам придется признать, что идея превратить Пермь в культурную столицу изначально была утопической.*

— С эти можно поспорить. Было бы ошибкой говорить о полном провале пермского проекта. Он очень сильно повлиял на Пермь. Он воспитал поколение молодых профессионалов. К сожалению, часть из них уехала из города. И он воспитал публику, которая заполняет сегодня залы на спектаклях Курентзиса.

— *Вам приходилось в Перми преодолевать инерцию культурного застоя, культурного провинциализма?*

— Еще как! Но так всегда бывает, и не только в провинции. Какой жуткий скандал в свое время разразился в Париже на премьере балета Стравинского «Весна священная»! Публика свистела, улюлюкала, возмущалась. Автора и музыкантов чуть не побили. Пермякам, скажу вам, далеко до той категоричности, радикальности, которая была у парижан. А какие скандалы разворачивались в том же Париже вокруг Сергея Щукина (*московский купец и коллекционер искусства*. — В.В.)! Подумать только, какой-то русский нувориш покупает Матисса за огромные деньги! Весь французский истеблишмент, вся, говоря сегодняшним языком, тусовка были страшно озлоблены. Газеты устраивали Щукину дикую травлю, издевались, смеялись над ним. А сегодня это самая дорогая частная коллекция импрессионистов. Я себя не сравниваю со Стравинским и Щукиным, просто хочу сказать, что любой творческий человек должен считаться с культурной средой и быть готовым к противостоянию.

— *Ваш недавний опыт в вузе (с 2013 по 2015 год Бояков возглавлял Воронежскую государственную академию искусств, но был вынужден покинуть ее. — В.В.) вас в этом тоже убеждает? Эта среда вас отторгла?*

— Да, я ушел из академии, но это не значит, что был отторгнут. Не знаю, насколько уместны здесь футбольные аналогии, но даже тренеры, которые добиваются больших успехов с командой, через два-три года бывают вынуждены уйти. Так недавно случилось у Моуриньо с «Челси». Точно так же и у нас в театральной жизни. Прийти в какой-то театр, сделать в нем что-то достойное, важное, честное, интересное, а потом оставить его или вообще уехать из этого города — это абсолютно нормально. Я создал театр «Практика» как демиург, потом ушел из него, передав бразды Ивану Вырыпаеву. Теперь я опять здесь работаю, но уже в команде. Я член худсовета, который отвечает за репертуар, художественную стратегию, но нагрузка по хозяйственному управлению театром лежит на его директоре Юрии Милютине. Это позволяет мне заниматься другими проектами — например, готовить большую премьеру в Розе Хутор, в Олимпийской деревне — спектакль про историю Кавказа.

Деление искусства на массовое и элитарное, отстойное и продвинутое уже не работает

— Судя по вашим театральным проектам, вы адресуетесь к продвинутому зрителю и никогда не делаете ставку на массовую аудиторию, хотя в коммерческом отношении она более привлекательна. Или в работе на интеллектуальную, эстетически развитую публику тоже есть какой-то расчет?

— Как раз сегодня меня больше интересует широкий зритель. Для него я делал выставку соцреализма в Манеже, для него готовлю проект на ВДНХ и в Розе Хутор. Об этом зрителе я думаю, когда обсуждаю проект с Хором Сретенского монастыря, проект в Крокус Сити Холле. Сегодня деление искусства на низкое, попсовое, «отстойное» с одной стороны, и высокое, элитарное, продвинутое, актуальное с другой, — не работает. Вдруг оказывается, что какая-то часть массовой аудитории намного умнее, тоньше, чем так называемая «избранная» публика. Лично мне, скажу честно, аудитория сочинского курорта сегодня в десятки раз интереснее, чем аудитория московского академического театра. Мне не интересно придумывать спектакли для академических театров, потому что это обслуживание всего нескольких форматов. Хорошо ли, что есть формат? Хорошо. Я не воюю с ним, как это было, когда мы создавали движение «новой драмы». Но сегодня мне интереснее та часть массовой аудитории, которая не отягощена навязанными нам за последние двадцать лет потребительскими западными форматами и ценностями.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду узкую, не работающую с широким зрителем субкультуру театрального авангарда с его жесткими границами.

— Вы смотрели в Театре наций «Сказки Пушкина», поставленные Бобом Уилсоном?

— Смотрел. Скучный спектакль. Далекое не лучший у этого режиссера. Это такая развлекуха для богатых людей, и всё. Ни смысла, ни поэзии там нет и в помине, что бы критики ни выдумывали.

— А постановки Хайнера Геббельса, Томаса Остермайера?

— То же самое. Много внимания форме. Много разговоров про

постдраматический театр. Много умничанья. Много красивых картинок. И отсутствие настоящей энергии, силы, смысла. Это концептуальное искусство. Искусство, которое говорит о чувствах, но не чувствует. Говорит о душе, но не имеет души. Голые концепции. Названные вами имена не выдерживают сравнения не то что со Стрелером, а даже со своими прямыми предшественниками — поколением Франка Кастрофа и «Фольксбюне». По-моему, Кастроф — последний большой европейский режиссер. Кстати, очень много русского поставил, от Достоевского до Сорокина, от Чехова до Лимонова. После Кастрофа фестиваль европейский мейнстрим развернуло в сторону замороженных, нарциссических экспериментов. Остермайер, Фабр и Лепаж Лимонова уж точно не будут ставить... Они, конечно, любят рассуждать о жизни бедняков в Эфиопии, вещать о холокосте или истерить на антивоенную тему, заливая сцену красной краской, но на самом деле они очень буржуазные, эти люди.

— *Я был уверен, что вы сторонник такого искусства.*

— Я сильно изменился за последнее время.

— *Вы некую эволюцию пережили?*

— Серьезную. Не только я. Страна изменилась, особенно за последние три года. Вот, например, вспоминаю мое общение, сотрудничество с Валерием Гергиевым десять, пятнадцать лет назад. Мне кажется, мы были во многих отношениях другими людьми. Тогда, сидя на спектаклях, представляющих западный театральный авангард, я верил, что это поиск, какое-то движение к новому. А сегодня я вижу, что это чистая политика, чистая конъюнктура. Под видом авангарда идет обслуживание очень конкретных смыслов, ценностей, ролевых моделей. Сейчас на Авиньонском или Эдинбургском фестивале невозможно увидеть, например, откровенно антигейский спектакль. Хотя полтора миллиона человек выходят на улицы Парижа, протестуя против однополых браков. Где фильмы и спектакли о том, что огромная часть общества не приемлет подобные семьи? Какие фестивальные режиссеры обслуживают эту полуторамиллионную протестную аудиторию? При этом я не утверждаю, что сегодняшнее западное искусство абсолютно «форматное» и либералистское. Вот, скажем, фильм Ларса Фон Триера «Рассекая волны» — это великое христианское кино. Думаю, его

надо показывать всем, и разговор о христианстве следует вести в том числе через этот фильм. Борьба с либеральными стереотипами и клише должна вестись через свободу, через поиск, а не через навязывание новых стереотипов. Наша культура потенциально намного шире и сильнее этих клише. Нам нечего бояться. Русская история, русская культура, православие, традиции, наш социальный уклад — это великие ценности. Они должны быть актуализированы через современный язык, современную коммуникацию. Если мы хотим жить в независимой и свободной России, то думать надо не только о военной промышленности, но и о сегодняшнем символическом поле — именно здесь надо быть конкурентоспособными. Поэтому сегодня как никогда нужны новые культурные герои, новое поколение художников. Это поколение, я убежден, возникнет не в среде сегодняшнего культурного истеблишмента, сегодняшней номенклатуры — условно говоря, не в театре Александра Калягина или Надежды Бабкиной, а именно в результате размывания, смещения границ между «массовым» и «продвинутым», «глобальным» и «патриотическим». За этим процессом очень интересно наблюдать. Я думаю, что мы на пороге очень интересных явлений в нашей культуре.

Искусству правда противопоказана?

Диалог с художественным руководителем театра
«Геликон–опера» Дмитрием Бертманом

Нужна ли искусству правда — спор об этом идет так давно, что и сам он уже не раз становился предметом искусства. Знаменитый диалог из пьесы Маяковского «Баня»: «Ну, конечно, искусство должно отображать жизнь, красивую жизнь, красивых живых людей. Покажите нам красивых живчиков на красивых ландшафтах и вообще буржуазное разложение...» — «Да, да! Сделайте нам красиво! В Большом театре нам постоянно делают красиво...» Кто-то считает, что только так и надо, что художественному произведению незачем походить на реальную жизнь, надо показывать не то, что есть, а то, что должно быть. Кто-то, наоборот, стоит на том, что без правды нет искусства, что без нее в эстетическом пространстве возникает пустота, которую никакими красотами не прикрыть.

Жизнь стала очень театрализованной

— *Вы помните ваше первое театральное впечатление?*

— Конечно. Мне было четыре года, и мама с папой привели меня в московский ТЮЗ на спектакль «Зайка-заснайка и три поросенка». У нас в семье как реликвия хранится программка этого спектакля, на которой написано маминой рукой: «Дима после спектакля сказал: Лиса плохо поет». В антракте родители привели меня за кулисы. И вдруг я увидел Бабу-Ягу. Она была без парика

и маски, и оказалось, что это папин друг, дядя Володя, которого я прекрасно знал. Я начал дико хохотать. В тот момент у меня развеялись все иллюзии по поводу театра. После антракта я уже по-другому смотрел спектакль. Мне стала интересна его внутренняя, скрытая от публики жизнь: кто откуда вышел, на чем держится декорация. Я стал относиться к спектаклю как к зрелищу.

— *Вы уже тогда поняли, что театр — это одно, а жизнь другое?*

— Конечно. Хотя сейчас мне кажется, что это жизнь подражает театру, а не наоборот.

— *Вы о российской жизни говорите?*

— Не только. Когда в Нью-Йорке рушились небоскребы, было ощущение, что это фильм какой-то, который ты уже видел. Вообще искусство — это некая репетиция жизни. И цель его, наверное, еще и в этом — быть репетицией жизненных ситуаций. Придя в театр, скажем, на любовную драму, человек переживет эту историю, и, если вдруг в его жизни произойдет что-то подобное, он уже будет иметь эмоциональный опыт. Наша жизнь стала очень театрализованной. Люди берут театральные опыт и переносят в жизнь. Поэтому в жизни кипят театральные страсти.

Свобода в искусстве важнее правды

— *Вы занимаетесь оперой, а она в силу своей жанровой специфики не вполне согласуется с правдой жизни, разве не так?*

— Формально — да: в жизни люди пением не изъясняются.

— *Еще дальше от правды жизни отстоит оперетта, которую как раз за это терпеть не мог Юлиан Тувим. Он называл ее «старой идиоткой», изничтожающе высмеивал свойственные ей очаровательные несуразности, когда «отец не узнаёт дочку, поскольку та в новых перчатках, а целующаяся пара не замечает входящего в комнату полка тяжёлой артиллерии».*

— Блестяще! Но в музыкальном театре есть язык, которого нет в драме и который ближе к правде. Если драматический артист просто говорит слова, не наполняя их чем-то изнутри, то мы не получаем подтекста. А в оперном театре у нас целых три текста — музыкальный, литературный и исполнительский. Если артист не

очень хорошо владеет исполнительским мастерством, то минимум два текста мы все равно получим. Ведь жизнь наша тоже полна подтекстов. Не зря же сказано: язык нам дан, чтобы скрывать свои мысли. И оперный язык в этом смысле ближе всего к правде. Потому что он дает Татьяне возможность сказать Онегину по тексту: «Я вас прошу меня оставить», — а по музыке она в это время будет его любить. Музыкальный театр, к сожалению, так устроен, что в нем технология исполнения иногда становится самоцелью. И тогда балетное искусство превращается в костюмированный спорт. То же самое подчас случается и в опере, когда артист поет для того, чтобы показать, как он владеет своим голосом, какие ноты умеет брать, и если он это еще иллюстрирует мимикой и жестикуляцией, то опера превращается в ту самую глупую вампуку, о которой снимали мультфильмы и над которой все смеются. Для меня это самое страшное в опере. Если я, не дай бог, попадаю на такой спектакль, я использую его для сна. У меня восприятие выключается, и я начинаю засыпать.

— *А музыкальная интонация? В чьих-то дирижерских руках она может выглядеть архаичной, несовременной и оттого неправдивой?*

— Музыкальной интонации нет в музыкальном театре. Есть бессмысленность и смысл. Бывает бессмысленная фразировка — когда концертмейстер работает с певцом, не зная ни общей концепции роли, ни общей концепции спектакля. Он может предложить артисту: «Давайте на одном дыхании споем всю эту фразу». Будет побит рекорд по держанию звука или по наполнению живота воздухом, но к искусству это не будет иметь никакого отношения. К сожалению, этим часто грешат дирижеры, которые учатся не в тех институтах, где получают образование люди театра. А бывают гениальные дирижеры, которые или доверяют режиссеру, или сами свободно придумывают что-то и пытаются в этой свободе прожить. Вообще свобода в искусстве намного важнее правды.

Музыкальный язык — это заведомая неправда, но в нем содержится образность

— *Как в вашем понимании соотносятся правда жизни и правда искусства?*

— Искусство не должно копировать жизнь. Когда говорят, что Онегин так не ходил, потому что в девятнадцатом веке дворяне ходили иначе, мне становится смешно. В девятнадцатом веке дворяне ходили по-разному. Да, был этикет. Но когда человек оставался один (а мы, зрители, как бы подглядываем за ним через четвертую стену), он вел себя свободно. Татьяна Ларина пишет письмо. Она одна в комнате. У нее идет излияние чувств, она наедине с собой. О каком этикете здесь можно говорить? Как только искусство начинает заниматься копиистикой, оно перестает быть искусством. Я думаю, что театр — это искусство, связанное с фантазией, наблюдениями, отражением чего-то, что есть в жизни. С отражением, а не с фотографией.

— *Следовательно, предмет искусства не жизнь, а взгляд художника на жизнь, интерпретация увиденного?*

— Конечно. Я слушаю каждый день — и в театре, и заседая в жюри различных конкурсов — немалое количество певцов. Так вот, мой опыт дает мне возможность даже по тому, как человек смыкает связки, узнать об этом человеке очень многое. Он в пении весь как на ладони. Видна в том числе и его честность по отношению к искусству. И то, насколько он правдив.

— *Что значит правдив? Если вы имеете в виду бытовую достоверность, то она-то подчас и рождает фальшь в художественном произведении. Писатель Пупкин пишет: «Открывается дверь, входит Иван Иванович», — не веришь. Писатель Гете пишет: «Открывается дверь, входит черт», — веришь.*

— Да, конечно. Входит Мефистофель — и веришь, потому что это художественный образ. И вовсе не требуется Мефистофелю прикреплять рога. Он может быть элегантным, респектабельным господином, но мы понимаем, что это черт. Сказанное, однако, вовсе не означает, что бытовая достоверность — враг художественности.

— *Разумеется, не означает. Возьмем Островского и Гоголя. У Островского в пьесах купцы выписаны с максимальной бытовой достоверностью, а у Гоголя нос майора Ковалева расхаживает по Невскому. Но и то и другое — правда искусства.*

— Кстати, опера как раз этим и привлекательна. Музыкальный

язык — это заведомая неправда, но в нем содержится образность. Хотя и тут надо знать меру. Когда в Большом театре поставили оперу Десятникова «Дети Розенталя», я пришел на премьеру — и расстроился. Мне так понравился и музыкальный текст Десятникова, и либретто Сорокина... А расстроился я из-за того, что выдающийся режиссер Някрошюс перенасытил этот спектакль образностью, тогда как там и драматургия очень образная. В итоге получилось масло масляное. Вот если бы «Детей Розенталя» ставил, к примеру, Юрий Мамин, (он, если помните, свою историю про «Окно в Париж», тоже сказку, рассказал бытовым языком), то это было бы феноменально. Мы бы увидели эту пятиэтажку, велосипед на стене, немытую раковину и проржавевшую ванну в маленькой квартире, где живет доктор Розенталь с созданными им клонами композиторов. Мы бы увидели все это в полном реализме, и это произвело бы сильнейшее впечатление.

Можно сказать, что у меня закончилась карьера

— *Правда убивает искусство?*

— Искусство убить нельзя. Если это настоящее искусство, оно не убивается ни правдой, ни неправдой. В советские времена режиссеру, чтобы заявить о себе или сохраниться в профессии, иногда нужно было поставить «Как закалялась сталь». Но все равно талант художника делал это произведение интересным и, что самое удивительное, правдивым. Сегодня подобное тоже встречается. Молодой человек, которому нужен успех, может в дальнейшем сделать потрясающий спектакль, но ему надо пройти период самовыявления. И он начинает учитывать конъюнктуру, берется ставить то, что модно. Я преподаю в РАТИ. Смотрю на ребят, как они делают этюды. Они пытаются заявить о себе. Смотрите, я модный, я в тренде!

— *А вы себя в тренде ощущаете?*

— Я себя ощущаю счастливым человеком. У меня замечательный театр, фантастическая труппа, мы получили потрясающее здание. Можно сказать, что у меня закончилась карьера. Мне не нужно стремиться стать режиссером другого театра, я не откликаюсь на такие предложения, хотя регулярно получаю их. А если возникает потребность поработать с другими артистами, я всегда могу поехать куда-нибудь, вот сейчас, например, еду в Германию

и Финляндию на постановки. У меня есть возможность выбирать. Это тоже большое счастье.

Мне больше нравится театр вопроса, чем театр ответа

— *Чем в произведениях искусства правда, по-вашему, отличается от правдоподобия?*

— Вы знаете, правдоподобие мне больше по душе. Потому что правда — это всегда ответ. А мне больше нравится театр вопроса, чем театр ответа. У меня однажды случился до сих пор памятный разговор с Борисом Александровичем Покровским (выдающийся оперный режиссер и педагог, народный артист СССР. — В.В.). Он мне сказал: вы заказываете в ресторане курицу. И вам приносят блюдо, на котором лежат ножки, крылышки, грудка, шейка. Вы берете вилку и принимаетесь думать, какой кусочек взять. И это самое интересное, потому что в этот момент вы начинаете выбирать. Вступаете в сотворчество с поваром. Начинаете фантазировать, размышлять: а возьму-ка я крылышко. Нет, ножка сочнее. Но там шкурка, а я на диете. Возьму-ка я грудку, она более диетическая. И вот так вы съедаете курицу. А есть другой вариант. Вам приносят курицу, прокрученную в мясорубке, и говорят: ешьте. Но вам не хочется курицы в таком виде. Момент выбора — он очень важен в искусстве. Я как читатель, зритель должен иметь право выбирать.

— *Стремление к правде жизни парализует фантазию художника или, наоборот, возбуждает?*

— Это зависит от художника. И от того, художник ли это вообще. Если человек художник, его фантазию ничем невозможно закрепить.

— *Вы согласны, что правда или неправда могут проявляться даже в манере речи? Мхатовские старики все фамилии на «ский» произносили через «ы»: «Островский, Станиславский...». А потом родился «Современник», в котором актеры заговорили так, как люди говорят в реальной жизни. Такая сценическая речь получила от тех же мхатовцев уничижительное название — «бормотательный реализм».*

— А мне нравится и то, и это.

— *Нравятся интонационные котурны?*

— Да.

— *Но так люди в жизни не разговаривают.*

— Меня это не напрягает. Мне, например, интересно бывать на спектаклях Кирилла Серебренникова, наблюдать, как работают его артисты, как они интонируют. Мне интересно смотреть спектакли Римаса Туминаса, гениального режиссера, который сейчас для меня является гуру в драматическом театре. Мне интересно было смотреть, как работал Фоменко. Мне всегда любопытно, как работает Виктюк. Что касается мхатовских стариков... Когда на канале «Культура» я смотрю записанные когда-то спектакли с участием Яншина, Кторова, Степановой, я заслушиваюсь.

— *Это не режет вам слух сегодня?*

— Нет. Режет слух плохо записанный звук, а не сценическая речь этих великих артистов. Или вспомним Раневскую. Невозможно забыть, с какой интонацией она произносила: «Королевства маловато, разгуляться негде». Если сегодня ставить «Золушку» как драму, то актриса, наверное, прошепчет: «Королевства маловато, разгуляться негде». Это, возможно, будет правильно с точки зрения бытовой достоверности, но мы все равно будем тосковать по той интонации, с какой эту фразу произносила Раневская. Вообще интонация — это самое важное. Раньше благодаря интонации театр даже в советских пьесах умудрялся сказать правду о нашей жизни. Иногда интонацией можно изменить смысл слова. Владение действенной интонацией — показатель мастерства драматического актера. В музыкальном театре то же самое. Станиславский писал свою систему по Шаляпину, по его интонации. Шаляпин владел этой интонацией, у него была целая наука, связанная с интонацией. Он говорил, что интонация — это искусство смысловой паузы. В музыкальном театре такую паузу сделать очень сложно, поскольку нельзя остановить оркестр, но некая приостановка музыки, как бы смысловой вздох — они иногда могут сказать гораздо больше, чем целая музыкальная фраза.

— *Как вы относитесь к спектаклям, где пьесы Чехова или Шекспира ради «правды сегодняшней жизни» играют в современных костюмах?*

— К хорошим спектаклям отношусь хорошо, к плохим — соот-

ветственно. Если режиссеру «Вишневого сада» необходимо одеть Раневскую и Гаева в современные костюмы и включить на сцене телевизор, по которому идет программа «Время», где в данную минуту показывают, как в каком-то регионе России вырубают сады, делят участки, — если это сделано осмысленно и талантливо, то почему бы и нет. Если же это просто дань театральной моде, то мне это не интересно.

— *Чем мы закончим разговор о правде жизни и правде искусства?*

— Можно закончить словами, которые Пушкин вложил в уста Сальери: «Нет правды на земле, но правды нет и выше». Или другой фразой того же Сальери — той, которой он оценивает музыку гения Моцарта: «Какая глубина, какая стройность и какая смелость!» Этой фразой определяются все компоненты гениального произведения. Глубина — это концепция, стройность — это профессионализм, смелость — это новация. Вот три кита, на которых, собственно, и держится искусство.

Искусству дозволено не все?

Диалог с профессором РАТИ
Андреем Ястребовым

По данным фонда «Общественное мнение», более 80 процентов россиян выступают за введение цензуры в художественных произведениях. Почти 20 процентов опрошенных считают, что контроль за содержанием творений искусства входит в обязанности государства. Еще 14 процентов убеждены, что в этих творениях много «лишнего» и «вредного». Столько же участников опроса предлагают осуществлять государственный мониторинг эпизодов «насилия» и «разврата» в театральных постановках, кинофильмах, на выставках. Против контроля государства над сферой искусства выступают лишь 14 процентов респондентов, а за полную свободу художественного творчества — 5. На стороне последних — служители муз. Большинство из них полагает, что в искусстве не должно быть никаких ограничений.

Есть спектакли, на которые я намеренно не пойду

— Вам приходилось покидать зрительный зал из-за того, что на сцене или на экране творилось что-то непотребное, на ваш вкус?

— Я очень избирателен и пытаюсь к своему досугу относиться профессионально.

— То есть ориентируетесь в культурном потоке и решаете для себя, что надо смотреть, а что не надо?

— Именно так. Пусть меня упрекнут в односторонней просвещенности, но я не пойду на спектакль, который по тем или иным причинам может мне не понравиться. Я знаю, что ожидать от того или иного режиссера. Наивно думать, что он вдруг изменит своей излюбленной теме и художественным приемам. Все повторится. Увидел один спектакль — знай, последующие будут такими же. Не хочу сталкиваться с вещами, которые не соответствуют моим представлениям об эстетике и морали. Есть спектакли, на которые я намеренно не пойду. Кто-то скажет, что подобные жесты сужают мой эстетический горизонт, но помимо эстетики для меня существует система нравственных координат, в которую многие современные артефакты не вписываются.

— *Но чьи-то скандальные, провокативные постановки, о которых «говорит вся Москва», вы ведь наверняка смотрели.*

— Нет.

— *Не может быть.*

— Честно говорю. Видел, как начинали эти режиссеры, и понимаю вектор их движения. Читаю театральную критику о новых постановках. Но многие спектакли не хочу смотреть. Приведу пример с книгами. Есть книги, в которых встречается мат. Я противник мата в литературе, но до какой-то определенной черты. Если мат становится художественным образом, то я это приемлю. А если это самоцель, я никогда не стану читать такую книгу — не хочу засорять свои мозги и душу. Точно так же я отношусь и к мату на сцене. В качестве художественного приема я подобное допускаю, но такой прием не должен быть навязчивым, самоцельным. Словом, есть вещи, которые мне не близки. При том что я ни в коем случае не ханжа, я знаю, что бывают жизненные, литературные, художественные ситуации, когда без этого просто не обойтись. Но все равно существует некая грань, переходить которую, я считаю, непозволительно.

— *Что для вас находится за гранью искусства?*

— Неоправданное изображение насилия. Я до сих пор не могу принять и оправдать сожжение коровы Тарковским в «Андрее Рублеве» и уничтожение многовековой сосны Ларисой Шепитько в «Прощании с Матерой». То были натуралистические решения, ко-

торые, по логике режиссеров, несли в себе сильные художественные заряды. Мне не кажется, что эти эпизоды усиливают общую концепцию картин, связанных с поисками художника и прощанием с патриархальным миром. Хотя подобные вещи встречались и в литературе. Вспомним роман Золя «Творчество». Там художник наблюдает за умирающим сыном и ловит тот оттенок краски, который ему необходим на картине. Картина получается выразительной, художника настиг успех. Сын умер. Читатель понимает, что цена найденному цвету слишком велика. Цена приему, который использует Тарковский, непомерна.

О вкусах нельзя спорить, потому что вкус — один. Он либо есть, либо его нет

— *Чем, на ваш взгляд, определяются границы дозволенного в искусстве? Общественной моралью? Некими эстетическими канонами? Но у каждого общества своя мораль и свои представления о прекрасном. К тому же они еще и меняются со сменой эпох.*

— Наверное, главным и определяющим фактором является вкус. Если художник им обладает, он никогда не перейдет грань. Зритель это обязательно заметит или проникнется присутствием в тексте чего-то, чему он не знает имени, но что останавливает художника от рокового шага. Лев Толстой называл это эстетическим стыдом. Талантливый художник всегда умеет определить должную меру недосказанности. Хемингуэй говорил: я не буду дописывать то, что и так уже очевидно для читателя. Действительно, часто достаточно намек, который служит зрителю ориентиром в жизни, и камертоном в восприятии искусства.

— *Пошлость в искусстве — это чрезмерность? Самовыражение без самоограничения?*

— Пошлость — это когда начинают спорить о вкусах. О вкусах нельзя спорить, потому что вкус — один. Он либо есть, либо его нет. И когда мы с радикальным рвением пытаемся подгонять произведение искусства под свои ограниченные представления, вот здесь и начинается пошлость. Это особенно заметно в режиссерских работах в театре и кино, когда человек с поверхностным образованием, с циничным взглядом на мир, основываясь на пяти-шести приемах-штампах, предлагает нам какие-то эксперименты,

которые или давным-давно выхолощены, или невняты, или безнравственны. Пошлость — когда бескультурные опыты рядятся в авангард. Или когда самодеятельность выдается ангажированной критикой за громкий художественный жест.

— *Что такое театральная пошлость, помимо актерских и постановочных штампов?*

— Игнорирование жанровой природы вещи. Если точно обозначен жанр, зритель примерно понимает, что будет смотреть. Нередко жанр игнорируется. Причем сознательно. Режиссер с гордостью заявляет, что жанровая природа спектакля, который он поставил, ему безразлична. Он просто расписывается в своем творческом бессилии. Если ты смешиваешь эпос с мелодрамой, высокую трагедию с водевилем, притчу с лубком, то получается «пестрядь», мешающая зрителю понять спектакль. Я не против смешения жанров, я за то, чтобы переходы от трагического к анекдоту, от мифа к безделице были убедительно разработаны и художественно аргументированы. Иначе зрителя посещает недоумение. Это то же самое, как если бы, например, Толстой заканчивал каждую главу «Войны и мира» частушкой.

— *Театр меняется. Сегодня жанровые границы в нем очень подвижны, их уже, можно сказать, не существует.*

— Согласен. Мы живем в эру постдраматического театра. Но есть жанры, которые меня никак не трогают, возможно, в силу моего жизненного опыта и культурной квалификации. Например, «подростковый» вербатим. Я не могу сидеть в зрительном зале и слышать кальку чьих-то сегодняшних проблем. Мои проблемы намного сложнее, чем недожаренная картошка или отсутствие денег на гамбургер. Не потому, что у меня всегда есть деньги на гамбургер, а потому, что у меня немножко другие проблемы. Проблемы, которые связаны с глубиной восприятия мира. Я не предлагаю всем обращаться к классике, читать Пруста, Достоевского, Толстого вместо того, чтобы ходить на вербатим. Но я настороженно отношусь к модным поветриям, ко всему, что подчас без должных к тому оснований объявляется «актуальным» и «современным».

Провокация должна иметь пределы

— *А право на провокацию вы за художником признаете? Вообще, как относитесь к провокативному искусству?*

— Конечно, провокация — жест, который указывает на возникновение новых смыслов. Эти смыслы могут сохраниться, а могут и исчезнуть, побыв одну секунду провокационными. Любая провокация отражает настроения и идеи определенного времени. Можно представить себе, что Веласкес пишет «Черный квадрат»? Нет. Потому что в середине XVII века в Европе существует определенная эстетика, и «Черный квадрат» в нее никак не вписывается. Малевич провоцирует, пишет «Черный квадрат». Картина становится крупнейшим событием, потому что отражает общее направление художественных поисков времени. Параллельно Малевичу в начале XX века рождается какофоническая музыка, возникает структурализм, живопись тяготеет к пуантилизму... «Черный квадрат» — провокация, которая подтверждает тенденцию, развивает ее. Почему импрессионистов так любили наши староверы? Реализм послеразской иконы их уже не устраивал. Староверы почувствовали — именно с помощью импрессионизма надо изображать Бога, образ которого они после раскола утратили, именно на картинах импрессионистов они увидели мир, который создан их Богом.

— *Провокация должна иметь пределы?*

— Безусловно.

— *Какие?*

— Например, нельзя прибавать части своего тела, даже самые ненужные исполнителю, к брусчатке Красной площади. Это пошлово. Когда художник-акционист вышел из-под стражи, он отчитался добротным написанным текстом о том, что это, мол, была такая протестная сверхинтеллектуальная художественная акция. Пояснительный текст оказался намного содержательнее самого поступка. Провокации нынче все чаще мелкие и просто безвкусные. Придумать их и осуществить намного легче, чем предложить серьезный и умный текст. Вспомним провокации дадаистов. Например, на сцену выходят три десятка человек, которые одновременно читают свои безумные стихи. Или другой пример — знаменитый дадаистский утюжок с гвоздями на гладильной поверхности. Можно ли это назвать искусством? Конечно же нет, с точки зрения классического академического искусства. В контексте же трагических и абсурдных исторических событий дадаистические жесты сделали куда больше, чем «неповоротливое» традиционное искусство. Они

показали алогизм мира, разрыв причинно-следственных связей, выявили идею обреченности человека. Художники-провокационисты используют классические привычные образы, дописывают их, лишают функционального назначения. Когда мир погружен в абсурд, иное искусство показывает свою пресность и бесполость. Художник и поэт Жан Арп — по отцу немец, по матери француз — в начале Первой мировой войны получает одновременно две повестки: одну в немецкую армию, другую во французскую. Фантазматическая посильнее романтических капричио. Теперь порассуждаем пару секунд на тему, какое отношение к обезумевшему миру имеют современники Арпа, продолжающие писать многословную сентиментальную прозу или пасторальные пейзажи. Искусство обязано быть провокационным, находить новый язык для описания взбесившегося мира. У Гертруды Стайн есть занимательная мысль. Ее спрашивают о выставке: мол, как же так, там, в залах музея, выставились те же стулья, какие стоят в кафе на улице, — в чем же разница? Она отвечает: «Искусство — это то, что имеет веревочку. Она очерчивает границу между искусством и жизнью. Вот мы сейчас с вами сидим в кафе на стульях, не имеющих никакой художественной ценности, потому что отсутствует веревочка». Так вот, у любой провокации, если это искусство, должна быть «веревочка-рамочка». Как у барочных картин, когда пейзаж не умещается на полотне и крылышко бабочки или цветочек пририсованы на раме. Или как на полотнах Джузеппе Арчимбольдо, где портрет человека создается из корешков растений, из фруктов, овощей. Такая провокация становится мощным искусством, которое показывает, что человек — это и вся живая природа, но это и натюрморт, то есть мертвая природа. Что такое провокация? Это когда мы с вами не задаемся вопросом, что нарисовано на картине, нас беспокоит другое: почему крылышко бабочки или цветочек изображены на раме? Как могло искусство набраться храбрости, заявив себя живым, и попытаться вылезти за пределы картины? Эта провокация является серьезнейшим жестом культуры, из которого потом вырастают новые импульсы. Провокация не может быть отнесена к частному, не может преследовать какую-то маленькую частную цель, принадлежать самой себе и не иметь никакого развития. У художественной провокации должен быть мощный философский подтекст.

— Четкую грань между художественной провокацией и про-

вокацией, например, религиозной провести подчас очень непросто. Ее проводят воспитание, вкус, чувство меры, а они у всех разные. В том числе и у тех, чьи религиозные чувства то и дело чем-нибудь «оскорбляются». Вторжение неких «православных активистов» со своим уставом в чужие монастыри (музеи, театр, выставочные залы) происходит едва ли каждый день. Как вы к этому относитесь?

— Я не сторонник погромов и запретов. Я православный. Но я не тот православный, который может стать религиозным экстремистом. Я сторонник взвешенного на весах законодательства паритета между религиозным и светским. Общество должно следовать своей морали, церковь — своей. Они пересекаются? Да, безусловно, потому что мораль — общая. Но там, где есть мораль, не должно быть ни запретов, ни погромов, потому что именно мораль регулирует мысли и поступки человека.

Искусство всегда обвиняют в безнравственности

— *Почему во все времена предпринимались попытки поставить искусство в какие-то рамки?*

— Такова природа искусства. Та же книжная обложка — рамки. Даже если нет обложки, а есть только пергамент, все равно последняя буква — предел пергамента. В любом искусстве всегда есть ограничения, связанные с нашим конечным восприятием мира.

— *Какие обвинения чаще всего звучат в адрес искусства?*

— Обвинения в том, что оно безнравственно. «Безнравственность» — это изменение горизонта видения. Когда открывается чуть больше, чем ты ожидал, или когда меняется ракурс того, что тебе уже стало привычным. Или меняется способ подачи материала, или стиль, или художественная техника. Например, обнаженные мальчики на картинах Дейнеки не вызывают никаких вопросов и споров. Потому что это художественные образы, они вписаны в природу, они органичны, оптимистичны, красивы, и ты понимаешь и радуешься: вот оно, будущее, которое грядет. Оно устремлено в небо, оно часть и неба, и земли, оно вбирает все субстанции. Когда же нечто подобное выполнено в жанре фотографии...

— *Вы сейчас о выставке американского фотографа Джока Стёрджеса, которую закрыли со скандалом?*

— Да. Понятно, что эта выставка была для ограниченного круга публики. Ну, пришли несколько десятков любителей фотографии, посмотрели, ну, может, кто-то потом залез в Интернет и узнал еще что-то о творчестве фотографа. Ничего предосудительного на выставке не было, на что нужно было так бурно реагировать. Хотя у этого фотохудожника действительно есть снимки, не предназначенные для широкого просмотра. Фотограф увидел обнаженных мальчиков и девочек заинтересованными глазами взрослого человека. Это не просто постановочное фото под название «Дети природы». Нет, это глаз, набитый на жесткой эротике, который заинтересованно смотрит на детей. Там нет «диетического» материала, который обычно связывается с нудистами. Там нет «вегетарианства», которое связано с обнаженной натурой, не вызывающей никаких эротических ассоциаций. Это физиологический взгляд, отражающий физиологические потребности.

Культура не умеет изображать добро

— *Высокое искусство вправе эстетизировать зло?*

— Да, конечно. Толстой читал «Илиаду» и Новый завет параллельно. И сделал вывод: Гомер хорош, но ему не хватает любви. Если бы Толстой читал Новый завет параллельно с «Муму», он бы, возможно, сделал другие выводы. Тем не менее любовь у Гомера есть. Он использует гениальнейшее решение, единственное в мировой литературе: он дает имена всем, кто погиб. Гексаметр воспроизводит сцены титанической битвы, и вдруг кто-то поражен смертью. Эпос останавливается, Гомер читает эпитафию. На пороге ухода в мир иной человек обретает имя и биографию, затем вновь автор запускает эпос. Вот что такое гуманизм. Эстетизация зла — одно из любимейших занятий искусства. К примеру, романтический герой, как правило, — отступник от общепринятой морали. Он разрушает чужой мир, играет с судьбами, но все читательские симпатии на его стороне. Культуру интересует психология злодея. Читателя увлекают истории про Ивана Грозного, Берию, Сталина. Писателю нравится подыскивать новые формы не для развенчания тирана, а для создания противоречивого портрета зла. Станиславский говорил: играя доброго, ищи, где он злой. Ведь это не случайно. Зло находится в становлении, оно многоцветно. Добро в искусстве всегда монохромно, его очень сложно изображать,

сделать выразительным. Много ли романов мы читали про Мать Терезу? Ни одного. А сколько напечатано романов про Сталина? Сотни, если не тысячи. Литература — это выбор между добродетелью и пороком. Выбор этот очень часто совершается в пользу зла. Мы, к сожалению, находим все новые и новые интонации для изображения зла, но не добра.

— *В искусстве должны быть табу?*

— Обязательно.

— *Какие, например?*

— Как я уже сказал, насилие над человеком. Человека нельзя унижать. Человек и так унижен своим существованием. Искусство должно хоть чуть-чуть помогать ему, хоть песенкой, хоть советом, словечком или мелодией. И давать надежду.

— *В этом смысле искусству дозволено все?*

— Да, конечно. Почти все.

Моральные авторитеты
больше не нужны
Зависть — сестра
соревнования
Мы слишком много себе
позволяем
Надо бояться старости
Понять — значит простить
Молодость всегда права
Нам помогут колдуны
и ясновидцы

Моральные авторитеты больше не нужны?

Диалог с писателем Львом Аннинским

По данным фонда «Общественное мнение», российские граждане отмечают сокращение числа тех, кого раньше, не экономя на пафосе, называли «властителями дум». Отвечая на вопрос, стало ли в стране больше «признанных моральных авторитетов» по сравнению с 70-80 годами прошлого века, 40 процентов опрошенных заявили, что таких людей поубавилось, 30 процентов — что их ряды пополнились, а 11 процентов полагают, что авторитетных людей в России столько же, сколько было в СССР. Моральные авторитеты уходят со сцены? Общество их не востребует?

Авторитетных людей меньше не стало

— *Что вы думаете о результатах этого опроса?*

— Я думаю так же, как 11 процентов респондентов, — что авторитетных людей в России сегодня примерно столько же, сколько было в советскую эпоху. Только тогда кто считался авторитетом? Если какой-то партработник не хамит, не ворует, не берет взяток, то он и авторитет. Потом, как всегда на Руси, все перевернулось, стало наоборот: тот, который у власти, — какой же это авторитет? Это сволочь, которую нужно всячески гнобить. Авторитетом теперь считается тот, кто не признает представителей власти.

— *Тот, кто не признает представителей власти, не пользуется широкой общественной поддержкой. Общество в большинстве своем лояльно относится к представителям власти, а некоторых уважает особенно. По данным того же опроса, для 36 процентов авторитетом является Путин, для 6 процентов — Лавров, для 5 процентов — Шойгу.*

— Могу высказаться по каждому. Я слежу за Путиным. Путин для меня — это стабильность. Правда, эта стабильность дорого обходится нам. Посмотрим, что будет дальше. Путин для меня — это человек, который на своем месте делает свое дело. Кто там дальше? Лавров? Лавров подкупил меня тем, что он, как и я, турист ярый. Кроме того, Лаврову достается говорить о том, о чем ужасно трудно говорить, потому что наша ситуация, в общем, пиковая сейчас. И в этой ситуации Лавров не изворачивается, он занимает позицию и отстаивает ее. А Шойгу вызывает мою огромную симпатию, потому что он наполовину тувинец, и еще мне очень по душе было, что он не карьеру делал, а спасал людей, когда был министром по чрезвычайным ситуациям. Сейчас он возглавляет министерство обороны и, мне кажется, под его командованием наша армия заметно укрепилась.

У меня литература неотделима от того, что я думаю о реальности

— Большинство опрошенных (56 процентов) считают моральными авторитетами людей из своего ближайшего окружения. Кто для вас такой авторитет?

— Таким авторитетом для меня был отец. Мне было семь лет, когда он ушел на фронт и не вернулся. Он остался для меня непревзойденным авторитетом на всю жизнь. Хотя сейчас, когда я еще раз вчитался в мою книгу о нем, я увидел, что отец в чем-то был далеко не идеален. У него, например, было три жены одновременно. Он был тот еще ходок. И все равно он был для меня авторитетом. Мать — в меньшей степени. Потому что она была очень жестока. Когда отец ушел на фронт, она осталась одна со мной и жесточайшим образом ограждала меня от влияния улицы. Теперь я понимаю, что мать пожертвовала всей своей дальнейшей жизнью ради меня.

— А из людей общественного ранга вы кого для себя авторитетом считали?

— Я был мальчик социалистической эпохи. Вся советская власть сверху донизу была для меня авторитетом. Я слышал, что родители время от времени товарища Сталина упоминают. И, конечно, по радио слышал, что он есть. И однажды я спросил: «Ка-

кого цвета носки у товарища Сталина?» Мне это было интересно. Мне сказали: «А ты напиши ему письмо и спроси, какие у него носки». Я начал писать ему письмо. Потом оно куда-то сгинуло...

— *Ваши моральные авторитеты менялись на протяжении вашей жизни?*

— Конечно, менялись. У меня от отца осталась серия исторических романов. Я читал их подряд. Разина и Пугачева я не понимал, а каких-то западных революционеров мне почему-то было проще понять. Но это не были моральные авторитеты. Моральные авторитеты понемножечку возникали у меня по ходу чтения великой литературы. В частности, русской литературы. Хотя к Пушкину я относился чуть-чуть настороженно из-за его «Гавриилиады». Оттуда можно процитировать такое, что хоть уши затыкай. Какой же это моральный авторитет? А Лермонтов на меня произвел впечатление, когда я впервые прочел: «Я б хотел забыться и заснуть! Но не тем холодным сном могилы...» Я не считал Лермонтова моральным авторитетом, но все, им написанное, на меня мощно действовало, это факт. Дальше для меня настоящим авторитетом на всю жизнь стал Тютчев. В силу его воззрения на историю России. И то, что он, прожив всю жизнь в Германии, сохранился как великолепный русский мыслитель, тоже было очень важно для меня. В конце концов я оправдал даже его сложные отношения с женами: и с немками, и с последней — Денисьевой. Из наших писателей XX века для меня бесспорным авторитетом был Андрей Платонов. Я понимал, что он страдалец. Я очень ему сочувствовал. Как и Шаламову. Это мои авторитеты. Трифонов какое-то время был авторитетом, но потом я начал о нем писать. В чем-то я с ним спорил, он даже меня порицал за какие-то мои суждения. Поэтому авторитетом я не решусь его назвать. Шукшин был для меня авторитетом, но тоже не бесспорным.

— *Вы упоминаете только писателей. Но это вопрос ваших литературных симпатий, а не моральных предпочтений.*

— У меня литература неотделима от того, что я думаю о реальности.

— *А некий человек, перед которым было бы стыдно за что-то? Чье присутствие удерживало бы от дурных поступков? Помни-*

те, как у Давида Самойлова: «Нет у их. И все разрешено». А пока они живы — не все разрешено. Есть у вас такие моральные авторитеты?

— Были. Слуцкий Борис Абрамович. На него я оглядывался. На Самойлова тоже оглядывался. И на Межирова. Перед ними, перед всем этим поколением я чувствовал свою вину. Я называл троих, можно, конечно, больше назвать. Михаил Луконин, Борис Васильев... Я не рассуждал об этом никогда. Просто я так их читал и так о них писал, что мне сейчас ясно: это были авторитеты. Хотя слово «авторитеты» я не употреблял.

Общество нуждается в духовных лидерах, но их нет

— Русская интеллигенция — писатели, ученые, философы — всегда обременяла себя духовным наставничеством. Как вы думаете, эта традиция сегодня прервалась?

— С точки зрения самих наставников не прервалась. Но народ, конечно, не смотрит на них так, как смотрел прежде. Они там мечтают, пытаются заглянуть за горизонт, а нам, говорит народ, надо деньги зарабатывать, семью кормить, детей воспитывать. Нам не до духовных поисков и мечтаний.

— Ну да, теперь в чести эксперты, люди конкретного знания, те, кто сообщают полезную информацию и компетентно комментируют ее. Любой чиновник, сыплющий экономической цифирью, или вездесущий политолог, толкующий про рейтинг Путина, ныне властвуют над умами куда эффективнее, нежели бывшие пресловутые «властители дум».

— Да и дум-то нет долгих. Чем властвовать, когда нет дум? Думы — только о том, что близко лежит. Думы — только на расстояние вытянутого клюва.

— Современное российское общество не нуждается в духовных поводырях?

— В поводырях не нуждается, но в духовных лидерах нуждается. А их нет.

— Вчерашние «властители дум» (все они из обоймы шестидесятников) пасуют перед новой реальностью, плохо понимают ее. Они сетуют на «духовное обнищание нации», порицают «культ

денег» и со странной, диковатой гордостью извещают, что не владеют компьютером. В большинстве своем это умные, порядочные люди. Им приятно думать себе в утешение, что причина их нынешней невостребованности как раз в том и состоит, что они — умные и порядочные. На самом деле все банальнее: время этих людей прошло. Их устами общество полностью выговорилось в эпоху перестройки. Настоящий же день в глашатаях мало нуждается. А уж если нуждается, то не в таких. Если бы сегодня Пугачева начала раз в неделю выступать по телевизору с воскресной проповедью, она бы собрала аудиторию?

— Я бы не стал ее слушать.

— Я имею в виду массового зрителя.

— Массового — нет, но какое-то количество своих поклонников она собрала бы, наверное. Вообще-то проповедники есть. Например, Никита Михалков. И не только он. Некоторые уважаемые люди с телеэкрана весьма внятно высказались по Украине. Эти люди вызывают у меня уважение и интерес. Но я не считаю их моральными авторитетами, потому что не тут пишется это моральное авторитетство, не на этих скрижалях.

Страдание — неотъемлемая черта русской судьбы, русского характера

— У советской интеллигенции были, на ваш взгляд, общепризнанные авторитеты? Ну, скажем, Сахаров или Солженицын? Понятно, что назвать их во всеулышание «совестью нации» мало кто мог отважиться, но на этих людей хотелось внутренне равняться?

— Они не были общепризнанными авторитетами. Даже в среде интеллигенции. Но для какой-то части критически мыслящих людей они, я думаю, служили нравственным ориентиром.

— А лично для вас?

— Я с уважением относился к Сахарову и к его направлению мыслей. А философские воззрения Солженицына, его система взглядов вызвали у меня желание поспорить с Александром Исаевичем, что я впоследствии и сделал в книге «Рука творца».

— Почему в русской истории моральные авторитеты всегда

окружены ореолом мученичества, страдания, изгнанничества? Это, по сути, юродивые. Вспомните, как воспринимало Сахарова «агрессивно-послушное большинство», когда он выступал с трибуны съезда народных депутатов.

— А что ему еще оставалось, как не «юродствовать», когда такие обвинения на него сыпались. Я понемножечку смирился с тем, что страдание — неотъемлемая черта русского пути, русской судьбы, русского характера.

Советское общество было реально монолитным

— Российское общество пребывает в брожении. Универсальных, разделяемых всеми идей, объединяющих ценностей и пресловутых «духовных скрепов» — большой дефицит. Может, поэтому и нет общепризнанных авторитетов?

— То ли потому авторитетов нет, что отсутствуют «скрепы», то ли «скрепы» некому производить, потому что дефицит авторитетов. Непонятно, что здесь причина, а что следствие.

— В сегодняшней России общепризнанных авторитетов нет, потому что общество расколото. А в Советском Союзе они были, потому что общество являло собой монолит?

— Оно действительно было монолитным.

— «Монолитное единство советского народа» — это, вы считаете, был не миф, внедряемый агитпропом в массовое сознание?

— Нет, это было реальное единство. Оно держалось на дисциплине народа, который согласился на диктатуру, потому что иначе гибель. Или нашествие Гитлера и гибель всех евреев и цыган сразу, а русских чуть-чуть позже — или единство и сплоченность перед лицом смертельной угрозы. Почему русские согласились на этот ГУЛАГ чертов? От страха предательства. Ситуация была, как всегда, трагическая, безвыходная. Поэтому нужно было сплотиться во что бы то ни стало. Вот мы и сплотились. Вот мы и выкрутились. Ценой 40 или 60 миллионов жизней. Сколько мы потеряли? До сих пор не сосчитаем. Вот что было. И вот из какой обстановки рождались моральные авторитеты. Или ты признаешь, что такой-то человек для тебя, как и для всего советского народа, является моральным авторитетом — или тебя вышибают из пионеров, из

комсомола. И это был единственный путь к спасению в 1942 году.

— *То есть моральные авторитеты не выросли на общественной почве, а насаждались государством?*

— В том числе и насаждались. Вступая в пионеры или в комсомол, ты был обязан выучить и произнести торжественное обещание. Это была эксплуатация интуитивного стремления людей к моральному авторитету. Я тоже когда-то выучил и произнес это торжественное обещание. И у меня вырабатывалось чувство морального долга. Я знал, что я должен делать то-то и то-то. И не потому, что мне кто-то велел, а потому, что так надо. Я всем существом, всей жизнью своей это знал. И сейчас знаю.

Чем меньше человек говорит про моральные авторитеты, тем скорее он им следует

— *Как потребность в моральном авторитете соотносится с заповедью «не сотвори себе кумира»?*

— Да как-то странно соотносится.

— *Нет ли тут противоречия?*

— Есть противоречие. Противоречия такого рода во всяком убеждении и во всяком человеческом стремлении всегда наличествуют. Например, «не противься злу насилуем». А если зло тебя насилует, что делать? Конечно, есть противоречие. Ну и что? Мы и живем в противоречиях. Нормально. То есть это не нормально, это скорбно, это больно, но иначе не бывает. Я должен сказать, что понятие морального авторитета — оно присуще каждому человеку. И чем меньше человек говорит про моральные авторитеты, тем скорее он им следует. Потому что, когда ты следуешь моральному авторитету, ты не вопишь об этом. А если кто-то вопит, что моральные авторитеты нужны или не нужны, то это с большой вероятностью означает, что человек хочет освободиться от ныне действующих моральных авторитетов и намерен придерживаться каких-то других. Или это просто работа на публику.

Мы слишком много себе позволяем?

Диалог с психологом Еленой Новоселовой

По данным «Левада-центра», большинство россиян положительно относятся к запретительным законам, принятым Госдумой в последнее время. Почти все эти законы регулируют сферу морали и нравственности. Значит ли это, что внутренние табу уже не работают — только законом и наказанием за его нарушение можно внушить нашим гражданам представления о приличиях? «Да, только так и надо, с нами иначе нельзя», — ответили граждане результатами опроса, поддержав запрет и на курение в общественных местах, и на нецензурную лексику в кино, и на некоторые компоненты личного пространства, прежде, казалось, не нуждавшиеся в государственном регулировании. В таком подходе к запретам есть своя логика. В конце концов и заповеди Божии с их пронизанной запретительным пафосом частицей «не» («не убий», «не укради», «не лжесвидетельствуй» и т.д.) — тоже внешний закон, данный человеку для укрепления ослабевшего у него внутреннего закона — совести. Наша беда — в моральной вседозволенности? Мы слишком много себе позволяем и слишком мало запрещаем?

Запрещаю себе очень яркие проявления эмоций

— *Вы себе многое запрещаете?*

— Я очень эмоциональный человек, могу вскипеть в одну секунду, а потом очень стыдно бывает. Поэтому запрещаю себе слишком яркие проявления эмоций. Иногда запрещаю себе вести себя на тот возраст, который я чувствую внутри. Дело в том, что я себя на свой возраст не чувствую. И если бы периодически не надо было паспорт где-нибудь показывать, то я бы, наверное, вообще забыла, сколько мне лет. Я не страдаю от этого нисколько, но просто в пятьдесят шесть не веду себя как в двадцать восемь.

— *Те внутренние запреты, которые вы себе установили, — они заставляют вас делать усилие над собой? Или какие-то вещи уже просто вошли в привычку и не требуют напряжения воли?*

— Какие-то вещи совсем нелегко даются, требуют огромных волевых усилий. Я, например, очень неспортивный человек. Я очень не люблю двигаться. Я люблю на диване с книжкой полежать, могу часами просиживать за чашкой кофе. Вот тогда мне приходится усилием воли вытаскивать себя на прогулки. Что касается внутреннего состояния, то изживать из себя какие-то несимпатичные тебе качества очень трудно.

— *В чем вы не в состоянии себе отказать, хотя понимаете, что надо бы?*

— В курении. Для меня это такое удовольствие. Не удается мне утром выпить чашку кофе без сигареты. Я понимаю, что это вредно, но ничего с собой поделать не могу.

— *Какие внутренние табу удерживают вас от пагубных соблазнов?*

— Я табуировала для себя вмешательство в жизнь своих сыночек. Они у меня уже достаточно большие, одному двадцать шесть лет, другому двадцать один.

— *А вас тянет давать им советы, наставления?*

— Конечно, тянет. Все время хочется сунуть нос, сказать: сделай вот так и тогда у тебя все будет хорошо. Я запретила себе стелить им соломку, но все равно хочется стелить ее. Потому что вроде бы я такая мудрая, давно живу, все знаю.

— *Как внутренние запреты, которые у каждого свои, влияют на общественный климат?*

— Я считаю, что напрямую. Есть очень хорошее определение культуры: «Культура — это система запретов». И чем больше у нас внутренних ограничений, тем качественней человек может вписаться в общественную среду. Твои личные табу помогают тебе общаться с очень большим количеством людей, независимо от уровня их образования, культурного развития, положения в обществе. Потому что у тебя есть определенная система ограничений, и ты себе не позволяешь каких-то вещей. Мне кажется, нам всем было бы приятнее сосуществовать, даже ездить в общественном транспорте, если бы эти внутренние ограничения безотказно работали.

— *Дело в том, что эти внутренние ограничения не универсальны. У одного они одни, у другого — другие. То, что один человек считает для себя недопустимым, другой запросто позволяет себе.*

— Вы абсолютно правы. Но все-таки есть единое культурно-историческое пространство, которое формирует в нас более или менее отчетливые представления о том, что такое хорошо и что такое плохо. Человек, у которого имеется жесткая система ограничений, не станет плевать на тротуар. Человек, у которого данная система не работает, будет делать это с огромным удовольствием. Конечно, мы все очень разные и у каждого своя система внутренних ограничений. Тем не менее, есть некие общие точки соприкосновения. Поэтому всегда можно достучаться до другого человека и что-то ему объяснить.

— *Как, на ваш взгляд, соотносятся личные внутренние табу и общественная мораль?*

— Плохо соотносятся.

— *Почему? И что здесь причина, а что следствие? Можно ли сказать, что внутренние табу диктуются общепринятыми моральными нормами? Или, наоборот, каковы мы сами, такова и наша общественная мораль?*

— Все здесь взаимосвязано. Есть нормы морали, которые привнесены в общество государством путем установления определенных законов. А есть вековые традиции, в которых тоже заключена мораль. Я вам простой пример приведу. Кто бывал в Италии, тот знает, что там все пары ходят за ручку, причем, независимо от возраста. Я спросила: почему вы за ручку ходите, неужели такая неж-

ная любовь на всю жизнь? Оказалось, 250 лет назад был введен закон, предписывающий мужчине не менее четырех раз в год, то есть ежеквартально, выводить свою вторую половину либо к центральному колодцу, либо на площадь, где находится мэрия и происходят массовые гуляния, и прилюдно демонстрировать любовь и уважение к ней. Если он этого не делает, а она еще пожаловалась соседкам, что он ее в свет не выводит, то 90 процентов его имущества уплывает к ней. Тут не то, что за ручку ходить начнешь — на руках носить будешь. Об этом законе никто уже не помнит, а за ручку все ходят. Привычка.

— *Привычка хорошо себя вести, вы хотите сказать, поначалу воспитывается принуждением?*

— Да.

— *И укрепляется санкциями?*

— Именно так. Для меня это тоже серьезный вопрос. С тем же курением, например. Я даже подумывала бросить курить. И не потому, что мне здоровья жалко, а потому, что я терпеть не могу, когда мне что-то запрещают. Я лучше сама себе запрещу, но если кто-то подходит и говорит, что здесь курить нельзя, то мне хочется сразу всю пачку выкурить. Я очень не люблю всяких запретов. Но именно запрет, принуждение сформировали у итальянцев красивую традицию ходить за ручку. Если есть закон, ему надо подчиняться. При этом у тебя всегда есть твоя частная территория, где ты можешь в диалоге с самим собой или с кем-нибудь этот закон обсудить, сказать все, что ты о нем думаешь, пар выпустить.

— *Общественная мораль и личные внутренние табу могут не совпадать и даже противоречить друг другу. Это, на ваш взгляд, хорошо или плохо?*

— По-моему, хорошо. Если бы личность не сопротивлялась устаревшим моральным запретам, не было бы прогресса, и в деревнях до сих пор бы дегтем мазали ворота того дома, где живет девушка, которая лишилась девственности до свадьбы или забеременела вне брака. Мне представляется естественным, когда молодые люди подчас полностью отрицают мораль старших поколений. Молодой человек, как это ни ужасно звучит, должен в какой-то момент сказать своей маме, что ее представления о том, что можно и

чего нельзя, предположим, в семейной жизни — безнадежно устарели. Развитая личность всегда в конфликте с общепринятой моралью. Но это длительный процесс — смена моральной парадигмы.

В богатом обществе чаще возникает запрос на запреты

— Система табу, принятая в том или ином обществе, зависит от уровня его благосостояния?

— Думаю, да.

— В каком обществе больше запретов — в богатом или бедном?

— Как ни странно, в богатом. В нем чаще возникает запрос на запреты. Потому что в богатом обществе людям есть что терять. Там ценят высокий уровень жизни и боятся его снижения.

— По этой логике уровень жизни в России надо признать высочайшим — столько запретительных законов появилось в последнее время.

— Некоторые из этих запретов я воспринимаю как унижительные. Ощущение, что меня держат за человека слабоумного, неспособного за себя отвечать. Меня потрясло предложение принять закон о скрытой выкладке алкоголя в супермаркетах. Вот я, значит, вхожу в магазин, а там тряпочка, закрывающая витрину. Слава богу, одумались.

— Как телевидение меняет наши представления о приличиях? Скажем, программа «Пусть говорят» — сладострастное нарушение элементарных табу. Выволакивать на всеобщее обозрение свои семейные дрызги, прилюдно полоскать свое и чужое грязное белье... Когда и где это видано было?

— Демонстрировать свое «белье» широкой аудитории первыми начали наши звезды. И кто-то подумал: если звездам можно, почему мне нельзя? Вот приду в студию и расскажу, как муж меня бьет смертным боем или как моя мать сожигательствует с алкашом, да еще и мою квартиру хочет оттяпать... А чего стесняться? Телевидение настолько уже развратило людей, настолько стерло грань между допустимым и недопустимым... У таких программ огромные рейтинги. Потому что нет для обывателя ничего слаще, чем заглядывать в замочную скважину.

Цивилизация началась с отказа от каннибализма

— *Какие табу пришли к нам из древности?*

— Я думаю, вся цивилизация началась с отказа от каннибализма. А вот запрет на убийство единоплеменника не возымел столь сильного воздействия. Это табу, к сожалению, не состоялось. Зато с формированием семьи появилось табу на супружескую измену. Укреплению этого табу немало поспособствовали религиозные и государственные институты. Тем не менее, из века в век многие супруги изменяют друг другу. Причем, что прощается мужчине, то не прощается женщине. В русских деревнях бабы говорили: лишь бы мужик в доме был — крышу починить, скот накормить-напоить, детям по заднице дать. Тяжело женщине одной-то. А то, что он с Нюρκой где-то в стогу кувырчался — да нехай, не измылится! Раньше мужская роль была очень определенной: добытчик, опора семьи. А в нынешние времена мужчина — это, скорее, для романтических отношений. Поскольку женщина сама себя способна обеспечить. И при жажде романтических отношений измена вызывает какой-то первобытный ужас. Страдания от измены, боязнь этих страданий — одна из причин, почему некоторые девушки боятся выходить замуж: а вдруг он изменит? Измена — это нарушение важного табу и поэтому она так болезненно воспринимается.

Сильных табу современная цивилизация не производит

— *А может, никаких табу не существует? Может, то, что мы называем системой запретов, — это просто система предрассудков?*

— Я бы не согласилась с таким утверждением.

— *Ну почему же? Если жены все равно изменяют мужьям, мужья — женам, то табу на измену разве не предрассудок?*

— Надо отличать традиции от табу. Вот традиции — это в каком-то смысле действительно предрассудки прошлого, которые еще имеют влияние на настоящее, что-то формируют в нас. Табу же — вещь более основательная, более глубокая, более древняя, потому что лежит в основе культуры. Традиция — производное от многих вещей. А табу — самостоятельная культурная норма.

— Но если табу не работают, то зачем они? Плодить ханжество и лицемерие?

— Нам бы не перепутать табу и нравственные запреты, это не одно и то же.

— В чем разница?

— Табу неколебимо. Нарушение его в оные времена влекло за собой сокрушение либо самого человека, либо его племени, рода. Это как проклятье, это — навсегда. С нравственными законами, которые меняются со скоростью света, дело обстоит иначе. Их можно хитро обойти. Можно придумать себе удобное оправдание. Можно индульгенцию купить. Можно согрешить и покаяться. Нарушение нравственных законов не смертельно, в отличие от нарушения табу. Настоящие табу мы несем в себе и передаем из поколения в поколение. Табу — это абсолютная невозможность какого-то поступка. Невозможность ни при каких обстоятельствах переступить ту черту, которую переступать нельзя. Таких сильных табу современная цивилизация не производит. Она производит массу запретов, которые очень часто потом отменяются, потом вновь возникают по каким-то причинам.

Мне непонятна апелляция к «семейным ценностям»

— Какие табу представляются вам устаревшими?

— Табу «Домостроя». Патриархальная семья совершенно невозможна в наше время. Мне непонятна апелляция к так называемым «семейным ценностям». Я посвятила достаточно много времени изучению этого понятия, перелопатила горы литературы — и никаких таких «семейных ценностей» не обнаружила. Они либо общечеловеческие, либо целиком почерпнуты из «Морального кодекса строителя коммунизма», который своими корнями уходит в Нагорную проповедь. Поэтому призыв коленками назад двигаться к неким «семейным» (читай патриархальным) ценностям меня очень смущает, мягко говоря. Россия была страна крестьянская. В крестьянских избах дети спали с родителями на одних полотах, следующее поколение зачиналось на глазах этих самых детей, сексуальные отношения не составляли для детей абсолютно никакой тайны, в большом ходу был мат. Мы про это? Или мы про дворянские гнезда, где флигели, мужской и женский, были по разные

стороны, и для дворовых девушек дверь открывалась. Мы про что? Мне все время хочется понять: мы про какие ценности? Скажите — мы построимся и пойдем. Лишь бы было понятно, куда и зачем. Ну какие такие, скажите, «семейные ценности» могут быть в эпоху биоинженерии, которая сейчас наступает? Наука и технический прогресс будут менять парадигму отношений в обществе, в том числе и в такой его ячейке, как семья. Недавно какой-то японец добился феноменального результата — создал искусственную матку, в которой зачатие произошло абсолютно так же, как оно происходит в природе, и эта матка сама родила. То есть эта матка девять месяцев делала все, что ей положено, и вовремя произвела на свет какую-то зверушку. Это для нашего сознания мало сказать революция — это вопрос ценности жизни, вопрос Бога, нравственности, вопрос отношения к детям, женщине, мужчине. Это вообще переворот. Мы даже себе представить не можем, насколько мир может быть другим. Я не хочу сказать, лучше или хуже, просто — другим. И наша задача — принять его.

— *Какие вещи, на ваш взгляд, не поддаются табуированию?*

— Сексуальные, например. Хотя найдутся депутаты, которые попытаются и здесь установить строгий порядок. Наверное, не поддается табуированию и что-нибудь, связанное с потусторонним миром или с жизнью и смертью. Не уверена, что это может быть табуировано на уровне общества, но на уровне отдельной личности — вполне.

Запретов не должно быть много

— *Что бы вы запретили в нашем обществе?*

— Я бы штрафовала за хамство. Хотя понимаю, что оно непреодолимо. Тем не менее, хамство я бы запретила с огромным удовольствием. Глупость? Ее не запретишь, к сожалению. Я бы запретила матерям жить только ради детей. Я бы их насильно трудоустроивала, насильно водила бы в театры, музеи, старалась бы чем-то их занять, только чтобы ребенок не слышал от них этой чудовищной фразы: «Я тебя родила для себя».

— *Пафос студенческих волнений во Франции в мае 1968 года выражался знаменитым лозунгом: «Запрещается запрещать!» Это был протест против абсурда. Потому что если все запреще-*

но, то ничего не запрещено. Неисчислимое количество запретов вызывает не ужас, а смех. В то же время общество не может жить без ограничений. Кто должен определять, где эти ограничения нужны, а где не нужны? Само общество? Власть? Индивидуум?

— В каких-то случаях — власть, в каких-то — общественные институты, в каких-то — сам человек. Но запретов не должно быть много, потому что под регуляторами наших отношений, поступков, представлений о добре и зле лежит огромный пласт того человеческого сообщества, к которому мы принадлежим, а именно — русская культура. И нам, впитавшим ее, не надо запрещать какие-то вещи — они понятны еще с букваря.

Слезами горю не поможешь?

Диалог с психологом Еленой Станковской

У кого-то кто-то умер. Или не у кого-то (хотя все равно у кого-то), а «мы все осиротели», если это, допустим, известный артист. Надо что-то сказать и сделать по этому поводу, но что и как? Дежурное «держись», сопровождаемое крепким стискиванием за плечи, «держаться» мало помогает. Ободряющие слова звучат фальшиво. Казенная скорбь некрологов никого не трогает. По всем признакам у нас нет культуры выхода из трагических положений, одоления несчастий, проживания траура. Мы не умеем горевать.

Горе — это интимный процесс, и он у людей протекает по-разному

— *Какие слова вы стараетесь подбирать, когда надо выразить сочувствие, утешить, поддержать человека в его горе?*

— Обычно я говорю, что происшедшее действительно очень печально, мне жаль, что это случилось. Дальнейшие слова зависят от того, какие у меня отношения с человеком. Иногда я спрашиваю: как ты себя чувствуешь, могу ли я чем-то тебе помочь? Бывает, задаю вопрос: что для тебя сейчас самое тяжелое? И человек начинает рассказывать, что именно с ним сейчас происходит. Утрата всегда очень конкретна и индивидуальна. Подчас у человека умирает близкий родственник, но это не переживается как серьезная утрата, а случается и наоборот: уход из жизни, например, любимого артиста вызывает душевное потрясение.

— *В том, как выражается соболезнование, тоже нужна мера?*

— Да. Громогласные причитания, преувеличенная скорбь не-

редко выглядят фальшиво. Соболезнования должны быть соразмерны человеку и его переживанию. Если утешающий находится в большей истерике, нежели тот, кто нуждается в утешении, то это производит странное впечатление, а главное — отвлекает обьютого горем человека от его чувств и переживаний. В таких случаях сдержанность более уместна. Я обычно «нормирую» любые переживания горя. То есть своим клиентам рассказываю, что горе — это интимный процесс, и он у людей протекает по-разному. Например, встречаются люди, которые, теряя родителей, переживают это как облегчение. Потому что отношения с этими родителями были невыносимыми. Беседуя такими людьми в момент утраты, я говорю им, что чувство облегчения, освобождения, которое они сейчас испытывают, — нормальное, естественное чувство, и не надо его стесняться. Если отношения были запредельно мучительны, а перспектива пугающей, то чего уж тут убиваться. У одной моей клиентки отец страшно пил, и она боялась, что однажды он сляжет и станет для нее тяжелой обузой. И когда отец внезапно скончался, то значительная доля переживаний моей клиентки могла быть названа словом «облегчение». Родственники называли ее бесчувственной. Но облегчение здесь очень понятное чувство. Оно адекватно тем отношениям, которые у этой женщины были с отцом при его жизни. И мое соболезнование ей выражалось примерно такими словами: «Мне жаль, что твой отец умер, и мне жаль, что у вас были такие отношения с ним. Тем не менее, я понимаю, что ты сейчас переживаешь облегчение, и могу разделить это чувство с тобой». Обвинять такого человека в бесчувствии, чем сладострастно занимаются родственники и соседи, — это ханжество и лицемерие.

Надо дать волю слезам

— *Считается, что человека, переживающего утрату, нужно обязательно отвлечь от горьких чувств и мыслей, переключить на что-то позитивное. Мальчик потерял родителей, его сдали в приют, директриса говорит: «Не горюй, завтра пойдем с тобой цирк, там акробаты и клоуны, тебе понравится».*

— Это абсурд, дикость. Обычно родственники боятся, что ребенок может не выдержать непосильной для детской психики

эмоциональной нагрузки и поэтому, мол, нужно его «отвлечь», «переключить», придумать какое-то защитное поведение. С одной стороны — да, постоянно находиться в горе тяжело, надо как-то выкарабкиваться из него. С другой — не стоит доходить до абсурда в способах «отвлечения» и «переключения». Здесь нет универсальной, единственно правильной траектории поведения. Правильная траектория выстраивается из конкретных переживаний конкретного человека. Ребенок плачет, ребенку плохо, надо что-то ему предложить, но так, чтобы его действия, особенно на первых порах, не заслоняли от чувств, а помогали их выдерживать, давали энергию для переработки тяжелых эмоций.

— *Мне кажется, у нас нет культуры переживания горя. Ослепшему от слез человеку говорят, стиснув его за плечи: «Держись, не плачь!» Но почему не дать волю слезам? Почему не погрузиться в отчаяние? Почему, черт возьми, надо «держаться», когда наша традиция переживания утраты как раз в том веками и состояла, чтобы дать человеку максимально «расстроиться», чему помогали профессиональные плакальщицы и незыблемый ритуал?*

— Абсолютно с вами согласна, не надо мешать человеку, которого постигло несчастье, плакать в полный голос. Невыплаканное горе, неоплаканная утрата могут потом привести к депрессии. Говоря научным языком, проживание горя заключается в том, чтобы обработать утрату каких-то ценностей и прийти к новым отношениям с этими ценностями. Один из моих учителей в области психологии приводит такой образ: когда происходит утрата, у нас образуется «бочка» слез по этому поводу. Слезы — наш способ пережить разрыв связи с некой ценностью и какое-то время оставаться соединенным с ней. Вы можете отплакать быстро, и тогда «бочка» опорожнится и перестанет вас отягощать. Вы можете плакать «по чуть-чуть» и тогда какое-то время будете с этой «бочкой» ходить. Вы можете вообще не плакать, но тогда к этой «бочке» вы будете прикованы, вам придется тягать ее.

— *Пережить горе — это выстроить свои отношения с упомянутой «бочкой»?*

— Это выстроить новые отношения с тем, что мы утратили. Утрата — не финальная точка отношений с тем, что нам дорого. Если говорить про смерть, радикальную форму утраты, то

это значит, что я не могу физически прийти к этому человеку, не могу потрогать его, не могу услышать его голос вживую. Но это не значит, что мои отношения с ним закончились. Прежняя форма отношений — да, она завершилась. Задача горя — найти новую форму для этих отношений. В психотерапии есть две метафоры по поводу того, что значит правильно горевать. Одна метафора — сказать «прощай». Она была популярна долгое время, когда психотерапевты побуждали своих клиентов попрощаться с ушедшим, осознать, что отношения закончились, и жить себе дальше. Но в большинстве случаев это не работает. А для случаев осложненного переживания горя эта стратегия совсем плоха. В 90-х годах Майкл Вайт, австралийский нарративный психолог-практик, написал статью «Снова сказать “здравствуй”». Его идея о правильном сопровождении людей в процессе горевания заключается в том, что не надо побуждать их говорить ушедшему «прощай», наоборот, следует снова сказать ему «здравствуй» и таким образом открыть новую форму отношений с ним. С одной клиенткой мы обсуждали уход ее отца. Она очень тяжело его переживала. И мы стали размышлять, какую жизнь отец хотел бы для нее, как бы порадовался ее нынешним успехам и достижениям. Вот это и означает снова сказать «здравствуй».

— *Но горе — это не обязательно потеря близкого человека. Можно потерять здоровье, работу, деньги, да мало ли событий, переживаемых как большое несчастье.*

— Да, феноменология утраты гораздо шире, чем смерть. Утраты происходят постоянно. А горе — это процесс переживания утраты. Здесь я обычно опираюсь на несколько вопросов. Я всегда исследую, что, собственно, человек утратил. Потому что любую потерю нужно оплакать соразмерно тому, насколько эта потеря весома.

— *И что изменится от того, что потеря будет оплакана? Сказано ведь: «Слезам горю не поможешь».*

— Это расхожее заблуждение. Слезы именно что помогают. Они помогают человеку выразить свои чувства, освобождают от загнанных внутрь негативных эмоций, облегчают душевную боль. Одна из моих задач как психотерапевта — помочь человеку повернуться к своей боли, обнять ее. Когда приходят слезы, у боли по-

является дно. Плакать можно и нужно. Слезами горю поможешь.

Подчас страдание так велико, что человеку не хочется ни пить, ни есть

— *От горя надо защищаться?*

— В горе надо себя поддерживать. Потому что горе — энергоемкий процесс. Подчас страдание так велико, что человеку не хочется ни пить, ни есть — все силы уходят на переживание. Я задаю клиентам простые вопросы. Едят ли они? Как у них со сном? Что для них сейчас было бы хорошо — побыть одному или находиться в окружении людей? И еще всегда стараюсь выяснить, что означает для человека та или иная утрата. Допустим, человек потерял работу. Первый вопрос: что именно ты потерял, потеряв работу? Ты потерял амбиции и самоуважение? Или ты потерял дело, в которое инвестировал средства и десять лет своей жизни? Или ты потерял доверие своей семьи, которая на тебя рассчитывала и которую ты подвел? От ответа на эти вопросы зависит, чем и как можно помочь человеку в его несчастье.

— *Почему у нас принято стесняться своего горя, даже стыдиться его?*

— Это действительно так. И это приводит, как правило, к самоизоляции человека, тем самым затрудняя переживание горя. А одна из причин тому — социальная установка на благополучие и преодоление всяческих невзгод. Весь наш двадцатый век прошел в бедах, несчастьях, утратах и призывах, что бы там ни случилось, «стойко пережить» и «гордо вынести». Отсюда всегдашнее стремление не подавать виду, что тебе плохо. Отсюда неиссякаемая популярность глаголов «крепись», «держись», «не унывай».

— *Что такое культура горя и как она формируется?*

— Ее формирует традиция. И во многом — религия. Культура горя — это совокупность определенных идей и социальных практик, которые задают человеку некую модель переживания. Тема утраты и тем более смерти — это настолько важная сфера человеческого бытия, что, конечно, культура здесь выработала четкие каноны и ритуалы. Ведь что такое ритуал? Это способ сопроводить человека в его переживании. Похороны, поминки, сорок дней, годовщина — это все совокупная культура горя.

— Вот я как раз о том, что эта культура утрачена. Мы впадаем в растерянность при сообщении о горе, постигшем ближнего, — не знаем, что сказать и что сделать. Прощание с умершим длится пятнадцать минут, строго отмеренных процедурой, а потом все стараются поскорее выпить, и поминки нередко кончатся дракой. Не оттого ли все это, что в СССР, «стране счастливых людей», горе было фактически под запретом, и сегодня мы не умеем ни по-человечески выразить соболезнование, ни достойно проститься.

— К сожалению, это так. Зато мы хорошо умеем стыдить кого-то за «недостаточное проявление чувств» или, наоборот, обвинять в «выставлении чувств напоказ» — таковое обвинение обычно раздается в адрес европейцев, сотни тысяч которых выходят на центральные улицы, чтобы проститься с жертвами террора. Но мало-помалу мы тоже начинаем сообщать переживать траур. Это очень важно — когда тысячи людей собираются вместе, зажигают свечи, таким способом выражая свое несогласие с тем, что у кого-то была варварски отобрадена жизнь.

— Горе людей сплачивает или разобщает?

— Бывает и так, и так.

— Разделенное горе — это полгоря?

— Да. Разделенное горе — это встреча и с самим собой, горящим, и с сопереживающим тебе человеком.

— Горе делает душу богаче или опустошает ее?

— Я бы сказала, что пережитое горе может углублять и нас самих, и наши отношения с другими людьми. Оно может создавать более точную систему ценностей и приоритетов. Наконец оно может быть практикой, помогающей нам проявлять сострадание к ближнему в тяжелую для него минуту и дающей нам право надеяться, что в такую же минуту сострадание будет проявлено и к нам.

Мы привыкли к бедности?

Диалог с экономистом Лилией Овчаровой

Впервые за годы постсоветского развития реальные денежные доходы и потребление падали несколько лет подряд. В результате два последних года, отмечает в мониторинге социального самочувствия Высшая школа экономики, реальные располагаемые доходы граждан сократились на 12,7 процента, пенсии в реальном выражении стали меньше на 7,7 процента. Темпы падения потребительской активности опережают спад доходов — с октября 2014 года по ноябрь 2016-го розничный товарооборот сократился на 15,4 процента. За время кризиса продукты подорожали на 24,8 процента, непродовольственные товары — на 24,3 процента, а доля семей, которым не хватает денег на одежду и еду, достигла 41 процента. Опросы, которые ежемесячно проводит Высшая школа экономики, показали: 27 процентов россиян не способны оплачивать услуги ЖКХ, у 18 процентов нет денег на лекарства, 13 процентов не имеют средств для погашения кредитов. При этом подавляющее большинство граждан (78 процентов) не считают свое материальное положение плохим. По данным исследования, проведенного холдингом «Ромир», 72 тысяч 700 рублей достаточно российской семье из трех человек для «нормальной жизни». Мы привыкли к бедности?

Впервые за последние четыре года численность бедного населения сократилась

— *Сколько миллионов россиян сейчас находятся за чертой бедности?*

— Последняя цифра получена в первом квартале 2017 года — 22 миллиона. Столько человек имеют доходы ниже прожиточного минимума. Это 15 процентов населения. А в предыдущем году за чертой бедности находилось 16 процентов россиян, то есть примерно на 1 миллион 700 тысяч человек больше.

— *Уменьшение за год на один процент доли людей с доходами ниже прожиточного минимума — это уже тенденция или случайность?*

— Сегодня это свидетельствует о повышении уровня жизни отмеченных 1,7 миллиона человек. Однако доля населения с доходами ниже прожиточного минимума зависит от двух обстоятельств. Во-первых, от тех изменений, которые происходят в уровне жизни людей. И, во-вторых, от того, как этот уровень измеряется. Измерение же, в свою очередь, зависит от того, по каким критериям определяется бедность и какие источники информации используются, чтобы ее замерить. Поэтому если вы вносите какие-то изменения в определение линии бедности, а мы периодически это делаем в нашей стране, то у вас может меняться доля бедных, при том что уровень жизни, допустим, никак не изменился.

— *Для измерения уровня бедности есть официальная методика?*

— Есть и официальная, и много других методик. Официальная оперирует понятием «доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, утвержденного на основе действующей минимальной потребительской корзины», которая один раз в пять лет пересматривается. Сейчас прожиточный минимум — в среднем 9909 рублей. Дальше идет градация: пенсионеры, дети и трудоспособные. В последние годы тенденция была следующая. В 2014, 2015 и 2016-м доля бедного населения увеличивалась. Если в 2013 году бедных было 15,5 миллиона, то в 2014-м их стало 16,1, в 2015-м — 19,5, а в 2016-м — 19,8. Но судя по результатам первого квартала 2017 года, число бедных начнет сокращаться. И это новая тенденция.

— *Она имеет объяснение?*

— Да. Я думаю, мы начинаем выходить на тренд экономического роста. Это результат достаточно низкой инфляции в течение

2017 года. Поэтому есть надежда, что этот год станет в некоторой степени переломным, и мы выйдем на экономический рост. Кстати, почему вы решили, что наступает привыкание к бедности? Что вас подвигло к такому выводу именно сейчас, когда ситуация в экономике несколько улучшилась, а число живущих за чертой бедности уменьшилось за год на один процент?

— *Я не думаю, что российская привычка к бедности — это феномен сегодняшнего дня. Это, на мой взгляд, вековое.*

— Бедность бывает разная. Если сравнивать с какими-то более или менее успешными странами, то Россия не самая бедная из них. Россия — страна со средним уровнем доходов. А бедность — она часто относится к определенному этапу жизненного цикла человека. Например, дети обычно имеют более высокие риски бедности. И есть этапы жизненного цикла, когда риски бедности минимизированы. Скажем, когда вы работаете примерно пять-шесть лет после завершения вашего образовательного цикла.

Лучший инструмент против бедности — образование

— *То есть вы полагаете, что говорить о нашем привыкании к бедности нет оснований?*

— Привыкание к бедности в любой стране — это когда отсутствуют социальные лифты для детей. Если дети рождаются в бедных семьях и общество не дает им никаких социальных лифтов, то возникает застойная бедность, воспроизводство бедности из поколения в поколение. Поэтому лучшим инструментом против бедности является образование. Чем выше образование, тем ниже риски бедности.

— *Но посмотрите, кто учится у нас в обычных школах и кто — в частных лицеях. Социальный состав учащихся там и тут, как правило, однороден. Как раз поэтому риски бедности в России и высоки, на мой взгляд.*

— Да, это так. Элитные школы, где учились дети привилегированных слоев общества, были и в советское время. Но большинство стран практикует «перемешивание» в одной школе детей из разнообеспеченных семей. Делается это и у нас. Хотя все равно те или иные элементы сегрегации неизбежны. И чаще всего они связаны с местом жительства. Потому что дети учатся, как прави-

ло, поблизости от дома. Но у нас даже на одной территории более сильные школы отбирают более одаренных и более подготовленных детей. А более слабые школы довольствуются тем, что остается. Так или иначе, любая страна старается бороться с сегрегацией. Многие развитые страны стремятся, чтобы дети попадали в образовательные учреждения как можно раньше. Есть социальные лифты и для взрослых. Для мужчин, например, это армия. И у нас, и во многих других странах, особенно в Израиле, она является для бедных каналом восходящей социальной мобильности. Для женщин таким каналом часто является замужество. А если девушке из сельской местности удастся уехать учиться в какой-то населенный пункт более высокого уровня, да там еще и выйти замуж — это для нее просто восхождение по социальной вертикали.

Если вы одинокий пенсионер или супружеская пара пенсионеров, у вас не будет доходов ниже прожиточного минимума

— *Какова структура бедного населения. Какую долю в ней занимают дети, пенсионеры, трудоспособные?*

— Есть понятие «профиль бедности». Это анализ структуры бедного населения. Если говорить об официальной для России линии бедности, стоимости минимальной потребительской корзины, то самые высокие риски бедности у детей, а самые низкие у пенсионеров. Самое высокое представительство среди бедных — люди трудоспособного возраста — порядка 60 процентов. Просто потому, что их больше — примерно половина населения нашей страны. Поэтому даже при более низких рисках бедности в общей численности населения доля трудоспособных высока. Примерно треть бедных — дети.

— *А доля пенсионеров?*

— Они составляют примерно 6 процентов от численности бедного населения. И риски монетарной бедности пенсионеров у нас очень низкие. Потому что каждому пенсионеру государством гарантируется индивидуальный доход не ниже прожиточного минимума. Даже если ваша пенсия по каким-то причинам ниже прожиточного минимума, то вы получаете доплату либо из федерального, либо из регионального бюджета. Так что в России доходы ниже прожиточного минимума имеют только те пенсионеры,

которые проживают вместе с другими членами семьи, не имеющими доходов. А если вы одинокий пенсионер или супружеская пара пенсионеров, то ваши доходы всегда будут не ниже прожиточного минимума.

— *В России нет бедных пенсионеров?!*

— По официальному для России критерию бедности — это так. Но если будем использовать другие определения бедности, например, будем анализировать потребление, то самые высокие риски бедности как раз у пожилых. Их доля самая высокая в общей численности бедного населения. И уровень бедности по относительным лишениям примерно в полтора раза выше. Порядка 30 процентов пенсионеров экономят на питании, чтобы оплатить услуги ЖКХ и лекарства, поэтому субъективно они ощущают себя бедными, и качественные характеристики питания у них хуже, чем это предусмотрено в минимальной потребительской корзине. Причина в том, что минимальная потребительская корзина не учитывает адекватно потребности лиц старших возрастов в лекарствах и их расходы на жилье. Стоит пояснить про расходы на жилье: в прожиточный минимум они включены исходя из норм жилья на одного человека, а в пожилом возрасте, когда дети создают семьи и покидают отчий дом, многие пенсионеры проживают в жилье большего размера и платят за жилье больше, чем предусмотрено в минимальной корзине.

— *Почему по потреблению пожилые люди чаще всего попадают в число бедных?*

— По двум причинам. Первая — это оплата медицинских услуг и медикаментов, поскольку минимальная потребительская корзина не учитывает адекватно потребности лиц старших возрастов в лекарствах. Вторая — высокие расходы на оплату жилищно-коммунальных услуг, которые включены в прожиточный минимум исходя из нормы жилья на одного человека. Но дети вырастают и покидают отчий дом, а их пожилые родители, проживая в жилье большего размера, платят за жилье в 2-3 раза больше.

Субъективная бедность примерно в два раза выше, чем бедность объективная

— *Имеет значение удовлетворенность или неудовлетворенность человека своим материальным достатком. Вы это учитыва-*

ваете, когда измеряете бедность?

— Да, это еще одна из концепций измерения бедности. Традиционно для такого измерения бедности людям задают вопрос: относите ли вы себя сами к бедному населению? И эти вопросы задают обычно в двух постановках. Первая: вы себя считаете или не считаете бедным? И вторая, она ближе к оценке бедности на основе анализа потребления: на что хватает вам ваших текущих денежных доходов? И вот этот показатель бедности всегда самый высокий в нашей стране.

— Тем не менее 78 процентов граждан не считают свое материальное положение плохим.

— Все зависит от того, как вы спрашиваете. Если вы проводите исследование по бедности и пытаетесь замерить потребление, доходы и субъективную оценку, то, как правило, получаете оценки субъективной бедности на уровне 30 процентов. Если вы спрашиваете «быть бедным стыдно или не стыдно?», «кто виноват в вашей бедности — вы или государство?», то получаете более низкие оценки субъективной бедности, потому что намекаете: говорить, что ты бедный, не очень прилично, и в том, что ты бедный, есть в какой-то степени твоя личная вина. Очень часто еще любят задавать такой вопрос: «Многие считают, что бедные — это в основном лентяи, наркоманы, алкоголики. Вы согласны или не согласны с таким мнением?» Поэтому я всегда говорю, что нужно смотреть, как задавался вопрос.

— Людей бедных по самооценке — насколько их больше у нас, чем бедных в денежном измерении?

— Субъективная бедность примерно в два раза выше, чем бедность объективная, монетарная. Есть люди, которые, скажем, имеют доходы в два— три раза выше, чем стоимость прожиточного минимума, но у них что-то произошло в уровне жизни. Допустим, родился ребенок. Или кто-то в семье потерял работу. То есть у них произошло снижение уровня жизни. Не бедность к ним пришла, а случилось обеднение, снижение уровня жизни. Возможно, они только приблизились к бедности, но субъективно начинают считать себя бедными. Хотя по сравнению со стандартом жизни большинства населения или со стоимостью минимальной потре-

бительской корзины они могут таковыми не являться. Или возьмем те же 78 процентов, о которых вы говорите. Это бедные люди, которым задали вопрос: хватает ли вам текущих денежных доходов на базовое потребление? Они ответили: да, хватает. Но среди них 10 процентов покупают только самую дешевую еду, имеют поношенную одежду и не покупают в полном объеме назначенные врачом лекарства. Потому что они уже привыкли так жить. Таковы стандарты их потребления. Для политиков, находящихся у власти, неприятны именно периоды обеднения масс. Особенно когда происходит обеднение экономически сильных групп населения. Это создает широкую почву для социальной напряженности. С точки зрения развития, экономического роста, наиболее проблемная группа — это те люди, которые долго живут в бедности и которых очень трудно мотивировать на самостоятельные действия, позволяющие преодолеть бедность.

Бедный заемщик всегда безответственен

— Дело, на мой взгляд, усугубляется тем, что воспроизводство бедных сопровождается формированием у них особой субкультуры бедности. То есть растет число трудоспособных людей, не желающих работать. Они стремятся стать получателями социальной помощи, уповают на государство, полагаются только на власть.

— Я бы сказала так. Если вы живете по стандартам бедности, то всегда будете мыслить в патерналистских категориях. Для вас потеря ста рублей будет считаться очень серьезной потерей. Вы не станете рисковать ста рублями ради того, чтобы заработать или не заработать, предположим, тысячу рублей. Для вас важно, чтобы было сто. Потому что, если вы потеряете эти сто, вам не на что будет хлеба купить. Инвестиционное поведение возникает тогда, когда базовое потребление у вас составляет не менее пятидесяти процентов от вашего дохода. Тогда вы уже начинаете думать о каких-то инвестициях. Допустим, об инвестициях в образование. Или об инвестициях в более качественное жилье. При этом вы понимаете, что у вас есть некая подушка безопасности. Даже если ваши инвестиции, например, в здоровье, окажутся неоправданными, вам не страшно их потерять. Потому что у вас есть вот эти пятьдесят процентов, которые гарантируют вам покупку одежды,

продуктов, оплату жилья. И когда я слышу, что нашим реформаторам не повезло с населением, я говорю, что это, скорее всего, населению не повезло с реформаторами. Потому что средний класс рос достаточными темпами и где-то к 2007 году у нас примерно 35 процентов населения имело то, что называется потребительским стандартом развития. Базовое потребление у этих людей составляло лишь 50 процентов, дальше они выбирали разные модели инвестирования. А 65 процентов подразделялись следующим образом: 30 из них были протосредние, то есть близкие к среднему классу, 20 — протобедные, то есть, скорее, похожие на бедных, а остальные относились к беднейшему слою.

— *По данным «Левада-центра», 72 процента граждан не имеют сбережений. Это потому, что большинству едва хватает на еду, одежду, оплату жилья и просто нечего откладывать «на черный день»? Или нет привычки заглядывать в свое будущее и самому отвечать за него?*

— Я не вижу в этом ничего страшного. По объему сбережений на депозитных счетах в банках мы мало чем отличаемся от американцев. Более того, они активно живут в кредит. Правда, для них депозитные счета в банках не являются основной формой хранения сбережений. Их накопления — это ценные бумаги и другие финансовые активы. У нас численность людей, живущих за счет кредитных ресурсов, конечно, меньше, чем в той же Америке или европейских странах. На самом деле, когда люди не накапливают сбережения на крупные приобретения, а покупают их в кредит, а затем, имея кредитные обязательства, стремятся больше заработать, — это мощный инструмент развития.

— *ЦБ каждый год фиксирует рост просроченных кредитов. По данным компании Fitch Rating, россияне задолжали банкам за 2016 год 11 триллионов рублей. И таких должников 40 миллионов человек — более половины экономически активного населения страны. Из них только 8 миллионов в состоянии обслуживать свой долг. Это называется безответственное поведение заемщиков, которое — часть субкультуры бедности. Не так ли?*

— Я не очень доверяю этим данным, но бедный заемщик всегда безответственен. И банки это знают. Кроме того, некоторые банки были выстроены как пирамиды, и никто в этих банках не со-

бирался ни взыскивать долги с заемщиков, ни платить по вкладам. Это грехи банковской системы, а не бедного населения. Банковское сообщество знает, что бедные легко берут кредит. А средние слои населения осторожно втягиваются в кредитные отношения, особенно на фоне высоких процентных ставок и низкой инфляции. Высокая инфляция стимулирует спрос на кредиты, так как кредитные обязательства обесцениваются.

Бедность никогда не является социальным динамитом

— *Все-таки привыкание к бедности опасно или нет?*

— Если человек не был бедным, но становится таковым, то для него это очень дискомфортный процесс. Если же между деятельной попыткой выбраться из бедности и безвольным согласием с ней он выбрал последнее, то это создает дискомфорт уже для общества. Потому что такие люди часто ведут социально неприемлемый образ жизни. Они обычно отличаются и худшим здоровьем, которое требует государственных инвестиций. Таких людей трудно вернуть на рынок труда, и чтобы они вновь туда вышли, тоже требуются инвестиции. Словом, если человек привыкает к бедности, это в большей степени становится проблемой для его окружения, чем для него самого.

— *Насколько реален сегодня в России социальный взрыв на почве массовой бедности?*

— Бедность никогда не является социальным динамитом. Другое дело, что бедных всегда можно мобилизовать на что-то и использовать как инструмент. Но, например, ни в Февральской, ни в Октябрьской революциях бедные не были движущей силой. Бедные умеют жить в состоянии бедности и против такой жизни не восстают.

Деньги портят людей?

Диалог с научным руководителем Института экономики РАН Русланом Гринбергом

У кого денег нет, тот постоянно в них нуждается. У кого они есть, нуждается в них еще больше. Но пословицу «Не в деньгах счастье» придумали все-таки первые. С тех пор как деньги вошли в обиход человечества, их существование сопровождается предрассудками, небылицами, суевериями. Деньги наделяются магическими свойствами. Их фетишизируют и окружают показным равнодушием, обожествляют и презирают, возвеличивают и низводят до «всеобщего эквивалента». А брезгливое, ханжеское отношение к деньгам — это то, на чем выросло и воспиталось несколько поколений советских людей. Не потому ли мы бываем не по средствам расточительны и неразумны в житейских тратах, что не любим деньги или не умеем их любить?

Для теперешней России никакая большая сумма не будет значительной

— *Какую сумму вы для себя считаете значительной?*

— М-м-м... Как ни странно, вопрос трудный. Мало запросишь — не поверят, много — скажут, обнаглел совсем. Даже не знаю, что вам сказать. Для теперешней России, где экономическая турбулентность скорее правило, а не исключение, и где деньги имеют гипертрофированное значение, никакая большая сумма не будет значительной. Мы возвращаемся в первозданный капитализм, то есть в капитализм без всякой социальной инфраструктуры. А это означает, что от роддома до могилы вы должны сами платить за

все. Очень сложный вопрос вы задали. Он экзистенциальный для России. Если бы я жил в Польше или, скажем, Австрии, я бы более или менее уверенно мог сказать, сколько мне надо денег. Потому что там при почти нулевой инфляции и обширном наборе бесплатных общественных благ (образование, здравоохранение, культура) все более или менее прогнозируемо. А Россия — особый случай. Особый потому, что здесь, во-первых, все кругом коммерциализируется, а, во-вторых, почти везде монопольное картельное ценообразование. Месяца два-три тому назад знакомый человек просил меня помочь ему устроить участок на одном кладбище. Тогда это стоило 300 тысяч рублей, а сейчас — уже 700. Неопределенность будущего беспрецедентна. Все очень зыбко. К тому же время от времени мне приходится тратить собственные деньги на финансирование журнала «Мир перемен», так как спонсоры меняют свои предпочтения, да и сами они все чаще испытывают финансовые затруднения. Так что не могу вам сказать, сколько денег мне надо для «полного счастья».

— *Тогда еще один личный вопрос. Вы даете деньги в долг?*

— Постоянно.

— *Легко даете?*

— Я довольно легко даю. А сам очень не люблю брать. Хотя, как экономист я понимаю, что это надо делать. Потому что экономика не может развиваться без долгов. Вся цивилизация наша создана на долговых механизмах. Это нормально. Но, сами понимаете, я как человек с советским опытом думаю о рисках. Мучит страх: а вдруг не отдам? Я недавно квартиру в кредит купил. Старую еще не продал, а новую уже взял по ипотеке. И от этого как-то неуютно на душе.

— *Вы помните свой первый заработанный рубль?*

— Ну а как же! Мне было шестнадцать лет, я учился в школе рабочей молодежи и работал на стройке электриком, делал отверстия в стенах, куда потом вставляли розетки. Серьезная работа была, интеллектуальная. И я помню мою зарплату — 84 рубля. Большая зарплата по тем временам.

— *Как потратили — помните?*

— Не отчетливо. Помню только, что впервые в жизни пошел с

друзьями в ресторан «Будапешт». Потом, уже после поступления в МГУ, была стройка на целине. Там я за два месяца заработал почти 300 рублей — вообще сумасшедшие деньги. Тогда я купил свой первый костюм. Новый. А то раньше все время перелицованные костюмы носил. Время было советское. Деньги считались чем-то неприличным. Правда, все хотели побольше их иметь. Был тогда анекдот, очень жизненный, точный и ясный. Объявили строительство коммунизма. И вот у армянского радио спрашивают: «Будут ли деньги при коммунизме?» Армянское радио отвечает: «Догматики говорят, что денег не будет. Ревизионисты — что будут. А мы, истинные марксисты-ленинцы, говорим: у кого будут, у кого — нет».

— *Вы легко расстаетесь с деньгами?*

— В общем, да. Но если бы их у меня было больше, я бы легче с ними расставался, тем более что в моем окружении немало нуждающихся в помощи, бедствующих родных и неродных людей.

У нас нет нормального отношения к деньгам

— *Почему столь живуч предрассудок, что быть богатым некрасиво, неприлично, стыдно?*

— Этот предрассудок, как я теперь думаю, родился вместе с уникальной русской литературой XIX века. Не зря Томас Манн однажды заметил, что немецкая, английская и французская литературы великие, а русская — святая. Ее гуманистическая направленность, сочувствие «униженным и оскорбленным» в значительной мере определили мировоззрение нескольких поколений русской интеллигенции. Именно тогда в России возникло, как я теперь понимаю, весьма искусственное противопоставление материального и духовного, которое не прекращается и сегодня. За семьдесят лет советской власти с ее идеологией нестяжательства и умеренного потребления отмеченный вами предрассудок только укрепился в массовом сознании. Считалось, что хорошо обеспеченный космонавт, ученый, писатель — это нормально: своим трудом человек заработал. А, скажем, торговый работник — это не то. Половина этой публики сидела. С некоторыми я был знаком. Я знал директора маленького овощного магазина, он мне рассказывал, что особенно и не воровал — так, усушка-утруска. И он мог себе позво-

лить покупать ложу в Большом театре на год. Очень скромный был человек. Были у меня и подружки, которые в торговле работали. С одной стороны, они были богаты, поскольку продавали из-под прилавка вещевой дефицит. А с другой стороны, было презрительное отношение к ним: торгошники. И они ощущали дискомфорт от этого. Жили двойной жизнью.

— *А сегодня быть богатым — это нормально?*

— Сегодня это опять неприлично. У нас нет сбалансированного отношения к деньгам. При советской власти к ним относились с презрением. Некоторый всплеск уважения к деньгам появился в конце перестройки, в начале ельцинской эры. Тогда считалось, что богатство — это очень хорошо.

— *Почему так считалось?*

— Потому что бедные наивно думали, что теперь они станут богатыми. Вот появятся частные предприятия, всяк, кто пожелает, откроет свое кафе, турфирму, автомастерскую... Наладится производство качественных товаров и услуг, за которые люди будут платить хорошие деньги... Такая сказка. Я помню, шахтеры просили, чтобы их побыстрее приватизировали. Даже Андрей Дмитриевич Сахаров попался на эту удочку.

— *А теперь?*

— Всплеск уважения к деньгам, конечно, не прошел. Но так и не удалось найти рациональное отношение к ним. В советские времена очень либеральный поэт Андрей Вознесенский требовал: «Уберите Ленина с денег!» Мол, Ленин на купюрах — это святотатство. А теперь деньги стали богом. И это другая крайность, такая же дурацкая. Молодые менеджеры воспитаны в убеждении, что, где бы ты ни работал, смысл твоего труда в сокращении издержек и максимальном извлечении прибыли. Этим блокируется нормальное развитие общества. Гипертрофированная роль денег так же печальна, так же контрпродуктивна, как и презрение к ним.

— *Деньги дают независимость или, наоборот, закабаляют?*

— Думаю, что в приемлемых размерах (каждый считает, что ему не хватает немножко) они, несомненно, дают независимость. Если у вас есть стабильный доход, от сдачи квартиры в аренду, например, то вы не так зависите от начальства. Хотите — работайте.

Хотите — не работайте. Правда, могут запретить «тунеядство», но это будет карикатурное возвращение в советскую эпоху.

— *Вы говорите, в приемлемых размерах деньги дают независимость. А в крупных и очень крупных?*

— Большие деньги, конечно, закабаляют. Это же очень серьезное творчество — что делать с деньгами. Это настоящее искусство — как их сохранить, как их приумножить. Это еще и спорт в каком-то смысле. Миллиардеры очень переживают, когда их с восьмого места в рейтинге переставляют на шестнадцатое.

Никто не любит сильных и богатых, но все хотят пользоваться ими

— *Почему существует традиция — она закреплена и в мировой литературе — противопоставлять деньги и мораль, богатство и добродетель?*

— Во-первых, мы не можем отменить такое человеческое качество, как зависть. Как в той шутке: «Во-первых — зависть. Во-вторых, как вам нравится «во-первых»?» Из моего общения с олигархами я вывел формулу, выражающую их отношение к братьям по бизнесу: «У кого больше денег, чем у меня, тот вор. У кого меньше, тот лопух». Никто не любит сильных и богатых. Но все хотят пользоваться ими. К богатому человеку очередь выстраивается, причем из творческих людей — композиторов, писателей, артистов, ученых. И человек, к которому выстроилась очередь за деньгами, укрупняется в собственных глазах, проникается уверенностью, что в творческом отношении он ровня знаменитому композитору или писателю, просто у него нет времени сочинять симфонии или романы.

— *Значит, сейчас эпоха уважения к богатым?*

— Нет, сейчас эпоха ненависти к ним.

— *Ненависти?*

— Да.

— *Это только у нас в России?*

— Это везде, во всем мире. Закончились разговоры, что, мол, надо прекратить социализм, перестать плодить нахлебников, а богатых освободить от налогов, потому что они потенциальные инве-

сторы. Оказалось, что, если капитализм не регулировать, не перераспределять первичные доходы от состоятельных людей к менее удачливым, тогда и общество ужесточается, и экономика стагнирует. Теперь уже эмпирически доказано, что при росте неравенства личных доходов, а именно так и было в последние тридцать лет, экономика могла работать только при массовом кредитовании малоимущих слоев населения. Ведь, когда все деньги скапливаются у «подавляющего» меньшинства, откуда взяться массовому покупательскому спросу? Вот и началось время легких кредитов. Барак Обама назвал его «эпохой распространения культуры безответственности». И это в равной мере касалось и кредиторов, и заемщиков. Тем, кто брал, говорили: «Нужны деньги? Бери сколько надо». — «Ох, боюсь, что не отдам». — «Не волнуйся, бери, пока дают». Вот так и жили. А сейчас так жить уже не получается. Легких кредитов уже не получишь, а доходы большинства людей как раньше не росли, так и сейчас не растут. В результате покупательская лихорадка сменилась на уныние и режим строгой экономии. Атмосфера обогащения уступила место атмосфере страха. А когда вы ждете еще более трудных времен, они точно наступают. И не по каким-то мистическим причинам, а потому, что вы ничего не покупаете. Но если вы делаете все меньше и меньше покупок, то товары начинают дешеветь, что, собственно, мы и наблюдаем в западной экономике в последние годы. Такую понижающую динамику цен экономисты называют дефляцией (в противоположность инфляции, когда цены постоянно растут) и справедливо считают ее опасной для экономической активности. Потому что каждый думает: я пока подожду, куплю, когда станет еще дешевле. А если так думает каждый, то произведенные блага не продаются, экономика скукоживается, начинаются массовые увольнения и, естественно, сокращаются доходы работников. И если в этих условиях богатые продолжают богатеть, то как к ним должны относиться так называемые простые люди? В общем, разные протесты типа «оккупей Уолл-Стрит» будут, по-моему, только усиливаться.

— *И Россия в этом тренде?*

— Понимаете, у нас с Западом есть и общее, и особенное. И там, и здесь растет поляризация личных доходов. И там, и здесь обозначилась тенденция уменьшения доли среднего клас-

са в общей численности населения. Но надо иметь в виду, что в западных странах средний класс составляет от 65 до 70 процентов, а у нас только каждый пятый может быть зачислен в эту категорию граждан. Потом у них бушует дефляция, а у нас инфляция. И величина разрыва в доходах между богатыми и бедными у нас минимум в три раза больше, чем, например, в странах Европейского Союза. Словом, примерно 20 процентов россиян, независимо от того, как они относятся к Путину, живут по западным стандартам. Квартиры и машины покупают, за границу ездят, читают что хотят, едят что хотят (правда, сегодня это уже не так очевидно). Я клоню к тому, что им есть что терять. А 80 процентов граждан совсем в другой цивилизации находятся: шесть соток, огурчики — помидорчики, натуральное хозяйство, от полочки до полочки, там чуть-чуть подзаработал, тут чуть-чуть приворовал... Но даже при таком социальном расслоении и теперешней жуткой неопределенности наших экономических перспектив вряд ли можно ожидать в обозримом будущем общенационального протеста. Атомизация социума продолжается. Все как-то приспособились.

— *В России происходит воспроизводство бедных с одновременным формированием у них особой субкультуры бедности. То есть растет число трудоспособных людей, не желающих работать. Они стремятся стать получателями социальной помощи, уповают на государство, полагаются только на власть. А у тех, кто богат, сформировалась субкультура богатства?*

— Еще какая! Одни яхт-клубы чего стоят. Знаете, почему богатые предпочитают общаться с богатыми? Потому что богатый у богатого ничего просить не станет.

— *А выставление богатства напоказ, демонстрация роскоши, упоение ею — они не оттого ли, что не было ни гроша, да вдруг алтын? Нет привычки не то что к роскоши, даже к относительному материальному благополучию. Появится эта привычка — и объем продаж «Бентли» в России, наверное, упадет.*

— Абсолютно в этом уверен. Мы все выпускники сиротского приюта — и бедные, и богатые, и среднеобеспеченные. Вся народная революция наша — она на 90 процентов была связана с отменной привилегией. Чтобы обмануть великий русский народ, человек от этой остановки до той доехал на троллейбусе, а затем прошел

50 шагов до районной поликлиники. Это же такое геройство беспрецедентное.

— *Ельцин?*

— Да, конечно. В отмену привилегий как в панацею верили ведь не только простые люди. Ох, какие баталии на эту тему были у нас в Институте экономики мировой социалистической системы. Мы в ЦК партии время от времени ходили, а там сосиски были ну такие вкусные! «Отменить эту привилегию?» — «Не надо ничего отменять, пусть эти сосиски стоят дороже, но чтобы их продавали в любом магазине». А сейчас сосиски есть какие хочешь, но «невесело простым американцам». Я согласен с вами: надо перебежаться.

— *Почему деньги всюду и всегда фетишизируются, даже демонизируются? «Желтый дьявол» — это же чистая демонизация.*

— Это потому, что всюду и всегда жизнь была несправедлива. Откуда взялись Кампанелла, Маркс? От ощущения несправедливости жизни. Монополизм, кланы, подкуп судей, нарушение законов для богатых людей... Кажется, если ты обладаешь деньгами, значит, ты всем обладаешь. Хотя есть немало вещей, которые не приобретешь за деньги. Например, людское уважение. Билл Гейтс — он вроде бы абсолютный герой. А те, которые с нефтью связаны, они уже как бы не очень герои. Уважение есть только к креативному чему-то, а если ты прибрал к рукам качалки, которые ЦК КПСС оставил, то это совсем другое дело.

— *Пустые магазинные полки советской эпохи отошли в предание. Сегодня купить в России можно все. От изобилия в торговых центрах рябит в глазах, покупателей тоже полным-полно. Не пора ли добровольно ограничить потребление? Вот лично вам чего сейчас не хватает?*

— Для счастья?

— *Ну, скажем, для счастья, если мерить его потреблением неких материальных благ.*

— Мне всего хватает. Но у нас очень несправедливое общество. Я сызмальства, еще когда мой отец был большой начальник по тем временам (он руководил строительством Мингячевирской ГЭС в Азербайджане), наблюдал контрасты жизни. Тогда не было школ

для барчуков, дети бедных и дети сравнительно обеспеченных родителей учились в одном классе. И я видел страшную нищету. У некоторых мальчиков и девочек даже носков не было. Я, пока меня не поймали, воровал из дома и приносил им ботинки, носки... И я тогда думал: как же так? Партия и правительство говорят, что все равны у нас, а на самом деле все не так. Ну и сегодня — уже, конечно, на другом уровне — у нас тоже очень несправедливое общество. И это печально. А еще больше печально, что люди, более или менее активные, составляющие российский средний класс, они нормально потребляют, а пассивные, которых большинство, заняты выживанием — огурчики, помидорчики... Тоже ничего. Никто работать не заставляет. Потребности ограниченные. Поэтому нет массовых протестов.

— *При этом все небывало счастливы. По данным опроса, проведенного недавно ВЦИОМом, индекс счастья в России достиг исторического максимума за последние 25 лет и составляет 78 процентов.*

— Вот я о том и говорю: большая часть населения имеет очень скромные потребности и потому довольна жизнью. Что же касается среднего класса... Принято говорить, что он креативный и что он лидер во всем. Ерунда! Просто деньги сейчас в стране крутятся сумасшедшие, и этих денег хватает на всех мало-мальски активных людей. Остальным — как получится. Поэтому я наш капитализм называю анархо-феодальным.

— *У вас дома есть лишние вещи?*

— Очень много. Какой-то умный человек сказал: «Я могу жить без необходимого, но не могу без лишнего». Вот и я так же. Я, наверное, нетипичный мужчина — в том смысле, что люблю в магазины ходить. Люблю примерять, разглядывать, спрашивать цену... Когда-то я работал в Институте ценообразования, цены меня интересуют очень сильно. А мой отец, хотя был по тем критериям богатым человеком, ходить по магазинам не любил. Да и не было тогда в магазинах нормальной одежды. Я как вспомню... Одно унижение всегда. Перелицовывали пиджаки и рубашки, что-то зашивали и перешивали. Детей даже в зажиточных семьях заставляли штопать носки и чулки. Кошмар! Поэтому я люблю красивые ве-

щи — галстуки, рубашки, костюмчики... Хотя в основном это лишнее, конечно.

Мы выпускники сиротского приюта

— *В чем вам видятся издержки потребления?*

— В общем-то, ни в чем, если люди не становятся его рабами.

— *Но какие-то потери несет общество от того, что потребляет все больше и не хочет остановиться?*

— Понимаете, здесь есть одна проблема очень важная. В мире живет семь миллиардов человек. Из них понимают, о чем вы спрашиваете, от силы полтора миллиарда. Остальные пять с половиной миллиардов живут на доллар-два в день. Поэтому, когда я читаю статьи и слушаю доклады сытых людей о вреде консюмеризма, меня охватывает либо смех, либо возмущение. Сокрушаться по поводу якобы избыточного всеобщего потребления — сплошное лицемерие. Эти несчастные люди из Африки, которые хотят достичь берегов рая, а именно — Европы, — они рискуют своими жизнями, чтобы потреблять хоть немножко больше, чем у себя на родине. Но мир наш несправедлив. Помню, когда меня начали пускать за границу, я приехал в ГДР, и там можно было смотреть западный телевизор. Я практически ничего в ГДР не видел, только телевизор смотрел. А там регулярно транслировались парламентские дебаты в прямом эфире. В них, в частности, речь шла о том, что вот вы приходите в магазин, в котором сто сортов колбасы и двести сортов сыра, а остальные люди голодают, и что, мол, с этим делать.

— *А действительно что с этим делать?*

— Все, что я сейчас рассказываю, было сорок-сорок пять лет назад. С тех пор многое изменилось. Причем, и к хорошему, и к плохому. Сначала о хорошем. За последние четыре десятилетия количество «потребляющих» людей в мире увеличилось чуть ли не на полмиллиарда человек. И все это произошло благодаря успешным рыночным преобразованиям в Китае, Индии, Бразилии, Южной Корее, Таиланде, Вьетнаме и ряде других, в основном азиатских, стран. Но этот беспрецедентный рывок из нищеты и бедности к относительному благосостоянию оплачивается, как теперь становится все более очевидным, чрезвычайно опасной для жизни деградацией окружающей среды. Похоже, впору говорить о

феномене перепотребления как о важнейшем факторе возросшей антропогенной нагрузки на окружающую среду. Те же целлофановые пакеты. Оказывается, они не разлагаются что-то около пятисот лет. Это кошмар какой-то. Я уж не говорю об автомобилях с их выбросом CO₂. Все это прямо или косвенно связано с потреблением. Но как его ограничить, не прибегая к тоталитарным запретам?

— Ну, пропагандировать умеренность, культивировать самоограничение.

— Что-то в этом роде, по-моему, начинается. Но пока очень робко. В Скандинавии, в германоязычных странах к глобальному потеплению, например, относятся серьезно. В других — не очень. А про нас вообще нечего говорить. Мы вообще еще не перебесились. Даже наши дети не перебесились. Потому что мы выпускники сиротского приюта. И потепления не только не боимся, а наоборот, хотим и приветствуем.

— *Может быть, должен пройти какой-то период привыкания к богатству. Мы ведь действительно почти все до недавнего времени были нищими. Демонстрация роскоши, упоение ею — они не оттого ли, что не было ни гроша, да вдруг алтын? Нет привычки не то что к роскоши, даже к относительному материальному благополучию. Появится эта привычка — объем продаж «Бентли» в России упадет.*

— Конечно. Мы все время мечтаем о чем-то, чего у нас нет. Даже мой случай, связанный с одеждой. Зачем мне двадцать костюмов? Раньше иметь столько вообще неприличным считалось. Есть два костюма — на выход и на каждый день — и достаточно. Где-то я прочитал, что какие-то молодые итальянцы заработали много денег, придумав «часы с любимым запахом». Идешь по улице, у тебя плохое настроение или, наоборот, хорошее, посмотрел на часы, понюхал — приятно. Какой-нибудь нынешний Лев Толстой или Достоевский скажет: да это безобразие! Вместо того, чтобы думать Боге, о спасении человечества, люди занимаются ерундой. Почему советская власть рухнула? Не только потому, что в основе ее была утопическая идея «раньше думай о Родине, а потом о себе». Запрещено было предпринимательство как исключительно важная часть человеческого творчества. Ясно, что дикости нерегу-

лируемого капитализма привели к революции 1917 года. Понятно, что страна была больна несправедливостью. Но ввели равенство не только в шансах, но и в потреблении, а это вообще подрывает всякие стимулы к труду. Так что при всех издержках потребления его надо культивировать. Да и рынок требует, чтобы мы потребляли. Уныние, скарденность, пессимизм, постоянное ожидание конца света — все это ведет к остановке экономики. Японцы страдают ослаблением покупательского спроса уже лет двадцать. Сейчас и Европа этим страдает. Нет страсти к потреблению. Я, например, как необычный персонаж, который любит покупать всякую ерунду, достоин звания героя капиталистического труда. Хотя, конечно, труд здесь ни при чем. Но все равно я заслуживаю некоего поощрения за то, что своей покупательской активностью поддерживаю устои капитализма. Будь у меня более серьезные возможности, я бы, наверное, покупал яхты, дворцы.

— *Предела потреблению нет, вы считаете?*

— Считаю, что нет. Вы полагали, что вам, кроме гречневой каши, ничего для счастья не надо. Но вот вы наелись и начинаете думать: а дальше что? Так же и с одеждой, и с недвижимостью, и со всем прочим. Есть такой мистический закон, я о нем еще в школе узнал из брошюры «Физики шутят». Он гласит, что 20 процентов людей в мире выпивает 80 процентов пива. Это универсальная пропорция. Она везде работает. Мне как социал-демократу часто говорят: ты все выступаешь за перераспределение — у богатых отнять, бедным дать. Но ты пойми — это закон такой: 80 процентов богатств мира скапливается у 20 процентов людей. То есть пятая часть населения Земли потребляет все, что душа пожелает, остальные — что Бог послал. Это мистика, но это так. Вот у нас в России, например, 20 процентов людей имеют заграничные паспорта. Почему только 20 процентов? Потому что именно столько людей располагают возможностью отдыхать за границей. Сегодня по радио послушал данные опроса, кто где собирается отдыхать этим летом. Меня поразило: 70 процентов — вообще нигде. То есть у себя дома. Отдыхать за границей намерены 5-6 процентов. А вот если бы были деньги, то за границу, согласно опросам, на отдых за рубеж отправлялось бы 30 процентов россиян. Но и это мало, я считаю. Когда мы ездим туда, нам кажется, что в Лондоне или

Париже от русских просто проходу нет. А это ведь капля в море.

Вещизм — это прекрасно

— *Кто-то считает, что мир свихнулся на потреблении, что консьюмеризм — уже психическое заболевание. Что вы думаете об этом?*

— «Консьюмеризм», «бездуховное потребление»... Это все мне напоминает советские времена, когда «Комсомольская правда» и «Литературка» вели борьбу с «вещизмом». Мне кажется, что и нынешние охи и ахи по поводу «трясины потребления», в которую мы якобы погружаемся, отдают лицемерием. Еще раз хочу подчеркнуть: люди, что-то покупающие, способствуют развитию экономики. С одной стороны, только и слышно: ты чокнутый на потреблении, ты законченный шопоголик! С другой же стороны, надо, чтобы был экономический рост, чтобы рабочие места создавались. И потом, люди, умеющие с чувством, с толком, с расстановкой улучшать свою жизнь, эстетически воспринимать ее, они успешны и в других делах. Я не вижу в консьюмеризме ничего предосудительного. В советское время считалось, что если человек красиво одевается, то это «не наш человек». Да и раньше тоже не приветствовалось стремление к красивым вещам. По-моему, в России всегда было презрение к материальной культуре. Все больше о народе думать полагалось. Метафора русского интеллигента: сидит в сортире, сбитом из досок, отовсюду ветер свищет... И о чем он думает? Об очередном глобальном проекте — как сделать так, чтобы Пизанская башня не упала. А что рядом с ним происходит — это его мало интересует. Как к этому относиться? Не знаю. Наверное, есть что-то преувеличенно аскетическое в сознании русской интеллигенции. Как бы то ни было, довольно нелепо противопоставлять духовное материальному, как мы привыкли делать. Как ни странно, западные люди более духовны, чем мы. Может быть, это естественно — они в отличие от нас в атеистической среде не воспитывались. И поэтому у них это все сочеталось — и духовная, и материальная культура. А у нас до сих пор принято это противопоставлять. Зачем? Вещизм — это прекрасно.

— *Это противопоставление возникает, наверное, не само по себе, что-то его питает. Что — как вы думаете?*

— Я думаю, оно возникает оттого, что материальных благ на

всех никогда не хватает. Поэтому мы, бездуховные, в дублинках ходим, а вы, титаны духа, ступайте в библиотеку «Как закалялась сталь» читать. Вы, великие создатели, Енисей перекрывайте, выдавайте уголь на-гора, а мы, жалкие потребители, за вас в Париж съездим, расскажем потом, какое жулье эти капиталисты проклятые. Разрыв между теми, у кого все есть, и теми, кто обделен подчас самым элементарным, требует идеологического оправдания. В советскую эпоху такому оправданию служила «борьба с вещизмом», в новейшие времена ему служит преувеличенная, лицемерная тревога по поводу «чрезмерного потребления».

Чтобы позволить себе носить часы за 30 долларов, надо быть Биллом Гейтсом

— *Все большее значение приобретает упаковка товара. Став инструментом рекламы, она дразнит, манит, провоцирует потребительские желания. Перед красивой упаковкой трудно устоять. Можно ли сказать, что происходит эстетизация потребления?*

— Она уже произошла. Правильно упаковать товар — это искусство. В мире идет страшная битва за потребителя. Мне в Нью-Йорке один лозунг в магазине понравился: «Если вы не знаете, что вам надо купить, приходите к нам. Это у нас есть». Гениально! Здесь очень важно произвести впечатление на покупателя. Польстить, заманить, убедить. Вы надели нашу курточку — посмотрите на себя, вы же другой человек, это же небо и земля! Существует и стадное чувство, его тоже эксплуатируют. А вообще потребление — это синоним свободы. Мы должны иметь выбор на всё, будь то носки или премьер-министры.

— *Русского человека нельзя ставить перед выбором.*

— Вы правы, нельзя. Но свобода выбора все равно прекрасна. Помню советское время. Я уже начал ездить за границу, а мои друзья еще нет. И они мне все время говорили: «Ты там не то покупаешь». Моя жена — тоже: «Я поеду, сама разберусь». Я думал: посмотрим, как ты разберешься! И правда. Настолько оглушает изобилие, что люди, действительно, не могут выбрать. Но это не проблема. На самом деле легко привыкнуть к изобилию. Я раньше, когда слышал от какой-нибудь европейской женщины: «Я была в магазине и не смогла себе выбрать туфли», — искренне изумлялся: как это — не

смогла? Там же всего полно! А теперь понимаю, что можно искать то, чего нет. Многие ищут. Вроде бы сумасшедшее изобилие, а того, чего тебе надо, нет.

— *Товар служит еще и средством коммуникации. Он передает информацию о социальном статусе человека, об уровне его достатка. С этой точки зрения для вас важно, как вы одеты?*

— Важно, конечно. Часы, ботинки, машина... Мне нравится, когда мои собственные представления о том, какие вещи мне идут, совпадают с тем, какие я должен носить, чтобы в своей среде не выглядеть «белой вороной». Это смешно, но это так. Говорят, Билл Гейтс носит часы за тридцать долларов. Но чтобы позволить себе такую роскошь, надо быть Биллом Гейтсом.

Материальный достаток дает свободу, но не делает счастливым

— *Материальный достаток дает свободу или, наоборот, закабальет?*

— Я думаю, что дает свободу. Однозначно. Свободу дает, но не делает счастливым.

— *Если не делает счастливым, значит все же закабальет?*

— Закабальет он неразвитую личность. Вы должны иметь какую-то мечту, не связанную с деньгами, чтобы они не закабальели. Мое общение с олигархами показывает, что все они очень разносторонние люди. Хотя им свойственно большое высокомерие, особенно российским. Я вывел формулу, выражающую их отношение к братьям по бизнесу: «У кого больше денег, чем у меня, тот вор. У кого меньше, тот дурачок». Но все равно я отношусь к ним с симпатией. Они заслуживают того. Они все незаурядные.

Для 80 процентов населения три позиции определяют все: питание, ЖКХ, лекарства

— *Какова структура потребления у среднего россиянина?*

— Кто такой «средний россиянин»? У нас «средних» нет. И регионы отличаются друг от друга, и условия жизни разнятся. Россия страна огромная и живут в ней по-разному. Но для восьмидесяти процентов населения три позиции определяют все: питание, ЖКХ, лекарства.

— *Расходы именно на это доминируют в бюджете российской большинства?*

— Да, именно на это. И практически этим же покрываются все доходы.

— *Можно ли современную Россию отнести к числу стран, где уже сложилось общество потребления?*

— Нет, нам еще далеко до этого. Добиться бы пока удвоения доли среднего класса в стране, в которой пока только каждый четвертый потребляет, а не борется за выживание. И вообще нам надо уходить от этого «нам». Уже давно не актуально то, что задорно воспевала София Ротару: «Я, ты, он, она, вместе — целая страна...»

— *Почему деньги — нежелательная тема в светских беседах?*

— Ну, как-то не принято в светском обществе о деньгах судачить. Хотя очень хочется. Богатые, кстати, тоже о деньгах говорят, только не о своих. Они говорят о тех людях, у которых якобы больше денег, чем у них самих. У нас очень сложное отношение к богатым. Потому что богатство сильно дискредитировано.

— *И все-таки деньги портят людей?*

— Деньги — это инструмент, без которого не способна существовать экономика. Ясно, что не может быть равномерного распределения денег. Но общество обязано заботиться о том, чтобы это неравенство было приемлемым. Россия должна найти свой баланс между богатыми и бедными.

В здоровом теле здоровый дух?

Диалог с клириком Храма Христа Спасителя, выпускником института физкультуры Андреем Овчинниковым

Наивную веру в наличие связи между здоровьем физическим и духовным безжалостно обсмеял поэт Игорь Иртеньев: «В здоровом теле здоровый дух. На самом деле — одно из двух». Но все равно принято думать, что если тело здорово, то и дух в нем здоров. И наоборот: здоровый дух не может обитать в нездоровом теле. Выходит, физически здоровые люди неизменно должны обладать здоровым духом, а здоровые духовно — не страдать от физических заболеваний. К сожалению, жизнь то и дело опровергает такую логику.

Я веду здоровый образ жизни

— *Вы, я знаю, закончили институт физкультуры по специальности «плавание и водное поло». Сейчас в свободное от церковной службы время кого-нибудь тренируете?*

— Нет, я ушел от педагогической деятельности почти двадцать пять лет назад. А работал учителем физкультуры в православной гимназии. Дело в том, что на третьем курсе института я принял крещение. К окончанию института у меня созрело желание совместить мою профессиональную деятельность с православием. Мы жили в Ясенево, и через дорогу от нашего дома открылась первая в Москве православная гимназия «Радонеж», где требовался учитель физкультуры. И я получил туда распределение. Это было тогда не так-то просто. Но руководство института пошло мне навстречу, и после окончания учебы я год работал там учителем физ-

культуры. Условия для занятий были не очень хорошие — ни спортивного зала, ни инвентаря. Но дети все равно были довольны. А по специальности я не работал, хотя имею квалификацию тренера.

— *Спортом сейчас занимаетесь?*

— Нет. Просто веду здоровый образ жизни. В храме у меня есть велосипед. После нашей беседы я планирую совершить на нем часовую прогулку. Есть очень приятный круг протяженностью в двадцать километров — от Храма Христа Спасителя до Киевского вокзала, вдоль парка Горького, по набережной Москва-реки...

— *Вы ставите перед собой задачу — регулярно проезжать на велосипеде по двадцать километров?*

— Такой задачи я не ставлю, просто катаюсь в свое удовольствие.

Лишние килограммы располневшего батюшки вряд ли способствуют успеху проповеди

— *По вашим наблюдениям, многие ли священнослужители ведут здоровый образ жизни?*

— К сожалению, немногие. Почему-то в духовном сословии не принято говорить о занятиях спортом, физкультурой. Хотя, когда я учился в институте, профессора внушали нам, что физическая культура — часть общей культуры человека. Я не вижу противоречий между христианством и здоровым образом жизни. Одно другому не противопоказано. Для иллюстрации этой мысли не будем брать спорт, у него другие цели и задачи, возьмем именно физическую культуру, где кроме движения присутствует еще правильное питание, закаливание, гигиена.

— *Вы себя в чем-то ограничиваете? В еде, например?*

— Наша христианская жизнь, особенно жизнь священнослужителя, много чем регламентируется. В том числе постами. У нас из трехсот шестидесяти пяти дней в году около двухсот постных. Естественно, я как священник все посты соблюдаю. Не скажу, что строго по монашескому уставу, но как могу пощусь. Здоровое питание должно стать нормой жизни любого человека. Страсть к пресыщению, кревоугодию — наша серьезная проблема.

— *Всеобщая или внутрицерковная?*

— В том числе и внутрицерковная. Наш Патриарх на одном из собраний московского духовенства говорил о таком печальном явлении, как тучные священники. Почему я продолжаю вести здоровый образ жизни? Потому что священник совершает служение, которое связано с большими нагрузками — и психическими, и физическими. И если не заниматься своим здоровьем, то сойдешь с этого служения как больной, расслабленный человек. К сожалению, подчас так и бывает. Ну, и странно выглядит батюшка, проповедующий аскезу и при этом носящий на себе пятьдесят-семьдесят килограммов лишнего веса. Эти лишние килограммы вряд ли способствуют успеху проповеди.

— Среди священников есть мастера спорта?

— Думаю, что есть. Я знал одного такого. К сожалению, он почивший уже. Он был ватерполист, мастер спорта международного класса. Играл в команде МГУ и подавал большие надежды. Потом ушел служить церкви, принял монашество и оставил спортивную карьеру. Я читал, что есть священники, которые выступают в тяжелой атлетике, участвуют в соревнованиях. Священником является, например, известный путешественник Федор Конюхов. Он протоиерей и, кажется, заслуженный мастер спорта по парусному спорту. Я сам перворазрядник по водному поло и плаванию. Был у меня разряд и по альпинизму, по лыжам, но на этом я остановился, дальше не пошел.

Тело — это слуга души

— *Перейдем к выражению «в здоровом теле здоровый дух». Это вырванное из контекста и донельзя упрощенное изречение Ювенала: «Orandum est, ut sit mens sana in corpore sano» — «Надо молить богов, чтоб дух здоровый был в теле здоровом». По Ювеналу, нужно стремиться к гармонии между телом и духом, поскольку в реальности она редко встречается, и здесь только на Божью помощь приходится уповать. То есть здоровое тело никому автоматически не гарантирует духовного здоровья.*

— Да. Если мы обратимся к христианской жизни, то увидим, что некоторые святые, у которых был здоровый дух, несли крест болезни. Но многие угодники Божьи были и здоровыми. Пример тому — святитель Феофан Затворник, который взял на себя подвиг затвора, двадцать восемь лет провел в одном монастыре, прак-

тически не выходя из кельи. Он прожил почти восемьдесят, но вряд ли потому так много, что занимался гимнастикой. Никогда не было прямой связи между христианским подвигом и физическими упражнениями. Поэтому изречение Ювенала нельзя воспринимать как абсолютную истину. Здоровое тело не гарантирует наличия в этом теле здорового духа.

— *К телесному здоровью стоит стремиться уже ради него самого, разве нет?*

— Видите ли, для людей, живущих вне церкви, земная жизнь представляет высшую ценность. Если ты в этой жизни хочешь чего-то достичь, то тело для тебя один из главных объектов заботы. Посмотрите, сколько людей, особенно молодых, совершают утренние пробежки, посещают тренажерные залы, фитнес-центры, бассейны... Так вот, люди, которые чрезмерно заботятся о своем теле, как правило, живут ущербной духовной жизнью. Тогда как христианство основное внимание уделяет именно жизни души и духа как высшей силы. Тело — это слуга души. Некоторые святые отцы сравнивали тело с осликом, на котором человек едет по дороге. Ослик должен быть послушным, выносливым, его нужно кормить, но не перекармливать. Потому что, если его перекармливать, он ляжет и уснет. А если, наоборот, он не получит порцию овса, у него подкосятся ноги, и он от бессилия упадет на дорогу. Примерно так мы и должны относиться к своему телу. Тело — это не злое начало, это помощник, это соратник нашей души. Многие добрые дела мы совершаем именно через тело. Поэтому христианство не отождествляет тело с чем-то греховным или уродливым, нет, о теле говорится как о доме души, требующем заботы. Да, в древние времена святые могли безропотно нести крест болезни. Но сегодня больной священник уже просто не сможет служить. Церкви нужен священник здоровый, крепкий, который не будет опаздывать на службы и сможет совершать те труды, которые на него возлагаются. Тем более в наше время. Тем более в таком большом городе, как Москва.

Если человек не дает себе физической нагрузки, он может увлечься чем-то душевредительным

— *Вы полагаете, что чрезмерное внимание к телу губительно для души. Но даже в православных учебных заведениях сегодня от-*

крываются фитнес-залы, проводятся спортивные состязания. Да вы сами только что сказали, что священник должен быть физически крепок, вынослив.

— Сейчас проясню свою мысль. Тот, кто занимается спортом, он же всегда к физическим нагрузкам добавляет заботу о внешности, красивую одежду, правильное питание и тому подобное. Представляете, какой большой процент времени, сил, средств человек тратит именно на это. Он создает из тела культ. А культ тела христианством осуждается. Никто не говорит, что о теле не нужно заботиться. Нужно. Но в меру. В любом православном учебном заведении, кроме учебы, есть послушание, богослужение. И все равно выделяется время для занятий физкультурой. Не в ущерб духовному воспитанию, конечно. Я убежден, что, если человек не дает себе физической нагрузки, он может увлечься чем-то душевредительным. Сейчас есть три серьезные опасности — компьютер, вкусная еда и алкоголь. Человек разгружается, расслабляется с помощью этих трех средств — алкоголя, еды и компьютера. Редко кто берет книгу, редко кто идет на тренировку и редко кто посещает места, где действительно душа отдыхает. Я против еды, алкоголя и компьютера как антидепрессантов.

— Помогает ли спорт, на ваш взгляд, духовному развитию человека?

— Прямой связи здесь нет. На духовный рост человека влияет правильная, аскетическая жизнь. В христианстве эта культура — культура аскетической жизни — разрабатывалась веками и доведена до совершенства. Спорт нужен в городе. А в сельских храмах, сельских монастырях его заменяет правильная, аскетическая практика, когда нужно косить сено, пасти скотину, поливать огород, работать в трапезной, просфорне, решать хозяйственные, строительные, бытовые проблемы, да еще совершать поклоны, соблюдать посты. Там, наверное, спорт и не нужен.

Здоровый дух дает силу слабому телу

— Можно ли сказать, что здоровый дух оздоравливает тело?

— Думаю, да. Дух обладает колоссальной энергией. Потому что наш дух связан с духом Божьим. Если здоровый дух действительно с Богом соединился, то и тело подтягивается к нему. Дух способен тело — слабое, немощное, больное, старческое — наполнить не-

обыкновенной силой. И мы знаем такие примеры. Почему великие подвиги совершали на войне люди, подчас вроде бы немощные? Потому что дух был на высоте. Взять хотя бы наше богослужение. Какая-нибудь бабушка стоит три часа на одном месте, как свечка, а двадцатилетний парень, пришедший из спортзала, потопчется минут пятнадцать и говорит: ой, больше не могу, спина болит, ноги ноют. Здоровый дух дает силу слабому телу, а отсутствие духа способно ослабить любого физически крепкого человека.

— *Можно ли победить болезнь силой духа?*

— Болезнь дается Богом, здесь все в Его власти. Если болезнь нам для душеспасения полезна, то Бог нам ее оставит. Любя нас, Бог дает нам болезни. Это трудно понять и принять, но это так. Дело в том, что у Бога другие цели. Они отличны от наших. Нам хочется выздороветь и больше ничего. А Богу нужно, чтобы мы достигли вечной жизни. Иногда болезнь останавливает человека на пути греха. Больной человек много чего уже не в состоянии совершить. Но отними у него болезнь — и может начаться блуд, воровство...

Бог человеку ставит другие задачи и цели, нежели победа на Олимпийских играх

— *Некоторые спортсмены перед выходом на старт или за минуту до начала матча молятся о победе. Как вы к этому относитесь?*

— Я бы им советовал прийти в храм и помолиться в уединении, вдали от посторонних глаз. Никому не нужно их показное моление.

— *В США проводились исследования. Оказалось, двадцать пять процентов американцев считают, что исход спортивного состязания решает не человек, а Бог. Кроме того, большинство американцев уверены, что если спортсмен верит в Бога, то у него больше шансов на победу. Что вы на это скажете?*

— Бог человеку ставит другие задачи и цели, нежели победа на Олимпийских играх или в чемпионатах. Последнее не входит в Его промыслы. Но я не хочу, чтобы мое слово отталкивало кого-то от спортивных занятий. А с другой стороны, мне как священнику было бы неловко выглядеть слишком усердным пропагандистом физкультуры и спорта. Физкультура и спорт, они лишь наши помощники в достижении самой главной, самой высокой цели — спасении души.

Муж — добытчик в семье?

Диалог с социологом Ириной Тартаковской

«Какой занятный общества этап,/ коварно подготовленный веками:/ мужчины стали чем-то вроде баб,/ а женщины — почти что мужиками». Один из результатов подобной эволюции — «Мы женщину сместили. Мы ее/ унизили до равенства с мужчиной». Евтушенко напишет это в 1968 году, почти социологически констатируя и смену гендерных ролей под натиском прогресса, и вымученное равенство полов, одинаково некомфортное для обоих. С тех пор немного изменилось. Оба пола по-прежнему испытывают ролевой прессинг, но несмотря ни на что мужчины все активнее вовлекаются в семейные дела, а женщины массово выходят в общественное пространство. Как меняются роли мужчин и женщин в семье и на работе? Можно ли сегодня свободно выбрать себе гендерную роль?

От Домостроя уже мало что осталось

— *Что происходит с гендерными ролями? Почему они меняются и с чем это связано?*

— Изменение гендерных ролей началось еще в первые годы XX века, и оно продолжается. Это связано с массовым выходом женщин на рынок труда во всех развитых странах. Сейчас к этому подключились и многие страны развивающиеся. Наблюдается очень высокая женская занятость. А если женщина зарабатывает сама, она уже гораздо меньше подвержена влиянию традиционных семейных форм власти над ней. Это с одной стороны. А с другой, у нее появляются новые вызовы: она должна каким-то образом устанавливать баланс между своей работой и семейными обязан-

ностями. Помимо женщины и членов ее семьи, в этом активно участвует государство, социальные институты, идеология, религия... Хотя секуляризация общества в России и Европе, начавшаяся в XX веке, размывла религиозные представления о том, что положено женщине и что — мужчине. Точно так же исчезла общая идеология, которая бы четко, однозначно распределяла гендерные роли. Добавьте к этому сексуальную революцию 60-70-х годов, которая тоже раскрепостила женщину — даже чисто технически, с появлением доступных контрацептивов. Эти процессы продолжаются и в XXI веке.

— *Они общемировые?*

— Да.

— *В какой мере российскому обществу удастся вписаться в них? Вековые устои — Домострой, например, — этому не препятствуют?*

— От Домостроя уже мало что осталось. Россия пережила опыт радикальной модернизации советского типа. И эта модернизация предложила совсем новую гендерную политику, которая не имела никаких аналогов в истории. Государство взяло на себя эмансипацию женщин. Женщины получили равные с мужчинами права, гарантированные Конституцией. Более того, была разработана гендерная политика, которая наделяла женщин многими ресурсами, прежде всего образовательными — в 30-е годы существовали квоты для гарантированного поступления женщин в вузы, особенно в технические, потому что были нужны инженеры. Женщин втягивали в общественное производство. Последняя волна эмансипации прокатилась в 60-80-е годы. Кроме того, с послевоенных времен доля женщин с высшим образованием у нас стабильно выше, чем доля мужчин. Эта эмансипация нужна была не ради эмансипации, а потому, что на женщин в советском проекте возлагались важные задачи — во-первых, быть работницей и, во-вторых, матерью. Для этого были созданы определенные условия. Доступная система детских дошкольных учреждений помогла высвободить женское время и женские рабочие руки. Эта система была несовершенной, но в принципе она работала. Женщина могла иметь семью, работать и не очень сильно зависеть от мужа. Хотя разрыв между мужской и женской зарплатой существовал. Он и сейчас существует. Со-

ветская экономика была раздаточная, как это называют социологи, то есть можно было получать маленькую зарплату, но, если ты работаешь на ресурсном предприятии, хоть уборщицей, ты имеешь доступ в поликлинику, в хороший детский сад, твой ребенок может поехать в детские спортивные и оздоровительные лагеря, ты можешь его растить даже без мужа. Можешь развестись, можешь быть матерью-одиночкой, в позднее советское время в этом были даже определенные плюсы. Это был такой специальный проект, который наделял женщину неким ресурсом независимости. Хотя независимость, конечно, была ограничена теми ролями, которые государство для женщины предназначало. Главная роль советской женщины — работающая мать. Советская женщина должна была работать и одновременно выполнять свои материнские обязанности. Все остальное было не так важно. С мужем она могла жить, могла не жить, могла пожаловаться на него в партком. Мужчина взамен получал почти исключительный доступ к публичной власти. Женщин же в советские времена во власти было очень мало, буквально единицы.

Женщин во власти должно быть больше

— *А сегодняшнее участие женщин во власти — оно каково, на ваш взгляд?*

— Оно по-прежнему достаточно низкое на фоне развивающихся стран, но оно потихонечку растет. Появляется все больше женщин на заметных экономических, политических позициях. Ольга Голодец, Вероника Скворцова, Ольга Васильева, Эльвира Набиуллина...

— *Двое из названных вами женщин отвечают в правительстве за те или иные подразделения социального блока, а Голодец — за весь этот блок. Но так и прежде было. В системе российского госуправления женское представительство ограничивалось сферами культуры, образования, здравоохранения. Еще не было случая, чтобы женщина возглавляла министерство финансов или иностранных дел.*

— Это правда. Но у нас есть и власть законодательная, а в ней — такие заметные фигуры, как Валентина Матвиенко, Ирина Яровая, Елена Мизулина... Но для того чтобы женщин во власти стало

заметно больше, должны произойти системные политические изменения. Должна появиться конкурентная политика, которая выведет на сцену новых людей. В их числе наверняка будут и женщины.

— *Вы говорите, что женщин во власти мало? А сколько надо? Сколько будет «в самый раз»?*

— Их должно быть больше хотя бы потому, что они в России составляют большую часть населения. Это высокообразованная группа. Это люди, которые играют важную роль во всех процессах — экономических, семейных и прочих. Почему они должны быть недопредставлены во власти? В Европе, например, гораздо больше женщин участвуют в госуправлении.

— *Значит в кадровой политике у нас по-прежнему сильна советская традиция?*

— Да, здесь сохранились некие стереотипы. Дело в том, что советская власть, с одной стороны дала женщинам определенные ресурсы, а с другой, она их и ограничила. Эти ресурсы все равно были в рамках дозволенного. Провозглашалось гендерное равенство, но при этом довольно много было неартикулируемого традиционализма, который остался по сей день и даже усилился. Сегодня слышны консервативные разговоры, что нам вообще не нужно много женщин в публичном пространстве, что женщина должна самореализовываться в семье и т.п. Но, насколько я могу судить как социолог, на реальное поведение людей эти разговоры очень мало влияют. Люди живут себе как жили.

— *Может ли женщина в России восприниматься общественным мнением в качестве претендента на президентский пост?*

— Если это будет достаточно сильный, яркий политик, — почему бы и нет.

Гендерная принадлежность в бизнесе не имеет решающего значения

— *Вы исследовали участие женщин в управлении бизнесом. Какие результаты получили?*

— Меня интересовали женщины-менеджеры среднего звена, с точки зрения того, как они существуют в корпоративном мире. То есть, как они выполняют эту интенсивную работу, связанную

с очень длинным, ненормированным рабочим днем, командировками и прочими вещами, и как это отражается на их частной жизни. Открылась любопытная картина. Особенно в сравнении с моим предыдущим исследованием, которое я проводила в середине 90-х годов. Тогда это были индустриальные менеджеры, и они не делали карьеру, просто так складывались обстоятельства: женщина активно работает и ее начинают продвигать, и она примиряется с этой ролью, при этом часто испытывая чувство вины перед семьей. Я помню интервью Эллы Памфиловой, которая тогда была министром. Она говорила, что, несмотря на большую занятость, все равно гладит рубашки мужу. И сетовала, что, к сожалению, не может уделять достаточного внимания семье. А сейчас молодые девушки-менеджеры, с которыми я разговаривала, ничуть не переживают по этому поводу. И в самом корпоративном мире, когда речь идет о работе, не делают большого различия между мужчинами и женщинами. Как сказал мне один менеджер: «Он или она — это нам без разницы. Пусть будет хоть оно, лишь бы работу тянуло». Мир бизнеса, он ведь очень конкурентный. Ему нужны высокоэффективные работники, гендерная принадлежность которых не имеет решающего значения.

Мужчина уходит в декрет

— *Гендерные стереотипы в отношении мужчин тоже меняются?*

— Они меняются гораздо медленнее.

— *Вот, скажем, закон дает равное право мужчине и женщине на декретный отпуск. Мужчины часто уходят в декрет?*

— Практически никогда.

— *Засмеют?*

— Да, в массовом сознании мужчина, уходящий в декрет, действительно выглядит странно. Но есть и более серьезная причина: мужская зарплата у нас обычно выше женской. Поэтому декретный отпуск в России берет женщина. Думаю, со временем и этот стереотип изменится. Среди моих коллег, академических работников западных, достаточно часто в декрет уходят мужчины. Только что один мой коллега как раз вышел из декретного отпуска. Он преподает в университете, а его жена занята в бизнесе. Им было

удобнее, чтобы в декретный отпуск ушел он, а не она. И в его академической среде этому никто не удивился. Надо, чтобы случаи, когда мужчина уходит в декрет, накапливались, и тогда они станут привычными.

«Усатый нянь» в детский сад воспитателем не устроится

— *Что должно произойти, чтобы мужчина, выполняющий традиционно женскую работу, воспринимался обществом нормально, и чтобы сам он был внутренне готов к этому?*

— Должна меняться гендерная идеология. Сейчас мужчины испытывают сильное психологическое давление со стороны общества, своей семьи. У женщин выбор легитимных ролей значительно больше. Женщина может быть домохозяйкой. Женщина может делать карьеру. Женщина может сочетать карьеру с семьей. И то, и другое, и третье вызывает к ней уважение. Девушка-менеджер как-то мне говорила, что не испытывает чувства вины из-за того, что ее ребенком занимается няня. Муж тоже спокойно к этому относится.

— *Получается, что процесс достижения гендерного равенства идет в России лишь в одну сторону: женщины активно осваивают традиционно мужские роли, но мужчины в женских ролях пока не очень-то блистают.*

— Здесь тоже что-то уже меняется, но очень медленно. Потому что необходимой идеологической и культурной поддержки мужчины не получают. Чтобы произошли известные изменения с женщинами, потребовалось феминистское движение. Левое движение тоже разделяет пафос равенства. Например, в левом движении есть программа, направленная на эмансипацию мужчин, но она недостаточно сильная и недостаточно внятная. И тому есть простое объяснение: при всей сложности мужской гендерной роли эта роль — привилегированная. В России, к примеру, есть некая организация, которая называет себя «Мужское движение». Но это чисто интернетный феномен, и это очень консервативная повестка. Они считают, что в России победил феминизм и что женщины совсем отбили от рук. Это движение откровенно женоненавистническое. Оно не про то, чтобы снять ограничения с мужчин. Оно про то, чтобы все было как раньше, по-домостроевски.

— *В чем-то участников этого движения можно понять. При*

разводе суд, как правило, оставляет ребенка матери, даже если та, мягко говоря, не образец благонравия.

— Сейчас уже не обязательно. Но, конечно, такая инерция есть.

— Точно так же выносит свой вердикт суд кумушек на лавочке. Муж бросил жену — подлец! Жена ушла от мужа — правильно!

— Массовое сознание все же очень неоднородно. В Интернете высказываются самые разные точки зрения. Кстати, сочувствия к мужчинам очень много. То есть нельзя сказать, что есть какая-то однозначная идеологическая установка, которая не позволяет изменить гендерное поведение. Кроме того, тот ущерб, который мужчины терпят от своей сложной гендерной роли, он связан с получением определенных привилегий. Поэтому у большинства мужчин нет интереса что-то здесь принципиально поменять. Ведь при всем при том материальные ресурсы по-прежнему в их руках, властные — тоже. Но мужчине очень трудно — во всяком случае труднее, чем женщине — устроиться на «женскую» работу.

— Фильм «Усатый нянь» сегодня, вы считаете, был бы невозможен?

— Сегодня мужчину воспитателем в детский садик вообще не возьмут! Он будет подозреваться черт-те в чем. А, с другой стороны, много ли мужчин хочет работать в детском саду? Зарплата воспитателя детского сада уж точно не «мужская». Хотя дискриминация по отношению к мужчине, которого не берут в детский сад воспитателем, совершенно очевидна.

Гендерное равенство должно обеспечиваться государством

— Государство должно проводить какую-то гендерную политику?

— Государство прежде всего проводит определенную социальную политику. А социальная политика сильно влияет на гендерные отношения. Сама по себе идея, что можно вернуться к какой-то традиционной, консервативной модели и таким образом повысить рождаемость, на мой взгляд, иллюзорна. Чтобы повысилась рождаемость, можно платить более высокие пособия, чтобы привязать женщин к дому. А можно создать, как это было в советское время, доступную систему детских садов. Это будет другое решение. Я

знаю европейский опыт такого рода, он гораздо более действенный. Потому что современные женщины в основном хотели бы сочетать работу и материнство.

— *Как вы оцениваете недавно принятый закон о декриминализации семейного насилия?*

— Это очень плохой и опасный закон, который, по многим свидетельствам, дал уже вспышку семейного насилия.

— *В Госдуме давно разработан закон о гендерном равенстве. Но он не принят. Почему, как вы думаете?*

— Полагаю, потому, что сильна инерция консерватизма.

— *Равенство полов закреплено Конституцией. Зачем еще нужен какой-то специальный закон?*

— Какие-то вещи должны быть детально прописаны. Равенство не будет осуществляться, если нет юридических механизмов, позволяющих реально предотвращать семейное насилие, пресекать дискриминацию при приеме на работу. Такие законы приняты практически во всех странах СНГ, включая центрально-азиатские. В Казахстане, например, такой закон неплохо работает. Там в каждом министерстве есть чиновник, отвечающий за гендерное равенство в подведомственной сфере. Есть в Казахстане и хорошая программа борьбы с семейным насилием, которая позволяет жертве обращаться в специальные кабинеты. Мы тоже могли бы кое-что сделать в этом направлении. Наше государство должно обеспечить своим гражданам гендерное равенство, понимаемое как максимально полную самореализацию каждого человека, будь то мужчина или женщина. От этого Россия только выиграет.

Надо бояться старости?

Диалог с психологом Мариной Ермолаевой

Старости боятся многие, если не все. Пугает и возраст сам по себе, и все, что ему нередко сопутствует: болезни, бедность, одиночество. Сейчас в России проживает более 33 миллионов людей старше трудоспособного возраста. Это 23 процента населения страны. По прогнозам, к 2025 году доля этих граждан составит 28 процентов. Чего мы боимся, когда боимся старости? И надо ли вообще ее бояться?

Психологическое старение идет впереди физического

— *Вы боитесь старости?*

— Нет.

— *Можете объяснить, почему?*

— Конечно. Психологически старость начинается с момента выхода человека на пенсию по возрасту. Если человек даже в очень преклонном возрасте работает приблизительно в прежнем статусе, то психологически это зрелость.

— *То есть старость начинается не по достижении пенсионного возраста, а с момента, когда человек перестает работать?*

— Да, психологически это старость. А если человек работает в прежнем объеме, при этом ему за восемьдесят, то психологически это зрелость. Кстати, хронологически старость вообще не определяется из-за огромных индивидуальных различий в проявлении признаков старения. Именно этот возраст окружает такая загадка, потому что признаки старения у всех проявляются очень по-разному.

— *Постоянная оглядка на прожитое, страсть к воспоминаниям о днях молодости — это признак старения?*

— Конечно, нет. У меня докторская диссертация по психологии старости. Я там описываю то основное новообразование воз-

раста, которое впервые возникает на данной возрастной ступени и которое определяет дальнейшее развитие человека. Пока мы это новообразование не назвали, все рассуждения о развитии старости — не более чем фигура речи.

— *А брюзжания типа «раньше воздух был чище, девушки целомудренней, мороженое вкусней» — это признак?*

— Наверное, да. Но, слава богу, мне с этим редко приходится встречаться, потому что я, в основном, общаюсь со студентами. Мне сегодня жить даже интереснее, чем когда я была молода. Есть еще интересный момент: биологическое, социальное и психологическое старение наступают в разные сроки. Биологическое старение — это возрастание уязвимости организма. Социальное старение — это изменение социального статуса и социальных ролей в связи с выходом на пенсию. А психологическое старение определяется характером интеллектуальной активности, с одной стороны, и отношением к собственному возрасту — с другой. Причем именно психологический фактор часто становится решающим.

— *Значит, верно расхожее утверждение, что человеку столько лет, на сколько он себя ощущает?*

— Оно абсолютно верно.

— *Но тут можно впасть в опасное заблуждение. Человеку под семьдесят, а он себя мнит сорокапятiletним и в глазах окружающих выглядит нелепо, потому что ведет себя неадекватно своему реальному возрасту.*

— Да, такое бывает. Здесь имеют значение цели, которые человек ставит перед собой. Наше отношение к собственному возрасту определяется этими целями.

— *Психологическое старение более значимо, чем физическое?*

— Я глубоко убеждена, что психологическое старение идет впереди физического. Человек, предохраняя себя от духовного умирания, тем самым не может не сохранять себя физически. Когда человек обременен кучей всяких заболеваний, о какой духовной бодрости может идти речь? Конечно, очень неприятно вставать на несколько часов раньше и с упорством крота заниматься физическими упражнениями. Очень неприятно, очень хочется полежать. Но я не вижу причин, по которым мы должны дряхлеть даже физически.

— *Если психологическое старение идет впереди физического, можно ли сказать, что в этом смысле оно ускоряет физическое?*

— Вне всякого сомнения. И наоборот: если оно отстает от физического, то физическое им замедляется.

— *Вы можете определить возраст человека по внешности?*

— Нет.

— *Внешность обманчива?*

— Внешность очень обманчива. Если у человека есть внутренний стержень, который определяется его жизненной целью, то это и делает его молодым. Представьте, мужчина в шестьдесят лет — а это еще цветущий возраст для мужчины — вынужден выйти на пенсию. Он выходит на пенсию, через полгода — старик. Я уж не говорю о том, что здоровый образ жизни, физический тонус надо поддерживать не алкоголем, а хождением в тренажерные залы.

Человек все время чего-то боится

— *Боязнь старости — это естественно для человека?*

— Все страхи естественны. Человек все время чего-то боится. У некоторых бывают даже такие волнения: если я спокоен, значит что-то не то. Есть и такое типичное психическое состояние — озабоченность. Это волнение по поводу близких людей или каких-то событий в стране. В старости нарастает инертность нервных процессов. Бдительность падает, и человеку нужно уровень бдительности поддерживать. Вот он этой тревожностью, которая называется — озабоченность, и поддерживает. Дело в том, что в каждом конкретном возрасте человек решает задачи не этого возраста, а следующего. Чем поздняя юность выделяется? Тем, что человек учится в вузах, техникумах, ПТУ. Он решает задачи не юности, он решает задачи зрелости. От того, какие знания, умения он получит в ходе обучения, будет зависеть его будущая деятельность. А зрелость — это когда человек работает. А когда он выходит на пенсию — это старость. Так вот, когда он работает, он решает задачу — остаться ему в этом возрасте или перейти на пенсию.

— *Вот вы говорите, старости не надо бояться. А это не легкомысленно? Ведь не бояться ее — значит не щадить и без того уже ослабленное здоровье, позволять себе лишнее, жить*

только сегодняшним днем, тратить все до копейки, не делать накоплений.

— Конечно, то, о чем я говорю, относится не ко всем пожилым людям, а, возможно, только к небольшой части образованных людей, которым не хочется становится тупоумными и пассивными, утрачивающими контроль над собой. Человек должен ставить перед собой цель. Если он не имеет ее, не отслеживает степень продвижения к ней, то, конечно, теряет контроль над собой. В любом возрасте можно потерять контроль над собой — и в молодости, и в зрелости. Чаще всего именно в молодости это происходит, а к старости сгущается. И это не характеризует психологический возраст.

Пассивную часть населения не любят ни в каком обществе

— *Давайте поговорим об отношении общества к старости.*

— Это не совсем моя тема.

— *И тем не менее. Как наше общество относится к старикам?*

— Плохо относится. Хотя и европейское, и американское общество тоже не очень-то почитает старость. Она почитаема только на Востоке. Но там и старики другие. У нас, выходя на пенсию, человек как бы отказывается от собственной резистенции. Ему хочется просто отдыхать. Он с себя снимает ответственность за все. Он не хочет напряжения никакого. И от этого, в конце концов, наступает астенизация. Но такого состояния можно достичь в любом возрасте, при чем тут старость? Пассивную часть населения не любят ни в каком обществе.

— *Все равно отношение общества здесь многое определяет. Почему в русском языке нет синонима к слову «старость»? Почему у нас на пенсию выходят «по старости» — и уже с этого ярлыка начинается унижение, констатация второсортности человека. А «возраст дожития» как вам нравится?*

— Мне это не нравится. Но я считаю, что каждый человек вправе определять свою судьбу, а не ждать, каким словом его назовут. Человек сам должен нести ответственность за себя. В США, например, к социально пассивной группе относятся весьма неважно. Потому что обществу, даже очень богатому, не хочется кормить такое огромное количество неработающих.

— Почему наше общество традиционно не желает считаться со старостью, как бы даже не хочет признавать ее существование. В СССР ведь старости не было, а была только «бронза мускулов и свежесть кожи». «Лет до ста расти нам без старости!». Не расплачиваемся ли мы теперь за это долготное бодрячество?

— Мне кажется, тенденция, когда внутри когорты, внутри возраста была какая-то замкнутость, отходит в прошлое. Сейчас налаживаются межпоколенческие взаимоотношения. Проблема стоит очень интересно, и я этой проблемой занималась — какие представители каких возрастов между собой общаются. Сейчас ценность старости как возраста социально востребована и повысилась для представителей других возрастных групп.

— Общество, несомненно, должно нести некие обязательства перед стариками. А старики имеют какие-то обязательства перед обществом?

— Они не должны отказываться от ответственности, должны всегда ощущать себя мобилизованными.

— Есть такое понятие — «почетная пенсия». Чтобы сохранить человеку высокий социальный статус, связанный с его прежней должностью, его назначают на какой-нибудь красивый по названию, но в реальности мало что значащий пост. Это способ отдаления социальной старости?

— Я думаю, поддержание социального статуса таким способом не решает проблемы. Потому что с годами человек ощущает истинную ценность тех или иных должностей. И никакое внешнее проявление уважения к человеку, не заменит ему самоуважения. Он знает себе цену. И не склонен обманываться на сей счет

Именно в старости люди больше приспособлены жить одни

— Что самое страшное в старости?

— Самое страшное в старости — это ощущение неподконтрольности самому себе: когда что-то происходит, а ты не можешь повлиять. Наверное, это страшно. Поэтому лучше оставаться в зрелости. Еще очень важны детско-родительские отношения. Не в старости, а гораздо раньше, когда дети только появились на

свет, их родители должны внутренне детей отпустить и считать их интересы приоритетными по отношению к своим интересам. Они должны сказать себе: если мы свои родительские обязанности выполним, обеспечим детей профессией, жильем, отпустим их, позволим самостоятельно определять свою судьбу, то спустя годы они не оставят нас без своего попечения. Тогда об одинокой старости и речи не будет. Одиночество — это не обособленное проживание пожилого человека. Именно в старости люди больше приспособлены жить одни, чем в другом возрасте, если они могут за собой ухаживать. Одиночество — это неудовлетворение социальными контактами. Нужно больше оставлять молодых одних, и тогда они будут стремиться к нам, они будут хотеть с нами быть как можно больше. Мы должны понять, что главное в нашей жизни — это будущее наших детей.

Душа не стареет

— *Душа человека стареет медленнее, чем плоть?*

— Душа не стареет. Она вечна. Уверяю вас, в старости, как на передовой, нет атеистов. Когда человек видит, что он приближается к Богу, у него появляется больше мыслей о Боге.

— *Наверное, существует конфликт между молодой душой и физической немощью?*

— Я такого конфликта не чувствую. Если человек понимает, что у него есть обязательства перед своей душой и перед внешним обличьем, то он божеское обличие терять не должен.

Нужно готовиться к каждому возрасту

— *К старости надо готовиться?*

— Нужно готовиться к каждому возрасту. Вот, скажем, подросток бесконечно занят своим кризисом подросткового возраста. С одной стороны, от него требуют самостоятельности как от взрослого, а с другой — послушания как от ребенка. А если бы он думал о том, что ему нужно в следующем возрасте заниматься проблемой личностного и профессионального самоопределения, то, наверное, страдал бы меньше. То же самое — поздняя юность, студенчество. В эту пору люди должны думать о своей будущей профессии. А они о чем думают? О прекрасной студенческой жизни. И относят-

ся к учебе так же, как школьники: экзамен сдал, перекрестился и забыл как страшный сон. И так в каждом возрасте. Если человек привык, что перед ним нарастающие цели и довольно серьезные обязательства перед жизнью, то ничего особенного в подготовке к старости нет. Это нормально. То есть всегда нужно быть в тонусе.

— *Когда надо начинать готовиться к старости?*

— С детства. Когда я защищала докторскую, актуальность ее состояла в том, что очень мало работ по психологии развития было посвящено старости. Гораздо больше — детству. Потому что детство — это наше будущее, а старость — это наше прошлое. Но с точки зрения индивидуального жизненного пути детство — это наше прошлое, а старость — это наше будущее. И если общество заботится о детстве как о своем будущем, то разве человек в своем индивидуальном опыте не должен заботиться о старости как о своем будущем?

— *К старости люди действительно становятся мудрее?*

— Нет. В психологии есть закон метаморфозы, согласно которому ребенка нельзя рассматривать как маленького взрослого, он обладает качественно другим интеллектом и качественно другой психикой. То же самое и в пожилом возрасте. Просто механизмы мышления, принятия решений — разные.

Я надеюсь умереть за рабочим столом

— *Вы себе представляете свою старость?*

— Знаете, я надеюсь умереть за рабочим столом, с пером в руках. Стало быть, старость мне не грозит. И больше того, я считаю, что нарастающая зрелость — это нравственный долг человека перед собой. В любом возрасте.

— *Красиво звучит. И тем не менее какие-то картины вам ваше воображение рисует?*

— Человек имеет шанс развиваться на протяжении всей жизни. Пока он развивается, то о какой старости может идти речь и что о ней думать? Ну нет возможности думать о старости, когда кругом столько планов.

— *Вы хотели бы начать свою жизнь сначала?*

— Боже упаси. Не хочу я заново идти этим путем. Была насы-

щенная творчеством жизнь, были мои внутренние события и открытия. Не хочу я с ними расставаться. Тем более что с годами жизнь становится богаче, интересней.

— *Вас часто посещают воспоминания о вашей юности?*

— Никогда.

— *А ностальгию по тем временам испытываете?*

— Нет у меня никакой ностальгии. Когда человек начинает вспоминать свою юность и уж тем более детство, то вот это как раз и есть один из признаков старения. Нет, жить мне хочется в сегодняшнем дне. Он интересен.

— *Все же старости надо бояться?*

— Нет. Потому что старость может и не наступить. Человек всегда боится того, чего он не может контролировать. А переход в старость все-таки подконтролен человеку. Если над чем-то удержишь контроль, чего же этого бояться-то?

Надо бояться одиночества?

Диалог с профессором НИУ ВШЭ

Алексеем Масловым

По опросу, проведенному Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), 13 процентов россиян чувствуют себя одинокими. Это в первую очередь женщины (16 процентов) и пожилые люди (23). С точки зрения наших сограждан, одинокий человек — это тот, у кого нет семьи и друзей (48 процентов), кто достиг преклонного возраста (10), кто живет один (8) и кто духовно одинок (7). Реже всего к одиноким причисляются те, кто никого не любит (2 процента), бездомные, безработные, больные (1). И около одного процента опрошенных полагают, что одиноки все. Человек изначально одинок. Он приходит одиноким в этот мир и одиноким же уходит из него. Казалось бы, что может быть естественней? Но во все времена люди боялись одиночества. Так же как во все времена кто-то видел в нем душевную утешу, возможность предаться размышлениям и мечтам, побеседовать с самим собой. В чем заключается пугающая и в то же время притягательная тайна этого состояния? Одиночество — проклятие или благодать? Стоит ли бояться одиночества или надо его принять и научиться с ним жить?

Не изоляция, а самоощущение

— *Что такое, по-вашему, одиночество? Это изоляция человека от внешнего мира или самоощущение?*

— Конечно, самоощущение. Потому что не бывает самоизоляции, кроме тех редких случаев, когда человек уходит в скит, от-

шельничество, становится монахом. Есть целый ряд профессий, когда одиночество просто необходимо. Это, например, обязательный компонент в жизни людей, которые занимаются наукой, творчеством. Людям массовых профессий одиночество не требуется, в каких-то случаях даже противопоказано. Я полагаю, что «одиночество» здесь не очень точное слово. Лучше сказать «уединение». А одиночество — это когда человек закрыл все двери, окна и сидит один.

— *Это добровольное одиночество. Но бывает и насильственное. Например, камера-одиночка в тюрьме.*

— Да, одиночество может быть и насильственным. Но бывает, что человек впадает в одиночество на насильственным образом, а, например, по причине своего возраста. Обычно это пожилые женщины, которые весь день общаются со своими подругами, друзьями, детьми, внуками, но при этом говорят: «Знаете, я такая одинокая». Хотя в реальности весь день был заполнен общением. Значит, речь идет, по сути, о состоянии души — таком ее состоянии, когда человек чувствует себя покинутым. И путает одиночество с покинутостью. А вот совсем другой пример — из восточного образа жизни. Есть такие китайские картины, где человек из беседочки наблюдает, как утки плавают. Такая картина обычно называется «Отдохновенное одиночество у пруда». Это очень возвышенное, позитивное одиночество. При этом человек, сидящий у пруда, неизменно трактуется как поэт, художник или философ, который не уточками любит, а погружен в размышления, у него идет напряженная работа духа. Если у меня было бы много свободного времени, я бы написал книжку «Искусство быть одиноким» — о том, как извлекать позитивную энергию из своего одиночества.

Установить диалог с самим собой

— *Вам часто хочется побыть одному?*

— Большую часть времени мне хочется как раз побыть одному. А хочется потому, что я не всегда могу себе это позволить. И не всегда это удается. Я думаю, что человек моего склада характера, как и любой человек, который занимается научным творчеством, должен примерно треть времени проводить в одиночестве, наедине с самим собой. Чтобы писать книги, сочинять музыку или про-

сто говорить какие-то умные слова, нам нужно установить диалог с самим собой. Одиночество — это всегда установление диалога с самим собой. Человек должен даже устать от этого диалога, как он устает от любой продолжительной беседы. Для установления такого диалога требуется время, в течение которого вы налаживаете внутри себя спокойное сознание. В буддизме считается, что не всякое спокойное сидение есть медитация. Человек приходит в монастырь, погружается в медитацию, сидит так, предположим, часа два — из них в реальности он медитирует пятнадцать минут, а до этого успокаивается, налаживает дыхание. В нем возникают ненужные мысли, он их прогоняет. И вот наконец-то на какие-то пятнадцать минут, а может, и на пятнадцать секунд наступает это самое одиночество — возвышенное уединение. Его ни с чем не перепутаешь, потому что это такое духовное откровение. Есть великие мастера — они медитируют на «половину свечи». Половина курительной свечи в буддийском монастыре горит минут десять. И великий мастер медитирует десять минут в день. А ученик медитирует пять-шесть часов — и ничего не добивается. Потому что нет волшебного уединения.

— Если его трудно достичь даже в монастыре, то что говорить об утреннем транспорте, запруженных горожанами улицах и вообще о нашей перенаселенной повседневности. Уединиться в людском скопище просто физически невозможно, а вот почувствовать себя одиноким как раз очень легко. Все куда-то спешат, у каждого свои дела, свои заботы. Ты никому не нужен. Может быть, самое острое, самое болезненное одиночество — это одиночество в толпе.

— Вообще современный мир устроен таким образом, чтобы не оставлять человека наедине с самим собой. Потому что, во-первых, это опасно. Во-вторых, мир устроен так, что, хотим мы того или нет, он должен подогнать всех под одну культурную, социальную гребенку. Это называется автоматической конформизацией сознания. Об этом еще Эрих Фромм писал в «Бегстве от свободы». Он утверждал, что мы по сути своей конформисты. Мы не хотим сами размышлять. Мы слушаем прогноз погоды вместо того, чтобы выглянуть в окно. И вот когда человек неожиданно оказывается наедине с самим собой, он пугается сам себя. Вдруг

выясняется, что он внутри не такой, каким себя представлял. Он хуже. Более мерзкий, более злой, более недружелюбный. И он пугается. Пугается настолько, что в возбужденном состоянии пытается отрезать себя от общения с самим собой и «выйти на люди», чтобы его внутреннее «я» замолчало. С одной стороны, это неплохо: мы не получаем агрессивного человека. Известно ведь, что большинство маньяков — очень замкнутые, очень одинокие люди. Если бы кто-то с ними поговорил вовремя и правильно, они, возможно, были бы менее агрессивны. А с другой стороны, мы все меньше и меньше испытываем творческое вдохновение. Мы почти не встречаем в современном мире крупных философов. Крупные философы замолкли где-то на рубежах 50-х годов XX века. Мы не встречаем уединенную, самопогруженную науку, которая выходила бы на уровень философии. Такой наукой была британская в середине XIX — начале XX веков. Такой была и русская наука. То есть мир стал, на мой взгляд, менее продуктивен с точки зрения культурных достижений.

— *Это следствие бегства от благодатного одиночества? Результат беспощадной, всенарастающей коммуникабельности?*

— Да, мы платим за невозможность уединиться. У нас очень много вещей — именно вещей, — с которыми мы имеем возможность общаться. Мы общаемся с айпэдом, компьютером, комиксами, книгами. Хорошую книгу нельзя пролистать в метро. С ней надо пообщаться, ее надо перечитать, вернувшись к каким-то страницам. Но у человека не остается времени на общение с самим собой — он общается с айпэдом. Я смотрю на моих студентов. Они слушают мою лекцию, но одновременно сидят в социальных сетях. Потому что человек привык воспринимать пять-шесть потоков информации, реагируя при этом только на самую информацию и не утруждая себя осмыслением ее. Вам задали вопрос — вы ответили. Как дела? Хорошо. Ну, звони. Привет — привет. Я вижу эту поверхностность и в студенческих работах. Представьте себе, к примеру, работу по искусству древней Японии. Это должно быть философское эссе, дающее некое отражение моего западного сознания в японской символике. Вместо этого мы получаем информационную справку с массой фактов, цифр, дат. Формально все правильно. Но эта работа не является научным исследованием.

Она не является даже рефлексией сознания. Если раньше в гуманитарных науках было немало ученых-мыслителей, то теперь все больше -ученые-аналитики, которые сопоставляют факты и выносят экспертное заключение. Многие работы в гуманитарных науках сегодня похожи на «доклады о международном положении». Да, это плата за то, как мы начали коммуницировать. Не случайно ряд моих добрых знакомых в Европе две или три недели в году практикуют то, что у них называется digital detox — цифровая детоксикация. Это когда они отказываются от телефонов и компьютеров, берут с собой стопку бумаги, уезжают без семьи куда-нибудь в Грецию или на Мальту — и пишут. И никто не считает их сумасшедшими. Это, пожалуй, самые талантливые, самые продуктивные ученые, художники, которых я знаю. Но, еще раз говорю, общество не отпускает. Общество не хочет отпускать. Любой профессиональный психолог, наоборот, скажет: не надо уединяться, если у вас что-то плохо, идите, общайтесь. И человеку не остается времени понять, кто он такой.

Чтобы побыть одному, нужна внутренняя решимость

— *Вас тяготит невозможность побыть одному?*

— Да, страшно тяготит. Если говорить о заботах, которые меня одолевают, то это, пожалуй, забота номер один. Для того, чтобы побыть одному, нужна внутренняя решимость. Решимость кого-то обидеть. Решимость оборвать какие-то социальные связи. Решимость потерять в статусе. Представляете, тебя приглашают почитать лекции завтра в Германии, послезавтра в Англии, потом во Франции, потом где-то еще — и это престижно, и не хочется никого обижать, ведь просят не абы кто, а твои личные друзья. И вдруг ты им говоришь: вы знаете, я просто хочу сосредоточиться на себе. Кто-то это поймет, а кто-то и не поймет. Я, к счастью, живу в мире, где люди ценят и понимают одиночество как некую конструктивную вещь. Но если вас запрашивают с уровня министерства, правительства, а вы говорите: вы знаете, я хотел бы побыть один — получается когнитивный диссонанс. После сорока лет у человека накапливается определенная мудрость, и он выбирает себе только одну дорогу, движется только в одну из сторон — либо к самозакрытию и частичной самоизоляции, либо, наоборот, к абсолютной «самопубликации». Это два разных уровня жизни. Два разных

уровня самопозиционирования. И никакого баланса между ними найти невозможно. Некоторые мои знакомые, достигнув довольно больших высот и в политике, и в преподавании, вдруг делали дауншифтинг. То есть уезжали профессорами в маленькие региональные колледжи, которые ничем не славны. И оттуда писали колоссально интересные произведения — и научные, и беллетристические. Уйдя в добровольное заточение, они что-то потеряли, а что-то и приобрели. Но для этого нужна решимость.

Свободу дает только одиночество

— *Одиночество — это свобода?*

— Это полная свобода, если мы правильно используем одиночество. Ведь одиночество — это всего лишь состояние. А дальше уже идет твоя оценка этого состояния. Бывает, оценка такова, что приводит к полному отчаянию. Ну, например, человек всю жизнь был начальником, общался с массой людей — и вот стал стареньким, его отправили на пенсию. И он как лошадь, которую резко остановили. Она еще распаренная, хочет бежать вперед, а уже невозможно. Или жила мать семейства, у нее было много детей — и вдруг все дети по каким-то причинам уехали. И наступает отчаяние. С другой стороны, свободу дает только одиночество. Человек уходит в себя и там освобождается. Во-первых, он освобождается от всех своих гнусностей, которые есть в каждом из нас. Во-вторых, он начинает осознавать свое реальное «я». Ведь девяносто девять процентов из нас мыслят о себе чуть-чуть лучше или, наоборот, чуть-чуть хуже, чем есть на самом деле. Есть забавная история, ее излагает Авва Дорофей, известный христианский мистик. Он описывает жизнь человека, который торговал рыбой на рынке и был чрезвычайно набожным. Он продавал рыбу, а деньги раздавал бедным. На него все смотрели как на святого. И он был страшно доволен. А потом решил уйти в монастырь. В монастыре остался один на один с самим собой. И тут ему начали видиться всевозможные искушения. Ему хотелось женщин, ему хотелось мяса... И он на всех обозлился. И начал думать, почему же там он хорошо жил и был почти святым, а здесь, где, в общем, спокойная жизнь, все как-то не клеится. Ему его наставник объяснил: когда ты был на людях, ты все делал как бы для саморекламы. А теперь ты остался наедине с самим собой. Теперь ты — истинный.

Это страшно — когда человека хотят принудительно социализировать

— Многие люди стараются не подавать виду, что вокруг них никого нет, пытаются скрыть свое одиночество, стесняются его. Почему стыдно быть одиноким?

— Потому что одиночество в массовом сознании ассоциируется с каким-то личным неблагополучием. С неудачами либо в семейной жизни, либо в карьере, либо в общении с другими людьми. Считается, что человек обязательно должен быть социализирован. Что перво-наперво делает человек, когда вливается в новый коллектив? Он «проставляется», то есть накрывает стол. Так принято. Эти регулярные корпоративные посиделки с выпивкой на брудершафт — для чего они? Чтобы социализироваться, преодолеть отчужденность. С одной стороны, провозглашается право человека на личное пространство, а с другой, это личное пространство должно быть понятным для всех, в нем не должно быть ничего загадочного.

— *Одинокий человек вызывает подозрения?*

— Безусловно. И не просто подозрения — он считается либо больным, либо неполноценным, либо скрытным, а скрывают, в нашем понимании, только плохое — хорошее зачем скрывать? Я думаю, это страшно — когда человека хотят принудительно социализировать, насильно втолкнуть в общество. Я не встречал ни одного крупного ученого, который был бы абсолютно социализирован. И я не считаю, что крупный ученый — неудачник, потому что у него нет тысячи друзей, и он не пьет каждый день пиво со своими товарищами.

— *А женское одиночество? Эта тема овеяна таким ореолом печали...*

— Для большинства женщин остаться в одиночестве — беда. Особенно это чувствительно в молодом возрасте, когда кажется, что жизнь не удалась. Обратите внимание: чем более патриархальным является общество, тем сильнее эти настроения. На Востоке считается, что без семьи человек не целостный, не полный. У него должна быть семья с молодых лет и до конца жизни. Если человек живет вне семьи, это воспринимается как его личный крах. Хотя я

знаю массу своих знакомых, которые живут в одиночку и не считают своим долгом с кем-то общаться. Если тебе комфортно в одиночестве, если ты в этом состоянии более производителен, в том числе и для себя самого; если у тебя меньше проблем, когда ты живешь один, чем тогда, когда ты живешь с кем-то, то лучше будь одиноким.

— *Тем не менее, если верить опросам, семейные люди более успешны, чем одинокие.*

— Я не буду спорить с социологическими опросами. Наверное, все так и есть. Объяснение этому очень простое. Человек, живущий в семье, отвечает за эту семью. И успешность, если измерять ее карьерой и зарплатой, — это стимул кормить детей, жену. Но я не знаю, насколько были успешны в карьере русские художники-передвижники. Думаю, что они были абсолютно неуспешны. Полагаю, что и многие импрессионисты были неуспешны с точки зрения доходности их творчества. Неприятно жить в обществе, которое измеряет успех деньгами или карьерой. Но еще неприятней — где мерило успеха одинаковое для всех. Не может быть одинаковое мерило для укладчика асфальта и для автора философских произведений. И то и другое — более чем достойная профессия, но мерила-то разные. Не надо всем навязывать одинаковое понимание успеха. Как не надо всем навязывать и одинаковое понимание одиночества, а именно — понимание его как несчастья. У моего хорошего товарища Бориса Борисовича Гребенщикова есть строчка: «У меня нет друзей, чтобы никто не смог сбить прицел».

— *Вы на почве буддизма с Гребенщиковым сошлись?*

— Нет, мы в равной степени буддисты и не буддисты. У него фантастический круг общения, поклонников. И при этом он принципиально одинокий человек. Я вообще не очень себе представляю, как можно, сидя на какой-нибудь презентации или светской вечеринке, писать хорошие стихи. К сожалению, большой круг общения сбивает наш внутренний прицел. Мы обществу нужны как люди, которые куда-то интегрированы, вписаны в какую-то ячейку. Чаще всего с нами общаются не как с личностями, а как со статусами. Чем общество более патриархально, тем выше ценится статус. У китайцев, например, визитные карточки листаются, как книжки. Если я оказываюсь вне этих статусов, то не очень понятно, как со

мною обращаться. И тогда приходится заглядывать внутрь меня.

— *Может быть, одиночество — роскошь, недоступная человеку, живущему в социуме?*

— Надо иметь очень много мужества и очень много внутренней дисциплины, чтобы не поддаваться принудительной социализации. Едва ли не каждому человеку время от времени хочется побыть одному. Но лишь единицы обладают искусством, находясь в одиночестве, что-то производить. Когда мы одиноки, у нас устанавливается совсем иная связь с миром, космосом, духовным пространством, Богом. Потому что никто не мешает. Почему-то считается, что человека в храме неудобно дергать за полу и обсуждать с ним цены на нефть, а в любом другом месте — пожалуйста. Почему-то духовное пространство уважаемо только внутри помещения, где возносятся молитвы, а на улице, в ресторане, на стадионе его можно не уважать. Представляете, как пугающе будет звучать, если вы, отвергая чье-то приставание, скажете: «Мне хочется побыть одному». Начнут шептаться: «С ним что-то случилось. Может, у него кто-то умер?»

Чем сильнее саморефлексия, тем сложнее быть одиноким

— *В русской традиции одиночество — это всегда проклятье, тяжкий крест. Русскому сознанию свойственно трактовать одиночество именно так?*

— Да, это свойство русского сознания — считать, что мир в принципе драматичен, и чем он более драматичен, чем больше на нас сваливается переживаний, тем более полноценна наша жизнь. И не случайно самореализация у русского народа идет исключительно в период несчастья какого-то. Возьмите знаменитых русских философов Соловьева, Бердяева, Розанова, Ильина, братьев Трубецких. Для них все, что происходит в жизни, — космическое событие. Причем оно должно мучительно переживаться, должно оставить саднящую рану в душе. Чем сильнее саморефлексия (у русского человека она болезненно повышена), тем сложнее быть одиноким. Попав в заколдованный круг одиночества, мы начинаем думать, что мы не таковы, мир не таков, Бог от нас отказался. Посмотрите теперь на Азию. Казалось бы, гигантская философская традиция, а вот саморефлексия очень маленькая у азиатов.

У китайцев я ее вообще практически не встречал. А русский человек ничего не воспринимает как данность. Он должен эту данность оценить, сказать, что на самом деле все не так, но ничего не сделать при этом. Саморефлексия — постоянная спутница жизни русского человека. Поэтому русские люди так болезненно переживают одиночество.

— *Чужое одиночество надо уважать?*

— Его надо как минимум понимать. Не бывает чужого одиночества без причины. К тому же оно разное. Бывает чужое одиночество как особая форма мазохизма: меня все покинули, меня никто не понимает, я одинок... И это становится позицией жизни. На самом деле это позиция выбивания благ. Чтобы человека успокаивали. Чтобы ему потакали. Это страшная болезнь. И ее надо лечить. Но не лекарствами, а, скорее, словами. А когда человек одинок потому, что видит в этом условии своей самореализации, — такое чужое одиночество надо уважать. Но уважения здесь трудно добиться. Публичный человек у нас ценится выше, чем непубличный. Человек, который тихо сидит и о чем-то думает, — он неуспешный с точки зрения общества. Я думаю, это связано с тем, что нынешнее общество ориентирует людей на карьеру, а не на самореализацию. Поэтому карьера ценится, а внутренняя самореализация, одно из условий которой — одиночество, никому не понятна.

Чтобы отказаться от чего-то, надо все-таки что-то иметь

— *Вы не боитесь одинокой старости?*

— Абсолютно не боюсь. И не только потому, что мы одинокими приходим в мир и одинокими уходим из него. Никакой боязни одинокой старости быть не должно, если человек подходит к этому рубежу плавно, спокойно, подготовленно. Одинокая старость опасна другим — когда тебе никто не помогает, когда пресловутый стакан воды никто не подает. Но эту проблему современное общество как раз решает. В США, например, эффективно работает система домов для престарелых, в России, как правило, помогают родственники, в Азии — тоже родственники. А одиночество как состояние души — здесь никто не поможет, если мы до наступления старости сами себя не воспитаем. Несомненно, что в старости человек иначе относится к своему одиночеству, чем в молодые годы. Любой

человек проходит эволюцию в этом плане. И слава богу, что он ее проходит. Ты должен попробовать и то и другое. Нельзя отказаться от активной жизни, не пройдя через активную жизнь. Нельзя ругать одиночество или, наоборот, хвалить его, не будучи никогда одиноким. Нельзя говорить, что тебе одиночество не подходит, если ты хоть однажды не изолировал себя от внешнего мира — физически, интеллектуально или эмоционально. Стоит пройти через все. Чтобы отказаться от чего-то, надо все-таки что-то иметь.

Понять — значит простить?

Диалог с академиком РАН,
кардиологом Юрием Бузиашвили

Без умения просить прощения и желания быть прощенным отношения между людьми невозможны не то что хорошие — вообще никакие. Если бы человечество не умело прощать, оно бы давно истребило себя в беспощадной вендетте. Но попросить прощения — значит признать себя виноватым, а это трудно. Кто-то считает способность просить прощения проявлением слабости, а кто-то слабостью называет умение прощать. Всё ли заслуживает прощения? Все ли заслуживают его?

Чем взрослее становишься, тем меньше хочется кому-то мстить

— *Вам приходилось кого-то прощать?*

— Да, конечно. При этом постоянно приходится лавировать между тем, что, простив чей-то дурной поступок, мы, возможно, побуждаем виноватого к совершению еще более гадкого поступка, и тем, что умеющий прощать умножает свою мощь. Причем чем взрослее становишься, тем меньше хочется кому-то мстить. Человеку свойственно ошибаться, но Божий промысел прощения присущ не всем. Жизнь коротка, и годами нести в себе обиду на кого-то, вынашивать планы мести, тратить на это душевные силы мне представляется непозволительным расточительством. Прощение облегчает жизнь. Оно и для здоровья полезней, чем злопамятность, из чего, вероятно, религия и исходит, призывая к всепрощению. Человек, умеющий прощать, обычно счастливее того, кто прощать не умеет. А из двух собеседников всегда хуже выглядит тот, кто отпускает колкости в адрес другого, нежели тот, кто служит мишенью для критических стрел. Стремление задеть, уязвить, указать человеку на его недостатки ни к чему хороше-

му не приводит. В школе дети, бывает, акцентируют внимание на анатомических и физиологических пороках своих сверстников — смеются над заикающимся, дразнят излишне упитанного... Зрелый, здравомыслящий человек никогда себе этого не позволит. Но тот же кодекс, я считаю, должен действовать и в отношении человеческих поступков, пусть даже подчас некрасивых. Умение прощать — это практически умение понять. Тот, кто не научился прощать и тем более искать прощения, — не повзрослел.

Порядочному человеку трудно прощать себя, но иногда надо

— Говорят, понять — значит простить. Но бывает ли так, что понять можно, а простить нельзя?

— Именно так чаще всего и бывает. Никогда не забуду одного красивого молодого армянина, с которым я летел в Лос-Анджелес. Мы говорили с ним несколько часов. Я понял, что смысл его жизни — доказать геноцид армянского народа и отомстить. Но есть другой пример. Помните фильм «Крестный отец», тот эпизод, когда собираются главы пяти семей и дон Корлеоне призывает к миру. «Как случилось, что все зашло так далеко? Я не знаю. Это так печально, так никчемно. Татталья потерял сына, и я потерял сына. Мы квиты. Если Татталья согласен, я готов позволить всему вернуться на круги своя». — «Мы благодарны дону Корлеоне за эту встречу. Мы знаем его как человека слова, скромного и мудрого человека». Дон Корлеоне прощает убийство своего сына во имя будущего. Чтобы в будущем не было хуже. Ведь порой самая большая победа — прощение.

— Вы легко прощаете вашим подчиненным ошибки и просчеты?

— Бернанд Шоу сказал: «Молодости, которая ничего не прощает, прощается все. Старости, которая все себе прощает, ничего не прощается». Я давно руковожу коллективом и могу сказать, что даже за такой незначительный для страны период время изменилось. То, что считалось предосудительным тридцать лет назад, сегодня не возбраняется, и наоборот. Возвращаясь к вашему вопросу — я всегда стараюсь поставить себя на место провинившегося человека, чтобы его понять. Посудите сами, неужели наклеенная лучезарность младшего медперсонала в Европе стоит много до-

роже, чем вымученная улыбка нашей санитарки? Вы просто на минуточку представьте себе квартиру этой санитарки после тяжелейшего рабочего дня. Представьте ее быт, ее окружение, ее душевные порывы и мысли о будущем — и вы поймете, при такой жизни спасибо, что она хотя бы не кидается на людей. Поэтому я ее прощаю. Прощение — это лекарство. Лекарство для себя, лекарство для окружающих. Власть прощения доступна каждому, особенно руководителю. Но есть вещи, которые не прощаются. Вряд ли, например, можно простить человека, который прикидывался другом, а в итоге оказался недругом. Вряд ли можно простить супругу, живя с которой вы считали, что у вас есть семейный очаг, а его, оказывается, никогда не было, и это обнаруживается через двадцать лет, когда вам поздно что-то начинать. Нет, не все поддается прощению.

Просить прощения — признак сильного человека

— *Умение прощать — это одна сторона дела. Но есть и другая — умение просить прощения. Вам приходилось просить прощения?*

— Безусловно. Может, я сейчас выскажусь пафосно, но просить прощения, когда ты виноват, — признак сильного человека.

— *Кто-то считает это проявлением слабости.*

— Ни в коем случае. Мне мой учитель говорил: «Прежде чем кого-то критиковать, оглянись на себя. Человек, не способный к самокритике, — полусумасшедший». В первую очередь надо подвергать критическому обследованию себя самого. Это сродни лечению. Если вы не можете поставить себя на место пациента, чтобы облегчить его страдания, вы плохой врач. А мы же все врачеватели друг друга. Я вырос в Грузии, где все делалось в угоду ближнему. Этим ближним был и родственник, и сосед, и друг, и друг друга, и друг соседа. Это было сообщество, направленное на взаимное угождение. В таком угождении не было ни грамма лизоблюдства, а было лишь стремление сделать доброе дело для друга, свата, брата. И такому угождению нет цены.

У каждого свой лимит на прощение

— *Люди не любят просить прощения, потому что не хотят признавать себя виноватыми?*

— Вспомните фильм «Мимино». Там есть короткий эпизод: два козла сталкиваются лбами, а потом побежденный получает под зад рогами и понуро удаляется. Кому-то кажется, что если он попросит прощения, то уподобится козлу, которого выгнали с поля боя. А с другой стороны, не за все надо просить прощения. С этой точки зрения весьма полезен для чтения роман «Граф Монте-Кристо». Там сформулированы некоторые важные принципы жизни. Например, такой: не оставаться в долгу. Ни в хорошем, ни в плохом смысле. Вспомните, как поступает граф Монте-Кристо со своим врагом, написавшим на него донос. Он исходит из принципа, что, отомстив, можно об этом пожалеть, а простив, никогда об этом не пожалеешь. И он дарит своему врагу бриллиант. Этот бриллиант и приводит человека к гибели. Никого нельзя обязать к прощению сверх его возможностей. У каждого свой лимит на прощение.

— *У обид существует срок давности? Старую обиду легче простить, чем вчерашнюю?*

— Простить на словах и простить в душе — это разные вещи. Вспыльчивый человек никогда не познает истину. Иногда человек говорит: «Я тебя прощаю», а на самом деле не собирается прощать. Но не обязательно грубым образом сводить счеты с обидчиком. Можно просто посмеяться над ним. Самый веселый смех — это смех над теми, кто смеялся над вами. Такой смех тоже форма непощения. Не дать по морде, а преуспеть, достичь определенных вершин, глядя с которых вниз можно смеяться на теми, кто смеялся над вами. Я все же за такое непощение.

Прощать врагов — это не только милосердно, но и практично

— *Кто, на ваш взгляд, не заслуживает прощения?*

— Алчный предатель. Столкновение с предательством — это как столкновение со стеной. Очень больно.

— *Предателям нет прощения?*

— Я считаю, что нет.

— *А врагам?*

— Бог учит нас любить и прощать своих врагов. Это не только милосердно, но и практично.

— *Практично?*

— Да. Если бы у нас не было врагов, мы бы не достигали в жизни много из того, чем можно гордиться. Наличие врагов — это стимул. Скажи мне, кто твой враг, и я посмотрю, чего ты достиг. Противостоять умному и сильному врагу — это надо уметь. Это побуждает тебя самого быть умным и сильным. Враги необходимы. У каждого преуспевающего или что-нибудь значащего человека обязательно имеются враги и недоброжелатели. В Грузии есть хорошая поговорка: глаз глазу был бы врагом, если бы их нос не разделял. Действительно, что делить глазам на одном лице? Но люди, к сожалению, в этом смысле слабы, завистливы и чрезвычайно зависят от чужих достижений. Порой, не оценивая свое, они очень детально, скрупулезно и необъективно оценивают чужое. Крупным личностям это несвойственно. Мой учитель Гдаль Григорьевич Гельштейн рассказывал такую историю. Он работал в начале своей карьеры у великого своего дяди, был такой профессор Элиазар Маркович Гельштейн, один из ведущих кардиологов-терапевтов нашей страны. Вдруг он меня вызывает, вспоминал Гдаль Григорьевич, и говорит: к сожалению, тебе придется искать другое место работы, да и мне пора уже заканчивать. А что такое? Назначена большая комиссия из Минздрава, ее руководитель — Мясников. А Элиазар Маркович с великим академиком Мясниковым были на ножах. После прихода комиссии, продолжает свой рассказ Гдаль Григорьевич, вызывает меня профессор, весь красный, как рак, и говорит: ты представляешь, что со мной сделал Мясников? А что такое? Он пришел с комиссией, которая проверяла бухгалтерию и все остальное. А потом всем, кто с ним был, сказал: благодарю вас, идите, а нас оставьте вдвоем. И когда мы остались наедине, он посмотрел на меня и говорит: что вы сидите такой напряженный и красный? Неужели вы думаете, что я воспользуюсь этим формальным поводом, чтобы сделать вам что-то плохое? Как вам не стыдно так думать! И он написал наилучший отзыв. Хотя они были враги, идеологические оппоненты, соперники.

— *Для вас важно, за что вы прощаете человека? Или тяжесть вины вы не взвешиваете, она для вас не имеет значения?*

— Нет, имеет, конечно. Точно знаю, что в любви безусловно прощается то, что не прощается в дружбе. Ведь все относительно,

и степень вины в том числе. Не случайно же в Уголовном кодексе есть «преднамеренное убийство с отягчающими обстоятельствами», а есть «убийство по неосторожности». Мой отец однажды в моем присутствии выслушал своего друга, рассказавшего печальную историю: его дочка вышла замуж, и вот этот муж, такой подлец, через два года совместной жизни поднял на нее руку. Я думал, что папа воскликнет: как он посмел! Но папа не проронил ни слова. Когда друг ушел, я спросил: «Папа, ты почему промолчал? Это же вопиющий поступок — ударить женщину». Папа сказал: «Да, сынок, он ее ударил, но мы не знаем почему. Может, за то, что она совершила, он должен был ее убить». Поэтому что такое прощение? Прощение — это оправдание. А оправдать — значит допустить, что в аналогичной ситуации вы, возможно, поступили бы точно так же.

— *Прощение означает незлопамятность? Простить — значит забыть?*

— Человеческий мозг ничего не забывает, он фотографирует все, что видел и слышал. Чтобы что-то «забыть», человеку нужно сделать усилие над собой. В данном случае постараться «забыть» обиду. Чрезмерно злопамятные люди больны и очень неприятны. Умеренность — страж жизни.

Нельзя жить с постоянным грузом вины

— *Вам себя простить легче или труднее, чем другого?*

— Это очень важный вопрос. Каждый из нас на него отвечает по-своему.

— *А вы как отвечаете?*

— Мне себя простить труднее, чем других. Потому что сперва надо подступиться к мысли, что ты не прав. А эта мысль дается нелегко, она всегда соперничает с твоим эго, которое внушает тебе, что ты божий избранник и тебе принадлежит весь мир. Признать себя неправым — значит вызвать цепную реакцию. За признанием неправоты последуют извинения, за извинениями — потеря толики самоуважения. С каждым признанием себя неправым твои внутренние акции падают. Не всякий человек к этому готов. Но если тебя с детства приучили прощать и просить прощения, то эти умения дальше будут срабатывать как условный рефлекс.

Помните знаменитые опыты академика Павлова с собаками, у которых на включенную лампочку выделялся желудочный сок? Так и с прощением. Если оно происходит на уровне рефлекса, то уже трудно определить, что здесь причина, а что следствие. Годы учат нас взаимотерпимости. А еще — ожиданию. Помню, когда я был маленьким и мы шли в кино, я никак не мог понять, почему эти взрослые идут так медленно, когда можно бежать, и тогда кино скорее начнется. И пока мы шли медленно, я туда-сюда бегал, как собачка, чтобы ускорить темп. Теперь моя походка стала намного медленнее, чем была в детстве и молодости. Я научился ждать. Научился не суетиться, хотя, признаюсь, не всегда мне это удается. Научился (а точнее сказать — учусь) смотреть на мир глазами человека, который старается многое в этом мире понять, а что-то и простить. Я люблю пересказывать сказанное в Ветхом Завете. Собралась как-то еврейские мудрецы обсуждать три вопроса — кто самый умный, кто самый сильный и кто самый богатый. Долгая дискуссия развернулась по поводу того, кто самый умный. Кто-то говорит — химик, кто-то — физик, кто-то — биолог. Старый еврей спал, потом проснулся и говорит: самый умный человек на свете тот, кто хотя бы раз в день задает себе вопрос, откуда он пришел и куда идет. Затем стали обсуждать, кто самый сильный. Кто-то говорит — каратист, кто-то — штангист, кто-то — боксер. Старый еврей опять проснулся и говорит: самый сильный человек тот, кто может обуздать себя в гневе. Потом давай они спорить, кто самый богатый. Тот, кто спал, к концу спора проснулся и снова сказал свое слово: самый богатый человек тот, кто на момент, когда задает себе этот вопрос, доволен тем, что у него есть. Вот такой человек, который знает, откуда он пришел и куда идет, который способен обуздать себя в гневе, который довольствуется тем, что имеет, — такой человек умеет прощать других. А себя он прощает с большим трудом. Порядочному человеку трудно прощать себя. Но иногда надо. Нельзя жить с постоянным грузом вины. Это приводит к депрессиям, психическим расстройствам.

— *Кто не умеет прощать, тот сам не заслуживает прощения?*

— Такие люди варятся в собственной злости. Это худшая форма жизни. Она вредна и для организма, и для восприятия действитель-

ности. Заслуживает ли прощения тот, кто других не прощает? Отвечая на этот вопрос, исходите не из того, нравится ли вам человек, не желающий никого прощать, а из собственных представлений о должном. Если вы прощаете всех, то должны простить и того, кто никого не прощает. Это и называется всепрощение.

Лицемерие — дань добродетели?

Диалог с культурологом
Людмилой Булавкой–Бузгалиной

Лицемерие — это притворство, несоответствие слов и поступков человека его истинным чувствам, убеждениям и намерениям. Лицемерие — это когда человек говорит одно, а думает другое и поступает по-другому. При всем том лицемерие — необходимый инструмент для поддержания хороших отношений между людьми. Лицемерие помогает обществу и отдельным его представителям скрывать свои пороки и недостатки. Поэтому лицемерие одновременно и порицается, и приветствуется. Впрочем, его порицание тоже лицемерно.

К лести я отношусь отрицательно

— *Вам часто льстят?*

— Нечасто. Потому что от меня мало кто зависит. Я занимаюсь наукой, и мои аспиранты прекрасно понимают, что моего доброго отношения к ним недостаточно, чтобы успешно защитить диссертацию. Лесть, с моей точки зрения, — это такой индикатор, который показывает меру отчуждения человека в обществе и меру его зависимости от других людей. Но чаще всего лесть — это инструмент, с помощью которого человек пытается реализовать какой-то свой сугубо частный интерес.

— *Как вы воспринимаете неумеренную похвалу в свой адрес?*

— Вы знаете, я давно уже перестала придавать большое значение словам и вовсе не потому, что человек преднамеренно пытается тебя в чем-то обмануть. Дело вовсе не в этом, а в том, что человек

далеко не всегда точно осознает свой реальный интерес и потому часто обманывается. А вот когда для реализации своего частного интереса он сознательно прибегает к обману, который может даже усладить твой слух, то к этому я отношусь отрицательно.

— *Лицемер — это кто?*

— Правдуроб. Или даже хам. Ведь что такое хамство? Это когда человек говорит свою «правду», не соотнося ее с тем, во имя чего он ее вещает. Ты эту правду зачем говоришь? Ты хочешь ею раздавить человека? А если ты хочешь помочь ему, то ты всегда найдешь для своей правды слова, которые не оглушат человека, не повергнут его в отчаяние, а подбодрят, вселят надежду.

Лицемерие — это корыстная ложь

— *Когда безнадежно больному говорят, что у него все будет хорошо, — это лицемерие?*

— Я не думаю, что это лицемерие. Здесь опять все определяется мерой. Если остается хоть какой-то шанс на выздоровление, то, видимо, есть смысл говорить так, чтобы человек внутренне мобилизовался, чтобы он стал субъектом собственного выздоровления. Это очень трудно — находить правильные слова, общаясь с больным человеком. Поэтому я никогда не смогла бы стать врачом.

— *Трудно определить меру правды и меру лакировки реального положения дел?*

— Да, именно так. Не бывает правды «вообще». Кроме того, нельзя путать два таких понятия, как «правда» и «информация». Правда — это больше, чем информация, это, прежде всего, позиция, исходя из которой, человек не только показывает противоречия объективной реальности, но и выражает свое понимание того, как их можно разрешить. Это, говоря словами Юрия Олеси, «когда двое, очень близко прижавшись друг к другу, обсуждают, как бы найти наилучший выход», причем выход конкретный для тех конкретных людей, кто эту правду ищет. А информация может быть и лакировкой реального положения дел, понимая под этим игнорирование или сознательное сокрытие реальных противоречий действительности, равно как и самой возможности их разрешения.

— *То есть, как ни крути, лицемерие — это ложь?*

— Не совсем. Лицемерие — это корыстная ложь. Ложь для достижения какой-то частной цели, например, для карьерного продвижения по службе или для завладения чужим имуществом.

— *Ну почему же — для личной? Для государственной — нет?*

— Вы думаете, чиновник, который лицемерит, делает это в государственных интересах? Как правило, он преследует свои корыстные цели и прежде всего — как сохранить свое место в системе власти. В лицемерии всегда есть некий потребительский момент.

— *А сокрытие информации, замалчивание проблемы — это лицемерие?*

— Несомненно. Вспомним, как власть пыталась скрыть полную информацию о чернобыльской катастрофе.

— *Адвокатская речь на суде — это лицемерие?*

— Мы живем в эпоху рыночного тоталитаризма, когда всюду господствуют отношения купли-продажи. В этих условиях адвокат будет говорить на суде только то, что ему обеспечит хороший гонорар.

— *Но в этом и состоит профессия адвоката.*

— Конечно, защищать — это его профессия. Но имеет значение, ЧТО ты защищаешь. Адвокат может защищать кошелек своего клиента как источник своего высокого гонорара, может защищать его собственность, а может защищать в человеке то человеческое начало, которое силой объективных обстоятельств в нем оказалось придавленным.

— *Нынешняя мода на воцерковленность — это лицемерие?*

— Я бы так не сказала. Это более сложное явление, которое имеет свои классовые корни. Распад СССР вызвал — и прежде всего у тех, кого в советские времена называли «человеком труда» — утрату своей самоидентификации, которая давала ему ощущение прочности бытия, наполняла гордостью за то, что он живет в стране, победившей фашизм и имеющей колоссальные достижения в науке и культуре. Человек идентифицировал себя либо с СССР как страной и государством, либо, например, с заводом, на котором работал. А когда не стало ни страны, ни завода, то этот

человек труда оказался никому не нужен. Вот почему в ситуации социально-экономической несправедливости постсоветский человек, раздавленный собственной беспомощностью, обратился к идее Бога как последней инстанции. Но когда собственники и чиновники, которые как раз и закрывали эти самые заводы и разворовывали богатство страны, обрекая человека труда на нищенское существование, сегодня стоят со свечками в храмах — в этом есть определенное лицемерие.

— *Любая политика — это лицемерие?*

— Я не согласна с теми, кто считает, что политика — это априорно грязное дело. Политика политике рознь, т.к. все определяется тем, чьи интересы она отстаивает. Например, культурная политика 1920-х годов, решая задачи преодоления безграмотности широких масс, осуществлялась преимущественно местными органами, которые были представлены в лице тех же рабочих и крестьян. Да, в этом деле было допущено немало ошибок, но было сделано и много социальных прорывов, например, ликвидация безграмотности в стране, в которой в 1917 году более 80 процентов населения царской России было неграмотным. Но если суть политики сводится лишь к воспроизводству тех или иных политических элит, то в этом случае лезть, и лицемерие всегда будут инструментами для отстаивания частных интересов под прикрытием интересов государственных.

— *В какой мере это неизбежно?*

— В той мере, в коей общество будет отчуждено от этой самой политики. В той мере, в какой проблемы общества будут решать не сами граждане, а чиновники и представители капитала.

Подчиниться правилам приличия

— *Есть приемлемые формы лицемерия?*

— Есть. Я бы даже не сказала, что это лицемерие. Например, выражение сострадания по отношению к тому, кто оказался в несчастье, даже если этот человек не всегда тебе был приятен. Я не считаю это лицемерием. Это лишь соблюдение неких культурных норм человеческих отношений.

— *Можно ли тогда сказать, что лицемерие — это негласная внутриобщественная договоренность о правилах приличия? Ну не все принято говорить человеку в лицо, не все подлежит публично-*

му обсуждению.

— Да, во многом так оно и есть. Люди в обществе договариваются о правилах взаимного поведения, чего бы эти правила ни касались. У вас плохое настроение, но вы приходите на работу и говорите коллеге, который вам, возможно, не очень приятен: «Добрый день!» А сказав такие слова, да еще и с посылом, вы тем самым хоть в какой-то степени, но все же снимаете напряжение отчуждения. В любом случае это не есть лицемерие, а лишь проявление культуры человека.

Не быть святошей

— *Отношение к лицемерию в разных религиях одинаково негативное. Вот что сказано, например, в Евангелие от Матфея: «Когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди... Также, когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры, ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися». А в исламе лицемерие считается даже более тяжким грехом, чем неверие. Но так ли уж действительны эти религиозные предписания?*

— Любая религия содержит в себе правила поведения человека в обществе, построенного на законах отчуждения. И уже в силу этого оно нередко рождает формально-отчужденное отношение к этим нормам. Есть еще одно обстоятельство: сегодня мы живем в мире тотального отчуждения, где идея престижного потребления является едва ли не главным смыслом жизни. Это заставляет человека подчиняться знакам престижного образа жизни: иметь машину престижной марки, дружить с людьми определенного круга, смотреть модные спектакли и выставки... Человек не живет, а только тем и занят, что подтверждает, насколько он являет собой человека престижного образа жизни. И в этом случае человек лицемерит, уже не понимая, что он лицемерит. Классическое лицемерие — это когда человек надел маску, а потом снял. Сегодня же — по-другому: он ее надел, а снять уже не может, да и боится — она прикрывает отсутствие его собственного лица. Правда, со временем он уже и сам готов уверовать, что это и есть его лицо. Для мира отчуждения тотальное лицемерие является закономер-

ностью. И здесь речь идет уже не о ситуативном, а скорее о тотальном лицемерии. Оно сегодня проникло в государственные органы, семью, общественные институты, церковную среду.

— *В церковной среде оно было распространено во все времена. И даже сильнее, чем где бы то ни было. Что такое святоша? Это богомольный лицемер, ханжа.*

— Согласна с вами. Я поверю такому священнику, который свою просторную усадьбу будет использовать для размещения бездомных детей; который свои личные средства (а священники не бедные люди) будет тратить на поддержку малоимущих. Я встречала только один раз того, кого можно было назвать не столько священнослужителем, сколько человекослужителем. В прошлом комсомолец, для которого распад СССР стал личной трагедией, из которой он для себя нашел единственный выход: стал священником, уехал жить в глухую деревню, где лично помогал оставшимся в ней старикам: кому дрова нарубить, кому крышу поправить. Вот он в моем понимании — не святоша. Но это редчайшее исключение.

— *Что для вас предпочтительней — лицемерие или та простота, которая хуже воровства?*

— Если мы понимаем лицемерие как некое принуждение к вежливости, соблюдению правил приличий, то оно для меня предпочтительней правдорубства.

— *Значит лицемерие — это не плохо и не хорошо, а совершенно необходимо?*

— Сегодня же мы живем в мире отчуждения человека от человека. Человеческое в человеке подавлено. Исчезла радость совместного переживания. Радость совместного созидания хорошего дела. Радость совместного открытия. А когда наша жизнь превращается в мир отчуждения, когда человек человеку лишь конкурент, лицемерие будет сопровождать нас везде и во всем.

Политкорректность нас погубит?

Диалог с политологом
Александром Шаравиным

Демонстрировать политкорректность модно. Еще более модно ругать ее. Пристрастие к доходящей до абсурда политкорректности выглядит столь же глупо, как и саркастическое поношение этого пристрастия, право же, не самого порочного. С чувством превосходства посмеиваясь над представителями иных цивилизаций, придумавшими слово «афроамериканец», отечественные правдорубы не стесняются в выражениях, называя кого-то «чуркой», кого-то «укропом», а кого-то и похлеще. Мы-то сами от чего больше страдаем — от избытка политкорректности или от дефицита ее?

Стараюсь называть вещи своими именами

— *Вы всегда называете вещи своими именами?*

— Стараюсь. Если это, в принципе, возможно.

— *А когда это бывает невозможно?*

— В тех случаях, когда кому-то из моих близких или друзей моя прямота способна чем-то навредить.

— *Себе вы не боитесь навредить, сказав кому-то что-то не очень приятное?*

— Мне уже поздно бояться, я не раз попадал в ситуации, когда можно было запросто с жизнью расстаться. Поэтому предпочитаю больше заботиться о своей чести, чем о своей безопасности.

— *Вы всегда говорите человеку в глаза все, что о нем думаете?*

— Тоже не всегда.

— *От чего это зависит — когда можно сказать все, что думаешь, а когда нельзя?*

— Мне кажется, говорить человеку правду о нем стоит лишь тогда, когда есть надежда, что этим ты можешь что-то исправить. А если исправить нельзя, то говорить бесполезно.

— *Какие слова для вас предпочтительней в употреблении — «глухой» или «слабослышащий», «инвалид» или «человек с ограниченными возможностями»?*

— Человека с дефектами слуха я называл бы «слабослышащим», а не «глухим». То же и в отношении человека, потерявшего руку или ногу. Надо находить слова, которые не обижали бы людей иных взглядов, иного физического облика или иного образа жизни. Когда, например, людей нетрадиционной сексуальной ориентации оскорбительно обзывают, мне это слышать неприятно.

— *Надо ли указывать национальность преступника?*

— Только тогда, когда это принципиально важно для понимания мотивов преступления и его расследования. А если кто-то кому-то нанес увечья в пьяном застолье, это не повод сообщать о национальности преступника и его жертвы.

— *Что такое неполиткорректность?*

— Это непризнание за человеком права на некую особость.

— *А политкорректность — это что?*

— Это, соответственно, признание такого права. Вот у нас, например, есть любители порассуждать о том, что, дескать, всю власть в стране захватили люди каких-то «не таких» национальностей. Я считаю, что авторы подобных утверждений по меньшей мере оскорбляют тот самый народ, к которому себя относят. В свое время Черчилль сказал: «Почему у нас нет антисемитизма? Потому что мы не считаем себя глупее евреев». Вот вам прекрасный пример политкорректности.

Неосторожное слово всегда готово слететь с языка

— *Политкорректность бывает излишней?*

— Бывает.

— *В каких случаях?*

— Когда права меньшинств, причем меньшинств радикальных, признаются в ущерб правам здорового большинства. Мы не можем

быть «политкорректны» в отношении боевиков ИГИЛ или иных экстремистов. Какую бы форму экстремизм ни принимал, он должен получать отпор. Любые разговоры о политкорректности здесь неуместны.

— *Человек вообще по природе своей не склонен к церемониям? Ему изначально не свойственно, простите неполиткорректное выражение, «фильтровать базар»?*

— Да, к сожалению, человек так устроен. Ему надо сделать усилие над собой, чтобы удержаться от неосторожного слова, которое уже готово слететь с языка. Хотя бывает врожденная деликатность. У меня была бабушка, она закончила лишь церковно-приходскую школу и один класс гимназии, но была, как сказали бы мы сейчас, очень политкорректна. Я никогда не слышал от нее грубых слов, в общении с людьми она была максимально терпима. Я даже удивлялся, откуда это берется у человека, не кончавшего университетов. Хотя понимаю, что образование еще не гарантия политкорректности и толерантности.

Национальный вопрос сейчас опасен для обсуждения

— *В любом обществе есть болезненные и потому табуированные темы. Где-то — такая-то, где-то — иная. Но не приводит ли это к тому, что болезнь замалчивается, загоняется внутрь и тем самым усугубляется?*

— Такое, действительно, случается. И не только у нас. Когда я первый раз приехал за границу, в Германию, я оказался во Франкфурте, у своих друзей, и мне очень понравилось бродить по городу. Прекрасный немецкий город. Я ходил по нему и наслаждался. А потом, лет через шесть-семь, я опять приехал к моим друзьям и решил прогуляться тем же маршрутом, от вокзала до их дома. Я пошел — и оказался как бы в другом, совсем не знакомом мне городе. Теперь это была турецкая улица, там звучала турецкая речь, какие-то темные личности ходили туда-сюда, все дышало криминалом. Я вернулся в дом к своим друзьям, спрашиваю: что случилось? Они говорят: там творится кошмар, и мы там больше не ходим. Я: если там творится кошмар, почему вы об этом молчите? Они: у нас об этом не принято говорить. Этот случай свидетельствует о том, что в Европе не все ладно с политкорректностью и пресловутым мульт-

тикультурализмом, о котором европейцы старательно пеклись. Политика не выдерживает испытания жизнью.

— *Но согласитесь, что есть темы, которые лучше не обсуждать. Например, широкая дискуссия по национальному вопросу в России сегодня небезопасна. Она может сработать как общественный детонатор — вспомним провокационные теледебаты Макашова с космонавтом Леоновым и чудовищный результат интерактивного голосования.*

— Да, тут я с вами согласен. Хотя у нас есть немало политиков, считающих, что русский народ сегодня унижен, оскорблен, нуждается в защите и что эту тему надо обсуждать, причем немедленно. Эти люди начинают заниматься подсчетами, сколько в правительстве, Госдуме, бизнесе русских людей и сколько нерусских. Я думаю, народ сам разберется, кого ему избирать в парламент и кого желательно видеть в правительстве. А кто будет успешным бизнесменом — это рынок решит. В любом случае национальный вопрос сейчас очень опасен для обсуждения. Особенно когда его поднимают люди с экстремистскими взглядами.

Абсурд, как и было сказано

— *Политкорректность как способ излечения от хамства сродни шоковой терапии: побочные эффекты неизбежны. Власти Нью-Йорка запретили детям на уроке биологии упоминать имена любимых персонажей мультфильмов, например, динозавриков. Потому что слово «динозавр» отсылает к теории эволюции, а это может оскорбить верующих, которым внушили теорию о божественном происхождении человека. Местный департамент образования составил список из пятидесяти слов, употребление которых возбраняется. Запрещено произносить слова «день рождения», «бедность», «дискотека»...*

— Таких примеров, когда политкорректность доводится до абсурда, полным-полно. Я недавно где-то прочитал, как в том же Нью-Йорке на экзамене по литературе подверглись редактуре сочинения по произведениям Антона Павловича Чехова, Исаака Зингера и Уильяма Максвелла. Скажем, в отрывке из повести Зингера были исключены все упоминания об иудаизме, хотя именно иудаизм является квинтэссенцией всего творчества этого автора.

В результате «большинство еврейских женщин» превратились в «большинство женщин», а слова «даже польские школы были закрыты» — в «даже школы были закрыты». Из рассказа Чехова «Переполох» изъяли слова служанки о том, что после пропажи в доме дорогой брошки всех слуг раздевали догола и обыскивали.

— *Но, может, доля здравого смысла есть в подобных ограничениях? Может, это такая, пусть даже чрезмерная, но необходимая профилактика конфликтов?*

— Никакая это не профилактика — абсурд, и только. В США, например, даже слово «Рождество» кое-где уже изымается из обращения. Там Рождество теперь называют «сезоном праздников». И в Вашингтоне, рядом с Конгрессом США, с наступлением первого зимнего месяца начинает сиять огнями «праздничное дерево». Именно так, отдавая дань политкорректности, называют гигантскую елку, установленную у здания Капитолия. По тем же соображениям во время рождественской церемонии вместо фразы «с Рождеством!» произносится нейтральное «поздравляем с праздником!» Попытки отмечать Рождество по христианским канонам пресекаются. В 2013 году администрация школы права при Университете штата Индиана приняла решение убрать из главного здания украшенную рождественскую елку: несколько преподавателей и студентов заявили, что она является религиозным символом и ставит христианство в «эксклюзивное» положение. А в штате Канзас по тем же причинам был выпровожен из начальной школы Санта-Клаус, пришедший поздравить малышей с Рождеством. Был момент, когда несколько конгрессменов обратились к коллегам: хватит сходить с ума, давайте вернем дереву у Капитолия название «рождественская елка». Но их инициатива не получила поддержки. Потому что на нее мгновенно отреагировали общественные и религиозные организации, пригрозившие законодателям судебными исками. В Британии тоже разгул политкорректности. По данным одного из опросов, в канун Рождества три четверти работодателей запретили своим сотрудникам украшать офис традиционной христианской символикой из опасения оскорбить чувства приверженцев других религий. Мне кажется, христианские ревнители политкорректности в своей «елкобоязни» выглядят в буквальном смысле святее Папы Римского. Ведь большинство представителей нехристианских конфессий не испытывают духовных страданий

при виде рождественской атрибутики, наоборот, сами охотно и с удовольствием ее используют. И для западного, и для восточного мира Рождество — праздник, скорее, культурный, нежели религиозный. Стерильно религиозным его хотят видеть только ортодоксы как с той, так и с другой стороны. К примеру, в берлинском районе Кройцбург, населенном преимущественно турками (они чувствуют себя здесь не гостями, а хозяевами), немцам запрещено праздновать Рождество. Власти района мотивируют запрет политкорректностью. Ураза-байрам в Кройцбурге праздновать можно, а Рождество — нельзя. Абсурд!

Положительная дискриминация

— *Доведенная до абсурда политкорректность всегда нелепа, но не всегда смешна. Американские университеты, набирая студентов, нередко отдают предпочтение кандидатам, не относящимся к белой расе. То есть при прочих равных достоинствах «небелые» имеют больше шансов на зачисление, чем «белые». Такая социальная политика называется «положительной дискриминацией». В данном случае она расовая.*

— Да, пристрастное положительное внимание к различным меньшинствам — это тоже дискриминация. Какая уж тут политкорректность? Это, скорее, насмешка над политкорректностью. Вообще любые квоты для меньшинств содержат в себе нечто обидное для этих самых меньшинств, хотя вроде бы создаются им на благо. Или возьмем такое проявление политкорректности, как уважение национальных традиций того или иного народа. Я в свое время служил в Средней Азии и на многое там насмотрелся. Один человек — он был директором краеведческого музея, членом бюро обкома партии — рассуждая о якобы едином советском народе, пытался объяснить мне элементарные, с его точки зрения, вещи. Понимаешь, Саша, говорил он, вы, русские, культурно ближе даже к немцам, чем к нам, хотя мы с вами живем в одной стране. Я говорю: почему вы так думаете? Он говорит: вот вы сейчас пытаетесь искоренить взятки в нашей республике. Скажите, взятки — это плохо? Я говорю: взятки — ужасное зло, с ними надо бороться. Он говорит: а у нас взятки — это нормальный порядок вещей. Когда у вас, русских, царь назначал губернатора, он определял ему жалованье — столько-то там рублей. А у нас, когда эмир назна-

чал наместника, он ему, наоборот, говорил: ты мне должен в месяц принести столько-то денег, а сколько останется — всё твое. И вот эта «вертикаль» — она в наших местах действовала всегда. И я с молоком матери впитал понимание, что начальнику надо давать деньги. Просто за то, что он твой начальник. Те люди, которых ловят в нашей республике на взятках, потом идут к человеку, на которого дали показания, и говорят: извини меня, я вынужден был это сделать, потому что на меня давили, мне угрожали, но я дам тебе в два раза больше только за то, чтобы ты простил меня. Сомневаюсь, что надо уважать такие «национальные традиции». Но принимать их во внимание, наверное, необходимо.

Надо ли не замечать очевидного?

— *Можно ли сказать, что политкорректность — это требование не замечать очевидных вещей?*

— У нас, к сожалению, иногда именно так и происходит. Но замалчивать проблемы, не замечать недостатки не есть политкорректность. Впрочем, недостатки бывают разные. Есть недостатки, скажем, системы образования. Или недостатки чрезмерного государственного вмешательства в частный бизнес. Такие недостатки не только подлежат публичному обсуждению, но и нуждаются в нем. А вот, скажем, обсуждать физические недостатки человека — непolitкорректно.

— *Мне кажется, политкорректность не в том, чтобы инвалида называть «человеком с ограниченными возможностями» и не в том, чтобы таких людей принимать на работу, а в том, чтобы вход в здание был оборудован пандусом и чтобы в этом здании был хотя бы один туалет, в который можно въехать на коляске.*

— Я считаю, что пандус в данном случае должен быть, специальный туалет должен быть. Но и само рабочее место, где трудится такой человек, должно быть оборудовано соответствующим образом. Чтобы люди с физическими недостатками не чувствовали себя людьми второго сорта.

Даже в умеренности надо знать меру

— *Грозят ли нам в России перегибы в политкорректности, не начинаем ли мы тоже сходить с ума в чрезмерной боязни кого-то невольно задеть, ненароком обидеть?*

— К сожалению или к счастью, избыток политкорректности у нас пока не наблюдается. Мы не так далеко отошли от советских времен, когда политкорректность высмеивалась и само это слово произносилось с иронической интонацией. Для того, чтобы политкорректность и толерантность в нашем обществе стали нормой, надо приложить еще немало усилий — государственных, общественных, личных. Политкорректность как род ответственной самоцензуры — вещь, несомненно, полезная. Но даже в умеренности, сколь бы благодетельной она ни была, хорошо бы знать меру.

Респонденты не говорят правду?

Диалог с психологом Ольгой Мельниковой

«85 процентов россиян считают себя счастливыми», «18 процентов дальневосточников никогда не были в бане», «63 процента выпускников консерватории предпочитают Моцарта Шопену»... Результаты таких опросов кого-то радуют, кого-то озадачивают и служат подчас основанием для далеко идущих выводов. Но можно ли быть уверенным, что респонденты отвечают честно?

Не надо спрашивать напрямую

— Вам приходилось отвечать на вопросы социологов?

— Из профессиональной солидарности почти никогда не отказываюсь отвечать на вопросы анкет.

— В своих ответах вы всегда искренни?

— Стараюсь. Тоже из профессиональной солидарности.

— С кем солидарность? Вы же психолог, а не социолог.

— Я психолог, но я тоже занимаюсь изучением общественного мнения. Просто у меня другие методы. Я, например, не задаю прямых вопросов.

— Считается, что социологи изучают общественное мнение. Но они еще и формируют это мнение путем публикации результатов своих исследований. То есть соцопросы являются одновременно инструментом пропаганды, разве не так?

— Это очень примитивное представление о роли соцопросов. Я исследую индивидуальное мнение представителей тех социальных, экономических, культурных слоев, которые представляют интерес для того или иного моего проекта. И я никогда не замечала, чтобы респонденты ссылались на какие-то публикации по иссле-

дованию общественного мнения и говорили: «А вот большинство считает так».

— *Разве на людей не давит груз общих мнений? Если из всех утюгов человеку внушают, что 86 процентов россиян поддерживают Путина, этот человек невольно влетает свой голос в общий хор.*

— Во-первых, далеко не все читают результаты социологических опросов. Во-вторых, в эти 86 процентов уже вошли те, кто всегда присоединяется к большинству. Остальных же этой цифрой с толку не собьешь. В ком-то даже, наоборот, выигрывает дух противоречия, и человек выскажется наперекор общему мнению. Я воспитана на политических и маркетинговых исследованиях, занимаюсь ими почти тридцать лет. И поверьте моему опыту, если грамотно спросить — люди скажут действительно то, что думают. А если не скажут, то не потому, что боятся, а потому, что просто не задумывались над каким-то вопросом. Но не обязательно спрашивать их о чем-то напрямую. Есть специальные приемы, которые помогают выявить мнение. И есть приемы, позволяющие проверить искренность респондента.

— *Это какие приемы, к примеру?*

— Например, наши респонденты рисуют или создают коллажи. Я говорю: пожалуйста, склейте мне коллаж на тему «Политическая ситуация в России сейчас и лет через пять» — оптимистический и пессимистический варианты. И они подбирают нужные картинки и склеивают образ — свое представление о ситуации. В первой ее части крокус вылез из-под снега и распустился. А во второй тот же распутившийся крокус засыпан снегом. Они говорят: вот это — наша ситуация. Мы только-только вылезем из экономических передрыг и реформ, только-только придем в себя, начнем нормально жить — бах! — опять на голову что-то валится. Я спрашиваю: хорошо, а в какой последовательности это происходит? Что сначала, что потом? Они говорят: а это замкнутый круг. Такой вот образ. Можно это словами выразить — отвечая на вопрос в анкете? Конечно, нет. Или еще они рисуют, например, политические партии: стоит медведь с такой вот мордой, и у него под передними лапами растекаются разноцветные лужи. И подпись: «Медведь всех растоптал».

— *Бывает ли, что респонденты нарочно обманывают интервьюера?*

— Мне кажется, не бывает. А зачем?

— *Ну мало ли.*

— Во-первых, это видно сразу. Во-вторых, обман вскроется. На наших фокус-группах люди иногда на словах говорят одно, а на картинках (или с помощью других проективных методик) — другое. И эти методики помогают точнее понять отношение респондента к чему-то.

— *При этом никто не ориентируется на распространенную точку зрения?*

— Никто. У нас в фокус-группе участвуют восемь человек (плюс-минус два) не более, а в проекте, как правило, бывает от четырех до двадцати фокус-групп. И я могу проследить, как складывается спектр разных мнений в рамках одной фокус-группы. Приступая к исследованию, я говорю, что мне важно получить максимально развернутый, полный набор точек зрения. И своим фокус-группам я доверяю больше, чем массовым опросам. Не хочу высказываться неуважительно в адрес своих коллег-социологов, но иногда мы получаем тот ответ, который заложили в вопрос.

— *Такие вопросы заведомо манипулятивны?*

— Конечно, всегда можно сформулировать вопрос, который вызовет предсказуемую реакцию. Одно дело — когда мы хотим получить реальное представление о том, что происходит в сознании людей. Другое — опрос с целью манипуляции общественным сознанием. Приличные ученые таким «изучением» общественного мнения заниматься не станут.

— *Сами вы доверяете социологическим опросам?*

— Не всегда. Потому что много раз сталкивалась с некорректными опросами и даже комментировала для СМИ результаты таких опросов. Помню опрос, согласно которому большинство склонялось к мнению, что пора ввести цензуру в СМИ. Оказалось, что людей спрашивали, надо вводить цензуру или не надо — какой смысл, вкладывали респонденты в это понятие, никого не интересовало. Сами респонденты ведь не задумываются над тем, корректен ли вопрос. Их спросили — они ответили. И забыли об этом.

Тут спасает только закон больших чисел. Во всероссийской выборке это все как-то выравнивается, становится более или менее сбалансированным. А вообще лучше проводить опросы с целевой выборкой, когда, какой бы вопрос мы ни задали, мы видим человека перед собой. И если чувствуем, что он как-то не так понимает наш вопрос, мы этот вопрос корректируем, согласовываем с нашим респондентом, чтобы добиться искреннего и точного ответа.

— *При массовом опросе такое невозможно. Там выборка 1600 человек, и все отвечают на одни и те же вопросы, без вариантов. На что же тут сетовать?*

— Да, массовый опрос имеет свои издержки, тут ничего не поделаешь. Но можно хотя бы предварительно провести качественный этап, чтобы выяснить, как задавать вопрос в массовой анкете, рассчитанной на большую выборку. К сожалению, это далеко не всегда делается. В итоге неминуемы искажения. Представьте, вы приходите к человеку с анкетой. Он, во-первых, не очень рад, что его оторвали от дел. Во-вторых, находится под влиянием какой-то ситуации. В-третьих, не очень-то осознает, что от его ответов что-то зависит. Поэтому все, что мы получаем от такого опроса, имеет элемент случайности. Человек выбрал какие-то из предложенных вариантов ответа, лишь бы от него отстали. И вряд ли можно верить тому, что им сказано.

Если люди горячо прониклись темой, они будут откровенны

— *Люди обычно боятся отвечать на вопросы социологов?*

— Кто-то боится, кто-то нет. Когда проводится массовый опрос, людям говорят, что они попали в выборку случайно. И это действительно так. Но объяснять им это бесполезно — они могут поверить, а могут не поверить. И скорее всего, будут опасаться выразить негативное мнение о какой-то персоне. Когда я работаю с группой или индивидуально, я сразу предупреждаю: «Лично меня совершенно не волнует, как вы собираетесь отвечать. Я не являюсь ни экспертом, ни человеком, ангажированным кем-то, кому ваши ответы могут не понравиться». Как это ни парадоксально, именно на таких мероприятиях люди высказываются очень откровенно и говорят иногда потрясающие вещи.

— *За участие в фокус-группе ее участникам полагается гонорар? Человека оторвали от дел, он потратил на вас свое время...*

— Да, это целая индустрия. И это бич качественных исследований. Потому что существуют «профессиональные» респонденты, которые в Интернете на соответствующих сайтах ищут, где можно подзаработать. И ходят на фокус-группы два-три раза в неделю.

— *Насколько можно доверять их мнению?*

— Это зависит от опыта и мастерства исследователя. Он должен понимать, кто перед ним. Если одна и та же тетенька сегодня приходит на фокус-группу как почитательница любовных романов, завтра — как потребительница шампуней, а послезавтра — как приверженец какой-то партии, то доверять ее «мнению» вряд ли стоит. Многие приходят, конечно, ради заработка. Но это не значит, что они будут говорить именно то, чего от них якобы ждут. Деньги они получают независимо от своей позиции по тому или иному вопросу. Для нас самое главное — отсеять от фокус-группы тех людей, которым нечего сказать.

— *А те, кому есть что сказать, они достаточно искренни в своих ответах?*

— Иногда они слишком эмоциональны. Бывали случаи, когда наши респонденты готовы были в драку друг с другом вступить. Но я не припомню, чтобы кто-то пытался что-то скрыть или увильнуть от ответа. Здесь все зависит от их вовлеченности в разговор. Если люди горячо прониклись темой, вошли в азарт, они будут откровенны в своих высказываниях.

С чего вдруг исповедоваться перед социологом?

— *Люди опасаются высказываться о политике?*

— Про политику их лучше не спрашивать напрямую. Они тогда не будут говорить вообще. Но если спросить иначе... Вот, к примеру, образ сегодняшней России на картинке, выбранной участниками фокус-группы. (*Показывает картинку*). Смотрите: экипаж, запряженный лошадьми. А здесь, видите, дорога раздваивается, и часть лошадей бежит в одну сторону, часть — в другую. Что произойдет с экипажем? Такие образы невероятно содержательны. Потому что они невербальные. Словами ведь далеко не все можно выразить.

— *А насколько честно люди отвечают на личные вопросы? Например, о своих доходах.*

— Про доходы — не знаю, как сейчас. Раньше лучше было не спрашивать, это бесполезно. Даже если мы добьемся относительно правдивого ответа, он представляет ценность только для налоговой инспекции. Потому что люди тратят заработанное по-разному. Кто-то живет на всю зарплату или на все свои доходы. Кто-то копит на дом. Кто-то много путешествует и тратит все деньги на поездки. Стиль жизни имеет гораздо большее значение, чем размер дохода. Поэтому вопрос о доходах я всегда считала не очень осмысленным и не очень надежным, чтобы его напрямую задавать.

— *Недавно 85 процентов россиян, опрошенных ВЦИОМом, сообщили, что они счастливы. Как вам такой результат?*

— Ну, какой вопрос — такой и ответ.

— *Тем не менее вы, наверное, согласитесь со мной, что на вопрос «счастливы ли вы»? большинство всегда отвечает «да». Всюду. В любой стране. Человеку не свойственно афишировать свои горести и несчастья. Он не может сказать о себе: «Я лузер, у меня все плохо на работе, чудовищные отношения в семье, мои дети оболтусы». Ему и в собственных глаза хочется выглядеть благополучнее.*

— Да, разумеется. Да и с чего вдруг исповедоваться перед социологом? Он что, ваш личный психоаналитик?

— *Вы признаете, что иногда страх диктует респондентам «правильные» ответы? Скажем, всегда ли честным будет ответ на вопрос о доверии к Путину?*

— Если я профессионал, я никогда этот вопрос задавать не стану. Но я получу на него ответ абсолютно достоверный. Только я получу его другим путем.

— *Но обычно спрашивают именно так: доверяете или не доверяете? Насколько искренен будет ответ при такой постановке вопроса?*

— Да не имеет значения, насколько он будет искренен. Даже если он на сто процентов искренен, и человек уверен, что доверяет Путину, — из чего складывается его доверие? Что он знает? По каким критериям судит? Что для него означает понятие «доверие»?

— *Из телевизора он знает. И судит тоже по тому, что скажет телевизор.*

— Из телевизора много чего можно узнать. Кто-то направленно ищет информацию, кто-то — нет. Кто-то читает только то, что ему нравится и подтверждает его точку зрения, а кто-то, наоборот, интересуется противоположной позицией. Если хочешь выяснить уровень доверия к какому-либо персонажу, спрашивать надо по-другому.

— *Должны ли социологи, трактуя ответы, делать поправку на возможную неискренность респондентов?*

— У них нет на то формальных оснований. Существует допустимая статистическая погрешность в пределах около трех процентов — и всё.

— *А психологическая погрешность?*

— Ее невозможно учитывать. Это нереально. Если мы проводим качественное исследование, то в нем бесполезно искать мнение большинства. Бывает, что мы выявляем несколько определенных тенденций, очень четко выраженных. А бывает, что выявляются и те, которые только намечились. В каком процентном соотношении находятся те и другие тенденции — на этот вопрос качественное исследование дать ответа не может. И тогда делается большой проект.

— *И все же... Всегда ли правдивы ответы респондентов на вопросы социологов?*

— Я бы слово «правдивы» не употребляла. Я бы сказала, что ответы не всегда соответствуют реальности. Не потому, что люди хотят обмануть, а потому, что они иногда неправильно понимают вопрос, вкладывают в него не тот смысл, который предполагался создателями опросника. Кроме того, на респондентов может влиять масса факторов, в том числе и ситуативных. Поэтому верить тому, что мы получили, досконально не исследовав все сопутствующие обстоятельства, — это немножечко непрофессионально.

— *До конца верить нельзя?*

— Нет.

— *То есть социологический опрос не позволяет получить точный срез общественных настроений?*

— Я не думаю, что он намеренно и сильно искажает эти настроения. Какой-то приблизительный образ мы все же получаем. Но если хотим получить точный, то нужно проводить психологическое исследование, например, социальных представлений о том или ином событии, феномене, ситуации. Принимая во внимание социальный, экономический, политический, культурный контекст. А потом уже пытаться понять, что мы в итоге получили.

Благотворительность вошла в моду?

Диалог с социологом
Екатериной Богомоловой

Благотворительность стала в России распространенным занятием. Каждый пятый, когда-либо совершавший добрые дела, уже считает эту деятельность важной частью своей жизни, а половина тех, кто никогда не участвовал в благотворительности, не исключают такой возможности. Какие мотивы движут участниками благотворительных проектов? Чем отличаются люди, предпочитающие оказывать финансовую помощь, от помогающих делами? Что мешает российским гражданам заниматься благотворительностью, и что могло бы стать стимулом для тех, кто пока остается в стороне?

Большинство благотворителей — горожане

— *Участники благотворительных проектов, волонтеры, активисты общественных движений социальной направленности — кто они в общих чертах?*

— Это люди, которые регулярно или хотя бы время от времени принимают участие в решении социальных проблем. Именно таких людей ФОМ в своих исследованиях называет представителями ПРОактивного общества. Их гражданская деятельность включает в себя практики взаимопомощи и самопомощи, участие в благотворительности... Это может быть индивидуальная или коллективная деятельность, институциональная или неформальная. Кроме того, эта деятельность может осуществляться как в рамках какой-то организации, так и вне нее. Фонд «Общественное мне-

ние» регулярно проводит исследования по этой тематике. У нас в итоге сложился собирательный портрет российского благотворителя. Это и мужчины, и женщины в равной степени. Они помогают не только деньгами, но и делом. Занимаются волонтерством. Проявляют гражданские инициативы. Если приложить к ним известную концепцию «Пирамида Маслоу» об удовлетворении потребностей человека, то благотворители — это люди, у которых первичные потребности удовлетворены, люди, достигшие определённого уровня жизни.

— *То есть преимущественно люди обеспеченные?*

— Речь идет не столько об обеспеченных людях, сколько о людях, имеющих некие ресурсы в целом. Например, высшее образование. Благодаря высшему образованию они включены в определенное информационное поле. Вообще благотворительность — это такая деятельность, которая может развиваться только тогда, когда о ней знают как можно больше людей. Кроме того, благотворители — это в большинстве своем люди, проживающие в городах-миллионниках. Конечно, распространена взаимопомощь и в малых городах, и в средних, но в городах-миллионниках больше развита инфраструктура, выше уровень жизни, и поэтому там больше возможностей заниматься благотворительностью.

— *Это, как я понимаю, самые общие наблюдения. А что говорит о российском благотворителе социологическая цифирь?*

— В совместном исследовании с порталом «Добро.Mail.Ru» мы получили следующее. Более 80 процентов людей, оказывающих помощь взрослым, проживают в городах. Их возраст — от 30 до 50 лет. Примерно 60 процентов благотворителей женаты или замужем, 65 процентов имеют детей. Это люди, которые получили образование, состоялись в карьере, имеют стабильный доход. Совсем молодые и старики-пенсионеры реже занимаются благотворительностью. Их доля среди помогающих существенно ниже. Здесь очень важен и показатель пользования Интернетом. У нас есть вопрос, который мы запускаем во все наши еженедельные опросы: «Когда последний раз вы пользовались Интернетом?» Так вот, 66 процентов благотворителей выходят в Интернет каждый день. Это еще одно информационное поле, в которое включены люди, желающие кому-то помочь. Имеет значение и статус занятости. Например,

11 процентов благотворителей занимают руководящие должности.

Никто не готов помогать взрослым людям

— *Кому помогают чаще и охотней?*

— Если говорить о незнакомых людях (помощь знакомым — это отдельная история), то незнакомым людям помогают 46 процентов опрошенных. Также был вопрос о готовности помочь: «Кому вы готовы помочь в первую очередь?» Имеется в виду готовность помогать детям, взрослым или пожилым людям. Половина опрошенных отвечают, что возраст не имеет значения. Именно детям готовы помогать 32 процента респондентов, пожилым — 12. Готовность помогать взрослым выразили только 2 человека из 533 опрошенных (в статистическом выражении это 0 процентов). Детям помогают и готовы помогать значительно чаще.

— *О готовности помочь животным не было вопроса? Что-то мне подсказывает, что коты и собаки оказались бы здесь на втором месте после детей, даже стариков бы обошли.*

— В нашем исследовании мы об этом не спрашивали, но другие опросы подтверждают ваше предположение. Что касается готовности помогать взрослым людям, то она практически нулевая. Считается, что взрослый человек может прокормить себя сам и помочь себе сам.

Чаще помогают деньгами, гораздо реже — делом

— *Каким способом российские граждане скорее готовы помочь — деньгами или делом?*

— Почти половина опрошенных — деньгами. Это не трудозатратно, это не требует времени и каких-то усилий. На втором месте (33 процента) помощь вещами. Делом готовы помогать 27 процентов респондентов. Донорством — 6 процентов. И 9 процентов отвечают, что их помощь выразалась бы в чем-то другом.

— *Какие мотивы движут теми, кто помогает или готов помогать?*

— Нас не интересовала мотивация. Мы обращали больше внимания на социальную дистанцию: знаком или незнаком человек с теми, кто нуждается в его помощи, и что из этого следует. Мотивы разнятся. Есть, например, чистый личный альтруизм, помощь

из добрых побуждений. Иногда кому-то хочется чувствовать себя хорошим, добрым человеком. Есть системная волонтерская деятельность, в которой участвует прежде всего молодежь — ее привлекает возможность новых знакомств, социальных контактов. А бывает и так, что человек однажды попал в трудную жизненную ситуацию, понял, как тяжело из нее выбираться, и, справившись, решил помогать другим, попавшим в такую же ситуацию. Есть еще и корпоративная благотворительность, когда крупные компании начинают кому-то помогать.

— *Корпоративная благотворительность имеет обычно имиджевый характер?*

— Мы спрашивали людей: как вы думаете, это пиар или реальное доброе дело? В 2010-2011 годах большинство отвечали: да, это пиар. А в 2012 году вдруг 41 процент опрошенных сказали, что это благотворительность, 39 процентов — что это реклама, а остальные затруднились с ответом. Случился такой переломный момент в общественном мнении.

Трудные испытания пробуждают у людей взаимовыручку

— *Можно ли по результатам ваших исследований сделать вывод, что благотворительность в России динамично развивается: в таком-то году ею занимались столько-то человек, а в нынешнем столько-то?*

— Масштабной динамики нет. В 2014 году 76 процентов российских граждан заявляли, что не имеют опыта благотворительности.

— *А сейчас?*

— И сейчас примерно столько же. Колебания есть, но они незначительны. По мнению экспертов, очень большой сдвиг произошел именно после 2014 года.

— *Чем они это объясняют?*

— Это не объяснение, а скорее предположение: финансовый кризис, падение курса рубля, снижение уровня жизни... Каким-то парадоксальным образом все это послужило развитию благотворительности. Некий прогресс в этой сфере произошел. Причем прогресс не количественный, а качественный.

— *Этому есть какое-то объяснение?*

— Я бы это объяснила мобилизацией сил в критической ситуации. Трудные испытания пробуждают у людей взаимовыручку, желание прийти на помощь ближнему. В этом смысле весьма показателен был 2013 год, когда произошло наводнение в Крымске. Стихийные бедствия вызывают подъем благотворительности, всплески волонтерства. Но вообще, по словам экспертов, благотворительность стала не столько более распространенной, сколько более осознанной. Люди начали задумываться, любая ли помощь является помощью, и во благо ли она. Например, коммерческие компании, помогающие детским домам, стали размышлять: «Вот мы возим игрушки, приезжаем с елкой и устраиваем детям новогоднее представление, а та ли это помощь, которая им нужна?» Исследования показали, что бесконечные денежные вложения или огромное количество подарков, которые получают детские дома, — все это, во-первых, с коррупцией связано, а во-вторых, развивает у детей иждивенчество, мол, придут добрые дяди и тети, которые нам что-нибудь подарят. В долгосрочной перспективе это не очень хорошо, так как по достижении восемнадцати лет человек, уже взрослый, выходит из детского дома в убежденности, что все ему должны, потому что он сирота. Эксперты пришли к выводу, что лучше, например, развивать институт наставничества применительно к детским домам или институт усыновления. Пусть лучше эти дети попадают в семьи или пусть у них перед глазами будет пример человека, который способен самостоятельно жить, работать, хорошо себя обеспечивать. У нас ведь детские дома — достаточно закрытые учреждения. Выходя из них, дети подчас не знают, как пользоваться метро, как вести себя в кино. Их надо социализировать, а не задаривать. И если раньше благотворители рассуждали так: «Мы помогаем, неважно чем и как, главное, что мы есть и делаем доброе дело», — то теперь стали задумываться: «А во благо ли наша помощь?» Это определенное движение вперед. Именно на качественном, а не на количественном уровне.

Лишь 7 процентов граждан доверяют благотворительным фондам

— *Что сильнее всего препятствует развитию благотворительности в России?*

— Недоверие к благотворителям и недостаток информации. Спонсоров можно найти, для этого у благотворительных фондов уже разработаны определенные механизмы. Но в обществе сложились стереотипы, мешающие развитию благотворительности. Например, люди думают, что помогать можно только большими деньгами, а если перечислить десять рублей, то это роли не сыграет. Человек рассуждает так: «Чтобы помогать, надо иметь много денег, а у меня их нет, я сам нуждаюсь в помощи». О том, что помощь возможна в пределах ста рублей, если это помощь достаточно массовая, никто не думает. И еще один стереотип: считается, что не нужно рассказывать о своих добрых делах, что это некрасиво — афишировать свою благотворительность.

— *А что, надо всему белу свету поведать, что ты, например, помогаешь сироте или переводишь личные средства какому-то детскому дому?*

— Да, об этом надо рассказывать. Чтобы тем самым расширилось информационное поле благотворительности. И чтобы вы своим личным примером могли еще кого-то сподвигнуть на доброе дело. Не стоит думать, что, рассказывая в тех же социальных сетях о своей помощи кому-то, человек хвастается. Он не хвастается, а как бы говорит: «Я делаю вот так, и вы тоже так можете». И это очень мощный инструмент. В декабре 2016 года многие благотворительные фонды проводили флеш-моб в социальных сетях. Они просили тех, кто перечислял деньги, не стесняться рассказывать об этом. Я и сама поначалу стеснялась, думала, скажут, что хвастаюсь. А потом перестала так думать.

— *Вы оказываете кому-то благотворительную помощь?*

— Да.

— *Раз об этом стоит без стеснения рассказывать, расскажите, пожалуйста.*

— У нас в ФОМе в 2016 году было два благотворительных проекта: мы покупали книжки для одной сельской библиотеки в Московской области, а кроме того, перечисляли деньги в фонд «Старость в радость».

— *Это корпоративная благотворительность. Но вы и лично кому-то помогаете?*

— Да. Как раз в ходе исследования, который мы проводили совместно с «Добром Mail. Ru», меня заинтересовала проблема помощи взрослым. Оказалось, пальцев одной руки хватит, чтобы пересчитать, сколько в нашей стране благотворительных фондов, которые занимаются помощью взрослым людям. Многие из них, согласно своим уставам, работают по принципу: исполнилось человеку восемнадцать лет — все, он уже взрослый, и мы ему больше не помогаем. И я стала помогать фонду «Орби» и фонду «Живой». Перечисляла туда деньги через портал «Добро Mail. Ru». Это очень удобный портал, через него можно выбрать конкретного человека, узнать его историю и помогать ему. Ещё один фонд, которому я помогала и деятельность которого мне очень импонирует, — благотворительный «Фонд Ройзмана» в Екатеринбурге. Они помогают малоимущим семьям и людям с ограниченными возможностями. Им очень нужна помощь не только деньгами, но и вещами, волонтерская помощь.

— *Какие взрослые люди нуждаются в благотворительной помощи, если это не старики и не больные?*

— В жизни всякое случается. Допустим, попал человек в тяжелую автомобильную аварию. Или болезни. Они бывают разные, рак, например. Такие болезни нередко весьма продолжительны, и пока человек борется с ними, ему нужна материальная поддержка. А бывает и что-то внезапное, резкое — инфаркт, инсульт. Здесь тоже требуется помощь. Но кто-то думает, что только дети и старики бывают беспомощны, а взрослые сами себя обеспечивают и сами в силах себе помочь. Но за взрослым человеком, как правило, стоит семья. Он несет ответственность за своих детей и родителей. В нашем исследовании были фокус-группы с людьми, которые имеют опыт попадания в сложную жизненную ситуацию. И мы у них спрашивали, каковы были их первые действия, от кого они ожидали помощь, куда обращались. Естественно, первыми приходят на помощь родственники и друзья. Но рано или поздно этот ресурс заканчивается и начинаются большие мытарства: люди принимаются ходить по разным инстанциям, пытаются добиться помощи от государства, рассчитывают на некие субсидии, квоты... Но какие-то случаи не подпадают под это, какие-то лекарства государство не может предоставлять бесплатно, с какими-то тяжелыми

формами рака не способно справляться... И только после того, как человек лоб расшибет себе обо все эти инстанции, он обращается в благотворительные фонды.

— *Почему не сразу?*

— Это еще один стереотип: многие думают, что благотворительные фонды связаны с мошенничеством. По нашим опросам, лишь 7 процентов граждан доверяют благотворительным фондам. Благотворительный фонд — это последнее, куда люди обращаются за помощью. Потому что не доверяют. А не доверяют из-за недостатка информации. Или в принципе не знают о возможности. Возможности обратиться в благотворительный фонд.

Надо избавиться от стереотипов

— *Как российское общество относится к благотворительной деятельности?*

— Около 80 процентов людей считают, что это важное и нужное дело.

— *Можно ли сказать, что в России возникла мода на благотворительность?*

— Вы спрашиваете о моде на нее в светских кругах или имеете в виду общество в целом?

— *Я имею в виду второе.*

— В 2014 году 76 процентов российских граждан вообще не имели опыта помощи кому бы то ни было. О какой же моде тут можно говорить?

— *А в мировом рейтинге благотворительности Россия на каком месте?*

— Все зависит от того, что понимать под благотворительностью и как ее измерять. Например, существует британский фонд CAF. Он занимается поддержкой и развитием филантропии. В России это фонд имеет свой филиал. Так вот, они ежегодно составляют мировой рейтинг благотворительности. И у них очень часто на первых местах оказываются страны третьего мира, где благотворительность иницируется государством. В среде исследователей идет спор, можно ли считать добровольчество и волонтерство благотворительной деятельностью, если все это диктуется сверху. Ко-

нечно, в Европе и тем более в Америке — на родине волонтерства, благотворительность развита гораздо сильнее, и она не связана с государством. У нас же благотворительность только начинает развиваться в том ключе, как это происходит на Западе. В ней пока много спонтанного, несистемного. Скажем, случилось стихийное бедствие — люди мобилизовались. Или случилась Олимпиада в Сочи — появились тысячи волонтеров.

— *Что, по-вашему, необходимо сделать, чтобы благотворительность в России приобрела необходимый масштаб, стала гражданской потребностью многих людей?*

— Для этого, во-первых, надо перестать думать, что взрослый человек способен сам себе помочь. Во-вторых, не считать, что благотворительность — это обязательно большие деньги. И в-третьих, не стесняться рассказывать о своих добрых делах.

Молодость всегда права?

Диалог с главным редактором издательского дома «Новое литературное обозрение»
Ириной Прохоровой

Всюду и во все времена молодежь подвергается критике. В чем ее только не упрекают — в эгоизме, иждивенчестве, распущенности, аполитичности, отсутствии идеалов, недостаточном уважении к старшим. Но в хоре осуждающих голосов неизменно слышатся и возгласы оправдания. В том числе знаменитое «молодость всегда права». Всегда ли? И если права, то почему? И перед кем?

Двадцать пять лет лучше, чем сорок пять

— *Вы часто общаетесь с людьми в возрасте от двадцати до тридцати лет?*

— Довольно часто. У меня в редакции большинство сотрудников именно в этом возрасте. Так что я окружена в основном молодыми людьми, что очень приятно.

— *Вы легко находите с ними общий язык?*

— Конечно. Но возраст тут ни при чем. Мы его иногда абсолютизируем. Мои взаимоотношения с сотрудниками строятся не столько по генерационным принципам, сколько по близости взглядов, общности профессиональных и цеховых интересов. Я понимаю, что мне невозможно с ними общаться так, как они общаются между собой — ровесники с ровесниками. Но это никому и ни в какие времена не удавалось.

— *А когда вы набирали штат, для вас имел значение возраст ваших будущих сотрудников? Вам было важно, чтобы в «НЛО» доминировали молодые?*

— Что там говорить, двадцать пять лет заведомо лучше, чем сорок пять. Но решающее значение все же имеет компетенция. Мо-

лодые — это всегда приток свежих идей, нестандартный подход к решению проблем. Особенно очевидным это стало после 91-го года. Я бы сказала так: разница между моим поколением и поколением моих родителей была намного меньше, чем между мной теперешней и нынешними тридцатилетними. Потому что те, кому сейчас около тридцати или чуть за тридцать, выросли в динамично развивающемся обществе, к тому же этот период совпал с технологической революцией. Сегодняшних тридцатилетних отличает не только умение обращаться с гаджетами, но и новый, особый взгляд на мир, какого не было у их родителей. Зато у старшего поколения есть опыт, а также историческая память, чего нет у молодых. Поэтому диалог поколений необходим. В конце концов каждое новое поколение — это во многом проекция поколений предыдущих.

— *В советские времена как старшее, так и молодое поколение являло собой монолит: жили примерно одинаково, верили в одно и то же, имели общие идеалы. А сегодня общество расколото. Сегодня в одном поколении, как старшем, так и молодом, есть люди разного достатка, разных взглядов на жизнь, разных представлений о будущем страны. В таком случае можно ли оперировать понятием «поколение», подразумевая под этим не столько возрастную, сколько социальную общность?*

— Я думаю, вы идеализируете советскую ситуацию. Никогда не было единого поколения. Просто отсутствие свободы слова не давало возможности увидеть водораздел между поколениями. Однако он существовал. Кстати, то, что мы сейчас наблюдаем, — я имею в виду противостояние между «патриотами» и «либералами» — это в некотором смысле отражение советских времен. Была у нас тогда националистическая часть общества, ее представляли писатели-почвенники, которые группировались вокруг журналов «Наш современник», «Молодая гвардия», и была либерально настроенная интеллигенция, чьим духовным бастионом являлся «Новый мир». Эти два лагеря постоянно выясняли отношения по поводу будущего страны. Кроме того, существовало немало социальных страт, представители которых тоже разнились между собой. Другое дело, что эти различия было не принято обсуждать, они как бы не замечались. Считалось, что в СССР есть партия, народ и интеллигенция. Такое трехчастное деление общества со-

вершенно не отражало реальной картины мира. Среди молодежи тоже были разные люди. Да, разрыв в уровне благосостояния не был тогда столь значительным, как теперь, но был очень заметным разрыв в образовании. Поэтому я не считаю, что советские поколения, старшее и молодое, были внутри себя едины, а нынешние раздроблены. Просто наше общество стало более открытым, и теперь многие противоречия видны.

Нынешний консерватизм — это месть старшего поколения молодому

— *На ваш взгляд, конфликт поколений существует сегодня?*

— Сегодня он стал еще жестче. Большая часть людей, которые сейчас во власти, — это люди нашего с вами поколения. В силу возраста, долгого проживания в СССР они довольны консервативны и сталкиваются с определенной частью молодого поколения, живущего уже в другой системе координат, привыкшего к некоторой информационной вольнице. Это создает очень драматический конфликт. Как он будет разрешаться, мне не понятно. Говоря «консервативны», я не вкладываю в это слово беспросветно негативный смысл. Однако модели развития, которые предлагаются стоящими у власти представителями этого поколения, они во многом возвращают нас назад, к жесткой системе управления. У молодых такая стратегия вызывает острую драматическую реакцию.

— *Как сегодня, по-вашему мнению, молодежь относится к старшему поколению, а старшее поколение к молодежи?*

— Мне трудно судить, как молодое поколение относится к старшему. Но боюсь, что старшее поколение относится к молодым агрессивно. И это очень печально. Революция 91-го года была почти бескровной. Тем не менее она образовала пропасть между младшим и старшим поколением. Я представляю себе учительницу, которая всю жизнь детям про дедушку Ленина рассказывала. И вот пришел 91-й год. Все карты смешались. Что теперь объяснять ученикам? Чему учить? Дети в гаджеты играют, а она не знает, как включить компьютер. Как она может быть авторитетом для молодых людей, когда она морально отстала совершенно? И она не виновата в этом. Мне кажется, что нынешний консерватизм, к которому склоняется и власть, — это в каком-то смысле месть

старшего поколения молодому. У нас стареющее население. Людей старшего возраста очень много. И эта невозможность адаптации, когда ты чувствуешь, что не успеваешь за временем, она тоже давит на тебя. Хочется законсервировать собственный опыт, исторический опыт страны. Это большая драма. И она будет продолжаться, пока нынешнее молодое поколение само не станет в чем-то консервативным.

Я ощущаю внутреннюю связь с моими дедушками, бабушками

— *Вы многому научились у старших поколений вашей семьи?*

— К сожалению, дедушек я не знала. Война их унесла. Одна бабушка умерла, когда мне было пять лет. О ней я больше знаю из рассказов мамы. Вторую бабушку я видела, но нечасто: она жила в Сибири. К сожалению, моя связь с дедушками, бабушками была во многом иллюзорна. Больше повезло с родителями. Они сделали все, что могли в советской ситуации, чтобы дать нам с братом образование, воспитать широту мышления. Я помню, как мама боролась с ксенофобией, которую я вечно приносила из школы. И самое главное — родители пытались привить нам уважение к труду. Хотя в советское время труд не был стержнем идентичности. Имела широкое хождение известная фраза: «Мы делаем вид, что работаем, государство делает вид, что платит». «Труд — дело чести, доблести и геройства!», — кричали плакаты на каждом углу. При этом труд совершенно не входил в обойму ценностей. Мое поколение — это родившиеся в конце 50-х, начале 60-х. Я росла с ощущением, что закончилась какая-то страшная эпоха, не очень понятно какая, зато у нас сейчас все здорово. Я человек оттепели. Поскольку бабушка у меня была микробиологом, и она умерла довольно рано, мама долго еще приглашала ее друзей к нам в дом. Это были лучшие представители поколения 20-х. Они настолько сильно отличались от нас, что меня всегда это поражало. В них было странное сочетание внутренней свободы и затаенного трагизма. В них ощущалась внутренняя драма, хотя они никогда не рассказывали про жуткие послевоенные кампании, когда громили микробиологию, биологию и медицину, уничтожали Вавилова, прославляли Лысенко... Когда я потом стала смотреть фильмы Алексея Германа,

повествующие о поколении потенциальных титанов, превращенных системой в чудовищ, я в полной мере ощутила трагедию этого поколения: попорченные демократические идеалы, загубленный социальный пафос. Да, родители, несомненно, сыграли большую роль в формировании моих убеждений, но я ощущаю и какую-то внутреннюю связь с моими дедушками, бабушками, их боль продолжает жить в моем сердце.

Коридор возможностей для молодых резко сужается

— *Социологи отмечают, что число потенциальных эмигрантов из России растет. При этом основная масса желающих перебраться за рубеж — люди в возрасте от 18 до 39 лет. Среди молодых об эмиграции хотя бы время от времени думают 43 процента. Молодежь права в своем желании уехать из страны?*

— Молодые люди очень чутки к точкам роста. Их здесь обмануть невозможно. Ощущение бесперспективности никогда не складывается с чьих-то слов или под влиянием сиюминутного настроения. Оно основано на реалиях. Стоит задуматься — причем на уровне государственной политики, — что если такое количество двадцатилетних не видит шансов самореализоваться в своей стране, то, наверное, надо проводить какие-то реформы, которые бы позволили молодым людям состояться как личностям, как профессионалам.

— *Существует Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь). Считается, что оно и проводит государственную политику в отношении молодежи.*

— Нужно ли такое агентство? Это типичная бюрократическая структура. Можно еще десятки ведомств наплодить, и они будут рассказывать молодежи, что нет ничего краше родного края. Удержат ли эти заклинания кого-то от эмиграции? Сомневаюсь. Нужно сделать так, чтобы, наоборот, к нам отовсюду съезжались молодые люди. Чтобы они чувствовали, что именно здесь рынок труда, именно здесь перспектива, именно здесь можно стать профессионалом и сделать карьеру. Я приведу интересный пример. До того, как мы успели поссориться с Польшей, была интересная динамика взаимоотношений наших стран. Помню, когда первый раз мы с сотрудниками журнала в девяносто восьмом году поехали в Польшу

шу, отношение к нам было негативное. Поляки старшего поколения делали вид, что вообще не говорят по-русски. Мы общались по-английски, что было забавно, тем более что говорили они по-английски довольно плохо, но принципиально не желали говорить по-русски. А в середине 2000-х годов, когда мы поехали в Варшаву на международную книжную ярмарку, вдруг выяснилось, что все молодые поляки говорят по-русски. И отношение к нам было совершенно другое. Мы удивлялись: в чем дело? Оказалось, что Россия в тот момент стала невероятно привлекательным и перспективным рынком труда для молодых поляков. Потому что западные фирмы, обосновываясь в Польше, открывали филиалы в России и им требовалось большое количество сотрудников, говорящих по-русски. Молодые поляки стали изучать русский язык, ехали в Россию и жили здесь по десять-пятнадцать лет, а то и женились на русских, и никто уезжать не хотел. Потом мы поссорились с Польшей и начался обратный процесс.

— *Дело не только в том, что испортились отношения с Польшей. Россия теряет привлекательность и для своих молодых граждан. Потому что не работают социальные лифты. Раньше жили по лозунгу «кто был ничем, тот станет всем», — и многим это удавалось, а сегодня кто был ничем, тот ничем и останется, и молодые это остро ощущают.*

— Сейчас, конечно, коридор возможностей резко сужается. Даже пять лет назад возможности для любой инициативы, не обязательно в сфере бизнеса, были значительно шире. Хотя, по правде сказать, даже сейчас по сравнению с временами СССР возможностей неизмеримо больше. Тогда вообще никто ничего не мог сделать по частной инициативе. Инициатива во всем принадлежала только государству. Сегодня, к счастью, не так, как было в СССР, но, к сожалению, и не так, как хотелось бы. Сколько ни стыди молодых людей за отъезд, как ни внушай им, что это непатриотично, они все равно будут уезжать. Патриотизм должен быть обоюдным. Люди при власти, если они действительно движимы патриотизмом, должны создать молодым такие условия для самореализации, чтобы те не покидали страну.

— *На ваш взгляд, у молодых сегодня меньше или больше возможностей «выбиться в люди», чем было нет, не в советские времена, а двадцать лет назад?*

— Наверное, меньше. Хотя в 90-х годах были свои проблемы. Это была еще не устоявшаяся эпоха, сложная, противоречивая. В ней было много хаоса. Тем не менее вся инфраструктура новой России выросла в 90-е годы. И все, что выстроено, было выстроено именно тогда. Тогдашнее поколение молодых людей активно вошло в жизнь и, надо это признать, сильно преобразило страну при всех издержках и сложностях того периода.

— *Как вы полагаете, у сегодняшней российской молодежи есть идеалы?*

— Конечно, есть. Молодость вообще склонна к поискам идеала, почему, кстати говоря, она чаще всего и поддается влияниям, в том числе и пропагандистскому. Впрочем, слово «молодежь» ни о чем здесь не говорит. Есть разные группы молодых людей, в каждой из которых свои представления об идеале.

— *А какие у них идеалы, по-вашему?*

— Мне трудно судить обо всех. Я общаюсь с определенной частью молодых людей, которые тяготеют, скажем так, к демократическим ценностям. Их идеал — великая свободная страна. И я считаю, что это прекрасный идеал. В нынешних молодых людях меньше цинизма, чем было в моем поколении. Это абсолютно точно. Наше поколение росло в отсутствии иллюзий по поводу победы коммунизма в СССР и во всем мире. Оно росло в условиях полной стагнации, когда ходили анекдоты про «страну развитого социализма», про Брежнева... У нас тогдашних было значительно больше горечи и цинизма, социального эскапизма, нежелания включаться в созидание, чем у нынешних двадцатилетних. У большинства сегодняшних молодых есть социальный пафос и желание каким-то образом участвовать в жизни страны. Но что будет с поколением, которое идет на смену нынешнему? Не попадет ли оно в те же тиски цинизма и апатии, в которых когда-то пребывала советская молодежь?

Каждое поколение отвечает на вызовы своего времени

— *Как вы думаете, в чем те, кому сейчас чуть-чуть за двадцать, будут лет через сорок упрекать своих детей, говоря «вот мы в ваши годы...»?*

— Ох, не знаю. Они еще слишком молоды. И не понятно, как сложится траектория их жизни. Будет ли их жизнь сопряжена с социальными катаклизмами или им повезет жить в стабильной, успешно развивающейся стране. Независимо от этого, упрекать своих детей они точно будут. Пока не знаю, в чем, но будут обязательно. Иначе не бывает. Каждое уходящее поколение в чем-нибудь упрекает идущее ему на смену.

— *Как бы то ни было, молодость всегда права?*

— За молодостью будущее, это точно. Всегда ли она права? Нет, мне так не кажется. Если она всегда права, то можем ли мы принять те античеловеческие идеи, носителями которых в разные времена были молодые люди, или оправдать те страшные эпохи, одна из которых, например, своим рождением обязана известному студенту Казанского университета. Я думаю, что бессмысленно идеализировать молодость или демонизировать ее. Надо просто понимать, что каждое поколение отвечает на вызовы своего времени и пожинает плоды своего выбора.

В споре рождается истина?

Диалог с модератором и спикером
екатеринбургского «Философского клуба»
Иваном Замощанским

Спор — это тот же спорт. С единственной разницей, которую отметил Карел Чапек: «Искушенный полемист никогда не бывает побежден. Борец на ковре честно признает себя побежденным, но, кажется, еще ни одна полемика не кончалась словами: «Вашу руку, вы меня убедили». Что представляет собой пространство публичной полемики? Как избавиться от агрессивной риторики и не допустить превращения разговора в травлю, суд или морализаторство?

Я в дискуссиях постоянно участвую

— *Вы последний раз когда в дискуссии участвовали?*

— Я в них постоянно участвую. А недавно сам организовал турнир дебатов среди моих студентов. Турнир такой. Состязаются две команды. Им задается тема. Жребием решается, какую позицию по этой теме займет одна команда, а какую другая.

— *Темы задаются заведомо дискуссионные?*

— Да. Например, такие: «Социальные сети пагубно влияют на психику человека», «Государство должно контролировать все сферы жизни общества», «Семья и дети — основа человеческого счастья», «Настоящей любви не существует»... Была и еще одна интересная тема: «Студенты могут сами определять круг необходимых им учебных предметов». Большинство студентов отказались от свободы, сказали: «Нет, сами мы не можем ничего определять в учебном процессе. И не должны». Это меня очень удивило и, признаюсь, огорчило.

— В «Философском клубе», который вы ведете, спорят только на философские темы?

— Не только на философские. К нам приходят историки, психологи, культурологи... Дебаты идут по самым разным темам.

Не высказывать свое мнение, не возражать, помалкивать — это и есть наша культура «спора»

— Выступая организатором и модератором публичных дискуссий, вы довольны тем, как они проходят? Вас культура спора удовлетворяет?

— Культура спора, я считаю, у нас находится на невысоком уровне. Я немного застал советское время. И помню, что в школе нас совершенно не учили спорить. Любой спор пресекался. Особенно спор с учителем, который являлся носителем истины в последней инстанции. Спор с учителем — это был спор с некой руководящей структурой, спор с самим Порядком. Я учился достаточно хорошо. Но часто подвергался наказанию за выражение своего мнения. Меня практически выгоняли из школы. И сегодня, уже в новой социальной реальности, наблюдая за своими коллегами, я вижу, что многим из них выражать свое мнение не хочется, просто страшно. Поэтому мне больше нравится работать со студентами — в них нет этого страха. А я, участвуя в различных совещаниях, часто осаживаю себя в желании высказаться, изложить свое мнение, с чем-то не согласиться. Возникает сомнение: а надо ли выступать? Ощущается прилив страха.

— Вы сейчас имеете в виду вашу научную среду?

— Я бы сказал, преподавательскую. Заседания кафедры, всевозможные собрания... Здесь никто ни с кем не спорит. Все понимают, что есть некая позиция, точка зрения, которая будет выноситься на голосование. По большому счету решение принято и нечего рассуждать. Бывает, коллеги даже одергивают человека, который пытается что-то сказать, потому что он только время затягивает.

— Вы не повредите себе этими словами, если я их оставлю в предназначенном для печати тексте нашей беседы?

— Думаю, не поврежу, мы ведь с вами за рамки корректности не выходим.

— *Вы говорите, никто ни с кем не спорит. Тогда какое отношение это имеет к культуре спора, о которой мы начали разговор?*

— Самое прямое. Не высказывать свое мнение, не возражать, помалкивать — это и есть наша культура «спора».

— *Ну да, «парламент — не место для дискуссий». Но, согласитесь, есть места, для дискуссий действительно не предназначенные. И есть решения, которые требуют серьезной проработки и которые нельзя принимать путем стихийно вспыхнувшего обсуждения.*

— Да, безусловно. Но я говорю о вещах, которые могут и должны рождаться только в столкновении мнений. Иначе застой.

— *Столкновение мнений часто приводит к конфликтам между людьми. Мы не умеем спорить, не переходя на личности.*

— В том-то и дело! В философии есть такое понятие — конфликт интерпретаций. У меня есть интерпретация, у вас есть интерпретация, и они могут вступать в конфликт между собой. Это нормально. Ненормально — когда все со всеми заранее согласны и каждый боится лишнее слово сказать.

Настоящий спор похож на спорт

— *На ваш взгляд, что сегодня собой представляет пространство публичной полемики?*

— Его можно сравнить с базарной площадью, где стоит всеобщий ор, каждый кричит о своем, и никто никого не слышит.

— *Надеюсь, в качестве примера, лежащего на поверхности, вы здесь не станете приводить «дебаты» на федеральных телеканалах?*

— Разумеется, не стану. Я, как и вы, понимаю, что это никакие не дебаты, а пропагандистские шоу под видом дебатов, где каждому участнику отведена своя роль, и он ее усердно исполняет. Нет, сравнивая пространство публичной полемики с базарной площадью, я имею в виду реальное столкновение мнений, но, к сожалению, не очень цивилизованное. Настоящий спор похож на спорт, не случайно в этих двух словах есть фонетическое созвучие. И там, и тут состязание ведется в присутствии публики. И там, и тут его участники пытаются завоевать себе болельщиков. И там,

и тут важна победа, а не только участие. Публичная полемика — это совсем не то что спор вдвоем за рюмкой чая. Ведя публичную полемику, ты знаешь, что любая твоя реплика получает резонанс у аудитории, любая твоя удачная шутка или достойный ответ на выпад оппонента вознаграждаются аплодисментами и добавляют тебе очков. Публичная полемика — это всегда работа на зрителя. Этим она привлекательна: в ней есть зрелищность. Но этим и отталкивает от себя: вместо серьезных аргументов в ход идут хлесткие фразы, взамен спокойных рассуждений — истерический крик. Будучи бизнес-тренером, я на уроках, обучающих полемике, всегда обращаюсь к китайскому «культу лица». Понятие «лица» является важнейшим в китайском социальном этикете. Для китайца «потерять лицо» — это самое худшее, что с ним может произойти. Поэтому китайцы в переговорах большие профессионалы. Они хорошо знают, что надо сделать, чтобы собеседник «потерял лицо». Допустим, тебе известно, что твой оппонент не выдержан, легко теряет самообладание, и тогда ты можешь его спровоцировать на грубость, оскорбления, истерику — и тем самым заставить «потерять лицо». Но китайцы владеют также искусством «дать лицо». «Дать лицо» — это приподнять человека, восхвалить, показать, сколь он значим.

— *Чем полемика отличается от дискуссии?*

— Полемика — это состязание, где каждый участник стремится к победе. А дискуссия — это обсуждение какого-то вопроса. Для меня в дискуссии второй участник — не обязательно оппонент, он, скорее, партнер, который вместе со мной ищет истину. И поэтому мне в дискуссии интереснее слушать, нежели говорить. А в полемике у меня не партнер, а соперник. Я к нему отношусь уважительно, но каждое его слово бьет по моей позиции, которую он отвергает.

Полемика — это дуэль, в которой подчас используются запрещённые приемы

— *Полемика — это дуэль?*

— Да, это дуэль, в которой подчас используются запрещенные приемы. Их немало. Например, подмена предмета спора: вы про Фому, а вам — про Ерему. Или апелляция к чему-то якобы

общеизвестному: «Давно установлено...»; «Никто не станет отрицать...»; «Совершенно очевидно...»... Оппоненту остается только признать, что он не знаком с тем, что всем давно известно. Можно также мастерски играть на самолюбии оппонента, отпуская ему комплименты: «Вы, как человек умный, не станете отрицать, что...»; «Нам с вами, конечно, совершенно ясно, что...»; «Человек, недостаточно образованный, мой довод не оценит и не поймет, но вы-то, уверен, не станете возражать...»... Под напором такой риторики неопытный спикер может потерять уверенность и начать проигрывать.

— *По каким признакам вы определяете, что человек начинает проигрывать?*

— У него меняется интонация, голос приобретает дрожание, появляется неуверенность. А еще он перестает смотреть в глаза оппоненту. Он либо отводит глаза, либо они у него начинают бегать. Тело тоже предательски выдает человека. Появляется много лишних жестов, руки начинают что-то искать. А так как человек находится в состоянии некоего адреналинового опьянения, он не понимает, что с ним происходит, он себя не контролирует. Когда я записываю на видео, а потом показываю своим подопечным, как они в споре себя вели, они удивляются: неужели я выглядел так беспомощно?

— *Вам приходилось в результате полемики с кем-то признавать свою неправоту?*

— Приходилось. Но только в межличностных отношениях. А в публичном пространстве я не припомню такого случая, хотя много раз был неправ. Видимо, я еще не достиг той зрелости, когда полемист способен признать свое поражение в споре. Я человек достаточно эмоциональный, быстро завожусь. Но я выработал несколько приемов, позволяющих мне не поддаваться на провокации. Когда я чувствую, что меня вот-вот понесет, я себя щипаю, я стараюсь глубоко дышать. И этому же учу спикеров — не терять лица, не поддаваться эмоциям. Учить получается легче, чем самому научиться. Хотя за последнее время я стал более выдержанным, более рассудительным в спорах.

Искренность делает спорящего уязвимым

— *Как выглядит спор между «своими» и «чужими»? Например, между представителями разных научных школ?*

— Честно говоря, ни разу не присутствовал на такого рода ристалищах, хотя было бы интересно посмотреть. К сожалению, в научной среде я редко встречаю настоящую полемику. Однажды в Интернете увидел полемику между представителями науки и адептами религии. Это было интересно. Шел спор о том, ЧТО преподавать в школе — теорию эволюции или креационизм (учение, согласно которому мир сотворен Богом). Со стороны религии выступали люди образованные, был даже кандидат теологических наук. А со стороны ученых участвовали биологи, которые прекрасно разбирались в теории эволюции. Но было заметно, что эти ученые не очень хорошо умеют спорить. Они были слишком искренни.

— *Искренность делает спорящего уязвимым?*

— Да. Ты полностью обнаруживаешь свою позицию, а у любой позиции есть изъяны. Если же ты о чем-то чуть-чуть не договариваешь, то трудно эти изъяны вскрыть для публики, и она начинает думать, что твоя позиция беспорна. Ты можешь быть хорошим ученым, но если ты в полемике с кем-то не сумеешь привлечь публику на свою сторону, то твоя истина может оказаться никому не нужной. Отношения полемиста с публикой зачастую интереснее, чем сама полемика. Я люблю подмечать, как публика реагирует на то или иное поведение спикера, как у людей в зале перестает действовать их индивидуальная психология и включается психология массы, толпы. Поэтому я всегда говорю, что оратор должен взаимодействовать с аудиторией, чувствовать ее настроение, улавливать запросы. Это очень непросто. Не случайно одним из базовых страхов считается страх публичных выступлений, он на втором месте после страха смерти. Люди по-разному с этим страхом справляются. Некоторые прячутся за тексты, заранее пишут себе речь и потом зачитывают ее. Некоторые пытаются эту речь выучить наизусть. Но, конечно, лучшее публичное выступление — это импровизация.

Спорить можно обо всем

— *Какие правила надо соблюдать в споре, чтобы он не превратился в перепалку?*

— Надо концентрироваться на проблеме. Как только полемисты забывают, о чем, собственно, идет спор, происходит переключение каждого из них на собственное «я». А когда спорят два «я», ничего хорошего не получается. Потому что спорят они о том, кто из них умнее.

— *О чем нельзя спорить?*

— Мне кажется, спорить можно обо всем.

— *И о вкусах?*

— Поговорка «о вкусах не спорят» — это не категорический императив. Она всего лишь напоминает, что вкус — дело субъективное.

— *Вы с близкими людьми часто вступаете в споры?*

— Бывает.

— *А что для вас дороже — друг Платон или истина?*

— Истина.

— *Но Платон друг все-таки?*

— Друг.

— *Не жалко друга?*

— Если я другу честно скажу, чего ему не хватает, чтобы стать еще лучше, то этим ему только помогу. А если я буду поддакивать ему во всем, то это будет неправильно, не по-товарищески.

— *О чем все же лучше не спорить?*

— Наверное, лучше не спорить о религии. Хотя некоторые вопросы, например, как трактовать ту или иную истину христианства, вполне могут быть полемичными. Кроме того, считается, что со своими друзьями лучше не спорить о политике. У меня два приятеля вдрызг разругались из-за Крыма. Не подлежат дискутированию и некоторые факты мировой истории. Например, во многих странах Европы существует закон, устанавливающий уголовную ответственность за отрицание Холокоста.

— *Что рождается в споре?*

— Все что угодно. В редких случаях — истина.

— *Все же умеем мы спорить или нет?*

— Мне кажется, не умеем. Потому что нас этому не учат. Нам не прививают культуру спора. Не объясняют, насколько это важно — иметь свою собственную позицию.

— *Кто должен учить, прививать, объяснять?*

— Школьные учителя, вузовские преподаватели.

— *А разве само общество не вырабатывает в себе культуру спора, не генерирует потребность в различных мнениях, оценках, предложениях?*

— Смотря какое общество. Наше общество, например, сейчас расколото. Нетерпимость, агрессия, ненависть захлестывают его. Какая уж тут культура спора.

— *По тому, о чем спорят в обществе, можно судить о его состоянии, о состоянии умов?*

— Да, конечно. Я бы даже сказал, о состоянии общества можно судить не только по тому, О ЧЕМ в нем спорят, но и по тому, КАК спорят. Последний показатель подчас важнее первого. Нужно научиться правильно спорить.

— *Что значит правильно спорить?*

— Это значит корректно отстаивать свою позицию и уважать чужую.

Люрекс — это красиво?

Диалог с ведущим телепрограммы
«Модный приговор», историком моды
Александром Васильевым

Он говорит, что быть модным уже не модно. Это верно. Хотя что значит «уже»? Погоня за модой сродни погоне за сорванной с головы и уносимой ветром шляпой. В обоих случаях человек выглядит смешно. А выглядеть смешно никто не хочет. И моды такой никогда не было. Другое дело — стиль. Вот он всегда ко времени. Он, если так можно сказать, никогда не выходит из моды. Мода переменчива, стиль постоянен. Мода — это дорого, стиль не требует серьезных затрат. Мода — только для богатых, стиль доступен всем.

Наши женщины делают все, чтобы выглядеть куклами Барби

— Почему в самом деле мы одеваемся не ахти как? Может, мода у нас такая? Существует вообще русская мода, китайская, итальянская?

— Конечно, существует. Каждой стране свойствен свой вкус. Есть свой вкус и в России. Он выражается и в одежде, и в восприятии цвета, и в формах причесок, и в интенсивности грима.

— Разве испанский или японский вкус выражаются в чем-то другом?

— Да, в другом. Знаете, почему наши женщины одеваются так, как они одеваются? Потому что женщин в России значительно меньше, чем мужчин. И они стремятся привлечь к себе внимание. Они наклеивают ногти. Они удлиняют волосы. Они заливают гиалуроновую кислоту в губы. Они себе закачивают ботокс. Они отбеливают зубы, вставляют в глаза цветные линзы, откачивают жир. Они делают все, чтобы выглядеть куклами Барби. Они хотят

быть не столько живыми, сколько привлекательными. Потому что мечта женщины в нашей стране — найти себе богатого мужа. Они не рвутся к мужу умному. Они не рвутся к мужу любящему. Они не рвутся к мужу интересному. Им нужны деньги. Наша страна, увы, дорогая для жизни. В этом смысле я женщин понимаю и совершенно не осуждаю за некую алчность, особенно заметную в молодом поколении. Они делают все, чтобы обратили внимание именно на них. Но где отыскать столько богатых мужчин? Ведь на каждую молодую найдется еще более молодая, еще более привлекательная. Этот процесс омолаживания бесконечен. Сколько бы себя ни омолаживала женщина в пятьдесят лет, всегда найдется семнадцатилетняя, которая ее переплюнет.

— *Можно ли сказать, что определяющая черта русского стиля в женском его воплощении — это вульгарность?*

— Нет. Русский стиль — не обязательно вульгарность. Собошь и жемчуг — это тоже русский стиль. Бриллианты зимой — тоже.

— *Собошь и жемчуг, бриллианты — они идут от русской исторической традиции?*

— Да, скажем так, от Анны Карениной. И эта традиция сохраняется. Потому что при наших крещенских морозах без меха из дома не выйдешь. Сейчас женщины не столь охотно носят головные уборы. Им хочется показать шикарные, хорошо уложенные волосы. Они говорят, что им не холодно, но, я думаю, им ужасно зябко. Раньше женщины не брезговали шапкой-ушанкой, я помню этот период. Сейчас вы уже не увидите на женщине этот головной убор, ну разве что на Крайнем Севере.

— *Значит, русский стиль — это мех перво-наперво?*

— Перво-наперво это страсть к цвету. Мы живем в стране, где снежно почти шесть месяцев в году, потому что наибольшая часть российской территории находится за Уралом. А на фоне белого всё выглядит весьма блекло, если вы не одеты в яркое. Поэтому россиянки любят насыщенные цвета.

— *Это у них интуитивно?*

— Я думаю, да. И потом, это идет от народного костюма. Согласитесь, любимый цвет россиян всегда был красный. Потому что «красный» — значит «красивый». Красная площадь — это краси-

вая площадь. Красна девица — это красивая девица. В то время как мужчины выбирают черный цвет. Они хотят быть невнятными, неяркими. А потом удивляются, почему женщины на них внимания не обращают. С другой стороны, они боятся: чуточку обрати на себя внимание — и тебя начнут обвинять во всех смертных грехах. Это другая грань нашей жизни: мы обожаем яркую женщину, но настороженно относимся к яркому мужчине. Тогда как, например, в Италии все совершенно наоборот: мужчины там одеты как павлины, они очень любят покрасоваться. Что же касается женской русской вульгарности, то это совсем другая история. Это пергидроль. Это люрекс. Это накладные ногти. Это, как было еще недавно, голый пупок посередине зимы. И, конечно, это шпильки. Но самая вопиющая вульгарность — это мат и пиво из бутылочного горла на улице. Это, я считаю, уже за гранью добра и зла.

— Скажите, почему они так любят люрекс?

— Вы знаете, я задал однажды этот вопрос какому-то советскому товароведу. Она мне ответила просто: народ люрекс любит. Но не смогла объяснить, почему. Вот любит себе, и всё.

— Но почему, почему?

— Не знаю. Возможно, потому, что русский народный костюм включал в себя кокошники, которые были всегда золотыми. Золотая нить, золотое шитье — часть народной традиции. А большинство людей в сегодняшней России — выходцы из крепостных крестьян, как ни крути.

— Генетика?

— Генетика. Все их прабабушки или прапрабабушки имели кокошники, ходили в золотом шитье. Помню, когда я был маленьким, я ездил в метро с моей мамой, и у меня запечатлелся образ советской женщины шестидесятых годов: блузочка, узкая юбочка, плотные чулки с резинками, а на голове капроновый платок с люрексом, завязанный повязкой. А как любили советские женщины золотые вставные зубы! Тоже традиция, но пришедшая к нам с Востока, от татаро-монгольского ига. Поэтому наши женщины любят золото. Но не только его. Они обожают стразики, обожают блестяшки. Им кажется, что, если одежда не усыпана стразиками, она какая-то не яркая, не красочная, не привлекательная. Я думаю,

слишком рано отняли у русской женщины сарафан и кокошник, она их не доносила.

— *По каким внешним признакам вы выделяете русскую женщину из толпы за границей?*

— Я всегда узнаю россиянок с затылка. У них крашенные волосы. Они боятся седины. Им кажется, что, увидев женщину с сединой, мужчина подумает: о-о, это бабуля. Причем это касается не только тех женщин, которые в поиске, но и тех, у кого есть муж. Вот ход их мыслей: «Он решит, что я старая, и посмотрит на секретаршу Зину, а Зина-то уже на него глаз положила, она ему эсэмэску прислала: «Николай Николаевич, поехали на рыбалку». А мне как реагировать? Я пошла к парикмахеру...» Я это слышу каждый день в «Модном приговоре». Истории очень разные, но все сводятся к одному: я одинока и ищу себе принца на белом коне. Но этого князя ее прадедушка расстрелял еще в 1918 году. Так что в лучшем случае она может встретить какого-то нувориша. Тем не менее женщины упорно верят в принцев и думают: чтобы его найти, надо одеваться как принцесса. Но извините — принцессы не напяливают мини-юбки, не открывают свои колени кому ни попадя, не носят декольте до солнечного сплетения, не надувают гелем губы, поскольку умеют общаться с мужчинами не только с помощью орального секса. Ни принцев, ни принцесс невозможно воссоздать в одночасье. Российская элита формируется заново, и, если не произойдет каких-то катаклизмов, она даст потомство, которое будет жить в достатке, получит хорошее воспитание, образование и постепенно станет тем, чем было русское дворянство. На формирование русского дворянства ушло, однако, добрых пять веков. Теперь все происходит быстрее, но тоже лет двести потребуется.

Наши мужчины часто пренебрегают личной гигиеной

— *А каков русский стиль в мужском его обличье?*

— Русские мужчины очень быстро полнеют. От неправильного питания. От стрессов. От женщин, которые требуют денег, денег, денег. От неправильных напитков, в частности, от любви к пиву и другим видам алкоголя, которые дают и мешки под глазами, и болезнь печени. От пренебрежения к уходу за своей кожей. Русский мужчина считает, что крем и мужчина вообще не совместимы. Но

посмотрите на меня. Я не пережил ни одной пластической операции, у меня нет ни ботокса, ни силикона. Я бы хотел, чтобы все мужчины в пятьдесят восемь лет выглядели так же, как я.

— *Каким кремом вы пользуетесь?*

— Это французский крем, который дорог, но очень эффективен. Если каждый мужчина будет каждый день перед сном бороться со своими морщинами, он будет выглядеть как огурец до восьмидесяти лет. Допускаю, что ему не хочется выглядеть как огурец, а хочется выглядеть как печеное яблоко. Это его выбор. Кроме того, мужчины в России часто пренебрегают личной гигиеной. Я уже не говорю о ванне и душе, которые есть, к сожалению, не везде, но хотя бы элементарное — баня! И, конечно, средства от пота. Потому что летом... это ужасно, что мы нюхаем порой. Я, конечно, не большой ездок в общественном транспорте, но подруги рассказывают... Это какой-то кошмар. Потом, мне кажется, мужчины совершенно безразличны к моде. Они следуют моде своей молодости. Одеваются как в семьдесят восьмом или восемьдесят четвертом году — в зависимости от того, на какое десятилетие пришелся расцвет их бурной юности. Но с тех пор-то много воды утекло. Я хочу дать совет мужчинам: полюбите себя. Полюбите себя и поймите, что от вашего здоровья и внешнего вида зависит счастье вашей семьи. Как долго вы проживете? Сколько лет еще будете радовать вашу жену, вашу тещу и ваших детей? Сколько времени вы еще будете окружены своими друзьями? Задавайте себе эти вопросы. И старайтесь себя сохранить, потому что долголетие, и мужское, и женское, — это всегда хорошо. Многие говорят: а кому я буду нужен на старости лет? Но у вас была жизнь, чтобы приготовить себе эту подушку безопасности. Если же вы легкомысленно отвергали идею старости и идею смерти, вы попадете в очень неловкое положение. Знайте: старость придет. Обязательно. И болезнь придет обязательно. И смерть придет.

Она просто хотела бесплатной одежды

— *Как происходит отбор героев для вашей программы «Модный приговор»? Я правильно понимаю: пропуском на подиум служит какое-то женское неблагополучие?*

— Да, это всегда жалоба. «Я не могу выйти замуж». Или: «От меня ушел муж». Или: «Я не могу найти работу». Или: «Соседи

меня ненавидят». Мы называем это «историей». Должна быть история.

— *Подлинная?*

— Безусловно.

— *А если претендентка сочинила свою историю?*

— Мы постараемся это проверить. У Первого канала есть свой сайт. На него женщины-соискательницы, а их бывает до семидесяти в день, пишут свои заявления, которые отсматриваются редакторами. Первый критерий отбора — написано ли это грамотным языком, а главное — что именно написано. Если написано «переоденьте мою мамашу, она дура», то автору этого письма никто с нашей программы не станет звонить. А если женщина пишет серьезное, содержательное письмо, то у нее есть шанс появиться в «Модном приговоре». Большую роль играет и место жительства. Предпочтение отдается либо обитателям средней полосы, либо жительницам Московской области, Москвы, Петербурга, либо тем, которые говорят: я заплачу за дорогу сама.

— *Как происходит отбор участников?*

— Сначала проводится собеседование. Надо выяснить профессионалам, не нафантазировала ли соискательница свою историю. Ей задают много вопросов, и если женщина начинает краснеть и путаться в показаниях, то, скорее всего, она присочиняет. У нас одна претендентка сказала, что сделала то ли двенадцать, то ли семнадцать операций на груди. Это была ее выдумка. Она просто хотела бесплатной одежды. Мы ее выгнали с программы. Иной раз женщина добавляет количество мужей, говорит, что их было шесть, хотя на самом деле пять и один сожитель. Проверить достоверность таких историй весьма трудно, но всех желающих принять участие в «Модном приговоре» пробивают через Интернет и смотрят, не кочуют ли эти люди из программы в программу.

— *Мне кажется, люди, приходящие на любую программу, в том числе и на вашу, в поисках телевизионной славы, — это само по себе уже определенная селекция.*

— Возможно. Хотя — вы будете удивлены — к нам на программу подчас приходят очень интеллигентные дамы, которые занимаются научной работой, работают в библиотеке, преподают

в университете. Но большинство героев «Модного приговора» — что называется, представители широких трудящихся масс. Увидев себя в зеркале, неузнаваемо преобразившуюся, такая девушка выражает свои эмоции при помощи двух фраз — «я в шоке» и «у меня нет слов». Это, конечно, тот еще контингент. Но мы работаем со всеми, и мы рады результатам. Потому что результаты огромны. Многие потом звонят редакторам: «Я вышла замуж. Спасибо!» Или: «Я нашла работу. Спасибо!»

Иногда после «Модного приговора» женщина порывает со своей социальной средой

— Нет ли обмана в той части программы, когда происходит самостоятельный шопинг? Вот ваша героиня с подружкой или мужем приходит в магазин, выбирает там себе всякую дрянь... Но в этом магазине при всем желании не найдешь приличной вещи.

— Это реальный магазин, мы никого не обманываем.

— Но вы не даете альтернативы. На соседней штанге не развешаны вещи, которые потом наденут на героиню ваши стилисты.

— Я согласен с вами, но не могу ответить на этот вопрос.

— Здесь какая-то подтасовка?

— Не подтасовка, но...

— Лукавство?

— Не лукавство, но... В общем, это наш профессиональный секрет, который я не могу вам раскрыть.

— Вы одеваете ваших героев так, как считаете правильным. На глазах у изумленной публики «серая мышь» превращается в обворожительную красавицу. Но потом она возвращается в ту социальную среду, из которой случайно ее занесло к вам на программу. А дальше жизнь возьмет свое — сотворенная вами обворожительная красавица вновь станет «серой мышью», вернувшись, причем очень скоро, к той манере одеваться, которая принята в ее кругу. Потому что одежда — не мне вам объяснять — это отражение стиля жизни и образа жизни.

— Согласен. Но есть и другие случаи — когда после «Модного приговора» женщина порывает со своей социальной средой.

— Много таких случаев?

— Я не знаю, сколько их в процентном отношении, но такие случаи есть. Хотя вы, конечно, правы: большинство героев «Модного приговора» возвращаются к тому внешнему облику, который им более свойствен по роду занятий, социальному окружению, уровню общей культуры.

Как только мужчина превращается в красавца, его сразу уводят из семьи

— А почему мужчины не участвуют в «Модном приговоре»?

— Они участвуют, но гораздо реже — раз в месяц.

— Судя по всему, основная аудитория «Модного приговора» — домохозяйки. Как одеваются мужчины, им, наверное, не очень интересно. Вы из-за рейтинга столь редко выводите мужчин на подиум?

— Да, с мужчинами на подиуме рейтинг программы, а он сейчас весьма высок, будет несколько ниже. Но дело не только в рейтинге. Я вам сейчас расскажу, почему женщины не хотят мужского участия в программе. Суд в «Модном приговоре, как известно, рассматривает жалобы. Жена жалуется на мужа, что он у нее плохонький, мы его переодеваем, и он становится красавцем. Поверьте, любого русского мужчину можно элегантно одеть и постричь. Любого. Но как только он превращается в красавца, его сразу уводят из семьи. Подруга или соседка говорит: «А твой Павлик, оказывается, ничего». И это драма русской женщины. Поэтому все они сидят тихо при плохоньких, но своих мужьях. Потому что как только мужа переоденут — он уже чужой муж. Не зря же в России жива пословица: «Красивый муж — чужой муж».

«Модный приговор» — это шоковая терапия

— Вы не боитесь обидеть милых дам, выходящих на подиум, хлесткой оценкой их внешнего облика? Ваши реплики бывают не только остроумны, но подчас и язвительны. До сих пор помню, как одну из участниц программы вы поприветствовали песенной фразой: «Тете Наде стало душно...»

— Да-да, «...в теплых байковых трусах». А что, плохо было сказано?

— *Лично мне понравилось. Но той даме, возможно, не очень.*

— Постановочная, режиссерская канва программы заключается в том, что «Модный приговор» — это еще и терапия. Иногда — шоковая. Участницам программы должно быть чуточку больно. Без боли не бывает лечения. Елена Мареева, креативный продюсер «Модного приговора», поощряет такие вещи. Иногда она просит меня не быть слишком ласковым. Поэтому, бывает, кто-то из участниц начинает плакать, у кого-то затряслась губа... Эта реакция — часть структуры программы. Мы всегда будем жестки в оценках. К тому же в «Модном приговоре» есть не только обвинители, но и защитники. Так что все у нас сбалансировано.

Мир моды — это кровавая сенокосилка

— *Бурные перемены в жизни страны влияют на моду, диктуют новый стиль?*

— Конечно. Скажем, революция 1917 года создала ситуацию, когда главные потребители моды были либо физически уничтожены, либо уехали из страны. Мода оказалась никому не нужна, а пролетарская мода — это было нечто другое: массовое, неброское, удобное. Называлось — прозодежда. Мао Дзэ Дун тоже об этом думал, когда навязывал китайцам синие куртки.

— *Что такое мир моды?*

— Это кровавая сенокосилка. Это очень жестокая машина, которая ничего не прощает неудачникам. Которая обожествляет успешных людей, но готова при первой возможности свергнуть их с пьедестала и забыть в одночасье. Мода всегда направлена на забвение. Она живет только новизной, которая должна приносить прибыль. И если прибыль больше не приходит, необходимо изобрести что-то совершенно иное для того, чтобы заставить людей ринуться в ботики, приобрести новое и расстаться со своими деньгами.

— *Кого мир моды особенно привлекает?*

— В России — женщин. Они хотят стать дизайнерами и стилистами. Это приводит к разным результатам. Мало кто удерживается в этом бизнесе. Сейчас, например, в Париже самый модный русский дизайнер — Ульяна Сергиенко, моя бывшая слушательница в МГУ. Это супруга богатого человека, которая решила создать свой бренд. В России даже никто не слышал, что есть такая Ульяна

Сергиенко, а в Париже ее очень отмечают в прессе. Но она не дизайнер. Дизайнеры — другие люди. Они делают для нее дизайн, приносят ей вещи, она их рассматривает, что-то копирует, что-то сама сочиняет. С пол-оборота стать дизайнером нельзя, поверьте. Это требует колоссальной энергии. Поэтому большие дизайнеры, как правило, мужчины.

— *Они еще и геи, как правило. Почему?*

— Ну, это естественно. Гетеросексуальный мужчина женщину раздевает, а гомосексуальный одевает. У мужчин ведь утилитарное отношение к женщине. По их мнению, вполне здравому, она должна быть хозяйкой на кухне, шлюхой в кровати и леди в обществе. Беда, если она все это перепутала. Если она кухарка в кровати, шлюха в обществе и леди на кухне.

Не считаю себя обязанным подчиняться моде

— *Как бы вы охарактеризовали ваш собственный стиль?*

— Я думаю, это вы должны его характеризовать. Я, конечно, очень слежу за модой. Но я не являюсь ее фанатом. Мода для меня лишь предложение, а не вердикт. Я не считаю себя обязанным подчиняться моде. Я знаю свою фигуру. Я знаю свой возраст. И я знаю те цвета, которые мне идут. Если в моду входит что-то такое, что портит меня, я это никогда не надену. Я очень много путешествую и покупаю немало вещей в этническом стиле. Скажем, вот эту куртку, которая сейчас на мне, я купил в Марокко. Она мне для зимы. У меня таких несколько. Они сшиты из сукна, отделаны пуговицами ручной работы. Кроме того, у меня много очков, я их очень часто меняю.

— *Ваша принадлежность к миру моды накладывает на вас какие-то обязательства в одежде?*

— Да, к сожалению. Я никогда не могу выйти не одетым. Я знаю, что на меня будут смотреть сотни и тысячи глаз, а кто-то подбежит за автографом и попросит с ним сфотографироваться.

— *Вы модный персонаж?*

— Да. И очень популярный.

— *Вы не боитесь выйти из моды?*

— Я делаю все, чтобы этого не случилось.

Зависть — сестра соревнования?

Диалог с профессором НИУ ВШЭ
Марком Урновым

По результатам исследования, проведенного фондом «Общественное мнение», почти 40 процентов россиян завидуют кому-нибудь. Четверть опрошенных — незнакомым людям, примерно столько же — малознакомым и 27 процентов — близким. Чаще всего предметом зависти являются неординарные способности и талант (26,5 процента), чужой успех (14,7), высокая зарплата (8,8), квартира или дом (5,9), семейное счастье (5,9). На вопрос «считаете ли вы зависть вредным чувством?» 70,6 процента респондентов ответили «да».

Суета все это — звания, регалии, известность

— *Вы кому-нибудь завидуете?*

— Вот так, чтобы абсолютно завидовать — вряд ли. Но в отдельных аспектах очень завидую.

— *В каких, например?*

— Например, своим студентам очень сильно завидую. Не потому, что они молоды, а мне в крематорий пора, а потому, что, если бы у меня в свое время были такие, как сейчас у них, возможности читать и путешествовать по миру, я, наверное, стал бы другим человеком. Я вспоминаю свою советскую юность и молодость — 1960-1970-е годы. Книжные магазины были забиты всяким второсортным хламом: и научным, и художественным. А все, сколько-нибудь ценное, приходилось либо втридорога покупать у букинистов или на черном рынке, либо просить друзей-иностранцев, чтобы купили за валюту в книжной «Березке» или привезли

«оттуда». «Там» можно было раздобыть книги, которые в СССР не издавались, были под идеологическим запретом или лежали в спецхранах. А сейчас наша университетская библиотека обеспечивает всем студентам и преподавателям доступ практически ко всем сколько-нибудь серьезным базам данных журналов, книг, статистики, социологии. Кстати, о статистике. Получить в СССР сколько-нибудь надежные статистические данные было высоким искусством. Доступ ко всему, кроме банальщины, был ограничен. Что же касается социологии, то при советской власти проведение открытых репрезентативных исследований в масштабе страны было просто запрещено. Да и вопросы социологических анкет цензурировались. Не было тогда и компьютеров. И чтобы посчитать какую-нибудь простенькую корреляцию, нужно было потратить неделю — сейчас на это уходит несколько минут. Не было Интернета, не было свободы путешествий по миру. Международные телефонные разговоры — огромная проблема. Впрочем, внутренние междугородные тоже (но международные — из-за слезки, а внутренние междугородные — из-за технической отсталости). Не было ксероксов, зато был дефицит пишущих машинок и бумаги. Не было видеомagneтофонов. Да, забыл, еще глушилки были — чтобы мешать слушать «Голос Америки, ВВС, «Немецкую волну», а главное «Свободу». Вот я и завидую возможностям студентов читать, слушать и смотреть, что им хочется, и свободно ездить, куда хотят. Правда, они ценности этой свободы не чувствуют, она для них естественна. Этой естественности я тоже завидую.

— *Может быть, вокруг вас есть люди, которые, как вам кажется, добились большего, чем вы, или больше прославились? К ним испытываете зависть?*

— Чему завидовать-то? Все, кому надо, меня и так хорошо знают. Всё, чего мне хочется, у меня есть. Нет личного самолета, нет «Бентли», да и вообще нет автомобиля, нет виллы на Лазурном берегу или на Рублевке, нет пентхауса ни в районе Пречистенки-Остоженки, ни на 5-й авеню в Нью-Йорке, ни на Парк Лейн в Лондоне... Зато есть пожизненный контракт в университете — увольюсь, когда умру; делаю, что хочу — лекции читаю по программам, которые сам придумываю; пишу, о чем хочу; общаюсь, с кем хочу и когда хочу, а с кем не хочу — не общаюсь.

— *В том, кто кому завидует, есть, мне кажется, своя иерархия. Завидуют, как правило, тому, кого считают равным себе по уму и таланту, но почему-то добившимся большего (дежурный набор «почему» всегда наготове: близость к власти, связи, интриганство). Не может же заштатный пианист-аккомпаниатор, подрабатывающий на детских утренниках, испытывать ревность к успехам, положим, Дениса Мацуева.*

— Доля правды в этом есть. Но если уж мы про зависть все-раз говорим, то просто констатировать, что некоторые ситуации пробуждают зависть, недостаточно. Куда важнее, мне кажется, понять, почему в «завистигенных» ситуациях одни начинают завидовать, а другие нет. По-моему, если ты занимаешься делом, которое тебя по-настоящему увлекает, дает тебе и смысл, и удовольствие, тебе не до зависти. А вот, если почему-то жизнь твоя оказывается пустой, тогда может проснуться зависть. Как-то раз у блестящего философа и литературоведа Михаила Михайлович Бахтина, который при советской власти 40 лет прожил в ссылке и почти не печатался, спросили, сильно ли он переживал по поводу того, что с ним происходило. Бахтин ответил: «Когда думаешь о звездах, все остальное не имеет значения». Это как раз то, что я называю полной творческой самодостаточностью. Самодостаточность, при которой звания, регалии, известность — это лишь суета сует. Такой самодостаточности, кстати сказать, не грех и позавидовать.

Сделать лучше, чем ты можешь

— *Пушкин говорил: «Зависть — сестра соревнования». Это так?*

— Это и так, и не так. У самых успешных людей мотором конкуренции является не столько зависть к другому, сколько стремление сделать лучше, чем ты уже можешь, постоянный подъем планки требовательности к себе. Некоторые психологи называют это самоконкуренцией. Гениальные успешные люди чаще всего оказываются новаторами. А кому может завидовать новатор? Кому завидовал Форд, когда изобретал свою знаменитую «модель Т»? Кому завидовал Сикорский, когда изобретал вертолет? Кому завидовал Зворыкин, когда изобретал телевидение? Кому завидовали Ньютон, Эйнштейн или Фрейд? Просто рождалась некая идея, которая манила к себе и заставляла вкалывать.

— В каких-то случаях завистью, наверное, преодолевается лень.

— Зависть как кнут? Да, такое бывает.

— Зависть пробуждает амбиции?

— Скорее, амбиции пробуждают зависть. Что такое амбиция? Это не только «Я хочу быть, как...», но и «Я хочу быть лучше, чем...» Это некая внутренняя потребность, выплеснутая наружу.

Завидуй, но в меру

— Зависть нередко рождает злодейства. Яго ведь завидует Отелло. Это зависть посредством к яркой личности.

— Да что там Яго. А оклеветанный Пушкиным Сальери? На самом деле он же Моцарту помогал. А Моцарт, как утверждают специалисты, был склочником. Конечно, зависть, если просыпается, может оказаться очень мощным мотиватором.

— Она разрушительна? И для того, на кого направлена, и для того, кто завидует?

— В русском языке существуют, как известно, две зависти — одна черная, другая белая. Но, вообще-то, это просто игра слов. В собственном смысле, настоящая зависть — это, конечно же, зависть черная. То, что она разрушительна для того, на кого направлена, очевидно — убить могут. Но она разрушительна и для того, кто завидует, потому что несет в себе мощный заряд агрессивности. А повышенная агрессивность, как хорошо известно психологам, примитивизирует восприятие, подрывает продуктивное мышление, то есть снижает творческий потенциал личности. Так что проблема совместимости гения и злодейства — это, если угодно, количественная проблема. Все зависит от соотношения мощности гения и уровня озлобленности. Если гениальности много, а злобности мало, гениальность проявится, потому что злобность от нее хотя и отъест кусок, но не сожрет до конца. А вот если злобности значительно больше, чем гениальности, мы получим озлобленного сумасшедшего, в котором будут заметны следы угасшей Божьей искры. Что же касается белой зависти, то, строго говоря, это и не зависть вовсе, а фигура речи, описывающая внешний стимул к собственному росту.

— Наверное, белая зависть — это «я хочу, чтобы у меня было

то же, что имеешь ты». А черная — «я не хочу, чтобы у тебя было то, что имеешь ты».

— Или «я хочу, чтоб тебя вообще не было».

— *Зависть — естественное человеческое чувство?*

— Наверное, да. Но, перефразируя Гегеля, не все естественное разумно. Мы существа социальные. Люди не могут жить в одиночестве. Я не сознательный выбор отшельников имею в виду. Они уходят от людей, чтобы быть с Богом для людей. Это не одиночество, а своего рода сверхсоциальность. А если говорить не об экстремальных ситуациях, а о видовых признаках homo sapiens, то люди — это самый общественный вид среди приматов. Но помимо социальности нам Богом дано осмысление себя как личности, со своими интересами, далеко не всегда совпадающими с интересами группы, в которой человек живет. На попытках выхода из разворачивающихся в душе человека конфликтов между его личными интересами и его интересами как члена группы выстраивается вся наша нравственность и мораль.

— *Зависть может быть созидательной?*

— Говоря о том, что зависть подрывает творческий потенциал личности, я сказал о мощном заряде, высоком уровне агрессивности. Для полного расцвета зависти уровень агрессивности и в самом деле должен быть очень велик. Именно поэтому в обыденном языке, равно как и в художественных образах, зависть и бешеная агрессивность — близнецы-братья. Важно, однако, понимать, что агрессивность не сразу, да и не всегда достигает такого уровня, при котором зависть делается достойной внимания поэтов, драматургов, психиатров и следователей. В общем случае зависть и агрессивность могут быть относительно невелики. И если интенсивность этих переживаний не переходит некоторых границ, то они вполне могут играть роль продуктивных стимулов к тому, чтобы человек отмотивировался и начал решать задачу. Есть в психологии интересный закон, который в честь сформулировавших его ученых называется законом Йеркса-Додсона. Речь идет о том, что уровень напряженности нервной системы, необходимый для решения какой-либо задачи, имеет точку оптимума: грубо говоря, ниже этого уровня — задача будет решена медленнее и хуже по

качеству, выше этого уровня — может быть, быстрее, но тоже хуже по качеству. Причем, при прочих равных условиях, оптимальный уровень напряженности будет тем ниже, чем сложнее задача. Канадский психолог Дж. Истербрук объяснял это тем, что повышенная напряженность сужает спектр человеческого восприятия, не дает возможности учитывать значимые факторы и обстоятельства, количество которых тем больше, чем сложнее задача. Это я к вопросу о зависти вспомнил, потому что на обыденном языке то, что нейрофизиологи называют напряженностью, чаще всего именуется агрессивностью. Так вот, если зависть не заводит агрессивность за пределы оптимума по Йерксу-Додсону, то она вполне может быть стимулом для продуктивной работы. Словом, завидовать надо в меру. И чем сложнее повод для зависти, тем слабее она должна быть, чтобы сохраняться в роли стимулятора эффективных действий.

Люди перешли на стратегию индивидуального выживания

— *А что такое зависть в социальном ее наполнении? Например, зависть к богатым, разжигающая желание устроить жизнь «по справедливости». Все революции и гражданские войны имеют, в сущности, этот запал. Россия прожила с этим весь XX век. Мы и в рыночную эпоху вступили с неизжитой социальной завистью, а рынок, создавший невиданные прежде полюса бедности и богатства, только поддал жару.*

— Все это значительно сложнее, чем кажется. Возьмем, допустим, Западную Европу, или США, или Канаду — словом, любое общество, которое прошло конверсию экономической и политической конкуренцией и где сложился тип человека, который в жизни привык рассчитывать, главным образом, на собственные силы. Когда в таком обществе зависть и агрессивность будут нарастать, а когда снижаться — на фазе улучшения или ухудшения экономической ситуации? Ответ: при улучшении они снизятся, а при ухудшении возрастут. Этот тип реакции на изменения условий жизни я называю достижительным поведением. Два признака такого поведения, которые нас здесь интересуют — реалистическое целеполагание и установка на не снижение целей. Когда жизнь улучшается, люди ставят перед собой амбициозные, но реализуемые цели. Из оценки «я хочу» и «я могу» в это время растут, но разрыв между

этими показателями остается преодолимым. Психологических оснований для недовольства нет — люди достигают, чего они хотят, и радуются улучшению своей жизни. А вот когда ситуация начинает ухудшаться, человек чувствует, что его возможности («я могу») снижаются. Но он привык бороться за свое благополучие, так что поначалу он не желает снижать уровень своих притязаний («я хочу»). Срабатывает установка на не снижение целей. В результате разрыв между «я хочу» и «я могу» увеличивается. Иначе говоря, возникает классическая фрустрация. Человек начинает злиться и завидовать. В это время в обществе могут наблюдаться всплески недовольства, порой очень сильные. Впрочем, со временем реализм в целеполагании побеждает, и общество начинает адаптироваться к новым условиям. Но это, повторяю, в обществах, где люди привыкли надеяться на себя. А у нас — все наоборот. Впрочем, не только у нас, а во всех обществах, которые только начинают двигаться к конкурентной экономике. Здесь преобладающий тип поведения, которое американский психолог Дж. Аткинсон назвал «поведением неудачника», человека на себя не надеющегося, в себе не уверенного. В подобных обществах при улучшении ситуации притязания («я хочу») растут значительно быстрее, чем оценка людьми собственных возможностей («я могу»). Такие зашкаливающие притязания некоторые психологи называют химерическими. В результате разрыв между «я могу» и «я хочу» резко возрастает, развивается фрустрация, порождающая зависть и агрессивность. Так было во времена Великой французской революции, на этом фоне произошел большевистский переворот 1917 года. Так было в России в годы, предшествовавшие кризисам 1998 и 2008 годов. А когда ситуация ухудшается, «я могу» снижается, но «я хочу» у людей в себе не уверенных и не привыкших бороться за сохранение своего положения, снижается еще быстрее. Как следствие — сокращение разрыва между «я хочу» и «я могу», снижение фрустрации, спад агрессивности и социальной зависти. Такой процесс очень хорошо наблюдался у нас во время кризисов 1998 и 2008 годов: никаких волнений, протестная активность падает; более того, у заметной доли россиян, согласно социологическим опроса, настроение в период кризисов улучшалось — это эффект ослабления фрустрации.

— По вашей теории получается, что сейчас, в период кризиса, когда уровень жизни упал, наши граждане, вопреки ожиданиям, не считают деньги в чужих карманах и никто из них никому не завидует?

— Зависти нет. Мой сосед миллионер? Ну и черт с ним! Мне до него дела нет, я на своих шести сотках картошку копаю, шесть мешков накопал, на зиму хватит. Люди перешли на стратегию индивидуального выживания.

— А стремление отнять и поделить — оно тоже от зависти?

— Конечно. Только сегодня это уже не «отнять и поделить», а «отнять и дать мне». Равенства нам не надо. Судя по социологическим опросам, в России идея имущественного неравенства пользуется поддержкой примерно половины населения — это в два раза больше, чем в США. Зато считающих, что за благосостояние граждан должны отвечать не столько они сами, сколько государство, у нас в три раза больше, чем в Штатах (60 процентов против 20). Иначе говоря, у нас преобладает настроение — я хочу жить лучше соседа, и это должно обеспечить государство. Вот такая любопытная черта переходного периода — парадоксальная смесь индивидуализма, ставки на неравенство и иждивенчества. Впрочем, в этой смеси неравенство все же более естественно, чем иждивенчество. Как биологическому виду людям свойственна иерархичность. Это хорошо видно по нашим ближайшим родственникам — и по шимпанзе, и по гориллам. Все они в той или иной степени помогают друг другу. Но иерархия в сообществах приматов очень четкая. И, кстати, это иерархия меритократическая. Лидерами у обезьян становятся особи, озабоченные «общественным благом», пекущиеся о сообществе. Это условие выживания коллектива. Интересные, хотя и жестокие опыты проводились в свое время американским исследователем Хосе Дельгадо. Он сажал в клетку обезьяну, перед клеткой ставил лоток с апельсином. Чтобы получить апельсин обезьяне нужно было потянуть за рычаг. А от рычага шли электроды, закороченные на болевые зоны мозга рядом сидящей обезьяны. Поэтому, когда сидящая в клетке обезьяна тянула к себе апельсин, другая начинала орать. Дельгадо сажал в клетку обезьян разного иерархического уровня. Выяснилось, что представители социального дна тянули апельсины к себе, не обращая внимания на вопли

ближнего. Им было наплевать, что кому-то больно. А обезьяны из числа «элиты» отказывались от апельсинов.

— *Эта озабоченность общей судьбой чем-то должна вознаграждаться? Например, признанием за элитой больших прав, чем имеют остальные члены стада?*

— Разумеется, одним в стаде дозволено больше, другим меньше. Скажем, есть альфа-самцы. Но если ты наверху, то это значит, что ты принял на себя ответственность за сообщество. Чтобы тебя признали вожаком, ты должен продемонстрировать некоторые моральные качества. В этом смысле большевистская доктрина с ее пафосом равенства и поэтизацией социального дна (пролетариата), противоестественна. Эта доктрина формировала психологию неуверенной в себе посредственности («единица — вздор, единица — ноль»), чувствовавшей себя комфортно только в роли «гайки великой спайки одной трудящейся семьи». Такая «гайка» — классический образец психологии неудачника. То, что у «гайки» отсутствовало чувство зависти — глубокое заблуждение. Зависть не проявлялась, потому что некому было завидовать. Вожди и их приближенные вели себя мудро — жили за высокими, непроницаемыми зелеными «партийными» заборами, и из-за забора пропагандировали равенство. Как они живут, знали немногие. А все остальные находились примерно в одинаковом положении. Причем, на этапе брежневского «развитого социализма», в условиях начавшегося в 1973 году роста мировых цен на нефть, «гайкам», объективно говоря, было очень комфортно: с голоду не помрешь, более того — по сравнению со сталинским и хрущевским периодом «жить стало лучше, жить стало веселей»; рисков потерять работу практически нет, надрываться не нужно, («они делают вид, что платят, а мы делаем вид, что работаем»), перспективы жизни понятны. Но на фоне улучшения жизни психика неудачника работала по свойственным ей принципам: «я хочу» росло значительно быстрее, чем «я могу». В обществе стали нарастать фрустрация и недовольство властью: «возмущается народ — мало партия дает». Что экономика гниет и скоро развалится, мало кто понимал. Поэтому, когда система рухнула, большая часть народа испытала тяжелейший шок. Сходу адаптировались лишь немногие и, как всегда бывает в ситуациях распада или революций, далеко не лучшие в

моральном отношении. Эти немногие с ярко выраженной психологией парвеню/нуворишей («из грязи в князи») стали с удовольствием демонстрировать свои материальные успехи друг другу и большинству, привыкшему к государственной опеке, не понимавшему как жить и к тому же в одночасье потерявшему все свои сбережения. Впрочем, поначалу большинство ждало чуда — прогнали коммунистов и теперь «через четыре года здесь будет город-сад». Блестящая перспектива смягчала социальную зависть. Но чуда, понятное дело, не произошло. Когда это стало ясно, поднялась мощнейшая волна социальной зависти, которую остановил только кризис 1998 года.

Делай то, что душа просит

— *Завидовать стыдно?*

— Кому стыдно, кому не стыдно.

— *А избавиться от зависти можно или это выше человеческих сил?*

— Совсем избавиться вряд ли получится, но уменьшить ее содержание в крови можно, если заниматься делом, которое тебе дорого. Делай то, что душа просит. И тогда начнутся твои отношения не столько с социумом, сколько с Богом. А там уж как получится. Как-то раз, еще в 1970-е, мы с моим двоюродным братом Дмитрием, он литературовед и одновременно страстный лошажник, поехали на Первый московский конный завод. Встретились там с замечательным жокеем, настоящим супермастером. Мы болтали о жизни, и вдруг он говорит: «Да, ребята, вам-то хорошо, у вас образование». Я, честно говоря, растерялся. Передо мной сидел человек, до которого невозможно дотянуться — звезда мирового класса. И он завидовал нам. Это я к тому, что мало стать супермастером, надо еще понимать ценность твоего супермастерства. Если тебе Бог дал, и ты понял, что тебе дано — ты нашел себя, и это великое счастье. И если нашел, тут уже не до зависти.

Надо смириться с плохой экологией?

Диалог с биофизиком Игорем Артюховым

Современную экологию, понимая под ней состояние окружающей среды, принято ругать. Плохая экология, по общему мнению, грозит человечеству гибелью. Но мы каждый день дышим загрязненным воздухом, потребляем генномодифицированные продукты, пожинаем другие издержки прогресса — и ничего, живем. Так, может, надо смириться с плохой экологией?

Не «экология», а «охрана окружающей среды»

— *Плохая экология — это что, в вашем понимании?*

— Давайте разберемся в терминах. То, что на Западе называют *environment*, у нас зовется экологией. Какой-нибудь *environmental activist* называет себя экологом. На самом деле экология — это раздел биологии, который изучает, грубо говоря, кто кого ест, сколько хищников в таком-то лесу могут прокормиться и т.п. Чтобы с полным правом называть себя экологом, надо шесть лет в МГУ проучиться на биофаке, потом хорошо бы еще три года в аспирантуре. А у нас любой защитник животных или борец с ГМО говорит о себе «я — эколог» и бестрепетно спорит со специалистами, которые действительно в чем-то разбираются. Он может быть хорошим человеком, может защищать животных от плохого обращения с ними, но такие, с позволения сказать, экологи часто настолько не в теме, что даже не способны понять, насколько они не в теме.

— *Вы хотите сказать, что понятием «экология» подменяется понятие «охрана окружающей среды»?*

— Именно это я и говорю. Еще точнее было бы сказать — санитария. Промышленная санитария, пищевая санитария, урбанистическая санитария, коммунальная санитария... Но это не наука, а практическая деятельность.

— А «забота об экологии» — так можно сказать?

— Можно — если вы заботитесь об этой науке. С тем же основанием можно сказать «забота об арифметике».

Ядерная энергия — самая безвредная

— *Хорошо, будем говорить об экологии как об охране окружающей среды. Она, эта охрана, накладывает какие-то ограничения на человека?*

— Конечно.

— *Какие?*

— Где как. Есть страны, где мусор разделяют, скажем, на бумажный и стеклянный и собирают в отдельные емкости. Это делается именно в заботе об окружающей среде. Другое дело, что по-разному и не всегда правильно люди понимают, что такое забота об окружающей среде. Сюда подчас причисляются странные вещи типа борьбы с ГМО или с безобидным глутаматом натрия в пище, или протест против экспериментов над животными. Но лабораторные крысы живут в райских условиях по сравнению с теми своими родственниками, что обитают на помойке. Тем не менее приходят так называемые «экологи», громят лабораторию, выпускают лабораторных крыс на волю, где те вскоре подышлют, потому что привыкли жить на хорошем питании, в стерильном виварии.

— *Готово ли человечество отказаться от комфорта ради чистой среды своего обитания?*

— Человечество от многого отказывается. Отказалось от хлорсодержащих фреонов ради сохранения озонового слоя, и, действительно, он стал восстанавливаться, улучшаться. Сейчас пытается отказаться от выброса парниковых газов. Это борьба с последствиями собственной деятельности, но в некотором роде это тоже защита общепланетарной окружающей среды, — человечество готовится к тому, что прилетит астероид и нужно будет его сбить, отклонить от Земли, потому что если астероид упадет, то для окружающей среды на Земле это будет плохо. В общем, человечество не столь уж безответственно относится к окружающей среде, хотя опять же — где как. Где-то гадят, но это не примета цивилизации. Существует расхожее мнение, что наши предки, дикари, жили в гармонии с природой, а сейчас мы их наследство потеряли. На са-

мом деле наоборот. Во-первых, наши предки, где жили, там, извините, и гадили. Это археологически подтверждается. Останавливались, гадили там, насыпали всякие объедки, кости, а когда совсем уже было некуда деться от нечистот, переходили на другое место. Это одна из причин, почему они болели и мало жили. Во-вторых, древние люди уничтожали целые виды животного мира, включая, вероятно, и мамонтов — судя по всему, их все-таки человек истребил. Они уничтожали целые экоценозы. Когда древние дикари, предки нынешних аборигенов Австралии, пришли в Австралию, они обнаружили, что там леса очень хорошо горят, и если лес поджечь, то после на этом месте остается куча мяса, да еще поджаренного, готового к употреблению, причем в сотни раз больше, чем они в состоянии съесть. И они стали поджигать. А климат засушливый, леса эвкалиптовые, горели прекрасно. В результате Австралия, которая была покрыта лесами, превратилась преимущественно в пустыню. Это пример того, как «живущие в гармонии с природой» дикари уничтожили экоценоз целого континента и при этом сами себя довели до жалкого существования на остатках этого экоценоза.

— В этом смысле и человек XXI века живет в гармонии с окружающей его природой, которую тоже по-своему уничтожает, не желая, например, хотя бы раз в году — 22 сентября, во Всемирный день без автомобиля — не отравлять выхлопными газами атмосферу. Хотя бы такое самоограничение и хотя бы один раз в году нам не под силу?

— Кто-то 22 сентября действительно не садится за руль, но это мало что дает. А заменить весь транспорт в городе на экологически чистый, «зеленый» — невозможно. Все существующие города уже по своей структуре «заточены» в основном под автомобили с горючим топливом. Но даже если переходить к электромобилям, все равно где-то надо потреблять электроэнергию, и еще неизвестно, станет ли на планете чище от этого. Сейчас пытаются использовать источники энергии типа ветровой, солнечной. Пока это дорого. Кстати, — за эти слова меня «зеленые», наверное, проклянут — самым экологически безвредным источником на сегодня является ядерная энергия, как это не парадоксально. Ветряки же уничтожают птиц, которые разбиваются об лопасти. А солнечные батареи занимают большие территории. И получается, что ядерная энергия

экологически самая оптимальная. Кто-нибудь сейчас скажет: а как же Фукусима? Но радиационная авария на тамошней АЭС произошла в результате сильнейшего землетрясения и последовавшего за ним цунами, в результате которых погибло и пропало без вести около 27 тысяч человек. А на самой АЭС погиб один человек: в ходе ликвидации последствий аварии на рабочего упал кран. Несчастный случай.

Городские люди живут дольше, чем сельские

— *Считается, что в ранние века окружающая среда была едва ли не девственной. И дескать, такая среда — залог долголетия. Но тогда почему в благословенные те времена продолжительность жизни была гораздо короче, чем ныне, когда мир, как нам то и дело внушают экологи, вот-вот задохнется от собственных испарений?*

— Потому что загрязнение окружающей среды в сравнительно небольшом количестве особо опасных, «плохих» городов реально сокращает жизнь. Есть крупные промышленные центры, где именно так и происходит — например, в Китае или в наших городах, где есть металлургические заводы. В целом же городские люди живут дольше, чем сельские.

— *А как же прословутые горцы, без видимого недомогания одолевающие вековой рубеж? Мол, чистый воздух, живая природа...*

— Таких долгожителей можно встретить и в городе. Тем не менее принято жаловаться: какая ужасная нынче у нас окружающая среда, вот раньше... Хорошо, давайте вспомним. В эпоху палеолита, несколько десятков тысяч лет назад, люди жили в идеальных, как сейчас бы сказали, экологических условиях — ели «органик фуд», дышали свежим воздухом, никакой промышленности не существовало. А средняя продолжительность жизни была — лет двадцать. До сорока лет не доживал практически никто. Теперь скажите: какая среда лучше?

— *Выходит, нынешняя. Чем объясняется этот парадокс?*

— Ещё вспомним, что людей тогда было в тысячи раз меньше. И не потому что они не успевали размножаться, а потому, что их численность регулировалась голодом. Сколько их помещалось, могло прокормиться на той территории, где они могли жить, столь-

ко их и жило. Если в благоприятные годы их появлялось на свет чуть больше, то потом излишки вымирали от голода и болезней, от перенаселения. И тогда среда обитания человека была хуже, чем сейчас, начиная с тигров и кончая глистами. Потому что современная среда позволяет в несколько тысяч раз большему количеству людей жить в четыре раза дольше.

— *Но эта же среда сокращает жизнь животному и растительному миру. Разве нет?*

— Смотря кому сокращает. Коров сейчас во много-много раз больше, чем было в древние времена. Скажите, коровам на пользу или во вред пошло то, что мы их едим? Сегодня они составляют заметное количество общей биомассы на земле. Да, наш биоценоз, даже общепланетарный геоценоз полностью изменился. При этом для человека он приспособлен лучше, для коров тоже лучше, а для каких-то видов хуже. Некоторые виды вымирают. И так было всегда. Весь ход эволюции на земле — это история гибели видов и замена одних другими; 99 процентов живших на Земле видов вымерли, не оставив потомства. Сейчас тоже происходит гибель видов. Но впервые возникает ситуация, когда некоторые виды заботятся о сохранении других и даже о восстановлении вымерших. Пару видов, вымерших уже, удалось клонированием восстановить. Мамонта пытаются клонировать. Не знаю, что из этого получится, но если получится, то окажется, что для мамонта это тоже выгодно.

— *Все равно непонятно, почему городские люди живут дольше, чем сельские. В городах загазованность, суета, стрессы...*

— Да, загазованность, стрессы, питание не с грядки. А долгожителей в городах все равно больше.

— *Мы говорим о России?*

— Это общемировая тенденция, хотя в разных странах по-разному. Например, в Америке вроде бы фермеры живут дольше, хотя это тоже спорно. В разных исследованиях получается по-разному. Но в целом по миру, и по России в том числе, горожане живут дольше.

По причине неграмотности борются не с тем, с чем надо

— *Стало хорошим тоном сокрушаться: ах, что же мы творим с окружающей средой! В этих ахах и охах нет ли лицемерия?*

— Думаю, большинство людей искренне верят, что природе ежедневно наносится непоправимый вред, что окружающая среда скоро станет несовместима с человеческой жизнью. И есть меньшинство, которое эти страхи нагнетает — в религиозных, политических или каких-то еще целях. Кто-то сокрушается осознанно и расчетливо, кто-то — в силу своей малограмотности. Последние особенно активны. Они борются иногда с самыми неожиданными вещами. Я уже упоминал глутамат натрия. Почему он попал под топор — загадка. Это вещество менее токсично, чем поваренная соль. Действительно, были исследования, показавшие, что при употреблении пищи с добавкой глутамата натрия у лабораторных крыс ухудшалось зрение. Но этим крысам давали глутамат натрия в чудовищном количестве — 25 процентов от общего сухого веса пищи. Если бы нам давали поваренную соль в таком количестве, то у нас бы не зрение ухудшилось — мы бы просто умерли в тот же день от такого количества соли. Понимаете, в пище присутствует ряд веществ, которые достаточно вредны. Например, трансжиры, которые имеются в маргаринах. Но с ними почему-то никто не борется. С трансжирами если и борются, то исключительно потому, что путают их с трансгенными продуктами. С трансгенными продуктами, с генетически модифицированными тоже борются, хотя зачастую они именно для того модифицированы, чтобы быть менее вредными или более полезными. Например, так называемый «золотой рис» — если его внедрить, он способен миллионы детей спасти от слепоты в Восточной Азии. Но с ним борются, потому что он генномодифицированный. Борются по причине неграмотности не с тем, с чем надо.

Наши «зеленые» не имеют широкой поддержки в обществе

— *В российском обществе к защитникам окружающей среды отношение снисходительное. Часто можно услышать: «Да они там все чокнутые». А вы как к ним относитесь?*

— К тем, кто профессионально, грамотно занимается природоохраной, отношусь с уважением. К тем, кто кликушествует, не разбираясь ни в чем, симпатий не испытываю. К «зеленым» во всем мире относятся по-разному. Многие им сочувствуют. В Европе партии «зеленых» набирают весомые проценты на выборах и подчас вовлекают в свою деятельность заметное количество избирате-

лей. Тут есть определенный закон, известный в психологии: если некую позицию разделяет менее 10 процентов социальной среды, то эта позиция рассматривается как маргинальная, а если больше 10 процентов, то — как законная, даже если ты с этой позицией не согласен.

— Наши «зеленые» набирают эти 10 процентов?

— Наши — нет. А в Бразилии, например, достаточно много людей, которые если не борются с вырубанием лесов, то по крайней мере поддерживают необходимость борьбы с этим.

— Лично вам близко то, чем занимается Гринпис?

— Смотря что. Защита китов — да, это нужное дело. Борьба с ГМО — полная глупость.

— А в целом как вы к ним относитесь?

— Люди там в основном хорошие. Но многие из них направляют свою энергию не в то русло. Есть старый анекдот про человека, который ищет оброненный бумажник не там, где обронил, а под фонарем, потому что там светлее. Вот и наши «зеленые» иногда занимаются тем же. То, что на Фарерских островах ради забавы уничтожают китов, их не очень беспокоит. Во всяком случае они туда не поедут, как сделали бы европейские «гринписовцы», а будут свои мероприятия устраивать здесь, по месту жительства, подчас высасывая проблему из пальца.

Таблица Менделеева в воде — это хорошо или плохо?

— Чего ни коснись — экологи говорят «нет». Они протестуют против антидетонационных присадок к бензину. Они требуют прекратить утилизацию ракет в Перми. Они выражают тревогу по поводу использования территории курорта Геленджик для прокладки российско-турецкого газопровода «Голубой поток». До какой степени нужно считаться с мнением экологов, чтобы не оказаться на обочине прогресса?

— С теми, кто разбирается в существе дела, наверное, надо считаться. Например, с теми, кто обоснованно говорит, что нужно не допустить разрушение озонового слоя. Или с теми, кто убедительно доказывает, что следует предупредить парниковую катастрофу. То есть надо считать с теми специалистами, которые свою точку зрения могут аргументировать, а не просто кричать: ужас, ужас!

Вот, скажем, вопрос: надо ли утилизировать отходы промышленных предприятий? Да, хорошо бы. Но давайте соотнесем стоимость утилизации отходов с тем вредом, который они наносят природе, если их не утилизировать, а, скажем, в землю закапывать. В каждом случае — свое решение. Если предприятие выбрасывает соли ртути или соединения свинца в реку, откуда берется питьевая вода, то да, нужно его обязать этого не делать. Представьте, что где-то открыли целебную минеральную воду, и журналист, рассказывая об этом, радостно восклицает: замечательная вода, она содержит всю таблицу Менделеева! Потом обнаружили, что какое-то предприятие сбрасывает загрязненные воды в реку. И тот же журналист голосит: ой, какой ужас, в реку сбрасывают всю таблицу Менделеева! Таблица Менделеева в воде — это хорошо или плохо? Я к тому, что не надо думать, будто любое промышленное предприятие наносит вред окружающей среде уже фактом своего существования. Давайте рассматривать конкретное предприятие, конкретное загрязнение, а потом делать выводы.

Вопли и стоны о гибнущей природе — это, скорее, боязнь прогресса

— *Так надо ли смириться с плохой экологией?*

— Ни с чем плохим мириться не надо. Со свинцом в бензине надо бороться. С разорением заповедников в Геленджике, Утрише и многих других местах — надо бороться! Но не надо огульно называть плохой экологией всю современную окружающую среду, которая иногда плохая, иногда хорошая. В среднем она гораздо лучше той, где продолжительность жизни измерялась двумя десятками лет.

— *Значит нагнетание тревоги по поводу сегодняшнего состояния окружающей среды, на ваш взгляд, неоправданно?*

По конкретным поводам, может быть, и оправдано, а в целом — нет. Вопли и стоны о гибнущей природе — это, скорее, боязнь прогресса, боязнь любых перемен и представление о прошлом, как о золотом веке. Не было никакого золотого века. А было, есть и будет нормальное сосуществование людей с окружающей средой, в котором, как и во всяком взаимном сосуществовании, хватает и радостей, и огорчений.

Гаджеты нас поработят?

Диалог с академиком РАН Александром Сиговым

Нашествие разных компьютерных штучек и электронных устройств, продолжающих завоевывать мир, одних радует, других огорчает. Первые считают, что современные средства коммуникации помогают нам развиваться. Вторые сетуют: раньше люди чаще ходили друг к другу в гости, а теперь все общение сводится к разговору по скайпу. Вредны ли гаджеты? Может ли случиться так, что мы все больше и больше будем зависеть от них — пока они не поработят нас окончательно?

Мы быстро вошли в эту эру

— *Здесь, в вашем кабинете, у вас при себе есть какие-нибудь гаджеты?*

— Два телефона мобильных. Они теперь универсальные, там и диктофон, и все остальное, что нужно.

— *Если вы вышли из дома, забыв мобильный телефон, вы вернетесь за ним?*

— Были такие случаи несколько раз. Если возвращение домой за мобильным телефоном не грозит мне катастрофическим опозданием куда-то, то обязательно вернусь. Без мобильного телефона уже никуда. Мы быстро вошли в эту эру. Когда-то, лет десять назад, совершенно спокойно можно было без этого обходиться, а сегодня абсолютно невозможно.

— *Вы ощущаете свою зависимость от айфона, айпэда, ноутбука?*

— Да. Теперь все это вошло в бытовой обиход, стало таким же необходимым, как ботинки, рубашка, галстук.

— *Я не вижу компьютера у вас на рабочем столе.*

— Он в другой комнате. Пять минут назад я от него отошел.

— *Другая комната — это комната отдыха?*

— Называется так, но для меня она комната работы.

— *А дома есть компьютер?*

— Три. В том числе и ноутбук. И еще несколько айпэдов.

— *Нужен ли современному человеку столь богатый ассортимент гаджетов?*

— Думаю, нужен

— *Не слишком ли их много?*

— Вы хотите спросить, не поработают ли нас эти вещи? Мне кажется, нет. Это просто удобные, подручные средства коммуникации, не больше. По крайней мере для меня.

Для многих это просто модные игрушки

— *Производители гаджетов изобретают все новые и новые устройства, а мы жадно их потребляем. Здесь спрос диктуется предложением или наоборот?*

— Я думаю, это процесс обоюдный. С одной стороны, спрос диктует предложение. С другой — производитель активно влияет на потребителя, формируя его интересы. Когда появилось 3D, никто сначала не понимал, что это такое, но потом многие увлеклись. Точнее, их увлекли, заманили: Apple вел активную, я бы даже сказал агрессивную рекламную кампанию. Потребность людей в гаджетах постоянно растет, хотя для многих это просто модные игрушки, возможности которых далеко не всегда используются сполна.

— *Иметь новый гаджет — это престижно?*

— Да.

— *Скоро выйдет шестой айфон, и все кинутся его покупать?*

— Обязательно. Хотя реально он будет нужен, может быть, лишь одному проценту покупателей. Но всем хочется иметь новый. Производители гаджетов прекрасно это знают и учитывают психологию потребителей.

— *Детям нужны современные гаджеты? Я имею в виду собственные, а не позаимствованные у родителей.*

— По-моему, нужны.

— *У ваших внуков есть они?*

— У меня трое внуков. Из них одна девочка шестнадцати лет. Она хорошо учится в школе, много читает. И она активно использует все возможности, какие дают ей айфон, айпэд, ноутбук. Им задают много всякого материала, который нужно получать или обрабатывать таким вот путем. Мне очень нравится, что с помощью современных электронных приспособлений моя внучка может, например, подготовить презентацию своей самостоятельной работы по какой-то теме. Раньше на это ушло бы не меньше недели, а теперь это можно сделать за несколько часов. А еще у меня двое совсем маленьких внуков — девочка и мальчик. Им по три года. И оба тоже не могут обходиться без этих вещей. Мальчик научился пользоваться простыми функциями компьютера раньше, чем начал говорить. Это кажется невероятным, но это так. В мое время, в пятидесятые годы, школьнику нужна была перьевая ручка, чернильница... Сейчас их заменяет айпэд, куда ученик может записывать домашние задания и все остальное, что ему требуется. Это значительно расширяет возможности человеческие. Я прекрасно помню, как писал докторскую диссертацию и сколько сил положил на ее техническое оформление. Нанимал машинисток. А текст — научный, о сложных проблемах физики твердого тела. Одна машинистка не понимала ничего, постоянно ошибки делала, пришлось найти другую, куда-то ездить на Красную Пресню, ночами писать, утром отвозить... А сегодня все это можно делать очень быстро. Можно, едучи в метро, какую-то мысль записать, потом ее перенести в статью. Конечно, все это сильно облегчило жизнь. При том, что для многих это еще и мода. Я не отношусь к людям, которые гонятся за модой, в частности, не могу читать электронные книги. Кроме того, когда я работаю над научной статьей, я не могу на компьютере ее писать.

— *Вы ее от руки пишете?*

— От руки. Иначе мысль не работает.

— *Компьютер сковывает вашу мысль?*

— Да.

— *А потом сами набираете?*

— Небольшие вещи сам набираю. Это еще и полезно — что-то смотришь, что-то поправляешь, какие-то новые идеи приходят. За компьютером я могу писать что-то более или менее знакомое или не требующее серьезных умственных затрат. А вот реально новую работу — не получается за компьютером. Как мне кажется, хорошие мысли приходят в голову, если пользуешься авторучкой.

— *Все ваши научные работы написаны от руки?*

— Да. Видимо, это уже неискоренимая привычка.

Некоторые настолько уходят в компьютерные игры, что жить не могут без этого

— *Не превратятся ли люди в роботов, добровольно отдав себя во власть электронных «игрушек»?*

— Уверен, что нет. Это постоянное расширение наших возможностей. Просто надо знать меру. Скажем, выпить рюмку водки — почему бы и нет. Но выпить бутылку — это, наверное, плохо. Точно так же и здесь: не надо «заболевать» гаджетами, надо просто пользоваться ими, когда требуется. А требуется постоянно.

— *И поэтому возникает зависимость от них? Это уже своего рода наркотик?*

— У некоторых — да. Я сорок с лишним лет работаю в высшей школе. Последние десять-пятнадцать приходилось иногда разрешать очень тяжелые ситуации. Студенты, особенно младших курсов, настолько увлекались всякими гаджетами, что учеба летела в сторону. Говорю совершенно серьезно: были случаи умственного помешательства.

— *На этой почве?*

— Да, на этой почве.

— *Вы пытались вмешаться?*

— Административно тут ничего не сделаешь. Пытался как-то по-отечески. Приглашал к себе, беседовал... И, наверное, в половине случаев мне удавалось повлиять.

— *А много было случаев?*

— Не каждый год, но десять-двенадцать я помню. Один мальчик, очень способный, в той группе, которую я непосредственно вел, на пятом курсе выбросился из окна. Но к этому все шло.

— *Игровая компьютерная зависимость?*

— Так конкретно трудно сказать, была ли она у него, но у некоторых она достаточно ярко выражена. Некоторые настолько уходят в компьютерные игры, что жить не могут без этого. Бросают занятия, не отрываются от компьютера ни днем, ни ночью. Даже не всегда игра, а просто непрерывное взаимодействие с компьютером.

— *Уход в виртуальный мир? Сознательное или безотчетное бегство от реальности?*

— Возможно. А может быть, избавление таким путем от комплексов неполноценности.

— *Компьютерная зависимость — это, на ваш взгляд, социальное или психическое заболевание?*

— Сложный вопрос. Я склонен думать, что социальное. Видимо, какой-то человек ощущает себя слабым в реальном мире и поэтому уходит в мир виртуальный. Мне кажется, это основная причина. Но на это наслаивается еще много чего — неудачи в учебе или работе, семейные дразги, неразделенная любовь... Но все же издержек разного года значительно меньше по сравнению с тем положительным, что дает нам компьютерный мир.

Открыл таблицу — посмотрел

— *Если так пойдет дальше, не лишат ли нас гаджеты способности принимать самостоятельные решения?*

— Не лишат. Они только могут облегчить нам принятие решения. Гаджеты дают тебе базис, а решения все равно ты принимаешь сам.

— *Вы на собственном опыте это ощущаете?*

— Я в меньшей степени от этого завишу. Но я знаю людей, которые более широко этим пользуются. Я тоже пользуюсь, но в основном живу своим умом. Видимо, это возраст.

— *Кто-то считает, что гаджеты тормозят умственное развитие, поскольку облегчают процесс познания, получение информации. Вы так не думаете?*

— Я бы не рискнул так утверждать. Мне встречались иностранные студенты (слава богу, русских таких пока не было), которые с

большим трудом пользовались таблицей умножения. Они не могли сразу ответить, сколько будет трижды семь, для этого им нужно было достать калькулятор. Или с некоторыми раздумьями, колебаниями они находили ответ. И это были студенты высшей школы. Вот это, мне кажется, патология. Опять-таки, может, мы стоим одной ногой в прошлом — я имею в виду себя — и поэтому так относимся к людям, не умеющим быстро, в уме перемножить семь на три. Ведь сейчас появились электронные устройства, помогающие твоему интеллекту, в чем-то даже продолжающие его. Раньше ты не только мог, но и должен был мгновенно в уме перемножить одно число на другое, а сейчас нажми кнопку и так же мгновенно получишь ответ. Мне кажется, что при этом какие-то функции, связанные с тренировкой мозга, отмирают. И это печально. Хотя на том же Западе студенты, не знающие таблицы умножения, потом превращаются в высококвалифицированных инженеров, в хороших научных сотрудников. Но в рамках моих представлений о минимальной образованности мне сначала было страшно с такими людьми иметь дело. Ну, как это человек не знает, сколько будет синус 90 градусов. Говорит, надо посмотреть. Конечно, это пугало. Но я говорил себе: слушай, наверное, ты просто старорежимно мыслишь. Хотя... Вспомним великого физика Ландау, который однажды сказал: «Я не помню себя не умеющим интегрировать и дифференцировать». То есть фактически он сказал, что с трех лет интегрирует. Думаю, что это была шутка. Но именно владение математикой на уровне элементарной грамоты позволяло ему целые этапы в процессе рождения какой-то идеи проходить автоматически. Допустим, когда нужно было построить сравнительно простую математическую модель какого-либо физического явления и в результате получить новое знание. Он это мог проделать очень быстро и на уровне оценок найти новые физические результаты. А другой будет много дней искать точный математический результат и никогда к решению физической задачи не приблизится. Я это к тому, что если правильно наладить работу с гаджетами, то они помогут тебе быстро выполнить вспомогательную работу. Может, и не нужна излишняя нагрузка на мозг. Может, лучше думать над какими-то финальными результатами, а все остальное проходить автоматически. Ну, скажем, начиная с XVII века, существовали таблицы логарифмов, потом появились таблицы тригонометриче-

ских функций. Стало ненужным помнить эти функции, вычислять. Открыл таблицу — посмотрел. Теперь очень многое, включая те же таблицы у тебя в гаджетах.

— *Позволив гаджетам обслуживать нас, не утратим ли мы какие-то элементарные навыки?*

— Представим себе, что созданы какие-то прекрасные устройства для передвижения. И тогда человек может вообще разучиться ходить — атрофируются мышцы. В случае с гаджетами может произойти что-то подобное. А с другой стороны, кто-то скажет: ну и хорошо, у меня появится механическая коляска, которая будет меня переносить в трех измерениях с гораздо большей скоростью, чем пеший ход. Тут, в общем, как посмотреть.

— *Не лишают ли нас гаджеты автономного существования?*

— Лишают. Отберите у человека какой-нибудь гаджет — он будет чувствовать себя так, будто его голым выпустили на улицу. Сегодня молодые люди, оказавшись «безоружными», так себя и ощущают. Раньше они ходили на экзамены с телефонами и калькуляторами, причем вовсе не потому, что им были нужны шпаргалки. Сейчас им запретили приносить это на экзамен, и они чувствуют себя не в своей тарелке, не могут даже нормально делать то, что они умеют.

— *Если гаджеты умеют делать почти все то же, что и мы, значит мы им эти навыки делегируем?*

— Есть, например, множество роботов — помощников человека в быту, на производстве. И сегодня речь идет уже не только о гаджетах как таковых, а о создании «гаджетированной» среды обитания, которая была бы умной, интеллектуальной. Чтобы, допустим, ты пришел — и у тебя не просто свет загорелся при появлении в комнате, а еще тут же возникли какие-то дополнительные новые возможности. Есть такие проекты, когда электронные устройства готовы за тебя выполнять не отдельные функции, а одновременно целые совокупности функций. И, наверное, это очень хорошо.

— *Как, на ваш взгляд, выглядит Россия на мировом фоне с точки зрения технологической оснащенности?*

— Мне приходится общаться с руководителями промышленных предприятий за рубежом. Конечно, у нас большое отставание.

Лет десять назад я много занимался вопросами использования компьютерных технологий в социальной сфере — это паспортизация, документооборот и прочее. Знакомился с опытом Швеции, Англии, Франции. Уже тогда был виден большой разрыв в технологическом развитии между этими странами и Россией. А сегодня этот разрыв увеличился.

— *Как вы относитесь к идее онлайн-университетов, которые появились и в России?*

— Смотря чему учить. Экономiku так можно выучить. Историю — тоже. Даже математику, наверное, можно. Но, скажем, в химии, биологии, физике создать полноценного специалиста только таким способом, исключив все остальные формы обучения, весьма сложно. В нашем университете есть виртуальные лаборатории и даже виртуальные кафедры. Студент может, сидя дома, войти на кафедру, зажечь свет в лаборатории, включить приборы, поставить эксперимент, провести измерения, обработать их. А потом встретиться с преподавателем, сдать ему результаты этих измерений. Я думаю, это полезно и в каких-то случаях необходимо. Но только в сочетании с традиционными формами обучения, при непосредственном общении с живым профессором.

Гаджеты были во все времена

— *Создание «гаджетированной» среды, о которой вы говорите, наверняка будет иметь социальные последствия. Какие, на ваш взгляд?*

— По-моему, сегодня это скорее почва для научной фантастики, чем для разумных предсказаний. Тут очень много чего может быть и плохого, и хорошего.

— *Вы бы не взялись то и другое предсказать конкретно?*

— Нет. Все предсказания ущербны. Никакие из них, кроме чисто технических, технологических, не сбываются никогда.

— *Как вы думаете, создатели новых компьютерных технологий осознают социальные последствия своих изобретений?*

— Не знаю. Скажем, отцы-основатели Apple думали об этом. Но в целом, мне кажется, мало кто об этом задумывается. Все-таки больше думают о реальных технических возможностях и непрерывном их развитии. И, конечно, важна коммерческая составляю-

шая.

— *Как вам видится продолжение компьютерной эры?*

— Облегчится бытовая, повседневная жизнь. Упростится реализация многих функций в промышленности, бизнесе. Рационализируется взаимодействие рядового гражданина с органами власти. Все это уже и сейчас происходит, хотя не так быстро, как хотелось бы. Рано или поздно интеллектуальная среда, в которую мы постепенно, очень медленно входим, существенно изменит нашу жизнь к лучшему. Но принесет и немало опасностей.

— *Говорят, что XXI век — это век гаджетов. Вы согласны с таким утверждением?*

— Гаджеты были во все времена. Что такое карманные часы на цепочке, тот самый «недремлющий брегет», который «прозванивал обед» Онегину? Это ведь гаджет. А серебряный портсигар? А записная книжка? У каждой эпохи свои гаджеты.

— *Все же не поработят они нас в XXI веке? Или уже поздно рассуждать об этом?*

— Да, рассуждать поздно, мы в эпохе гаджетов живем. Но они нас никогда не поработят.

Без блата карьеру не сделаешь?

Диалог с профессором РАНХиГС Игорем Барцицем

По данным ВЦИОМ, почти четверть опрошенных россиян уверены, что без нужных связей продвигнуться по карьерной лестнице невозможно. А главным фактором успешной карьеры граждане считают качественную профессиональную подготовку (37 процентов), усердие и терпение (32), а также престижное образование (25). Почти каждый второй респондент ради успешной карьеры готов пожертвовать отдыхом и личным временем, а 13 процентов опрошенных прямо заявляют, что карьера для них — смысл жизни.

Вертикальная, горизонтальная, центростремительная

— *Вы свою карьеру как оцениваете?*

— Думаю, у меня есть некоторые основания считать ее успешной.

— *Вы довольны достигнутой должностью?*

— Я свою карьеру измеряю не названием должности. Следование олимпийскому лозунгу «Быстрее, выше, сильнее» — это нормальное мужское честолюбие. Важнее другое — заниматься тем, что тебе нравится. Вот я занимаюсь именно тем, что мне нравится, очень нравится. У меня есть опыт и государственной службы, и научной деятельности, и работы в системе образования, и всегда для меня главное — удовольствие от своей работы, ощущение востребованности. Именно поэтому свою карьеру считаю успешной, а не потому, что есть некий перечень регалий и последовательность занимаемых должностей. Регалии и перечень должностей приговари-

ются, когда при проведении всевозможных научных мероприятий просят предоставить информацию о себе. В этих случаях я угрюмо переспрашиваю: «Зачем вам проект моего некролога?» Я даже студентам говорю... они люди молодые, черный юмор воспринимают. Перед вами долгая и интересная жизнь. Но она конечна. Не забывайте, что когда-нибудь придется подумать, как будет оценен ваш жизненный путь. Попробуйте в шутку написать собственный некролог. Ну, если боитесь сглазить, ограничьтесь справкой о себе в энциклопедический словарь или хотя бы попытайтесь составить резюме. Только не путайте его с завещанием. В завещании подробно описываются активы, банковские счета, недвижимость, иной перечень материальных обременений с целью определить следующего собственника. А некролог, ладно, резюме — это то, что ты в жизни сделал, чем можешь гордиться, чем запомнишься людям. И вот именно в этом смысле человек должен сделать карьеру.

— *Но тут ведь все относительно. Неудачник — это не тот, кто мало чего достиг, а тот, кто достиг меньше, чем ему хотелось. Хотя и тут нет абсолютного показателя. Успешная карьера или неуспешная — это кто оценивает? Сам человек или окружающие?*

— По-разному.

— *А для вас чья оценка важнее?*

— Моих детей и моих студентов. Я занимаюсь подготовкой специалистов в области управления: от совсем начинающих бакалавров до программ Master of Public Administration. Это люди изначально честолюбивые. Встречаются и персонажи с позицией: «Я хочу власть, я хочу должность! И я пойду на все ради этого». Таким людям очень важно донести понимание, что далеко не все средства хороши для достижения цели, что человек карьерный должен воспринимать цель как некий результат труда и способностей. При этом исключительно важно осознание правильности своих целей и получение удовольствия от совершенного. Это не примитивный гедонизм, а понимание, что делаешь дело, объективно полезное для общества, что результаты твоей работы хоть немного, но сделали жизнь других интереснее, удобнее. Учтем и вот что. Одно дело карьера в системе государственного управления и другое — скажем, в системе науки или образования. Карьера в си-

стеме науки заключается не в том, что каждый младший научный сотрудник должен стремиться стать директором академического института. Да, это тоже хорошо — управленческая должность. Но, наверное, не менее приятно сделать какое-нибудь научное открытие, доказать труднейшую теорему, решить неразрешимую, казалось бы, задачу. Карьера художника не в том, чтобы организовать галерею как можно ближе к Кремлю или на как можно более дорогой улице, будь то Знаменка или Большая Грузинская, а в том, чтобы его картины выставлялись в лучших музеях и галереях.

— *Иначе говоря, Денис Мацуев не обязательно должен стать директором филармонии. Его карьера не в этом, я правильно вас понимаю?*

— Абсолютно правильно. Карьера пианиста — чтобы тебя приглашали в престижные залы, а не в цели стать заслуженным артистом Российской Федерации. Карьера юриста не столько в том, чтобы стать генеральным прокурором, сколько в том, чтобы утверждать принципы права в обществе.

— *И тем не менее карьеру понимают обычно как достижение все более высоких должностей.*

— Это лишь так называемая вертикальная карьера: младший сотрудник — старший сотрудник — начальник отдела — начальник управления — директор... А есть горизонтальные карьеры. Это когда вы поработали в одной сфере, досконально ее изучили, сделали что-то полезное — и перешли в другую. Потом вы объедините предыдущий опыт с новым и, возможно, сделаете следующий шаг вперед — должностной, карьерный. Но есть еще и карьера центростремительная. Она — не столько движение вверх, сколько движение в центр, вглубь. Это когда вы находитесь в той же должности, но ваше влияние, ваш авторитет, ваши возможности в решении тех или иных задач возрастают, с вашим мнением больше считаются, от него в большей степени зависят принимаемые решения.

Для начала наведи порядок в своем подъезде

— *Я читал вашу вступительную лекцию, с которой вы обращаетесь к первокурсникам. Там есть такие слова: «Вам предстоит столкнуться с вопросом: карьера или служение обществу?» Почему «или»?*

— Да, нарочно провоцирую, потому что хочу услышать: «А почему «или»?» Изначально за словом «карьера» закрепился негативный подтекст. Вспомним — «карьерист», «карьеризм»... Напутствуя молодых людей на великие дела, обычно говорят: «Либо вы будете делать карьеру, либо...» — и дальше идут высокие слова. Между тем здесь нет никакого противоречия. Делать карьеру — это естественное стремление к самореализации, нормальный человеческий позыв к расширению своего влияния. Но каждому — свое. Кому-то для самореализации надо командовать большим количеством людей, а кому-то — сделать хорошую фотовыставку. Я вспоминаю свой любимый фильм «Подкидыш», слова героини Фаины Раневской к девочке Наташеньке: «Девочка, что ты хочешь — ехать на дачу или чтобы тебе оторвали голову?» Очаровательного ребенка ставят перед абсурдным выбором: каждый вменяемый человек хочет на дачу и не хочет, чтобы ему оторвали голову. Но при этом ребенку не спросили: «Может быть, ты хочешь домой?» Ему неправильно сформулировали дилемму. Вот поэтому я протестую против такой постановки вопроса: карьера или служение обществу? В принципе, я не склонен всеу употреблять словосочетание «служение обществу» или, пуще того, «служение Отечеству». Мне близок другой подход — чтобы человек для начала обустроил жизнь своей семьи, навел порядок в своем подъезде, на своей лестничной клетке, а потом уже принялся витийствовать о судьбах мира и глобальной безопасности. Кто более достоин уважения? Тот, кто разглагольствует о служении всему обществу, но не может обеспечить пристойное существование даже самому себе, плывет по течению, приспособиваясь и ворча под нос проклятия в адрес более успешных сослуживцев? Или тот, кто имеет силу хоть что-то вокруг себя изменить к лучшему? У нас многие люди лежат на диване и переживают за всю Россию, при этом не хотят сделать ничего полезного у себя дома и у себя на работе. У американцев есть такая фраза: «Он производит впечатление человека, который хочет стать президентом, а не впечатление человека, который хочет что-то сделать, будучи президентом». На больших должностях хотелось бы видеть людей, которые стремятся к власти, чтобы сделать что-то полезное, а не для того, чтобы получить некую надпись на визитке.

— *Вы верите в первичность такой мотивации?*

— Нет, я не настолько наивен. Но я считаю, что карьеру не стоит понимать только как стремление к очередной должности. Что такое карьера? Кстати, справка из словаря иностранных слов: в своем первоначальном итальянском звучании «*carriera*» означает «жизненный путь». При изрядной свободе мысли можно обосновать и право на карьеру монаха. В конце концов нельзя не отдать дань уважения успехам в должностном росте Патриарху Московскому и Всея Руси и Папе Римскому. Можно ли сказать, что наш патриарх сделал замечательную карьеру? Думаю, можно. Но если бы молодой человек, посвящая свою жизнь служению Богу, четко сартикулировал: «Моя задача — стать патриархом Московским и Всея Руси», — то я не уверен, что он когда-нибудь этого бы достиг. Или если человек приходит в научный центр и заявляет: «Моя задача — стать президентом Российской академии наук». Извините меня, это даже не целеполагание. Другое дело, если человек говорит: «Я готов служить Богу (науке)». Это нормальная мотивация. Равно и обучающиеся в президентской Академии будущие управленцы не должны декларировать своей целью посты президентов, премьеров, министров и депутатов. Это неправильно. Разве не может быть у человека мотивации сделать что-то полезное на госслужбе и преуспеть при этом?

Нужен баланс между работой и личной жизнью

— *Психологическая заикленность на работе — это хорошо или плохо?*

— Это плохо. Известно довольно распространенное душевное состояние деловых людей: человек приходит домой и не знает, что ему делать, чем себя занять. Ему не интересны семья, дети, не интересна собственная жизнь. Психологическая заикленность на работе наблюдается у большинства успешных людей, в том числе и меня не обошел этот фактор. Его наглядное проявление — когда человек приходит домой и начинает в деталях живописать происшедшее на службе, когда все домашние знают всех его сослуживцев, особенности их характеров и детали реализуемых проектов.

— *Вы для себя нашли этот баланс?*

— Не буду лукавить. Я достаточно сосредоточен на своей работе, но, надеюсь, не настолько, чтобы ради работы забыть о семье. При этом мои дети очень хорошо осведомлены о задачах развития руководимого мной института, да и всей Академии в целом. Знаете ли, старшая дочь даже демонстрирует заинтересованность в происходящем. Жду такой же реакции от младшей.

Держать удары карьерной судьбы

— В той же вступительной лекции вы говорите будущим госслужащим, что им надо научиться держать удары карьерной судьбы. Вам самому приходилось?

— Конечно.

— Вас снимали с должности?

— Когда ко мне приходят тридцатилетние магистранты и жалуются на мелкие служебные неприятности, я им говорю: «В вашем возрасте меня уже дважды снимали с работы, причем вполне громко». Если ранее часто вспоминали Аркадия Гайдара, в 16 лет командовавшего полком, то сейчас служебная доблесть выражается иной формулой: «Меня в твоём возрасте уже несколько раз с работы снимали, а ты еще даже карьеру не начал». Существует закономерная зависимость: чем выше человек поднимается по карьерной лестнице, тем больший груз ответственности он призван нести. При этом приходится смириться, что яркий и даже обогнанный успех далеко не всегда сопровождается одобрительными возгласами. Всегда есть завистники, от которых можно ждать мелких пакостей и крупных неприятностей: конкурентную борьбу, как и вообще борьбу за выживание в человеческом обществе, никто не отменял. Кроме того, в своей работе ты должен быть готов к определенному количеству сбоев, нестыковок, недоразумений, сложных ситуаций. И значит исключительно важна психологическая устойчивость. Ты плохой руководитель, если какая-то нестыковка или сбой выводят тебя из равновесия. Надо понимать, что за один день, если ты руководишь большим интересным делом, у тебя может случиться какое-то количество неприятностей. И ты должен их пережить, где-то найти выход, где-то с чем-то смириться, где-то пойти дальше. Но по мере карьерного роста и роста ответственности количество и сила всевозможных ударов, обрушиваемых на

тебя, будут увеличиваться. И это тоже надо понимать. Я не говорю, что следует быть толстокожим и не принимать все близко к сердцу — это другая крайность. Но надо уметь быстро находить выход из любой ситуации. Чем выше вы поднимаетесь в иерархии должностей, тем больше людей ежедневно приходит к вам с вопросами. И если вы эти вопросы не решаете или, решив, не хотите нести ответственность за принятые решения, значит, вы занимаете не свое место.

— *Существует ли психологическая зависимость от карьерного роста?*

— Наверное, у разных людей по-разному. Если вы ночами не спите, мечтая о новой должности, то ничего хорошего в этом нет, разумеется. Недавно мне встретился весьма неприятный для меня коллега по научной стезе, все мысли которого сконцентрированы на одном — стать членом-корреспондентом РАН. И он считает, что для этого нужны всякие обходные маневры, кроме единственно разумного — сделать в науке что-то такое, чтобы тебя признали членом-корреспондентом РАН. Он сидит и думает, с кем нужно переговорить, чьей поддержкой заручиться. Человек думает о том, как бы получить некую регалию, вместо того, чтобы сделать дело, достойное этой регалии.

Чем ты становишься известнее, тем больше самоограничений

— *Вот вы говорите, что делать карьеру — это значит работать и жить с удовольствием. Но разве карьера не накладывает на человека определенные ограничения? Здесь даже можно говорить о самоограничении.*

— Конечно. Чем ты становишься известнее, тем больше самоограничений. Начиная от мелочей. Если человек претендует на публичность, то он должен понимать, что на него смотрят. И от этого пространство его личной жизни сужается. Человек, сделавший карьеру, вольно или невольно формирует некие модели поведения. И сам должен этим моделям соответствовать. Это ограничения, налагаемые обществом. А есть и правовые ограничения, например, запреты для госслужащих иметь счета в иностранных банках. На самом же деле ограничений гораздо больше. Я имею в виду не

только юридические, но и моральные ограничения. Человек, занимающий публичную должность, должен понимать, что с него уже другой спрос.

Лояльность — это предсказуемость

— *Лояльность к руководству и терпимость к подчиненным — без этого карьера не сделаешь? Надо уметь выстраивать отношения с теми и другими?*

— Здесь тоже все индивидуально. В принципе, что означает лояльность к руководству? Это ведь не обязательно поддакивание. Это еще и право не соглашаться с руководством. Умный руководитель прислушивается к мнению подчиненного. На этапе обсуждения ты говоришь: я думаю иначе. Но если решение принято, ты его обязан выполнять. И лояльность я понимаю именно таким образом. Лояльность — это предсказуемость. Вы как руководитель должны быть уверены, что ваш подчиненный не выкинет какой-нибудь фортель и не подставит тем самым вас. Другой вопрос — терпимость к подчиненным. Этому тоже надо учиться. К сожалению, сам я в отношениях с подчиненными не всегда бываю сдержан. Подчас даю волю эмоциям. Я могу в сердцах воскликнуть: «Ну сколько уже можно говорить на эту тему!» Мне бы хотелось научиться себя сдерживать. Но, наверное, это вопрос психотипа: кто-то хладнокровен по природе, кто-то наоборот. А вообще любой начальник должен к подчиненным относиться терпимо. Они ведь его тоже терпят.

Личность или функция?

— *По вашей классификации есть, как я понял, два типа госслужащего — госслужащий-личность и госслужащий-функция. Вам какой из них ближе?*

— Я считаю, что один другому не противоречит. Что означает, к примеру, судья в мантии? Это означает, что перед вами человек, личность. Но мантия указывает на то, что в данный момент этот человек представляет государство и что государственная функция этого человека — вершить правосудие. Он в душе может вам сопереживать или, наоборот, испытывать к вам отвращение. Но он не может свои чувствами и эмоциями поставить впереди закона. И вот это сочетание личности и функции — оно в госсистеме очень

сложное. Здесь нужно соблюдать баланс, и не каждому чиновнику это удастся.

— *Карьера требует жертв?*

— Еще каких!

— *Лично вы чем готовы пожертвовать ради карьеры, а чем — нет?*

— Честно говоря, я — не готов. Не готов приносить свою жизнь в жертву карьере. А кто-то — готов. Кому-то, работающему в Москве, говорят: ты станешь большим начальником, но в Магадане. И человек готов взять семью и уехать из Москвы в Магадан.

— *А вы не оставили бы столицу ради крупной должности хоть в том же Магадане?*

— Не хочу зарекаться, но, наверное, нет. Потому что очень ценю то, чем занимаюсь здесь. Мне нравится моя работа. И потом, успех, карьера, благополучие предназначены прежде всего вашим детям и семье. Это первый и самый главный круг жизни. Если человек профессионален, если он интересен, если демонстрирует семье и детям свой успех, свою карьеру, свою роль в обществе и свои перспективы, то тем самым он закладывает основу для благополучия своих детей в будущем, дает им правильную модель поведения в жизни. Достойное воспитание детей и служение семье намного сложнее профессионального успеха. Имеют законное право на существование такие понятия, как «карьера жены», «карьера матери». Карьера таких женщин состоит в том, что они воспитали людей, добившихся высокого общественного, а то и государственного признания.

— *Погоня за карьерой продлевает жизнь или укорачивает?*

— Конечно, продлевает. Сошлюсь на один американский пример. Как-то был проведен анализ биографий 750 актрис и актеров, когда-либо номинировавшихся на премию «Оскар». Обоснованным является предположение, что до оглашения решения о присуждении премии лауреаты премии и обойденные наградой были в среднем одинаково здоровы. Однако, как показывает голливудская статистика, получившие «Оскар» в среднем прожили на четыре года дольше, чем те, кто так и остался в истории всего лишь номинантами. Столь вдохновляющей оказалась эта победа, столь

значимым профессиональный успех! Уверен, что профессиональный успех дает человеку заряд энергии, вселяет бодрость, молодит. Ты понимаешь, что ты нужен, востребован, тобой интересуются. Я не хочу сказать, что заместители министра живут дольше, чем начальники отделов. Я — о профессиональном успехе, о самореализации. Это действительно дает силы. Чтобы создать что-то, надо быть сильным. А сила в современном обществе — это карьера, это власть, это, если угодно, деньги. Именно карьера, а не работа, не должность, не чин, не деньги сами по себе. Есть притча о путешественнике, встретившем рабочего с доверху нагруженной тяжелыми кирпичами тачкой. «Что ты делаешь?» — спросил его путешественник. «А ты разве не видишь? Везу кирпичи», — ответил тот. Пройдя какое-то расстояние, путешественник увидел другого рабочего, который катил такую же тачку, и повторил свой вопрос. В ответ услышал: «Зарабатываю себе на хлеб». Через некоторое время путешественник повстречал еще одного рабочего с тачкой и снова поинтересовался, что тот делает. «Строю кафедральный собор», — был ответ. Как видим, одни и те же действия могут иметь совершенно разный смысл — все зависит от того, какое значение человек придает им, почему и ради чего их совершает. Это и есть мотивация. И это то, чего не пропишешь ни в каких должностных инструкциях. Проблемы России, от исторически и климатически обусловленных в виде дорог, дураков и до современных проблем эпохи нанотехнологий, предопределены непрофессионализмом. Непрофессионализм, работа абы как, спусть рукава, упование на «авось» — антагонисты карьеры. Сделать карьеру — значит постоянно учиться, воспитывать в себе характер.

Рост рождаемости ведет к росту населения?

Диалог с демографом Анатолием Вишневским

Демографическая ситуация в России ухудшается. Доля людей старше 65 лет сейчас составляет 13,7 процента, вдвое превышая международный стандарт, согласно которому общество считается старым. Почему в России мало рожают и рано умирают? Можно ли увеличить население путем высокой рождаемости? Нужны ли стране многодетные семьи?

Число рождений в год, скорее всего, будет уменьшаться

— *Каким был для России 2016 год с точки зрения демографии?*

— Я бы сказал, никаким. Некоторое время назад у нас появился так называемый естественный прирост населения, но дело в том, что он ничтожный.

— *Ничтожный — это сколько?*

— В прошлом году было 38 тысяч, в позапрошлом — 35. Факт положительный, его отрицать не станешь. Но 40 лет назад, в 1976, было 984 тысячи. А самое главное — тенденция может не удержаться. У нас сейчас на подходе малочисленное поколение родителей, явившихся на свет в 90-е годы. Соответственно, и детей будет меньше. В то же время растет доля пожилых. После 2000 года этот рост притормозился за счет того, что в пожилой возраст вступали малочисленные поколения военных лет рождения. Но потом пошли многочисленные послевоенные поколения, и доля пожилых снова стала расти. В итоге в стране одновременно снижается число потенциальных родителей и увеличивается число людей, заканчивающих свой земной путь. Удержать естественный прирост в этих условиях невозможно.

Большой вклад в смертность вносят не только алкоголики

— *Невысокий, к тому же и неустойчивый прирост населения вы объясняете в первую очередь низкой рождаемостью?*

— Проблема рождаемости у нас не так остра, как кажется. Рождаемость в России примерно такая, как во всех европейских странах. Мы где-то в середине списка европейских стран, рождаемость у нас, к примеру, ниже, чем во Франции, но выше, чем в Германии. А вот по смертности мы хуже всех. И те, кто говорят, что у нас снижается смертность и повышается продолжительность жизни, все же слегка лукавят. Дело в том, что продолжительность жизни у нас повышается после того, как она рухнула до дна. В течение последних лет двадцати мы, по сути, просто восстанавливали то, что было потеряно. Мы только-только превысили, наконец, тот уровень, какой у нас дважды уже достигался в середине 60-х и в конце 80-х, а затем утрачивался. То есть в середине 60-х мы были в состоянии иметь примерно такую продолжительность жизни, которую имеем сейчас.

— *Вы можете перечислить причины высокой смертности?*

— Их очень много. Первое, что вам назовут, — злоупотребление алкоголем. Действительно, у нас очень большой вклад в смертность вносят случаи смерти, так или иначе связанные со злоупотреблением алкоголем. И это было доказано горбачевской антиалкогольной кампанией: тогда смертность снизилась — и очень заметно. Но нельзя все объяснение высокой смертности сводить к алкоголю: мол, сами виноваты — пьете, вот и умираете. Это серьезная причина, но далеко не единственная. Да и то же пьянство само нуждается в объяснении. Иногда говорят: пьянство — оно, дескать, в русской национальной традиции. Это не так. В Москве, например, пьют меньше, чем в провинции. Видимо, дело не в якобы исконной традиции, а в сегодняшних, хотя, конечно, не только сегодняшних, экономических и социальных условиях, в которые мы сейчас вдаваться не будем.

— *А что еще? Дух саморазрушения, небрежение к собственной жизни? Сколько людей мы теряем от ДТП, плохой дорожной разметки, отсутствия звуковых переходов, табакокурения, несчастных случаев на производстве и вообще от русского «авось».*

— Да, и всё это тоже. Здесь комплекс причин. Чем-то одним высокую смертность не объяснишь.

— *Высокая смертность объясняется и состоянием нашей системы здравоохранения?*

— Да. У нас Минздрав, мне кажется, воспринимает себя как министерство болезней: ты заболел — ладно, мы, может быть, тебя вылечим. Но мало уделяется внимания профилактике болезней — в широком смысле, на, скажем, вакцинации в ожидании очередной атаки гриппа.

— *В профилактике, вероятно, нуждаются и многие вещи, не подведомственные Минздраву?*

— Конечно. Мы сейчас подготовили книгу, она скоро выйдет, о внешних причинах смерти. Я горжусь тем, что она в значительной мере написана студентами, которых мы привлекаем к нашим исследованиям. Внешние причины смерти — это все, что не вызывается болезнями. А именно — убийства, самоубийства, ДТП, отравления, утопления... У нас огромная смертность от этих причин по сравнению с другими странами. Причем в тех возрастах, где, например, у европейцев ее почти нет. У них кривая этой смертности поднимается к старшим возрастам, когда человек может и под трамвай попасть, и от психического расстройства свести счеты с жизнью. А у нас этот пик приходится на средний возраст. Вот вам две кривые. Если сравним европейскую и российскую, то увидим две цивилизации. Да, мы вошли в список стран с низкой смертностью и продолжительностью жизни в 70 лет и выше. Это 51 страна, и мы в этом рейтинге на 51 месте, а впереди нас не только Франция, Германия, но и Мексика, и еще какие-то не самые развитые страны. Сейчас ставится цель — достичь средней продолжительности жизни в 74-75 лет. Но это очень скромная цель. В Японии, например, средняя продолжительность жизни — более 80 лет. И таких стран немало. Мне недавно на глаза попала моя старая статья — 1976 года. Я там писал, что мы никак не можем добиться продолжительности жизни в 70 лет, которая уже тогда была превышена многими странами. Ну, вот, мы ее добились. На это потребовалось 40 лет.

По продолжительности жизни многие страны оторвались от нас на 10-15 лет

— По данным Росстата, в 2015 году было достигнуто значительное снижение смертности от болезней органов дыхания и от болезней системы кровообращения. Отмечалось также снижение на 8 процентов смертности от туберкулеза. Снизилась смертность и от внешних причин. Например, от несчастных случаев на транспорте — почти на 15 процентов. В какой мере вы доверяете этим цифрам?

— Ровно в той мере, в какой можно доверять любой официальной статистике. Структура причин смерти вообще заслуживает отдельного разговора. Одна моя недавняя статья называлась «Смертность в России: несостоявшаяся вторая эпидемиологическая революция». Начиная примерно с конца 60-х — начала 70-х годов, стало ясно, что инфекционные заболевания — главная причина смерти в прошлом — в основном подавлены и на первое место вышли неинфекционные причины смерти — сердечно-сосудистые заболевания, рак и т.п. Борьба с ними в развитых странах была успешной, в этом успехе и заключается смысл «второй эпидемиологической революции». Но мы этот этап не прошли, хотя подошли к нему примерно тогда же, когда и другие страны. С инфекционными заболеваниями мы, как и они, в основном справились. А вот что касается неинфекционных... Долгое топтание на месте, иначе нашу ситуацию не определишь.

У нас основная причина смерти — сердечно-сосудистые болезни. При нынешнем положении вещей примерно 47 из каждых 100 родившихся мальчиков и 57 из каждых 100 родившихся девочек умрут от этой причины. Но важны не столько эти соотношения — от чего-то же люди должны умирать, и лучше умереть в старости от инфаркта, чем в детстве от кори. Главная проблема в другом. Эти 57 из каждых 100 родившихся мальчиков умрут (повторяю: при нынешнем положении вещей), в среднем, в возрасте 71 года. Много это или мало? Судите сами. Во Франции уже в 1960 году этот возраст составлял 73, а сейчас превышает 82 года. А у нас тогда был 72 года, а теперь стал 71. Вот и все наши успехи.

У нас многие радуются развитию в России высоких медицинских технологий. Я тоже радуюсь. Но дело ведь не только в этом.

Высокие медицинские технологии нужны и полезны там, где их применение требуется не столь уж часто. Вы не можете всем и каждому сделать аортокоронарное шунтирование, да это и не нужно. В Европе люди не заболевают так рано и так тяжело. Они следят за своим здоровьем, вовремя обращаются к врачу, регулярно измеряют давление... Другие условия жизни, другое питание. Все это у нас пока не на уровне. Отсюда огромные человеческие потери. Продолжительность жизни у нас ниже, чем в других странах, на 10-15 лет. Так мы отставали в начале XX века.

Массовая миграция никогда не состоит из квалифицированных кадров

— *Демографический кризис можно преодолеть привлечением в Россию миллионов мигрантов? Мигранты — это серьезный демографический ресурс?*

— На мой взгляд, миграция, с одной стороны, недооценивается как демографический процесс, а, с другой, там полное засилье мифологии, которая просто не позволяет осмыслить миграционную проблему во всей ее полноте, включая все выгоды, но и все риски.

— *Говоря о мифологии, что вы имеете в виду?*

— Это прежде всего общая мигрантофобия. Считается, что мигранты — это плохо. Подозрительное отношение к ним культивируется на всех уровнях и внедряется в массовое сознание. Даже некоторые демографы прониклись мигрантофобией.

— *Небывалый наплыв мигрантов в Европу — разве он может кого-то радовать?*

— Никого не радуют, например, сильные морозы, но ведь они случаются. За несколько десятилетий небывало выросло население развивающихся стран, соотношение численности их населения и населения развитых стран, к которым относится и Россия, уже сейчас — шесть к одному и продолжает расти. Отсюда — огромное миграционное давление на развитые страны. Избежать его невозможно. Это совершенно новое явление, а оценивать его пытаются по старым лекалам. И не только у нас — у нас ведь вообще не было внешней миграции в советское время. Но и Европа такого не знала. А теперь узнала. Ни мы, ни они не были к этому готовы. Это совершенно новый вызов. Ответов на него пока нет, их еще пред-

стоит выработать. Но они должны быть сомасштабны изменениям глобальной ситуации. Риски, связанные с наплывом мигрантов, нельзя недооценивать. Это серьезные риски. Тот же терроризм, например. Но просто нелюбовью к мигрантам, запретами, мелкими полицейскими уловками на этот вызов не ответишь. Кроме того, при таком подходе не учитываются или недооцениваются позитивные последствия миграции.

— *Позитивные состоят в том, что мигранты дают прирост населения?*

— В том числе и это. У нас население не росло до 2009 года, но миграция компенсировала примерно две трети естественной убыли. То есть она была нужна. Правда, миграция 90-х годов была, в основном, возвратной. Она процентов на 80 состояла из русских, которые возвращались в Россию, из которой когда-то выехали они сами или их родители. Но даже и к этой миграции общественное мнение относилось неодобрительно. Я не выступаю в качестве адвоката миграции, просто считаю, что надо объективно оценить и риски, и выгоды, связанные с ней, и проводить политику, направленную на минимизацию рисков и максимизацию выгод. Но оценка должна быть трезвой.

Часто приходится слышать: России нужны высококвалифицированные мигранты. Всем такие мигранты нужны. Потому и «утекают мозги» в Америку, даже и из Европы. Но массовая миграция никогда не состоит сплошь из квалифицированных людей. Массовая миграция в СССР была миграцией сельского населения. Из кого сегодня состоит население наших больших городов? Из вчерашних или позавчерашних крестьян.

Не надо путать многодетность с высокой рождаемостью

— *По данным опросов, 32 процента молодых семей готовы иметь троих детей и даже больше, если государство окажет им материальную поддержку. Поддается ли рождаемость экономическому стимулированию?*

— Я думаю, что нет, хотя материальная поддержка семей с детьми, безусловно, нужна.

— *Программа «Материнский капитал» не сыграла ту роль, которая ей отводилась?*

— Пропагандистский навар от нее был, политический был, а демографического, по-моему, не было, хотя многие мои коллеги со мной не согласятся. Но я не хочу критиковать эту программу, так как считаю, что нужно развивать ее социальную составляющую: целенаправленная поддержка семей с детьми должна дать возможность каждой семье иметь столько детей, сколько она считает нужным. Эта поддержка совсем не обязательно должна быть чисто денежной — кстати, и программа материнского капитала не предполагала прямых денежных выплат, а желание все-таки получить деньги привело к появлению «серых» схем.

Связь между денежным вспомоществованием и ростом рождаемости далеко не очевидна. Во многих европейских странах политика поощрения материнства построена по-другому. Она ориентирована на то, чтобы женщина могла совмещать работу, общественную деятельность с материнством. Для этого даже в медийном пространстве должен присутствовать соответствующий образ женщины-матери. А у нас сейчас идет возврат к почти домохозяйскому видению женщины. Скажем, предлагается увеличить продолжительность отпуска по уходу за ребенком для женщины, чтобы она подольше дома посидела. А во Франции, например, государство оплачивает прервавшей работу матери наем няни, чтобы мать могла поскорее вернуться к профессиональному труду. Возможно ли это в наших условиях? Это вопрос стратегии. Чего мы хотим? Мы хотим, чтобы женщина много рожала, сидела дома и уходила с рынка труда, при том что на рынке труда у нас тоже не все хорошо?

Большинство населения России живет в городах, имеет высокий уровень образования, и не думаю, что его надо кормить воспоминаниями о старой крестьянской семье. Ее уже нет. Нужно стремиться к созданию такой устойчивой городской среды, где родители, если они рожают или задумали иметь ребенка, не останутся один на один со своими проблемами — будут детские учреждения, будет нормальное детское здравоохранение...

— *Высокий уровень материального достатка, до которого нам пока далеко, не является гарантией высокой рождаемости?*

— Я думаю, нет. Люди с высоким материальным достатком имеют и потребности высокие, это создает конкуренцию потреб-

ностей. Они хотят иметь два, а то и три автомобиля на семью, хотят ездить за границу, кататься на горных лыжах...

— *Значит, чем богаче семья, тем меньше в ней детей? С ростом благосостояния рождаемость снижается?*

— Прямой связи здесь нет. Дети — это тоже важная потребность. Фигурально выражаясь, богатые люди ездить кататься на горных лыжах хотят с детьми.

— *А прямая связь между бедностью и многодетностью? Ну, вы, наверное, знаете, что самая высокая рождаемость у нас — в сельских районах Дагестана.*

— Бедность там ни при чем. Там просто все другое. Другие традиции. Другой образ жизни. Другой тип поведения — когда женщину в раннем возрасте выдают замуж, и ей положено много рожать, и нельзя использовать противозачаточные средства. Это совершенно другой тип воспроизводства населения. В былые времена он был характерен для всей России, когда нужно было рожать много детей, чтобы хоть один ребенок выжил. У нас в конце XIX века из 1000 новорожденных 300 умирало, не дожив до года. Когда это перестало быть необходимым, а это перестало быть необходимым только в середине XX века, — высокая рождаемость просто потеряла свое историческое и логическое оправдание. Она стала не нужна. Вообще многодетные семьи прошлого — это тоже миф. Вот раньше, мол, все семьи были многодетными, не то что теперь.

— *А что, они не были многодетными?*

— Когда говорят о многодетности в прошлом, смешивают две вещи — высокую рождаемость и многодетность. Высокая рождаемость была. Но была и очень высокая смертность. Оттого и рождаемость требовалась высокая. Детей рожали «про запас». Откройте «Капитанскую дочку» на той странице, где Петруша Гринев говорит: «Нас было девять человек детей. Все мои братья и сестры умерли во младенчестве». Это была стандартная ситуация для того времени. Поскольку население той же Европы на протяжении всей истории до XVIII века росло очень медленно, практически не росло, это означает только одно — что на смену каждой паре родителей приходило двое детей, хотя рождалось больше. «Золотое число» — двое детей в среднем на семью. Это историческая константа.

— *У России есть внятная демографическая политика?*

— Мне кажется, нет. Потому что нет стратегии. Есть всякие тактические уловки: то мы вводим квоты на мигрантов, то отменяем их... Все очень сильно привязано еще и к электоральному циклу. А тактика без стратегии мало что значит. Я все время задаю вопрос, на который никогда не могу получить внятного ответа. Я спрашиваю: нужны ли России люди? Мне тут же говорят: да, в России должно быть столько-то миллионов человек — иногда называют сотни миллионов. Но привлечение мигрантов — это не путь, надо увеличивать население путем подъема рождаемости! А разве это реально? У нас сейчас не может быть такой рождаемости, как в Африке, или какая была в России в XIX веке. Зачем же ставить утопические цели? А миграционный ресурс есть, только, как я говорил, его непросто использовать. Но и не думать в этом направлении тоже нельзя, а от этого как раз многие и отказываются.

Если же вернуться к семейной политике, то и здесь нужна более выверенная стратегия. У наших демографов есть разные точки зрения на этот счет, я высказываю свою. Я думаю, что наши граждане, наши семьи не нуждаются в том, чтобы им кто-то объяснял, сколько детей они должны иметь. Ценность семьи с детьми для большинства людей достаточно велика. Но велико и сознание ответственности, которую налагает на них рождение и воспитание детей. Мы живем не в безвоздушном пространстве, приходится считаться с очень многими обстоятельствами, от которых зависит наша жизнь. Вот на эти-то обстоятельства и должна влиять семейная политика, помогающая семьям не просто родить детей, но и вырастить их здоровыми, ухоженными, образованными. А столько кому иметь детей, люди разберутся и сами.

Нам помогут колдуны и ясновидцы?

Диалог с председателем комиссии РАН по борьбе с лженаукой академиком Евгением Александровым

Спекуляция на невежестве процветала во все времена, как и массовая вера в чудеса, творимые шарлатанами. Символом 90-х стали Кашпировский с Чумаком и реклама циркониевых браслетов при участии известных артистов. Приметы новейшего времени — «целительные» сеансы Грабового, сериалы о Вольфе Мессинге и Ванге, всенародный интерес к «тайне гибели группы Дятлова» и повальное увлечение астрологией. Как показывают опросы, к гадалкам, экстрасенсам и магам в России обращаются 67 процентов женщин и 4 процента мужчин. Чем объясняется популярность колдунов и прорицателей? Почему государство не поставит заслон мошенникам, промышляющим мракобесием?

— На одном телеканале ваш отзыв о каком-то лженаучном проекте смонтировали так, что получилось, будто вы «за». Вы после этого не боитесь давать интервью о борьбе с лженаукой?

— Такое случалось неоднократно. Я имею в виду некорректное обращение с моими экспертными оценками. От этого, конечно, росло недоверие к СМИ. Трижды я попался на уверения, что предполагается телепередача о научном анализе паранормальных явлений. На деле же я оказывался участником записей популярных ток-шоу вроде «Битвы экстрасенсов» с участием прославленных персонажей этого жанра, где я должен был оппонировать запис-

ным шарлатанам типа Алана Чумака. Дважды я скандально уходил с таких передач и никогда не интересовался, во что это вылилось в эфире. Тем не менее я раз за разом иду на контакты со СМИ, считая это своей обязанностью.

— *Почему наблюдается бурный рост лженауки?*

— Прежде всего потому, что разрушен притягательный образ науки, который старательно создавался советской пропагандой, за что я бы поблагодарил советскую власть. Эта власть изначально сделала выбор между религиозным, то есть мифологическим, восприятием мира и его рациональным образом, базирующемся на научном подходе. Однако научный подход требует значительных усилий в его понимании, и поэтому гораздо естественнее оказывается натуральное, детское восприятие мира с его мифологическим и сказочным объяснением. Например, все люди знакомы с грозой и молниями, и во всех религиях есть сказочные объяснения этих явлений. (Даже рациональная наука не до конца знает ответ на вопрос о причинах грозы, но уже очень близка к этому). Кроме того, к занятиям наукой склонен очень незначительный процент людей. Люди, как, впрочем, и все млекопитающие, очень любознательны в детстве, когда идет интенсивное накопление знаний об окружающем мире. Взрослая особь обычно теряет эту любознательность, набрав необходимый минимум знаний, поскольку перед ней стоят насущные жизненные задачи. И лишь малая доля людей сохраняет любопытство во взрослой жизни. В каком-то смысле это аномалия, своего рода инфантилизм. Но именно таким людям человечество обязано своим цивилизационным прогрессом. А что касается широких масс, то они легко поддаются под власть индустрии развлечений, которая их кормит всяческими сказками о мистике, о чудесах и магах, к чему человеческая психика исходно очень подвержена — все мы видим сны, многие слышат голоса, а в сумерках нам постоянно что-то мерещится. Кроме того, наше общество вышло из советской власти, при которой законом была вера в печатное слово, радио и телевидение. А когда в газетах и по телевидению идет настойчивая реклама всякой мистической ахинеи, происходит отравление массового сознания. Все попытки научного сообщества противостоять этой порочной практике оказались тщетными.

— *Не является ли популярность лженауки прямым упреком науке истинной, которая то ли не желает, то ли не умеет дать ответы на злободневные вопросы?*

— *Говоря о лженауке, что считать злободневными вопросами? Что такое НЛЮ? Возможно ли ясновидение? Существует ли «полтергейст»? Как избежать сглаза? Вся эта ахинея стала злободневной благодаря безответственным СМИ. Наука всегда готова комментировать эти «злободневные вопросы» и делает это при каждой возможности. Однако давно сказано: правда скучна. «Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман».*

— *Как популяризация лженауки и рост недоверия к научному знанию отражается на развитии истинной науки?*

— *Самым печальным образом. Заместитель председателя партии «Единая Россия» Светлана Орлова заявила несколько лет назад, что «вся академия наук не стоит одного нашего учёного — В.И.Петрика». Дескать, давно пора эту академию разогнать. Похоже, власти перешли от слов к делу.*

— *Что представляет собой возглавляемая вами комиссия РАН по борьбе с лженаукой? Каковы ее полномочия?*

— *Комиссия функционирует на общественных началах, состоит из 44 человек, из которых 29 — члены РАН, остальные имеют степени докторов и кандидатов наук. Есть два неостепененных члена — журналист и эстрадный артист. Была у нас еще секретарша — сокращена в связи с реформой РАН. Что касается полномочий, то они у нас сводятся к праву «поднимать вопросы» перед президиумом РАН. Мы обязаны отвечать на запросы властей, которые чаще всего сводятся к нужде в нашем экспертном мнении относительно амбициозных научно-технических проектов.*

— *Чем занимается в вашей комиссии Юрий Горный — артист оригинального жанра, показывающий психологические фокусы?*

— *Я бы не назвал это фокусами, это, скорее, просветительские выступления, демонстрирующие возможности тренированной человеческой памяти и наблюдательности. Вместе с тем Горный принадлежит к сообществу иллюзионистов и уже давно оказывал нашей комиссии поддержку в разоблачении всяких магов и «экстрасенсов», которые морочат людям головы примитивными фокусами, выдаваемыми за чудеса «эзотерики».*

— *Добилась ли комиссия по борьбе с лженаукой каких-нибудь реальных результатов?*

— Смею надеяться, что чего-то мы добились. Ещё с начала 90-х мы, тогда ещё не имевшие статус комиссии, воевали с «торсионными полями», сохранив государству миллиард долларов. Сейчас этот «бренд» иногда еще мелькает в желтой прессе, но сама тема эксплуатируется сегодня только мелкими мошенниками на уровне целительства. Комиссия издавала книги и выпускает периодический бюллетень «В защиту науки», где наши авторы открывают глаза обществу на всяческие мошенничества под знаменами лженауки. Полагаю, не без нашего участия был устранен В.И.Петрик с подмошек Госдумы, где он возвысился было до роли «научного советника».

— *К продвижению многомиллиардного лженаучного проекта Петрика «Чистая вода» имели отношение некоторые высокие должностные лица. Афера была пресечена. В том числе — благодаря вмешательству настоящих ученых. Вы называете экспертов вашей комиссии «цепными псами бюджета». Но почему в России нет серьезных структур, способных поставить заслон мошенникам от лженауки?*

— В России во все века был очень силен фаворитизм, когда вопросы огромного значения решаются первыми лицами с подачи сомнительных фигур, случайно приблизившихся к власти. Что касается нашей «цепной роли», то, действительно, мы всегда призывали власти отправлять нам на экспертизу все всплывающие в обход науки «прорывные» и неизменно высокозатратные проекты. Однако надо понимать, что в этих делах всегда присутствует коррупция. Представьте себе высокого начальника, регулирующего денежный поток в науку. К нему обращается «договороспособный» циничный мошенник от лженауки с предложением ахового проекта, ну, скажем, «гравитационной пушки». Начальник рассылает по разным учреждениям проект на отзыв. Из многих отзывов выбираются редкие положительные (находятся желающие принять участие в афере). На их основе начальник решает начать финансирование безнадежной затеи, ничем не рискуя — ведь это «шаг за горизонт, поиск неведомого; ученый имеет право на ошибку». Всё это становится особенно опасным, когда прикрывается

грифами секретности. Покойный академик Кругляков рассказывал в своих интервью, что его комиссия отвергла все «прорывные» проекты, которые к нам поступали. За это Кругляков был объявлен губителем науки, инквизитором, а сам Петрик поклялся покончить с комиссией.

— *Каковы, на ваш взгляд, критерии, позволяющие однозначно оценивать тот или иной проект как лженаучный? И как быть с теми проектами, которые поначалу выглядят абсурдными, но со временем обнаруживают свою научно-техническую состоятельность?*

— Я много раз детально отвечал на подобные вопросы. Во всех отвергнутых комиссией проектах обнаруживались элементарные ошибки, связанные с игнорированием твердо и окончательно установленных фактов, и законов, таких как законы сохранения энергии, импульса, момента импульса... Я не знаю проектов за последние сто лет, которые первоначально выглядели абсурдно, но со временем обнаружили состоятельность. Зато знаю множество обратных примеров — первоначально проект кажется близким к воплощению, а по мере его развития конечная цель отстывает, как линия горизонта. Тридцать лет назад казался очень заманчивым проект полностью оптического компьютера. Пятьдесят лет назад зрителям фильма «Девять дней одного года» казалось, что вот-вот Баталов под руководством Смоктуновского достроит свою термоядерную «кастрюлю», а сегодня запуск рентабельной термоядерной электростанции откладывают уже лет на пятьдесят вперед. Я раз за разом обращаю внимание на то, что комиссия не занимается сертификацией текущего научного процесса — это дело научных коллективов с их учеными советами, дело редакций научных журналов. Наше дело оградить государство и граждан от заведомой глупости или мошенничества под флагами лженауки.

— *Вы, конечно, помните случай, когда Октябрьский суд г. Санкт-Петербурга пытался установить, от кого произошел человек — от обезьяны или от божественной эманации? Такую задачу поставила перед судьей пятнадцатилетняя школьница, возмущенная учебником биологии, где излагаются основы теории Дарвина. К школьнице этой вопросов нет. Вопросы здесь могут быть только к суду, который является государственной инсти-*

туцией. На ваш взгляд, почему такой иск был принят судом к рассмотрению? Это тоже примета нашего времени?

— В нашей стране маятник качнулся от состояния всеобщего приказного атеизма и двинулся к всеобщему, тоже в значительной мере приказному православью. Вот на этом фоне подобный процесс и мог состояться.

— *По телевизору показывают сериалы о феноменальных мистических способностях Вольфа Мессинга и сногшибательном ясновидении Ванги, «авторитетные эксперты» в студии расследуют завораживающую «тайну гибели группы Дятлова», для утренней подзарядки народу желает «доброго здоровьица» чудесный «врачеватель» Геннадий Малахов... Все это делается только в погоне за рейтингом или на мистику есть социальный заказ?*

— Вот уж не знаю, зачем это делается, но в любом случае это безобразие! Это просто преступное обольванивание граждан. Давно и досконально известно всё об этих любимых героях нашего больного телевидения. Обе эти персоны — Мессинг и Ванга — были профессиональными обманщиками, изображавшими из себя ясновидцев и чтецов мыслей.

— *Если Григорий Грабовой получил тюремный срок за хищение денежных средств под видом воскрешения погибших, излечения людей от тяжелых заболеваний, то каков должен быть спрос с журналистов, распространяющих (причем не всегда бескорыстно) опасные для здоровья и жизни, заведомо шарлатанские рецепты избавления от болезней?*

— Это вопрос не ко мне, а к правоохранителям. Замечу только, что Грабовой получил малый срок и досрочно вышел на свободу — у него были высокие связи. Хотя я и сам привычно проклинаю СМИ за пропаганду мракобесия, хочу все же сказать о журналистах и доброе слово. Прежде всего это относится к Клубу научных журналистов, организатор которых Александр Сергеев сейчас стал членом нашей комиссии. И многие другие журналисты помогали нам в нашем противостоянии с лженаукой. Некоторые из них при этом пострадали. На всякий случай не буду называть их имена.

— *Чем вы объясняете московское массовое паломничество к «поясу Богородицы», «святым мощам Николая Чудотворца»?*

— Да все тем же движением российского исторического маятника, о котором я уже говорил, отвечая на один из предыдущих вопросов. Хотя, по-моему, к вере это имеет малое отношение. Это, скорее, воспитанный телевидением интерес к магии.

— Все, кто выстоял многочасовую очередь к «поюсу Богородицы» или «святым мощам», верят, что эти церковные реликвии обладают чудодейственной силой — исцеляют увечных, возвращают надежду отчаявшимся. Так, может, пусть верят, если им от этого легче?

— Для людей рационального мышления подобный вопрос возникает в отношении любых амулетов: верящим в них людям они обычно помогают — известный эффект плацебо, авто-психотерапия. Современная медицина сюда же относит гомеопатические лекарства, в которых зачастую нет ни одной молекулы объявленного действующего вещества. (Например, в усиленно рекламируемом иммуномодуляторе «анафероне» одна молекула действующего вещества ожидается на сто миллионов таблеток — это следует из официального описания препарата). Однако эти утешительные средства отвлекают больных от действенной медицины, что бывает опасным.

— Веру наших сограждан в колдунов, экстрасенсов, астрологов, лжепророков хочется назвать необъяснимой. Но ведь чем-то она объясняется. Чем, на ваш взгляд?

— Объясняется рядом причин — малограмотностью, доверчивостью и, как уже говорилось, вакханалией безответственной телевизионной и газетной пропаганды подобного вздора. Мне не хотелось бы видеть за этим осознанное стремление власти отвлечь народ на «зрелища». Могу лишь заметить, что сама власть попадает на удочку этой чертовщины. Например, имеются материалы конференции, проведенной под эгидой Следственного Комитета РФ — «Актуальные проблемы расследования преступлений» (Москва, 23 мая 2013 г., ISBN 978-5-44-65-0150-2), где обсуждались «нетрадиционные методы получения криминалистической информации». Эти методы сводятся к использованию «ясновидящих» со ссылками на телепрограммы типа «Битвы экстрасенсов». Полная вздорность мифов о «парапсихологии» давным-давно доказана мировой наукой. В частности, абсолютная беспомощность этих

подходов к следственной практике многократно освещалась в публикациях комиссии по борьбе с лженаукой.

— *Люди доверяют заклинаниям, гаданиям, астрологическим прогнозам, потому что не находят опоры в научном знании?*

— Главное, что они не ищут опоры в научном знании.

— *Может, все дело в том, что, прибегая к мистическим толкованиям фактов и явлений жизни, полной загадок и противоречий, люди ищут простое объяснение сложным вещам?*

— Да, конечно, это свойственно детям и малообразованным людям. Наука — это всегда непросто. Гораздо проще лежать на диване и смотреть по телевизору очередную «битву экстрасенсов» или в третий раз слушать вздор о «великой тайне воды».

— *В какие исторические периоды возрастает тяга населения к мистике, лженаучным теориям?*

— В «смутные» времена. В царской России увлекались столовечерением и медиумизмом после отмены крепостного права и перед революцией 1917 года. При советской власти парапсихология стала расцветать после развенчания культа Сталина — снова вызывали духов, гоняли по столу блюдечки. Но самым пышным цветом все это распустилось после горбачевской перестройки и цветет до сих пор. Может быть, хватит?

— *Смута в умах — она от социальной неустойчивости, от пугающего колебания привычных основ?*

— Да, конечно. Есть привычный набор мути, который лишь тасуется и переименовывается. Домовой называется барабашкой, «заколдованное место» именуется «геопатологической зоной», черти перешли в зомби или в инопланетян...

— *Какой диагноз можно поставить обществу, активно интересующемуся паранормальными явлениями? Не является ли такой интерес симптомом бегства от действительности и утраты веры в нее?*

— Не могу удержаться, чтобы опять не сказать, что паранормальных явлений не существует. Это в лучшем случае фантомы восприятия — aberrации, а чаще плоды обмана. Не устаю повторять, что американский иллюзионист Джеймс Ренди около двадца-

ти лет назад назначил огромную премию (сейчас это один миллион долларов) любому, кто продемонстрирует его комиссии что-нибудь паранормальное — телепатию, телекинез, лозоходство, ясновидение, левитацию и тому подобное. Комиссия Ренди состоит из профессионалов-фокусников и обмануть ее до сих пор никому не удалось, несмотря на многие сотни попыток. По-моему, как только правда об этой паранормальной чепухе станет общеизвестной, исчезнет и интерес к ней, искусственно нагнетаемый телевидением.

— *Какова психология обскурантизма?*

— Это большая тема. Обскурантизм связан с милитаристским восприятием мира: «нечего умничать, стройся!», «я князь Григорию и вам фельдфебеля в Вольтеры дам».

— *Мракобесие — ходовой товар. Почему лженаучное знание продается лучше, чем научное?*

— Да потому, что научное знание дорого стоит, а мракобесие идет по дешевке.

— *Почему наука не популяризируется, как это было когда-то во времена телепрограммы «Очевидное — невероятное», детского киножурнала «Хочу все знать», десятков просветительских печатных изданий? Почему научные достижения сегодня в тени общественного внимания?*

— Потому что нет политической воли, направленной на просвещение народа. Все тот же эффект маятника. Прославленный советский историк И.М.Дьяконов писал в 50-х годах прошлого века о том, что в новой эре есть два равновеликих текста — Библия и «Манифест Коммунистической партии». Вот так и качаемся между двумя величиями.

— *Каковы могут быть последствия угасающего интереса общества к научному знанию?*

— Сползание России в ранг стран «третьего мира».

«Колорады» умнее «укропов»?

Диалог с профессором НИУ ВШЭ
Гасаном Гусейновым

Лингвисты подвели итоги конкурса «Слово года-2014». Слова и фразы «состоялись» в четырех номинациях: «Слово года», «Выражение и фраза года», «Антиязык» и «Неологизм года». Как и следовало ожидать, словарь-2014 события, так или иначе связанные с Украиной. В номинации «Слово года» с большим отрывом победил «крымнаш». В номинации «Выражение и фраза года» абсолютным лидером стали «вежливые люди», а в номинации «Неологизм года» первенство завоевал «банний день» (это когда пользователи фейсбука банят тех, с кем не желают больше общаться в Сети). Претенденты жена победу в номинации «Антиязык» оказались столь же многочисленны, сколь и отвратительны: «укропы», «ватники», «колорады», «пиндосы»... Доверие и толерантность говорят на своем языке, вражда и ненависть — на своем. Кто исповедует первое, те воздерживаются от раздачи кому бы то ни было оскорбительных прозвищ. Кто в плену у второго, те...не выбирают слов и выражений? Еще как выбирают!

«В Донбассе» или «на Донбассе»?

— Начнем с безобидного. Откуда взялось «на Донбассе» вместо «в Донбассе»? Это что, самопровозглашенная речевая норма,

в придачу к основному? Также какое-то ополчение против устоев, в данном случае — лексических?

— На самом деле эти «в» и «на» в реальном живом русском языке употребляются гораздо вариативнее и щедрее, чем это допускает норма. Например, русская норма — это «на Украине», а норма украинского варианта русского регионального языка — это «в Украине». Но если мы возьмем дневники Владимира Ивановича Вернадского, а он был жителем Киева и в свое время министром первого независимого украинского правительства, и вместе с тем одним из величайших русских ученых, человеком с образцовым русским языком, — так вот, в его дневниках мы находим то «на Украине», то «в Украине». Когда он имел в виду часть Российской империи, он говорил «на Украине». А когда вел речь об Украине как о государстве, употреблял «в Украине». И таких примеров очень много. Мы говорим «на Дону», «на Волге», подразумевая пребывание в бассейне той или иной реки. В случае с Донбассом — то же самое. Вы скажете «в Донецке» или «в Луганске», но выражение «на Донбассе» возникло не как нарочитый русизм по отношению к этой области. Это просто описание определенного ландшафта. И так не только с русским языком. Существуют, например, региональные варианты английского языка — в Индии — свой, в странах Африки — свой, в США — свой. Просто нам как носителям русского языка надо привыкать к тому, что литературная норма вообще — удел узкого круга, образованного сословия, тогда как остальные речевые варианты имеют широкое хождение. Другое дело, что российские средства массовой информации могут подхватить какой-то региональный вариант и начать его тиражировать. Что и произошло применительно к Донбассу.

— Но почему «на Донбассе» возникло именно сейчас? Почему прежде так никто не говорил? Вспомните известную песню «Давно не бывал я в Донбассе».

— Думаю, дело в том, что в пятидесятые годы, когда родилась эта песня, слово «Донбасс» еще воспринималось как аббревиатура: Донецкий угольный бассейн. А сейчас этого уже нет. Сейчас в ходу совсем другие слова: «Лугандон», «Донбабве», «Луганда и Донбабве». Причем все эти слова возникли еще до того, как Юго-Восток Украины превратился в арену военных столкновений и вообще в совершенно непонятную местность.

Еще со времен Тарапуньки и Штепселя...

— *Значит, вы все же согласны, что «на» вместо «в» появилось не без причины, а как ответ на новую геополитическую реальность?*

— Отчасти это так. Но отчасти сам язык формирует новую реальность. То есть он не только подчиняется каким-то обстоятельствам, реагирует на что-то, но и сам создает некую ситуацию. Поэтому, с моей точки зрения, в развитии нынешней ситуации «на» или «в» Украине большую роль сыграл подспудный многолетний речевой антиукраинизм в русской речи. Помните, на советской эстраде блистали Тарапунька и Штепсель — артисты Тимошенко и Березин. Один (Штепсель) — киевлянин, говорил на хорошем русском языке, с легким киевским говором, но это прекрасный литературный язык. А другой (Тарапунька) — украинская деревенщина, говорил с акцентом, на суржике, чтобы русским зрителям было все понятно. Или вспомните анекдоты об украинце, который такой недалекий и туповатый, и язык у него соответствующий. Но в тех же анекдотах украинец смеется над русским языком, который нам, русским, конечно же, представляется совершенным. Так что это все очень давно повелось. Нарочитыми украинизмами была сформирована часть советской реальности. Здесь присутствовал еще и элемент фронды, потому что партийное руководство говорило с русским южным говором. И этот русский южный говор — говор Брежнева — ассоциировался с властью. Пародируя этот говор, вы тем самым выражали отношение к власти. Такая же ситуация была в Германии, где Вальтер Ульбрихт говорил по-немецки с саксонским акцентом. Этот говор у остальной Германии ассоциировался с «гэдээровским» языком. А говор баварцев, наоборот, многие в Германии любят, и он у большинства не ассоциируется с враждебной политической системой.

Политическая корректность — это постоянная самонастройка

— *Вооруженное противостояние на Украине сопровождается еще и словесной перестрелкой. С западной стороны раздается: «колорады», «ватники», «даунбасс»... С юго-восточной — «укропы», «бандеровцы», «свидомиты»... Эта баррикадная лексика — по-*

рождение сегодняшней украинской реальности? Или сегодняшняя реальность создается ею? Что здесь причина, а что следствие?

— Это обоюдный процесс. Еще в начале семидесятых годов в Германии вышла книга Маттиаса Харцига и Урсулы Курц «Язык как социальный контроль». В ней рассказывается о том, что социальный контроль в этом смысле не осуществляется какой-то группой лиц. Даже если они хотят осуществить такой контроль, язык может этому воспротивиться. Потому что язык сильнее, чем любая группа лиц, которая захочет им управлять. В итоге происходит встречное движение. Что касается «укропов»... Это вполне стандартный способ оскорбить своего противника — обозвать его растением. Например, говорят же некоторые «овощ» о человеке, перенесшем тяжелую операцию и утратившем умственные способности. В слове «овощ» есть что-то бесконечно унижительное для человека. Но характеризует оно не самого пострадавшего, а только говорящего. С другой стороны, на волне реального национального возрождения во всех бывших республиках СССР происходило немало и смешных вещей. Например, люди начали свою культуру «удревнять». Не избежали этого ни Российская Федерация, ни Украина. Там стали говорить, что на территории современного украинского государства много веков назад жили древние укры. Образованные, культурные люди из числа нынешних украинцев сами же и смеялись над этим «историческим открытием». И продолжают смеяться. То есть это словечко первоначально возникло на самой Украине. Когда же начались известные события, украинское и российское общество расколосось. И появились эти слова в новом значении — «укры», «укропы»... Хотя, повторяю, это процесс обоюдный. Ничего хорошего, разумеется, нет в выражении «колорадские ленточки». Но человек, злоупотребляющий военной или иной символикой, тоже не вызывает уважения. Ведь на самом деле это он глумится над своей символикой. Привязывать георгиевскую ленточку к сумке или дверце автомобиля — все равно что ходить с флакончиком, в котором находится горстка праха твоих родителей, и хвастать этой «фенечкой».

— Вражда и ненависть сначала слетают с языка, а потом укореняются в реальности?

— У меня с советских времен хранятся диктофонные записи подслушанных разговоров родителей с детьми — в «Детском

мире», кстати. «Я тебя, паршивка, прибить готова», «я тебе голову оторву»... Это не просто педагогическая ошибка, это речевое насилие взрослых над детьми и внуками. Оно колоссальное. И дети к этому привыкают. Ребенок же не сам по себе словесно агрессивен. Таким его сделали взрослые, которых он наслушался. Он воспроизводит ту речевую агрессию, которую видит в семье. Почему у нас не приживается политическая корректность? Потому что это такая вещь, которая не может работать время от времени, она требует постоянной перенастройки. Политическую корректность, как и демократию, нельзя включить на минуточку, а потом выключить и сказать, что мы уже всего добились, теперь можно обойтись без нее, и будем рулить по понятиям. Политическая корректность — это постоянная самонастройка, а вовсе не лицемерие. Это способность мирно жить в большом сообществе, где людям может быть очень тесно и где нужно сохранять дистанцию, несмотря на то, что мы едем в битком набитом вагоне.

У каждой эпохи свои слова ненависти

— *Вы не находите, что язык вражды и ненависти — это отражение холодной гражданской войны в обществе, которая в России продолжалась весь XX век и еще не закончилась?*

— В принципе, так и есть. «Белогвардейская контра», «кулаки», «враги народа», «вредители», «безродные космополиты», «антисоветчики», «отщепенцы», «дерьмократы», «либерасты»... У каждой эпохи свои слова ненависти. Сегодняшний день, к сожалению, тоже богат такими словами: «крымнашисты», «путиноиды», «национал-предатели», «пятая колонна»... Причем в это словесное противостояние включены и религиозные мотивы. Есть люди, которые не приемлют нынешней моды на церковность и духовность, и, наоборот, есть люди, которые требуют, чтобы все атеистическое изымалось из обращения, чтобы «безбожники» были отстранены от общественных дел. Это совершенно новая ситуация, когда в душе одного человека и в микрогруппе идет, совсем по Достоевскому, борьба между добром и злом, и при этом человек, к удивлению своему, замечает: то, что он считал силами зла, вдруг оказывается ему симпатичным, а то, что он считал силами добра, неожиданно перестает ему нравиться своим рыком. Эта борьба происходит внутри каждого человека. Дело в том, что многие

люди при избыточном внимании к ним как к социологически релевантным объектам впадают в «радужное состояние». Это такое состояние, когда очень быстро, как в нефтяном пятне, меняется цвет, в данном случае — ценностная ориентация. И такое «радужное состояние», перетекание одного цвета в другой мне представляется более опасным, чем раскол по какой-то определенной линии. Кому-то нравится одно, кому-то другое, и, чтобы сохранять согласие, люди должны договариваться. Это нормально. Но как договариваться, когда ты сам не знаешь, чего хочешь, когда сам сегодня думаешь об этом предмете так, а на следующий день с таким же выражением лица начнешь отстаивать совсем другой взгляд, потому что тебя переключил человек из телевизора.

«Да я бы за это расстреливал!»

— *Вы, наверное, заметили, что некоторые слова сегодня утрачивают свою семантику. Например, слово «фашист». Теперь у нас «фашист» — это просто тот, кто думает иначе, кто вам не нравится, кто вам враждебен.*

— Да, я вижу, что некоторые слова употребляются не по их смысловому назначению. Это связано вообще с привычкой русского человека употреблять так называемые сильные выражения. Я здесь имею в виду не сквернословие, а то, что немцы называют «крафтверт». Например, я специально занимался историей слова «расстрел». С одной стороны, многие люди произносят его без реального смыслового наполнения — как своего рода развернутое междометие: «Да я бы за это расстреливал!» Господи, за что же? Ну, за то, что человек пишет «жи-ши» через «ы». То есть за то, что мне не нравится, я бы расстреливал. А с другой стороны, есть выражение «расстрелял всю обойму». Это, например, когда киллер убил кого-то. Хотя расстрел в его исконном смысле — это бессудная расправа над человеком. Сталинская пропаганда в тридцатых годах использовала это слово для возбуждения массовой ненависти к «врагам народа»: «Расстрелять как бешеных собак!». И произошла встреча этих двух языков: с одной стороны, обиходного бытового («я бы расстреливал за орфографические ошибки»), а с другой — официозного («расстрелять как бешеных собак!>). Но для гражданского дискурса применение слова «расстрел» вообще неприемлемо. Потому что расстрел означает предельную форму

насилия вооруженного человека над человеком невооруженным. Расстрелять можно того, у кого руки связаны. Доступность сильных слов, широкое их употребление создают тяжелый общественный климат, мешают гражданскому согласию и в конце концов конструируют ту реальность, которую мы сегодня имеем. И таких слов, понятий, фигур мысли у нас очень много.

Слово «стеб» ни на какие языки не переводится

— В какой мере, на ваш взгляд, язык вражды и ненависти свойствен Европе?

— Я внимательно слежу за немецкой печатью. Хотя Германия в этом смысле — счастливое исключение, потому что накопила колоссальный опыт преодоления гражданской вражды в довольно «льготных» условиях — сначала после разгрома во Второй мировой, а потом — после победы в холодной войне. Правда, вырастают новые поколения, для которых консенсус, который существовал для старшего поколения в отношении национал-социализма, антисемитизма, — уже страница все более чужой истории. Чтобы самые болезненные темы собственной истории не ушли из поля зрения, нужна другая тактика и стратегия. Впрочем, эти слова — «тактика», «стратегия» — там для воспитания толерантности не годятся и не используются, потому что они из военного лексикона. А поскольку в Германии нет цензуры, общественный консенсус вырабатывается путем дискуссий в СМИ. Стоит кому-то что-то сказать, как немедленно возникает другая точка зрения. Например, со стороны германского правительства часто звучат критические, хотя и в очень мягкой форме, высказывания в отношении российской политики, но обязательно найдутся две-три газеты или телеканала, в которых практикуется специальный жанр под названием *Putiversteher* — «понимающие Путина». У нас же средства массовой информации, во-первых, подвержены тому, что те же немцы называют *Gleichschaltung* (унификация), то есть включены в один поток и являются частью большой пропагандистской машины. Во-вторых, СМИ подчас сами забегают вперед, произнося странные вещи. Один известный телеведущий, например, сказал, что мы-де можем превратить Америку в радиоактивный пепел. У нас это называют стебом. Слово «стеб» не переводится ни на какие языки, и этот вид юмора в Европе не понимают и не принимают. В этом смысле мы с Европой тоже живем в совершенно разных мирах.

Кто сеет ветер, пожнет бурю

— Если бы вас попросили дать экспертное заключение по словам «колорады» и «укропы» на предмет содержания в них признаков 282-й статьи УК (разжигание социальной розни), что бы вы сказали?

— Принадлежность или непринадлежность какого-то высказывания к какой-то уголовной статье — это юридический вопрос, а я не юрист. Но как филолог я бы сказал простую вещь: раз эти слова появляются в средствах массовой информации, услышать их можно десятки раз в течение дня, то человека, который произносит эти слова, не за что привлекать к уголовной ответственности. Конечно, эти слова разжигают вражду. Но невозможно доказать, что употребляющий их человек сознательно сеет социальную или иную рознь. Это все равно что штрафовать за матерную речь в общественных местах. Вы много встречали таких оштрафованных? Любой, кого вы захотите подвергнуть штрафу за нецензурщину в метро или на стадионе, скажет вам: «Посмотрите вокруг — все матеряется. Чего же меня одного наказывать за это? Я что, хуже других?» Для того, чтобы выйти из режима речевой ненависти, нужно понять, что эта ненависть, если ее не погасить, охватит абсолютно всех, из нее не будет никаких исключений. Причем в огне этой ненависти погибнут все ценности того, кто эту ненависть разжигает. Не хочу произносить слишком сильных слов в адрес людей, которые так безответственно отвечают за средства массовой информации и которые этот кипяток, этот горячий свинец льют в умы и души. Но, думаю, им лучше перестать это делать. Сказано же: кто сеет ветер, пожнет бурю.

Люди меняются к лучшему?

Диалог с писателем Евгением Водолазкиным

На протяжении своей жизни люди могут меняться, и не раз. У каждого человека иногда возникает желание изменить свой характер, привычки, отношение к миру. Подчас и сам меняющийся мир властно и неотвратимо преображает человека. Какие обстоятельства побуждают нас что-то менять в себе или меняют помимо нашей воли? Способны ли мы к переменам? Всегда ли они к лучшему?

Усилие над собой не всегда ведет к результату

— *Вас в себе многое не устраивает?*

— Есть вещи, на которые я не могу повлиять. Например, я не могу стать чемпионом мира по метанию молота, но меня это не очень печалит. А есть вещи, которые меня огорчают в себе, и тем более огорчают, что я мог бы их изменить усилием воли. Вот как раз воли-то мне и не хватает.

— *Бывали моменты, пробуждающие у вас желание что-то изменить в себе?*

— Бывали. Причем это даже не моменты были, а просто желание избавиться от того, что отягощает. Например, я мог с кем-то резко поговорить, а потом сожалел об этом. Впоследствии, правда, это ушло, я изменился. Точно так же в свое время изменился мой отец. Он в юности был очень жестким, резким. Он четыре года служил на флоте, и эти четыре года его сильно закалили. Вообще он был особенным человеком. С тем, кто, как ему показалось, не так на него посмотрел, он мог тут же подраться. Был довольно-таки жестким. А потом очень изменился. Лет после пятидесяти вдруг стал на удивление мягким. Придешь к нему — сидит, улыбается. Вот и во мне резкости стало меньше.

— *Перемены, которые вы в себе ощущаете, происходят сами собой? Или требуют волевых усилий?*

— Я прилагал усилия для того, чтобы измениться. Например, мне казалось, что иногда я слишком ленив, и пытался от лени избавиться. А что-то во мне изменилось само собой. Если человек прилагает усилия, то помощь идет ему сверху. Она идет потому, что человек обнаружил желание что-то изменить. На волевых усилиях здесь многое держится. Хотя могу рассказать случай из моей юности. Один человек, к которому я относился с большим почтением, сказал мне: «Напрасно ты куришь, да еще так много». Я ответил: «Не могу бросить». А он говорит: «Не надо бросать, надо не курить. Это разные состояния. Когда человек бросил курить, он все время испытывает искушение и вынужден делать усилие над собой. А когда он просто не курит, у него нет ощущения запрета — и он пребывает как бы в естественном состоянии. И воля его не напряжена». Эта фраза «я не курю» удивительным образом помогла мне бросить курить. Я говорю это к тому, что усилие само по себе не всегда ведет к результату. Потому что усилие — это напряжение, сжатая пружина. Но пружина не может долгое время находиться в таком состоянии, рано или поздно она разожмется.

К лучшему может меняться человек, но не человечество

— *Под влиянием каких обстоятельств люди могут меняться к лучшему? Скажем, пережитые трудности, несчастья делают человека светлее или наоборот?*

— По-разному бывает. Я читал воспоминания Чаплина. Он пишет, что в мемуарах великих людей его удивляют похвалы, расточаемые бедности. Дескать, в детстве мы жили в нищете, и это нас так закалило, что в итоге мы стали добрыми людьми. Это полная чепуха, говорит Чаплин, нищета в детстве меня только ожесточила, ничего хорошего она мне не дала, добрым я стал только тогда, когда разбогател. Тут общего правила, думаю, нет. Одного человека испытания закаляют, другого ломают.

— *А сытость, достаток, благополучие?*

— Они тоже по-разному действуют. Я знаю богатых людей, которые помогают бедным. Знаю и тех, кто в бедном человеке видит только потенциального попрошайку. У человека должна быть

установка на самосовершенствование, а она есть не у всех. Я много думал о прогрессе. Для меня это очень важная тема, она и в моих романах присутствует. Я ведь занимаюсь Древней Русью. Так вот, в Древней Руси идеей общественного прогресса не было вообще. Была идея персонального совершенствования. В значительной степени это правильный подход к делу. Потому что общественного прогресса нет. Если после Гофмана, Шиллера и Гёте немецкое общество аплодирует Гитлеру, то говорить о прогрессе как о прямой линии очень сложно. Есть прогресс технический, но нравственного, пожалуй, нет. Жестокость не только не уходит из общественной жизни, но и преумножается. Значит ли это, что идея прогресса вообще не работает? Нет, она работает. Но в персональном, личностном измерении.

— *Наверное, эту мысль можно сформулировать так: к лучшему может меняться человек, но не человечество.*

— Вот об этом я и говорю. Человечество остается прежним. А человек — да, может меняться. И часто меняется к лучшему.

— *Но он меняется в том числе и под влиянием общественной среды, которая, по вашему мнению, коренным улучшениям не очень-то поддается.*

— Взаимоотношения личности и среды — они очень странные. Конечно, они взаимозависимы. Но все-таки это не вопрос о курице и яйце. Здесь первичное очевидно: это личность. Серьезные изменения в обществе чаще всего являются результатом личных изменений.

— *Человек может быть лучше среды, которая его сформировала?*

— Я думаю, может. Более того — это и есть главный механизм улучшения общества. Впрочем, можно стать разбойником — и быть гораздо хуже среды. Разные ведь бывают пути. Но влияние общественной среды в любом случае существует, его нельзя отрицать. Оно может быть благотворным или губительным, но так или иначе человек ориентируется на ту среднюю планку, которая поставлена обществом. Например, в сталинское время быть лучше общественной среды означало не доносить, отказаться лжесвидетельствовать против кого-то. Или взять чуть более позднее время.

Когда Дмитрий Сергеевич Лихачев отказался подписывать письмо против академика Сахарова, это было подвигом. Нынешние молодые люди, наверное, не поймут, в чем тут подвиг: ну, не подписал — не подписал. А тогда это было самым настоящим героизмом. На следующее утро двое неизвестных встретили Дмитрия Сергеевича у дверей его квартиры, избили, сломали ему два ребра. В разных условиях подвигом могут быть совершенно разные вещи. Разговариваешь с людьми, которые пережили сталинизм, и они иногда говорят: «Ну да, стучали, бывало. Что делать — время было такое». А время ведь — не оправдание. На Страшном суде тебя будут спрашивать не о времени. Спросят, видимо, о совсем других вещах. Мне кажется, единственное спасение в этом случае — персональное сознание. И понимание, что нет коллективной ответственности ни на человеческом суде, ни на Божьем. Ответ, который придется держать, всегда персонален. То, что все делают что-то дурное, — совсем не оправдание тому, что это делаешь ты. Это одна из важнейших идей моего романа «Авиатор».

— *У вас там Зарецкий говорит, что сам не знает, почему донос на профессора Воронина.*

— Именно! Ведь доносили люди, которых никто этого делать не заставлял. Вероятно, им хотелось быть частью какой-то большой силы. Кроме того, было страстное желание кролика отрапортовать удаву, что у него, кролика, от удава никаких тайн нет, что он вполне благонадежен. Человек слаб. Ему легче стать частью общей силы и жить под этим зонтиком. У меня был интересный разговор на эту тему во Франкфурте на встрече с читателями. Мне говорят: «Человек, по-вашему, должен держать дистанцию по отношению к обществу. А голосовать надо ходить?» Я ответил: «Почему бы и не голосовать? Просто надо понимать, что попытка изменить себя всегда эффективнее попытки изменить общество». Ведь что такое общественная жизнь? Это стремление перегруппировать разные элементы общества. Говоря об этом, я часто вспоминаю басню «Квартет». Менять местами музыкантов без изменения качества их игры ни к чему не ведет. Надо учиться играть, а это — персональная работа. Я не хочу сказать, что общественная деятельность неважна — она важна. Но следует осознавать ее место. Нужно отдавать себе отчет в том, что сначала надо работать с собственной

душой. Ведь зло — это состояние души. Общественное зло — это когда зло в душах одного, другого, третьего начинает резонировать. Поэтому все попытки улучшить общество в целом — это работа со следствием, а не с причиной. Причина — человеческая душа, и работать надо, то есть — с конкретным человеком, в первую очередь — с самим собой. А кто хочет что-то улучшить «вообще», тот часто становится источником больших бед, потому что переходит к очень опасному занятию.

Каждый должен чего-то бояться

— *Страх может заставить кого-то меняться к лучшему? Страх потерять близкого человека или работу, страх спиться, угрозить здоровью, сделаться неудачником...*

— Да, страх может быть позитивным фактором. В любом обществе есть люди с дурными наклонностями. Но они боятся эти наклонности проявлять. Боятся — если общество здорово, если в нем не размыта грань между добром и злом. Ужас общественных катаклизмов состоит в том, что они пробуждают в людях все темное, низменное, отвратительное. В эти моменты человек лишается страха — и превращается в животное. Страх относится к фундаментальным человеческим чувствам. Другое дело, что он не должен превращаться в ужас. А бояться — надо. При этом разные люди боятся разного. Одни — наказания со стороны властей, другие — со стороны Бога, третьи — собственной совести. Хотя страх перед совестью и перед Богом — это уже не совсем страх. Это какое-то внутреннее, самостоятельное движение, — и этим оно отличается от страха перед законом. Вообще же, страх — это начальная точка, и на ней нельзя оставаться. Как говорил Иоанн Богослов, «совершенная любовь изгоняет страх». К сожалению, практика показывает, что по совершенной любви живут далеко не все, но помнить о ней нужно.

Нужна хоть одна свеча, зажженная без всякой надежды осветить все пространство

— *Человек не будет меняться к лучшему, если его всё устраивает? К переменам толкает недовольство собой, своей жизнью?*

— Всё устраивать не может. Потому что, если всё устраивает, движение останавливается. Я вот, живя в деревне, смотрю на сво-

их соседей: у них всё в полном порядке, но, приезжая на выходные, они всякий раз что-то пилят, прибывают, подкрашивают. На первый взгляд это выглядит странно — должны, казалось бы, отдыхать. Не хотят, предпочитают покою движение. Потому что покой — это смерть, а движение — жизнь. Может быть, так оно и нужно — даже если тебя устраивает абсолютно всё, придумать то, что тебя не устраивает. Помните старый анекдот о портном, у которого спросили, что бы он делал, если бы был королем? Он ответил, что жил бы лучше, чем король, потому что еще бы немножечко шил.

— *Человек не станет стремиться что-то улучшить в себе, если он видит, что зашел в тупик и ничего, как ему кажется, изменить уже нельзя?*

— Помните, у Гребенщикова есть замечательные строки из песни о капитане Воронине? «Он был известен как тот, кто никогда не спешил, когда некуда больше спешить». Это тот случай, о котором вы говорите. Но, я думаю, это не очень правильная позиция. Она неправильна прежде всего в отношении человека самого к себе. Что называется, «не оставляйте стараний, маэстро». Она неправильна и по отношению к другим людям. Академик Лихачев, о котором мы уже вспоминали, говорил: да, есть безнадежные ситуации, но важно, чтобы даже тогда, когда бессмысленно выступать против, был хоть один голос, который бы эту позицию выразил. Понимаете, иногда нет рационального смысла поддерживать ту или иную ситуацию или человека. Но для того чтобы мрак не был беспросветным, нужна хоть одна свеча, которая будет зажжена без всякой надежды осветить все пространство. В жизни мы обычно действуем, исходя из принципа экономии усилий. Если видим, что усилия бессмысленны, мы, так сказать, «не тратимся». Но по большому счету хоть один голос во всеобщем молчании нужен.

Имея клоунскую внешность, трудно выразиться в духе Гамлета

— *Изменение во внешнем облике может привести к внутреннему преобразению человека?*

— Я рассказывал вам историю одного знаменитого ученого, который стал юродствовать после того, как оспа обезобразила его лицо, и у него появился огромный клоунский нос. Он стал обы-

гривать свою новую внешность, и это было ужасно. Конечно, это был род смеха, но это был очень невеселый смех. Это был смех, который рождался страданием.

— *Тому есть и литературный пример. Сирано де Бержерак тоже юродствует, причем на той же почве.*

— Очень трудно, имея клоунскую внешность, выразаться в духе Гамлета. Внешность имеет значение — как в положительном, так и в отрицательном смысле.

Жития святых — свидетельство того, как человек способен измениться

— *Вы можете привести пример, когда человек действительно изменился в лучшую сторону?*

— Таких примеров достаточно. Многочисленные жития святых — свидетельство того, как человек способен измениться. У Бахтина есть термин «кризисное житие». Это когда жизнеописание начинается со страшного греха. На этом принципе построен замечательный фильм Лунгина «Остров». Человек совершает грехопадение — и потом всей своей жизнью пытается этот грех искупить. То же происходит и в моем романе «Лавр». Самый, может быть, страшный пример такого рода жития — это Житие преподобного Варлаама Керетского, священника, который в порыве ревности убил свою жену, а потом, пытаясь искупить этот грех, положил ее тело в лодку и плывал с ней по Белому морю несколько лет, пока тело ее не истлело. Ему был послан дар чудотворения, он спасал моряков на Белом море. Но это тот случай, когда человек доходит до дна, отталкивается от него и стремится достичь поверхности. Что касается жизни... Чтобы не быть обличителем неизвестно кого, скажу о себе. Я со стыдом вспоминаю какие-то безжалостные поступки в отношении моих приятелей в детстве, какие-то жестокие шутки... Причем, тогда они у меня не вызывали даже тени сомнений. Я просто не понимал, как это больно. И только впоследствии, когда что-то подобное судьба прodelывала и со мной, и надо мной так же смеялись, я, почувствовав эту боль, вспоминал, что и сам причинял такую боль кому-то. Этот опыт, по моим наблюдениям, обычно делает человека добрее, лучше. Вы обращали внимание, какие у стариков добрые глаза? Эта доброта

— результат жизненного опыта. Любой человек, которого жизнь многократно ранила, а нет таких, кого тем или иным образом не ранила жизнь, — он, как правило, добрее.

В девяностые годы у нас возникло общество «твоих проблем»

— *Какие изменения произошли в русском человеке за последнюю четверть века? И радуют ли они вас?*

— В девяностые годы появилась фраза «это твои проблемы». Ее никогда прежде не было в нашем обиходе. Меня поразила и сама эта фраза, и стоящая за ней идеология. Я помню, с каким вкусом это произносилось. Причем иногда — людьми, которые были гораздо лучше этой фразы. Я тогда говорил, что у нас возникло общество «твоих проблем». В какой-то момент я стал бояться, что останутся только две категории населения — бандиты и святые. Очень трудно ведь сохраниться промежуточным категориям в эпоху тектонических сдвигов. Но средний класс выжил и начал восстанавливаться. Средний класс — это очень важно. Он, может, не несет никакого подвижничества в себе, но и не продуцирует преступного начала. Он во всех смыслах средний. И это вовсе не повод для презрения, а, наоборот, вызывает уважение. Это то, что держит на плаву всякое общество. На базе среднего человека, усредненной морали можно строить сколь угодно высокие духовные конструкции, но этот средний уровень должен быть обязательно. Я много езжу по стране, встречаюсь с читателями. Люди задают вопросы, которые в девяностые годы были немыслимы, и понятно почему: во время катаклизмов ощущение времени человеком становится плоским. Его интересует только настоящее время. Поэтому в девяностые так важна была публицистика и так не важна литература. Сейчас ситуация несколько успокоилась. Мы перестали воевать друг с другом. Нельзя сказать, что у нас всеобщее братство, но такого, как было в девяностые — стенка на стенку — больше нет.

— *Как это — нет? Общество абсолютно расколото.*

— Общество расколото, но оно примирилось с мыслью, что есть разные категории населения и надо считаться с тем, что они существуют. Общество действительно расколото. Но оно расколото, на мой взгляд, не в большей степени, чем любое западное общество. Никогда не бывает полного единения, да оно и не нужно.

Всегда должны быть разные взгляды. Нужен лишь спокойный диалог между теми, кто эти взгляды отстаивает. Вот этого спокойного диалога у нас не было в девяностые годы.

Мы избавились от утопизма как отношения к жизни

— *Если бы люди менялись, и менялись к лучшему, вся классическая литература, все мировое искусство, объектом которого является человек, уже потеряли бы актуальность. Например, в пьесах перестали бы сталкиваться коварство и любовь, остались бы только любовь и голуби. Значит, люди в основе своей не меняются и в принципе меняться не способны? Людская порода в своих базовых компонентах неизменна?*

— Да, в основных своих чувствах люди не меняются. Они так же любят, завидуют, изменяют или сохраняют преданность. Субъектом нравственности не может быть ни народ, ни государство, ни социальная группа. Субъектом нравственности может быть только человек. Я занимаюсь древнерусской историей, а также историей всемирной, поскольку она была очень значима для Руси. И меня иногда изумляет, когда я читаю византийские хроники, — Боже мой, все в точности как сейчас! Такие же интриги, такие же мелкие страсти, которые соседствуют с удивительными по высоте поступками. Все это было всегда, лучше мы в целом не стали. Идея прогресса — это ведь очень молодая идея. Она возникла в Новое время. Возьмем, например, слово «развитие» — оно ведь очень молодое. Такое слово было в Древней Руси, но оно значило совсем другое. Оно обозначало развитие чего-то свитого. А слово «развитие» в нынешнем значении — это калька с немецкого *Entwicklung*, а немецкое *Entwicklung* — это калька с латинского *evolutio*. Это слово обозначает странную идею, что завтра будет лучше, чем сегодня. И это очень опасная идея. Вспомним культ будущего, насаждавшийся в Советском Союзе. Ужасный культ, в жертву которому приносилось не только настоящее (мы живем плохо, зато наши потомки будут жить хорошо), но и прошлое — оно изображалось ужасным, костлявым, служа лишь контрастом для светлого будущего. Тут мы уже сталкиваемся с таким понятием, как утопия. Почему утопия страшна? Утопия — это чисто прогрессистская идея. В переводе с греческого это слово обозначает место, которого нет. Это то, что хочется построить, но что не имеет пока никаких предпосылок в

настоящем. Мне пришлось как-то спорить по поводу утопии. Мне говорили: а что плохого в утопии? Это мечта! Я отвечал: если бы это была мечта одного человека — пожалуйста, можно мечтать о чем угодно, хоть о полете на Марс. Опасность утопии в том, что ее берутся воплощать, несмотря на объективную невозможность этого. И тогда проливается большая кровь. Вспомним лозунг Соловецкого лагеря: «Железной рукой загоним человечество к счастью!» Мне кажется, что, пройдя через страшную утопию XX века и принеся миллионы людей в жертву, мы избавились от утопизма как отношения к жизни.

— *Все же люди меняются к лучшему или нет?*

— Существуют две истории — персональная и всеобщая. Всеобщая история — только часть истории персональной. Если брать историю в целом, то никакого улучшения нет. Но в самом человеке что-то может меняться к лучшему, и меняется. Человек — это такое удивительное существо, которое все испытания, выпадающие на его долю, перемалывает в какой-то целительный порошок. И прогресс в рамках отдельной человеческой жизни, несмотря ни на что, все-таки существует.

Содержание

- Александр Архангельский... 5
 Собеседник: дорогами Пьера Менара
От автора... 7

В ПОЛИТИКЕ

- У России особый путь? ... 11
 Диалог с академиком РАН Юрием Пивоваровым
- Чем больше свободы, тем меньше порядка? ... 19
 Диалог с социологом Леонтием Бызовым
- Пропаганда – атрибут любого государства? ... 29
 Диалог с директором Института США и Канады РАН
 Валерием Гарбузовым
- Наша история нас объединяет? ... 35
 Диалог с историком Геннадием Бордюговым
- России нужна государственная идеология? ... 45
 Диалог с генеральным директором ВЦИОМ
 Валерием Федоровым
- Политика и мораль несовместимы? ... 55
 Диалог с философом Алексеем Козыревым
- Доносительство – гражданский долг? ...63
 Диалог с директором Российского государственного
 архива социально-политической истории
 Андреем Сорокиным
- Русские и американцы никогда не поймут друг друга? ... 71
 Диалог с журналистом Михаилом Таратутой
- Цель оправдывает средства? ... 79
 Диалог с историком Валерием Керовым
- Наша элита задумывается о будущем? ... 87
 Диалог с экономистом Александром Аузаном
- Нам не нужны европейские ценности? ... 93
 Диалог с историком, дипломатом Юрием Рубинским
- Статистике верить нельзя? ... 101
 Диалог с экономистом Максимом Бueвым

У нас несословное общество? ... 108
Диалог с социологом Симоном Кордонским

В КУЛЬТУРЕ

Времена не выбирают? ... 116
Диалог с поэтом Александром Кушнером

Мы извлекаем уроки из прошлого? ... 126
Диалог с кинорежиссером Николаем Досталем

Будущее за провинцией? ..132
Диалог с философом Александром Казаковым

Мы перестали быть читающей страной? ... 141
Диалог с генеральным директором книжного
магазина «Москва» Мариной Каменево

Электронная книга заменит бумажную? ... 149
Диалог с генеральным директором Российской
государственной библиотеки Александром Вислым

Публичная библиотека должна стать бизнесом? ... 157
Диалог с основателем и владельцем первой в России
электронной библиотеки Максимом Мошковым

Время композиторов прошло? ... 165
Диалог с композитором Владимиром Мартыновым

Барды теряют поклонников? ... 173
Диалог с поэтом, композитором, драматургом
Юлием Кимом

Нам правда не нужна? ... 179
Диалог с режиссером-документалистом
Сергеем Мирошниченко

Возможности мозга безграничны? ... 185
Диалог с палеоневрологом Сергеем Савельевым

Гениальность – счастливый дар? ... 194
Диалог с психолингвистом Татьяной Черниговской

Гений и злодейство несовместны? ... 202
Диалог с директором Государственного литературного
музея Дмитрием Баком

Красота спасет мир? ... 210
Диалог с актером, режиссером, писателем
Владимиром Рецептером

Искусство принадлежит народу? ... 217
Диалог с искусствоведом Ильей Доронченковым

- Искусство создает зритель? ... 227
Диалог с театральным продюсером,
режиссером Эдуардом Бояковым
- Искусству правда противопоказана? ... 236
Диалог с художественным руководителем театра
«Геликон-опера» Дмитрием Бертманом
- Искусству дозволено не все? ... 244
Диалог с профессором РАТИ Андреем Ястребовым

В ЖИЗНИ

- Моральные авторитеты больше не нужны? ... 254
Диалог с писателем Львом Аннинским
- Мы слишком много себе позволяем? ... 261
Диалог с психологом Еленой Новоселовой
- Слезами горю не поможешь? ... 270
Диалог с психологом Еленой Станковской
- Мы привыкли к бедности? ... 276
Диалог с экономистом Лилией Овчаровой
- Деньги портят людей? ... 285
Диалог с научным руководителем Института экономики
РАН Русланом Гринбергом
- В здоровом теле здоровый дух? ... 301
Диалог с клириком Храма Христа Спасителя, выпускником
института физкультуры Андреем Овчинниковым
- Муж – добытчик в семье? ... 307
Диалог с социологом Ириной Тартаковской
- Надо бояться старости? ... 315
Диалог с психологом Мариной Ермолаевой
- Надо бояться одиночества? ... 323
Диалог с профессором НИУ ВШЭ Алексеем Масловым
- Понять – значит простить? ... 334
Диалог с академиком РАН, кардиологом
Юрием Бузиашвили
- Лицемерие – дань добродетели? ... 342
Диалог с культурологом
Людмилой Булавкой-Бузгалиной
- Политкорректность нас погубит? ... 348
Диалог с политологом Александром Шаравиным

- Респонденты не говорят правду? ... 356
Диалог с психологом Ольгой Мельниковой
- Благотворительность вошла в моду? ... 364
Диалог с социологом Екатериной Богомоловой
- Молодость всегда права? ... 273
Диалог с главным редактором издательского дома
«Новое литературное обозрение»
Ириной Прохоровой
- В споре рождается истина? ... 381
Диалог с модератором и спикером екатеринбургского
«Философского клуба» Иваном Замощанским
- Люрекс – это красиво? ... 389
Диалог с ведущим телепрограммы «Модный приговор»,
историком моды Александром Васильевым
- Зависть – сестра соревнования? ... 399
Диалог с профессором НИУ ВШЭ Марком Урновым
- Надо смириться с плохой экологией? ... 409
Диалог с биофизиком Игорем Артюховым
- Гаджеты нас поработят? ... 417
Диалог с академиком РАН Александром Сиговым
- Без блата карьеру не сделаешь? ... 426
Диалог с профессором РАНХиГС
Игорем Барцицем
- Рост рождаемости ведет к росту населения? ... 436
Диалог с демографом Анатолием Вишневским
- Нам помогут колдуны и ясновидцы? ... 445
Диалог с председателем комиссии РАН по борьбе
с лженаукой академиком Евгением Александровым
- «Колорады» умнее «укропов»? ... 454
Диалог с профессором НИУ ВШЭ
Гасаном Гусейновым
- Люди меняются к лучшему? ... 462
Диалог с писателем Евгением Водолазкиным

Выжutowич Валерий Викторович
ДРУГОЙ РАЗГОВОР
диалоги с умными людьми

Художественное оформление и верстка
Е. Шурлапова, А. Мусин

Подписано к печати
Формат 60×90/16 Бумага офсетная 80 г. м²
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 25,1. Тираж 1000 экз:

Заказ №

Отпечатано с готовых файлов
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, 1